

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета*

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 92

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.В. Ольховик*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. – Ч. 92. – 458 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-907572-44-7 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 27–29 января 2022 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-907572-44-7 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.Г. Антонов

ВОЗМОЖНО ЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЩИМ ОСНОВАНИЯМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРИ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕНЕЕ ТЯЖКУЮ?

Институт освобождения от уголовной ответственности на сегодня имеет большое значение и занимает заметное место в отечественном уголовном законодательстве. Он не только сформировался, но и динамично развивается, являясь реальной альтернативой уголовному наказанию. Ему посвящена не только отдельная глава 11 в Общей части УК РФ, но и свыше сорока норм-примечаний в Особенной части.

Большинство норм главы 11 УК РФ предусматривают освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений небольшой или средней тяжести. Это требование закрепляется в ст. 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». Если же лицо совершит тяжкое преступление, то возможно ли его освободить от уголовной ответственности по данным основаниям, понизив категорию преступления на одну ступень?

Часть 6 ст. 15 УК РФ предусматривает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую. В ней закреплено, что с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию при условии, что наказание назначается в диапазоне предыдущей (менее тяжелой) категории преступления.

Исходя из содержания упомянутых норм, освободить виновного, совершившего тяжкое преступление, понизив категорию такого преступления на одну ступень, от уголовной ответственности невозможно. Освобождение от уголовной ответственности может иметь место только до вынесения обвинительного приговора суда. Понижение категории преступления возможно, если наказание назначено. Его назначение отражается исключительно в обвинительном приговоре суда. Если лицу назначено наказание, то освобождение может быть только от него.

В связи с этим, видимо, Пленум Верховного Суда Российской Федерации ранее отмечал в п. 26 своего Постановления от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», что в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, то при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания. Данный пункт был исключен из текста данного постановления в 2016 г.

Пленум Верховного Суда РФ, по существу, пошел в обход законодателя и создал новые виды освобождения от наказания, не регламентированные действующим уголовным законодательством, что недопустимо¹. В литературе отмечается, что многие ученые негативно относятся к возможности освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или от наказания при изменении судом категории преступления на менее тяжкую в порядке ч. 6 ст. 15 УК РФ².

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации продолжает придерживаться отмеченной позиции. Так, в п. 10 своего Постановления от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» отражено, что решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ,

¹ Фисенко Д.Ю. Судебный штраф: проблемы правовой регламентации и практики применения // Законодательство и практика. 2017. № 2. С. 44.

² Там же.

освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ)¹.

Судебная практика идет по этому пути. Есть случаи освобождения от наказания при понижении категории преступления по основаниям, предусмотренным в гл. 11 УК РФ. Причем допускается освобождение от наказания по основанию, не указанному в п. 10 приведенного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации – с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)².

На основании изложенного можно сделать следующий вывод: на сегодня возможность освобождения от уголовной ответственности при снижении категории преступления в уголовном законодательстве не предусмотрена. Освобождение от наказания на основании норм об освобождении от уголовной ответственности противоречит закону. Однако, если преступление перестало быть тяжким, необходимо предусмотреть в законе возможность освобождения лица от наказания. Ведь от уголовной ответственности виновного при понижении категории преступления освободить невозможно.

Е.Ю. Антонова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ МЕРАМИ

Правовая политика направлена на ужесточение мер уголовно-правового воздействия к лицам, нарушающим правила дорожного движения (ПДД). Статья 264 УК РФ дополнена квалифицирующим и особо квалифицирующим признаком деяние «совершено лицом,

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/

² Приговор Кронштадтского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-166/2019 1-23/2020 от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-166/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КyxHmfa35rmJ/>

находящимся в состоянии опьянения» и «сопряжено с оставлением места его совершения» (ч. 2, 4, 6), в 2014 г. криминализировано нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость (ст. 264¹ УК РФ), а в 2021 г. – нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортным средством (ст. 264² УК РФ). Кроме того, в 2021 г. увеличены размеры наказаний для лиц, имеющих судимость по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264¹ УК РФ, и вновь допустившим «пьяное вождение».

«Пьяное вождение» и оставление места ДТП, влекущее за собой причинение смерти либо смерти двум или более лицам (ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ), возведено законодателем в разряд тяжких преступлений. В настоящее время это единственные нормы о неосторожных тяжких преступлениях. Такое законодательное решение не могло не сказаться на правовых последствиях – смертельное ДТП исключает применение института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судебного штрафа; увеличивает сроки фактического отбывания наказания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и т.д.

Статья 264² УК РФ регламентирует ответственность за нарушение ПДД (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 км в час или на величину более 80 км в час; выезд на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления). Субъектами данного преступления являются: лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортным средством за повторное совершение административного правонарушения, заключающегося в нарушении названных выше ПДД (ч. 1 ст. 264¹ УК РФ), либо лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ (ч. 1 ст. 264² УК РФ). Преступление отнесено к категории небольшой тяжести: в ч. 1 максимальное наказание до 2 лет, а в ч. 2 – до 3 лет лишения свободы.

По данным судебной статистики в 2020 г., за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ (повторное превышение скорости на указанные выше величины), было подвергнуто наказанию 316 лиц, из них 243 были лишены права управления

транспортным средством, а ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ (повторный выезд на встречную полосу движения) – 7 117 и 6 365 лиц соответственно.

Относительная распространенность названных деяний и неэффективность мер административно-правового воздействия, с одной стороны, свидетельствует о необходимости их криминализации, а с другой стороны, расширение круга преступлений с административной преюдицией стирает грань между законодательством разной отраслевой принадлежности. Кроме того, практика применения таких норм свидетельствует об их незначительном предупредительном эффекте. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 41 207 преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ (осуждено 18 987 лиц), в 2016 г. – 85 257 (75 256); в 2017 г. – 81 171 (71 981), в 2018 г. – 73 106 (66 287), в 2019 г. – 68 035 (59 543), в 2020 г. – 68 438 преступлений (57 731 лиц).

Сказанное позволяет заключить о необходимости расширения социальных мер, направленных на повышение культурного и правового уровня населения.

Е.И. Борисова

ВОПРОСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (ст. 210.1 УК РФ)

Введенный новый, по-нашему мнению, специализированный состав ст. 210.1 в УК РФ¹ Федеральным законом от 2019 г. № 46² имеет своей целью усилить борьбу с организованной преступностью.

В целом борьба с организованными преступными проявлениями в России ведется довольно давно и имеет свои определенные результаты. Однако следует отметить, что в XXI в., эпоху развития цифровых и иных технологий, в том числе под видом легальной противозакон-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»: Закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 08.04.2019. № 14 (часть I). Ст. 1459.

ной деятельности (медиа-холдинги, юридические лица и т.д.) такая борьба осложняется и требует выработки соответствующего требованиям времени законодательства.

По данным профессора А.Л. Репецкой, в аспекте рассматриваемой проблемы «стимулом для выделения преступного сообщества (преступной организации) в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории стала необходимость привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих общее руководство преступной деятельностью, не связанное с подготовкой и совершением конкретных преступлений»¹.

Если ранее определить вероятное лицо, занимающее высшее положение в какой-либо преступной группе, можно было исходя из наличия на их теле различных татуировок, то теперь определить указанных субъектов, подлежащих уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, гораздо сложнее.

Кроме того, законодательные указания в норме на необходимость определения таких дискуссионных понятий, как «преступная иерархия», а также «высшее положение», еще больше затрудняют определение именно того лица, о котором идет речь в уголовно-правовой норме.

Пленум Верховного Суда по рассматриваемому вопросу в своем Постановлении 2010 г. № 12² ограничивается лишь указанием на необходимость установить данное лицо высшего уровня применительно к закрепленному ранее квалифицированному составу ч. 4 в ст. 210 УК РФ.

Указанные выше понятия являются законодательно конкретизирующими исследуемый состав преступления, и наблюдаемая сегодня в юридической литературе, а также в немногих решениях судов в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, ситуация свидетельствует о том, что в отношении данного запрещенного уголовно-правового деяния сложилось состояние «амбивалентности», выраженное в различности судебных и научных формулировок данного криминального явления.

¹ Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность : учеб. пособие. Иркутск, 2019. С. 126.

² «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

По нашему мнению, основываясь на различных проявлениях организованной преступности, можно допустить наличие определенной, хотя и не такой, как в итальянской мафии или японской якудза, иерархии на уровне преступной организации (преступного сообществ), собрании лидеров организованных преступных групп или на более широком уровне в рамках конкретной страны. Учитывая при этом, что в России присутствуют представители различных народов со своими традициями и спецификой ведения дел, задача правоохранителей по раскрытию и расследованию уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ усложняется. В этой связи перед законодателем встает задача выявить однозначные с учетом указанных выше аспектов критерии определения лица, подлежащего за данное преступление уголовной ответственности.

И.В. Ботвин

РЕФОРМИРОВАНИЕ УК РФ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ТРЕНД?

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) сконцентрировал в себе лучшие достижения в сфере уголовного права того периода, однако за 25 лет искомая модель модифицировалась и усложнялась. Уголовно-правовое строительство с каждым годом только нарастало, принося свои плоды и мобилизуя последующие изменения, которые сейчас уже можно подвергать оценке.

Так, за период действия УК РФ 274 федеральных закона внесли в него несколько тысяч различных изменений и дополнений, что делает его одним из самых нестабильных среди уголовных законов в мире¹.

Анализ принятых изменений, а также их практическая реализация позволяют говорить о том, что целостный массивный комплекс уголовно-правовых норм имеет под собой зыбкий фундамент, который в последние годы все чаще начинает осыпаться, не выдерживая интенсивно нарастающей законотворческой деятельности.

Безусловно, за четверть века условия жизни общества изменились коренным образом. Развитие современных информационно-комму-

¹ За последние три года (2019–2021 гг.) уголовный закон претерпевал существенные изменения 42 раза.

никационных технологий подталкивает законодателя на регламентацию в УК РФ всё новых форм и способов совершения преступлений, что приводит к гиперконкретизации существующих уголовно-правовых норм. Вместе с тем за рамками воздействия уголовного закона продолжают оставаться общественные отношения, требующие особого внимания законодателя и детальной научной проработки.

Приведем лишь один пример. Воздействие электромагнитного излучения на человека в последние годы существенным образом увеличилось (в том числе ввиду увеличения числа его источников), что, безусловно, так или иначе влияет на самочувствие и физическое здоровье человека. Описание последствий такого воздействия всё чаще можно встретить как в СМИ, так и в работах ученых в области военной техники, медицины и биологии. Однако в силу того, что фактически установить последствия от такого воздействия не представляется возможным (в силу непроработанности этого вопроса), вести речь об уголовно-правовом воздействии не приходится.

Ученые в области уголовного права уже много лет пытаются донести идею о том, что в действиях законодателя не хватает целесообразности, поскольку принимаемые решения противоречивы и часто просто не соответствуют реалиям современной действительности¹. При этом подавляющее большинство поправок посвящено Особенной части УК РФ, а Общие начала уголовного закона остаются как бы не у дел.

Всё больше научных трудов последних лет посвящено проблемам реализации принципов уголовного права, отсутствию цели уголовного закона, легальных определений ряда базовых институтов (состав преступления, конструкция норм и др.), а также серьезному дефициту официальных разъяснений по применению тех или иных (в особенности вновь введенных) норм.

Представляется, что действующий уже 25 лет УК РФ содержит в себе больше вопросов для практиков и теоретиков, чем ответов. Перспективная уголовная политика должна строиться на тщательно разработанной концепции, содержащей в себе комплексное и всестороннее исследование рассматриваемой системы, начиная с ядра уголовного законодательства – его Общей части.

¹ Бавсун М.В. Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3. С. 103–108.

Е.Г. Быкова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовая оценка публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности представляет определенные сложности. Между тем этот вид экстремизма признается одним из наиболее опасных его проявлений¹.

Преступным признается публичное провозглашение (распространение) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет².

С учетом того, что момент окончания преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, «перемещен на самый начальный этап развития преступной деятельности»³, актуален вопрос о возможности признания данного деяния малозначительным. Доводы об этом приводятся стороной защиты как в ходе предварительного следствия, так и при рассмотрении уголовного дела в суде.

Например, С.В. осужден по ч. 2 ст. 280 УК РФ за размещение в публичном доступе на своей личной странице «***» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет графических изображений, содержащих совокупность психологических и лингвистических признаков побуждения (в форме призыва) к совершению унижающих, насильственных и дискриминационных действий по отношению к

¹ Пункт 13 Указа Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. 1 июня. № 22. Ст. 3475.

² Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 17.01.2022).

³ Голенко Д.В. О некоторых вопросах применения Особенной части Уголовного кодекса РФ о преступлениях экстремистской направленности (на примере статьи 280 УК РФ) // Стратегии противодействия экстремизму : материалы Межведомственной научно-практической конференции (Москва, 28 октября 2021 года). М. : Мос. академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 55.

неславянским народам и кавказцам как национальной (этнической) группе лиц.

В апелляционной жалобе ставился вопрос о малозначительности деяния. Однако суд вышестоящей инстанции посчитал доводы жалобы несостоятельными, «поскольку совершенное С.В. преступление направлено против основ конституционного строя и безопасности государства»¹.

В судебной практике имеются иные примеры, когда суды отказывались применять ч. 2 ст. 14 УК РФ по уголовным делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. При этом не принимались доводы об отсутствии общественной опасности этих действий ввиду их непродолжительности и охвата ими незначительного числа участников чата² либо ввиду того, что пользователи социальной сети, ознакомившиеся с размещенными видеозаписями, не оставили под ними своих комментариев³.

Подобный подход видится обоснованным при условии установления обстоятельств, на которые рекомендует обращать внимание высшая судебная инстанция: наличие признака публичности призывов, прямого умысла, намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности⁴.

Верховный Суд РФ допускает малозначительность деяния в части оценки действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц⁵. Однако, исходя из буквального толкования соответствующего разъяснения, можно сделать вывод, что оно не относится к преступлению, предусмотренному ст. 280 УК РФ.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 26.02.2019 № 10-2429/19 // СПС КонсультантПлюс.

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23.10.2019 № 203-АПУ19-16 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 203-АПУ19-39 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Пункты 2.1, 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

⁵ Там же. Пункт 8.1.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ГОСПИТАЛИЗАЦИЮ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ

Госпитализация лица в психиатрический стационар может повлечь за собой его полную изоляцию от общества на заранее неопределенный срок. Столь значительная степень ограничений, налагаемых на госпитализируемое лицо, продиктована наличием тяжелого психического расстройства, в силу которого лицо может представлять опасность для себя или окружающих. Возможность применения к лицу подобных существенных ограничений его прав и свобод должна предусматривать адекватные правовые гарантии от нарушений в указанной сфере, к числу которых относится установление уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Состав данного преступления предусмотрен ст. 128 УК РФ. Законодательная конструкция указанного состава преступления вызывает, на наш взгляд, некоторые спорные вопросы, к числу которых могут быть отнесены следующие: кто может быть субъектом преступления по ч. 1 ст. 128 УК РФ (общий либо специальный субъект); С какой формой вины может быть совершено указанное преступление (прямой или косвенный умысел)? Что понимается под незаконной госпитализацией? Как должна квалифицироваться врачебная ошибка при неверно выставленном психиатрическом диагнозе?

В процессе проведенного исследования автором сделаны следующие выводы, позволяющие ответить на некоторые из вышеуказанных вопросов.

1. Состав преступления, предусмотренный ст. 128 УК РФ, предполагает наличие специального субъекта – врача-психиатра, к компетенции которого относится принятие решения о госпитализации лица в психиатрический стационар (ст. 21, ч. 1 ст. 28, ст. 32 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании»). В тех случаях, когда лицо поместили на какое-то время в

стационар санитары, медицинские сестры, обслуживающий персонал, такие действия необходимо квалифицировать в зависимости от конкретных обстоятельств дела по ст. 126 или ст. 127 УК РФ, так как законом указанные лица не наделены правом принимать решение о госпитализации. В этой связи представляется целесообразным исключить из формулировки ч. 2 ст. 128 УК РФ квалифицирующий признак в виде «использования лицом своего служебного положения».

2. Преступление по ст. 128 УК РФ может быть совершено только с прямым умыслом: виновный осознает, что незаконно госпитализирует человека в психиатрический стационар и желает этого в момент совершения общественно опасного деяния. Не подтвердившийся впоследствии первичный психиатрический диагноз (а его постановка в момент госпитализации может быть весьма затруднительной в силу, например, сложной клинической картины, недостоверных данных о пациенте от родственников, собственного «сбивающего» поведения пациента в форме симуляции, диссимуляции) сам по себе не может и не должен свидетельствовать о незаконности госпитализации, влекущей за собой уголовную ответственность. В этих случаях в действиях врача отсутствует прямой умысел.

3. С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 128 УК РФ, должен отражать следующие основные моменты:

– при госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, грубо нарушены порядок и процедура госпитализации, предусмотренные законодательством о психиатрической помощи (например, госпитализация в недобровольном порядке осуществлена без санкции суда и т.д.);

– в психиатрический стационар госпитализируется лицо, которое заведомо для врача, принимающего решение о госпитализации, в ней не нуждается.

А.Т. Вельтмандер

НАЛИЧИЕ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ У ВИНОВНОГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Пунктом «г» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотр-

рено наличие малолетних детей у виновного. Эта правовая категория, определенная в УК РФ очень кратко, связана со значительными проблемами. Ведь в теории уголовного права и судебной практике указанная категория понимается неоднозначно. Проблематика указанного обстоятельства связана с двумя основными моментами: уголовно-правовым (понимание содержания категории с позиции уголовно-правовых институтов) и уголовно-процессуальным (в первую очередь обусловленным доказыванием).

Остановимся подробнее на первом из них (уголовно-правовом). Существует два основных подхода к содержанию данной категории:

1. Исследование содержания термина исключительно с позиции уголовного права, исключая возможность анализа иных правовых норм при формулировании понятий «малолетний», «наличие» и др.

2. Системный подход, т.е. анализ содержания правовых категорий с учётом того, что отдельные термины имеют устойчивое содержание в правовой системе, т.е. определены и другими отраслями права.

В пользу второго подхода говорит следующее:

1. Правоведы, указывающие на использование только норм уголовного права при оценке содержания категории, предусмотренной в п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так или иначе вынуждены ссылаться на понимание термина «малолетний» исходя из норм гражданского права. Представляется, что существующая выборность в истолковании отдельных категорий с использованием норм других отраслей права не имеет под собой оснований.

2. Из буквального толкования УК РФ следует, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ.

Таким образом, исключены вполне конкретные обстоятельства, которые не могут быть определены с использованием иных отраслей права. В остальном речь идёт не об аналогии права, а о конкретных нормах других отраслей права. Собственно, данные нормы давно известны и именуется бланкетными. Таким образом, из анализа законодательства следует вывод, что при оценке терминов в ст. 61 УК РФ допустимо и более того, необходимо применение бланкетных норм (норм семейного и гражданского права). Из этого следует, что:

- 1) малолетними признаются дети, не достигшие четырнадцати лет (ст. 28 ГК РФ);

- 2) под «наличием детей» с учётом системного толкования норм права (ст. 19, 21, ст. 51 Семейного кодекса РФ) понимается наличие

малолетних детей у отца и матери, которое может быть установлено актовой записью о рождении, усыновлении, решением суда об установлении отцовства;

3) виновный должен быть не только «юридическим» родителем, но и выполнять общественно значимые функции по воспитанию и содержанию детей.

В частности, исключено наличие данного обстоятельства в случаях, если:

1) родитель уклоняется от обязанности по содержанию и воспитанию детей;

2) лишен родительских прав;

3) совершил преступление в отношении детей (в том числе вовлек детей в преступную деятельность).

Только совокупность этих признаков позволяет говорить о наличии обстоятельства, смягчающего наказание.

Наряду с этим необходимо принимать во внимание, что:

1) положения п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ необходимо толковать расширительно. Для признания данного обстоятельства смягчающим достаточно наличие одного ребенка;

2) наличие у виновного несовершеннолетнего ребёнка может быть учтено в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, по ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Таким образом, наличие у виновного детей в первую очередь должно отражать выполнение общественно значимых функций родителя указанным лицом, что определяет необходимость установления устойчивых юридически обусловленных связей между родителем и ребёнком.

Е.С. Витовская

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Анализ судебной практики по делам в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ показывает, что за

последние пять лет условное осуждение применяется в отношении значительной части осужденных за совершение указанных деяний¹. Применяя условное осуждение, суд может возложить на условно осужденного обязанности, примерный перечень которых поименован в ч. 5 ст. 73 Уголовного кодекса РФ. Этот перечень не исчерпывающий, суд может возлагать обязанности, прямо не указанные в законе. Судебная практика пошла по следующему пути: возложение судом на условно осужденного обязанностей является правом, а не обязанностью суда. При этом нельзя обойти вниманием вопрос о возложении обязанности пройти курс лечения от наркозависимости в отношении условно осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

По нашему мнению, суд, принимая решение об условном осуждении лица, должен возлагать на него обязанности, способствующие его исправлению. В противном случае утрачивается смысл условного осуждения и испытательного срока, в течение которого условно осужденный должен не только воздерживаться от совершения новых преступных деяний, но и своим поведением доказывать исправление. Тем более что в ч. 5 ст. 73 Уголовного кодекса РФ указано, что суд возлагает определенные обязанности, а не может возложить такие обязанности.

Значительная часть осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ имеют наркотическую зависимость, которая выступает в роли одного из существенных факторов совершения ими преступлений. Как можно судить об исправлении осужденного, на которого не возложены никакие обязанности, если он начнет употреблять наркотические средства или психотропные вещества, будет находиться в состоянии наркотического опьянения или у него возникнет абстинентный синдром в общественных местах, посещать притоны для потребления наркотиков, вовлекать новых лиц в такое потребление? Основаниями отмены условного осуждения являются систематическое или злостное неисполнение условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него судом обязанностей, уклонение от контроля и со-

¹ Форма № 6-МВ-НОН // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 04.01.2022).

вершение преступления в течение испытательного срока. Из приведенных примеров видно, что оснований для отмены условного осуждения у такого подсудимого может и не быть.

Полагаем, что, будучи свободным от обязанности пройти курс лечения от наркозависимости, доказать свое исправление нельзя, а достичь цели условного осуждения невозможно. Однако если бы обязанность пройти такой курс лечения была возложена на осужденного приговором суда, то прохождение лечебного курса объективно воздерживало бы его от антисоциального поведения, а уклонение от него могло бы, в свою очередь, служить основанием для отмены условного осуждения с последующим реальным исполнением назначенного наказания.

Из изложенного следует, что возложение обязанности пройти курс лечения от наркозависимости на условно осужденного за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и имеющего наркотическую зависимость должно являться обязанностью суда, а не его правом. Поскольку только так можно контролировать условно осужденного и предпринимать необходимые меры, направленные его исправление без реального отбывания наказания.

Д.Ж. Гостькова

ХУЛИГАНСТВО: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ БУКВЫ ЗАКОНА

В качестве причин квалификационных нарушений называют объективные и субъективные факторы. К первым, в частности, относят несовершенство уголовного закона. Все чаще критика Уголовного кодекса Российской Федерации направлена на избыточность уголовно-правовых норм, что приводит к неоправданной конкуренции и, как следствие, к неверной квалификации.

Изложенное правдиво относительно преступлений против жизни и здоровья из хулиганских побуждений и хулиганства с применением насилия к гражданам. До изменения п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ, закрепившим в качестве конструктивного признака хулиганства «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения», эта проблема также суще-

ствовала. Однако внесенное изменение ни только не способствует грамотной квалификации, но, напротив, усложняет.

Исходя из п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в случае причинении смерти из хулиганских побуждений вменять необходимо п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и только в случае совершения дополнительных хулиганских действий – по совокупности со ст. 213 УК РФ. Логично предположить, что данное правило распространяется и на случаи причинения вреда здоровью «из хулиганских побуждений».

Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» разъяснил, что в случае причинения потерпевшему вреда здоровью в процессе совершения хулиганства квалификация необходима по совокупности со ст. 213 УК РФ и соответствующей статьей из главы 16 УК РФ. Аргументирует свою позицию Пленум отсутствием в ст. 213 УК РФ такого признака, как «применение насилия». Поскольку данные разъяснения были подготовлены до внесения изменений в ст. 213 УК РФ, закрепивших насилие в качестве признака объективной стороны, то данные правила теперь не актуальны.

Исходя из логики, в случае применения насилия к гражданам в процессе совершения хулиганства вменять необходимо п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ без совокупности с соответствующей статьей главы 16 Уголовного закона, так как здоровье выступает дополнительным объектом хулиганства. Законодатель не конкретизирует вид насилия, следовательно, как опасное, так и не опасное для жизни и здоровья: начиная от побоев, заканчивая тяжким вредом здоровья.

Однако согласно правилам квалификации, если дополнительному объекту вред причиняется больший или равный, чем основному, то квалифицируется деяние по совокупности. Степень общественной опасности определяется по размеру наказания. Так санкция ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривает до 5 лет лишения свободы. При сопоставлении с санкциями норм главы 16 УК РФ приходим к выводу, что при причинении легкого вреда здоровью, побоев лицу «из хулиганских побуждений» дополнительная квалификация по данным статьям не требуется, так как охватывается п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. А при

причинении тяжкого вреда здоровью и средней тяжести необходима дополнительная квалификация по ст. 111 и 112 УК РФ соответственно. Но насколько это необходимо и оправданно?

На сегодняшний день созрела острая необходимость в новых разъяснениях Верховного Суда РФ относительно практики применения норм, предусматривающих ответственность за хулиганство. Должны быть даны четкие рекомендации по квалификации деяний, причинивших вред здоровью лицу «из хулиганских побуждений».

О.А. Дизер

ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВМЕСТИМА С ЗАДАЧАМИ, ВОЗЛОЖЕННЫМИ НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Исследуя задачи, возложенные на оперативные подразделения правоохранительных органов, отметим, что провокационная деятельность не может применяться в качестве допустимого метода предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также использоваться при выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

На это указано в ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»), где прямо запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провоцировать), а также фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности. Сведения, полученные в результате использования запрещенных методов, могут быть признаны в соответствии со ст. 89 УПК РФ не отвечающими требованиям, предъявляемым к доказательствам. При этом Конституционным Судом неоднократно акцентировалось внимание на том, что результаты оперативно-розыскных мероприятий представляют собой лишь сведения о фактах, которые могут стать доказательствами. В определениях отмечалось, что на основании результатов оперативно-розыскной деятельности возможно не только подтвердить, но и поставить под сомнение или опровергнуть сам факт преступления, что имеет существенное значение для разрешения вопроса об уголов-

ном преследовании или отказе от него¹. Так, например, в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» содержится перечень из пятнадцати оперативно-розыскных мероприятий, по результатам проведения которых собранные доказательства могут быть использованы в процессе доказывания. Между тем в последнее время нередкими в судебных решениях становятся формулировки следующего содержания: «Преследуя цель искусственного повышения показателей по службе сотрудники полиции совершили провокацию». Для того чтобы установить, имела ли место провокация, необходимо согласно ст. 8 ФЗ «Об ОРД» определить, проведение оперативно-розыскных мероприятий стало возможно исходя из уже имеющейся достоверной информации о готовящемся либо совершаемом преступлении. В противном случае малоубедительная доказательная база, не содержащая указание на наличие проверяемой информации, может свидетельствовать о провокации со стороны сотрудников полиции. Отметим, что оперативно-розыскное законодательство не наделяет участников ОРД компрометирующими полномочиями в отношении изобличаемых лиц. Переосмысление сущностного понимания провокации преступления и обозначение четких критериев, отграничивающих её от санкционированно проводимого ОРМ, – необходимое условие установления уголовно-правового запрета. Провокации преступления – общественно опасное, распространённое и при этом достаточно латентное противоправное посягательство, негативно сказывающееся на нормальном осуществлении правосудия, на потерпевшем, не исключая сотрудников оперативных подразделений, так как деяния, последних квалифицируются по аналогии, что нередко приводит к двойному вменению, подрывая тем самым принцип *non bis in idem*.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что провокация преступления не может рассматриваться как обстоятельство, исключаящее преступность деяния провокатора, или в качестве допустимого способа в вопросах обеспечения задач оперативно-розыскной деятельности.

¹ Определение Конституционного суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О, №1183, №1184-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2020); Определение Конституционного суда РФ от 27 июня 2017 года № 1419-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2020); Определение Конституционного суда РФ от 28 июня 2018 года № 1468-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2020); Определение Конституционного суда РФ от 29 января 2019 года № 71-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2020).

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УЧЕТУ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ

Статья 89 УК РФ предписывает при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме обстоятельств общего характера, предусмотренных ст. 60 УК РФ, учитывать ряд специальных обстоятельств, среди которых названы «условия жизни и воспитания несовершеннолетнего».

Распределим обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетних, по блокам, выделенным на основе главных институтов социализации несовершеннолетних:

- 1) учет обстоятельств, характеризующих условия жизни и воспитания в семье несовершеннолетнего;
- 2) данные об условиях жизни и воспитания в образовательном учреждении и по месту работы;
- 3) сведения о круге общения подростка, малых неформальных группах сверстников.

Уголовно-правовое значение данных о взаимоотношениях в семье несовершеннолетнего выражается в следующих обстоятельствах, которые должны учитываться при выборе вида уголовного наказания:

1. Обстоятельства, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего в его семье:

- родители ведут асоциальный образ жизни, не работают, имеют алкогольную и (или) наркотическую зависимость, в силу этих причин не занимаются воспитанием ребенка;
- отношения между родителями резко негативные, конфликтные, родители негативно относятся к процессу воспитания детей;
- положительные эмоциональные контакты между родителями и детьми отсутствуют;
- материально-бытовые условия в семье недостаточны для обеспечения основных потребностей несовершеннолетнего.

2. Обстоятельства, характеризующие положительное воздействие на несовершеннолетнего в семье:

– благоприятные взаимоотношения родителей между собой и с ребенком;

– наличие положительных эмоциональных контактов между детьми и родителями, положительное и ответственное отношение родителей к процессу воспитания;

– достаточные для удовлетворения основных потребностей ребенка материально-бытовые условия.

Уголовно-правовое значение информации о взаимоотношениях несовершеннолетнего в образовательном учреждении, в котором он обучается (о месте работы), выражается в следующих обстоятельствах, которые подлежат учету при назначении уголовного наказания:

1. Данные об образовательном учреждении (месте работы), характеризующие положительное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление:

– устоявшиеся положительные взаимоотношения несовершеннолетнего, совершившего преступление, с другими учащимися, педагогами;

– преобладание положительных эмоциональных контактов;

– положительное влияние взрослых лиц в трудовом коллективе.

2. Обстоятельства, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление:

– преобладание в межличностном общении несовершеннолетнего с другими учащимися и педагогами отрицательных взаимоотношений;

– преобладание отрицательных эмоциональных контактов;

– отчуждение его от коллектива учащихся.

Данные о взаимоотношениях несовершеннолетнего по месту работы, характеризующие отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление: негативное влияние взрослых лиц в трудовом коллективе.

Учет сведений о взаимоотношениях в семье несовершеннолетнего, компании сверстников, его учебной и трудовой деятельности предоставляет суду возможность для оптимального прогнозирования дальнейшего поведения несовершеннолетнего и, исходя из этого, выбирать вид и размер наказания, в наибольшей мере соответствующего достижению целей исправления несовершеннолетнего и предупреждения совершения им новых преступлений.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ст. 117 УК РФ

Объективная сторона ч. 1 ст. 117 УК РФ выражается в причинении физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, которые не повлекли последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ.

Противоречивая практика применения данной статьи связана с неясностью оценочных признаков, входящих в понятие истязания. Так, проблемой квалификации ст. 117 УК РФ является определение степени психических страданий. Полагаю, что эти страдания носят глубокий характер, причиняют жертве мучения и особые переживания. Эти страдания связаны не только с переживанием физической боли, но и с возникновением страха неизбежности повторного насилия.

Следующей проблемой является определение понятия систематичности, которое имеет количественную и качественную характеристику. У большинства авторов количественная систематичность предполагает три и более случаев воздействия, другие говорят о двух и более раз.

Качественная сторона систематичности предполагает связанность всех фактов побоев единым умыслом виновного: они направлены против одного потерпевшего, образуют общую линию поведения виновного в отношении жертвы, выступают в качестве специфического способа реализации его умысла. То есть под систематичностью принято понимать не только многократные, но и периодические, взаимообусловленные единой целью действия, которые выражены в унижении и издевательствах над потерпевшим.

Вопрос о периодичности также является дискуссионным. Некоторые авторы говорят о коротком промежутке времени, при этом не определяют этот временной промежуток, некоторые высказываются, что этот период не должен превышать 1 года, другие говорят, что временной период не имеет значения, важна лишь цель – эпизодическое издевательство. Я придерживаюсь позиции, что истязанием должны признаваться взаимообусловленные действия, если ни по одному из эпизодов не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности и если к лицу за эти деяния ранее не применялись меры административного, уголовного воздействия.

Понятие взаимообусловленности можно проиллюстрировать на примере. Так, став свидетелем измены, муж каждый год в день измены избивает свою неверную жену. Данные действия связаны с одним жизненным эпизодом и имеют цель причинить физические и психические страдания изменившей жене, поэтому их можно квалифицировать по ст. 117 УК РФ. Другой пример: в ходе периодических ссор муж из личной неприязни избивает жену по разным поводам (не постирала, не приготовила ужин, пришла домой утром и т.д.). В данной ситуации эти действия не должны квалифицироваться как истязания, поскольку они никак не связаны и единой цели издевательства не имеют. Каждый эпизод побоев должен рассматриваться отдельно.

Понятие «иные насильственные действия» в ст. 117 УК РФ не совпадает с аналогичным понятием ст. 116 УК РФ, которое включает в себя лишь действия, причиняющие физическую боль. Считаю, что в качестве иных насильственных действий в ст. 117 УК РФ можно рассматривать не только физическое, но и иное воздействие на тело потерпевшего (плевок в лицо, запираение на длительное время в холодном помещении и т.д.).

Понятие квалифицирующего признака – пытки, в примечании к ст. 117 УК РФ сформулировано неудачно. Фактически любое истязание совершается особо жестоким способом. Поэтому целесообразно отказаться от этого признака.

О.В. Ермакова

НЕДОСТАТКИ БЛАНКЕТНОГО СПОСОБА ОПИСАНИЯ ПРИЗНАКОВ КОНКРЕТНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Проблема отражения в уголовном законе признаков конкретного состава преступления относится к числу важнейших, поскольку от полноты и качества законодательного материала зависит правоприменительная деятельность и как следствие – эффективность уголовно-правового запрета.

Традиционно в науке уголовного права выделяются четыре способа отражения признаков состава преступления: простой, описательный, бланкетный и отсылочный¹.

¹ Попов В.А. Виды диспозиций и интерпретационная деятельность в уголовном праве // Виктимология. 2020. № 3 (25). С. 41–47.

Каждый из указанных способов обладает определенными достоинствами и недостатками, комплексное соотношение которых в конкретном случае позволит принять решение о целесообразности использования того или иного приема описания признака.

Так простое обозначение признака без разъяснения его содержания, с одной стороны, способствует экономии законодательного материала, с другой – всегда порождает проблемы толкования. Именно поэтому ученые, разрабатывающие проблемы законодательной техники, в качестве наиболее удачного способа описания признаков указывают описательный¹.

Однако не всегда в уголовно-правовой норме возможно отразить полную характеристику признака. Такая ситуация имеет место при использовании понятийного аппарата, законодательного материала других наук (возможно, даже не правовых). В этом случае оптимальным видится применение бланкетного способа, при котором тот или иной признак разъясняется в ином нормативном правовом акте.

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что рассматриваемый способ применяется при описании следующих признаков:

– преступного деяния (нарушение правил дорожного движения, приводятся в Постановлении Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090);

– преступных последствий (понятие смерти – в ФЗ от 21.11.2011 № 343-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»);

– специального субъекта преступления (характеристика таких субъектов, как педагогический работник, работник образовательной организации – в ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

– предмета преступления (понятие документа для целей ст. 325, 327 УК РФ – в ФЗ от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов») и т.д.

Полагаем, что использование бланкетного способа при отражении признаков конкретного состава преступления следует ограничивать и не применять в следующих случаях:

1) если разъяснения приводятся во множественных нормативных правовых актах;

¹ Ермакова О.В. Проблемы конструирования состава преступления и его отражения в нормах Особенной части УК РФ. Барнаул, 2021. С. 96.

2) если в искомом нормативном правовом акте отсутствует четкое понимание того или иного термина.

При этом данный способ не свидетельствует о ненужности обозначения признака в норме уголовного закона. В этой части следует упомянуть о неудачности конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 264.2 УК РФ (введен 30.12.2021), поскольку вместо указания на преступное деяние в диспозиции представлен в цифровом обозначении набор норм КоАП РФ. Соответственно, на основании обращения исключительно к норме УК РФ невозможно даже понять о каком деянии идет речь. Полагаем, в данном случае создаются сложности в понимании предписаний уголовного закона, что негативно сказывается на общем предупреждении преступлений.

А.А. Житков

К ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСКОРБЛЕНИЕМ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В судебной практике возникают проблемы при квалификации деяний, связанных с оскорблением сотрудников УИС, осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, находящимися в изоляции.

Проблема видится в интерпретации понятия «публичность», являющегося обязательным признаком указанного преступления. Сложившаяся правоприменительная практика в преобладающем большинстве не расценивает обстановку мест лишения свободы как такую, в рамках которой может быть совершено публичное оскорбление представителя власти, в нашем случае это сотрудник уголовно-исполнительной системы, поскольку такие деяния в анализируемой обстановке совершаются практически исключительно подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными, при этом невольными очевидцами противоправных действий выступают либо персонал учреждения, либо лица из числа спецконтингента. Оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения в такой ситуации суд на большей части не расценивает как публичное, поскольку при этом отсутствуют неза-

интересованные лица¹. Поэтому сотрудники уголовно-исполнительной системы не так часто выступают в качестве потерпевших по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 319 УК РФ.

Согласно статистическим данным, на 2016 г. возбуждено 79 уголовных дел по таким фактам, в 2017 г. – 46, в 2018 г. – 61, в 2019 г. – 116, в 2020 г. – 136 дел². Это меньше одного процента от общего количества возбуждаемых уголовных дел по аналогичным фактам. Минимальное количество уголовных дел, возбуждаемых по ст. 319 УК РФ, по которым сотрудники УИС выступают в качестве потерпевших, явно показывает существующую проблему применения указанной уголовно-правовой нормы. О том, что лица, содержащиеся в местах изоляции (подозреваемые, обвиняемые, осужденные), редко совершают подобные деяния, верится с трудом.

Особенно остро эта проблема стала проявляться с декриминализацией в 2011 г. деяния, предусмотренного ст. 130 УК РФ (оскорбление). Если ранее указанная норма обладала достаточно существенным сдерживающим потенциалом от совершения оскорбления сотрудника УИС осужденными и лицами, содержащимися под стражей, то в настоящее время такие лица, чувствуют безнаказанность, зная, что за оскорбление представителя администрации учреждения им грозит лишь дисциплинарная ответственность.

¹ См.: Мельникова Н.А., Вострокнутова В.В. Юридическая ответственность за оскорбление сотрудника уголовно-исполнительной системы // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч. Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 7–10.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2016 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2017. 385 с.; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2017 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2018. 358 с.; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2018 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2019. 294 с.; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2019 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2020. 325 с.; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2020 г. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2021. 386 с.

Таким образом, существующая проблема применения норм, предусмотренных ст. 319 УК РФ при квалификации оскорбления сотрудника уголовно-исполнительной системы, указывает на необходимость реагирования Пленума Верховного Суда Российской Федерации с целью определения единой позиции как по истолкованию понятия «публичность», так и в целом по применению уголовно-правовых норм об оскорблении представителя власти, в том числе сотрудника уголовно-исполнительной системы при совершении такого деяния в обстановке учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

В.С. Исаков

МЕСТО ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В 2011 г. система уголовных наказаний претерпела изменения и была дополнена принудительными работами, которые получили своё закрепление в ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Несмотря на официальное признание законодателем пониженной степени строгости принудительных работ относительно наказаний, связанных с изоляцией от общества, возникают сомнения по поводу правильности определения места принудительных работ в системе уголовных наказаний.

Прежде всего это касается соотношения принудительных работ и наказания в виде лишения свободы, отбываемого в колонии-поселении. Согласно п. «в» ч. 2 ст. 60.4 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) осуждённый к принудительным работам обязан постоянно находиться в пределах территории исправительного центра, которую нельзя покидать без разрешения администрации¹. Поэтому определённая «изоляция» все же характерна для анализируемой меры уголовного принуждения, как и для лишения свободы в колонии-поселении. Однако согласно ч. 3 и ч. 5 ст. 53.1 УК РФ в процессе отбывания принудительных работ лицо лишается права свободного распоряжения своими способностями к труду и права на получение

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

ние вознаграждения в полном объёме, что не составляет содержание наказания в виде лишения свободы, отбываемого в колонии-поселении¹.

Стоит обратить внимание и на условия отбывания наказаний в виде принудительных работ и лишения свободы, отбываемого в колонии-поселении. Так, если согласно ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ осуждённые к принудительным работам имеют право на краткосрочный выезд за пределы исправительного центра на срок до пяти суток, то на основании п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, краткосрочные выезды могут быть разрешены до семи суток. При этом перечень оснований краткосрочного выезда для осуждённых к лишению свободы в колонии-поселении намного шире. В отдельных случаях осуждённые, отбывающие наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, и вовсе могут выехать за пределы исправительного учреждения на более длительный срок. Кроме того, лица, отбывающие принудительные работы, могут выезжать за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска только при отсутствии у них взысканий, в то время как для осуждённых к лишению свободы в колонии-поселении такого ограничения нет. Согласно п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ лица, отбывающие лишение свободы в колонии-поселении, имеют право проживать со своими семьями только при отсутствии у них нарушений порядка отбывания наказания. Для осуждённых к принудительным работам дополнительным условием реализации такого права согласно ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ является отбытие ими не менее одной трети срока наказания².

Следовательно, принудительные работы по сравнению с лишением свободы в колонии-поселении не только содержат ряд ограничений личного и имущественного характера для осуждённого, но и предполагают более строгие условия порядка отбывания уголовного наказания. Это обстоятельство противоречит логике построения системы наказаний от менее к более репрессивным мерам уголовно-правового

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

принуждения. Для решения данной проблемы необходимо либо исключить положения о принудительных работах из УК РФ и УИК РФ, либо отказаться от исполнения наказания в виде лишения свободы в таком виде исправительного учреждения, как колония-поселение.

Н.С. Ковалев

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Система принципов уголовного права до сих пор вызывает дискуссии в уголовно-правовой науке¹.

В советский период в теории уголовного права не было единства в вопросах классификации принципов (взаимодействие по вертикали) и соотношения принципов между собой (взаимодействие по горизонтали). Одни ученые делили их на две группы: первая группа – общеправовые, которые являются основой для любой отрасли, в том числе и для уголовного права; вторая – те, которые свойственны только советскому уголовному праву как особой отрасли. Другие наряду с общими принципами права выделяли межотраслевые, специальные отраслевые принципы и принципы институтов².

Заслуживает внимания позиция Н.А. Беляева, который делил принципы уголовного права на общеправовые, общие уголовно-правовые и специальные. Он считал, что, будучи реализуемыми в сфере регулирования уголовных правоотношений, общеправовые принципы преломляются и становятся общими уголовно-правовыми³.

Интерпретированная, но очень схожая по смыслу точка зрения Т.Р. Сабитова о том, что общеправовые принципы, преломляясь в определенной отрасли, приобретают специфические качества, но лишь по отношению к общеправовым принципам. По отношению к отрас-

¹ См.: Баранчикова М.В. Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 85.

² См.: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2022. С. 93–94.

³ См.: Беляев Н.А. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 39.

ли, в которой они распространены, их свойства соответствуют свойству отраслевых принципов¹.

В.Д. Филимонов также утверждал, что общеправовые принципы в целом закреплены в конституции, в отраслях же права закреплены по отношению к конституционным отраслевые принципы, которые одновременно являются общими по отношению к данной отрасли, а специальными будут выступать принципы институтов².

В данной связи необходимо отметить следующее. Один и тот же принцип может быть сформулирован как для многих или всех отраслей права (например, сформулирован в Конституции), так и для какой-либо конкретной отрасли. Так, принцип равенства ученые называют среди таковых и в семейном праве, говоря о принципе имущественного равенства супругов, и в гражданском праве подразумевается принцип равенства в имущественных отношениях³.

На основе анализа различных мнений ученых советского и современного периодов представляется, что классификация принципов на общие, отраслевые и специальные наиболее полная, присущая и уголовному праву, однако с некоторыми особенностями:

1. В уголовном праве закреплены отраслевые принципы, которые основываются на общеправовых, закрепленных в Конституции РФ, но по своему содержанию они более узкие, поскольку направлены на регулирование исключительно правоотношений в данной области.

2. Отраслевые принципы уголовного права, преломляясь от общеправовых (конституционных), выступают и в качестве общих, но для системы принципов уголовного права.

С.А. Корнеев

НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

В декабре 2003 г. законодатель исключает конфискацию имущества как дополнительный вид уголовного наказания из УК РФ. Дан-

¹ См.: Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории и законодательства. Новосибирск, 2009. С. 64–65.

² Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр ЮрИнформ, 2002. С. 29–31.

³ См.: Реуф В.М. Принципы права, правовая идеология и культура современного Российского государства // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 86–96.

ное исключение повлекло за собой рассогласование положений национального законодательства России и международного права. Подобное противоречие было устранено уже в 2006 г., когда конфискация имущества была определена в качестве иной меры уголовно-правового характера и получила регламентацию нормами раздела VI УК РФ. Однако такое решение породило масштабную дискуссию в доктрине уголовного права.

В научной литературе небезосновательно обращается внимание на трудности в определении сущности рассматриваемого феномена. Отдельные исследователи не признают конфискацию имущества в качестве меры уголовно-правового характера в целом¹, другие указывают на нее как на иную меру уголовно-правового характера², некарательную форму реализации уголовной ответственности³. Некоторые ученые принципиально отстаивают мнение о сущности конфискации имущества, сопоставимой с сущностью уголовного наказания⁴.

В концепциях, предложенных авторами, есть свое обоснованное видение, но с учетом нашей позиции развития институтов наказания, уголовной ответственности, иных мер уголовной правового характера полагаем, что действующая конфискация имущества:

– дублирует нормы уголовно-процессуального (ст. 81, 81¹ УПК РФ) и гражданского законодательства (п. 6 ч. 2 ст. 235; ст. 243; гл. 59 ГК РФ), но, будучи предусмотренной в УК РФ, является уголовно-правовой мерой государственного принуждения;

– по своей сущности схожа с уголовным наказанием, однако не является его видом, так как их перечень исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию;

– является карательной формой реализации уголовной ответственности, так как принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства подлежит имущество и (или) дохо-

¹ См.: Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 7, 9.

² См.: Лопашенко Н.А. Конфискация имущества. М., 2012. С. 25.

³ См.: Толков Д.В. Конфискация имущества как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 9.

⁴ См.: Курлаева О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 8.

ды от этого имущества, в том числе на которые возникло право собственности (ст. 104¹ УК РФ);

– не является иной мерой уголовно-правового характера, так как основанием ее применения является совершение преступления; применяется в отношении лица, которое способно нести уголовную ответственность; является карательной мерой уголовно-правового характера; применяется с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что современная конфискация имущества представляет собой форму реализации уголовной ответственности, а ее закрепление в разделе уголовного закона об иных мерах уголовно-правового характера можно признать нарушением соответствующих правил законодательной техники.

Г.С. Кузнецов

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 238 УК РФ

Издание Пленумом Верховного Суда РФ (далее – Пленум ВС РФ) 25.06.2019 Постановления № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ» (далее – Постановление) не вызвало широкой научной дискуссии. Отдельными учеными приводятся ссылки на пункты этого документа¹ без анализа их содержания, либо таковой сведен к перечислению подходящих примеров из судебной практики².

По нашему мнению, в Постановлении обойден молчанием ряд обстоятельств. Так, в п. 1 высшая судебная инстанция не указала на межотраслевой характер потребительских отношений. Перечислив

¹ Розенко С.В., Иголина Е.О. Противодействие ятрогенным преступлениям: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Вестник Югорского государственного университета. 2020. № 2 (57). С. 103.

² Александров А.Н., Архипцев И.Н. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 31.

основные нормативные документы, содержащие требования безопасности жизни и здоровья потребителей, Пленум ВС РФ не уделил внимания сформированной им же практике. Представляется, что указание на необходимость обращения к правовым позициям, выраженным в Постановлении Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» в части разъяснений о существовании категорий «товар», «работа», «услуга», позволило бы избежать ошибок с определением предмета.

Разъяснение о реальной опасности предмета преступления, данное в п. 2 Постановления, может быть дополнено уточнением того факта, что в случае, если концентрация вредных веществ в товаре не имеет значения для здоровья, содеянное необходимо расценивать с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Практика привлечения лиц, дважды совершивших административные правонарушения в сфере пассажирских перевозок посредством неисполнения требований нормативных актов в сфере безопасности жизни и здоровья потребителей, при отказе от редактирования ст. 238 УК РФ в части введения состава с элементом административной преюдиции, может быть пресечена указанием в п. 3 Постановления на тот факт, что совершение повторного административного правонарушения в данной сфере лицом, подвергнутым наказанию за совершение аналогичного правонарушения, уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ не влечет.

Пункт 5 Постановления не содержит критериев разграничения субъектов преступления, в связи с чем в этой части данный документ надлежит дополнить разъяснением, основанным на дифференцированном подходе к рассмотрению составов преступлений, предусмотренных указанной статьей, и учете степени интеллектуальной вовлеченности лиц, осуществляющих руководство трудовым процессом.

В пункте 7 Постановления следует устранить имеющуюся неопределенность касательно возможности применения в целях реализации ст. 238 УК РФ толкования форм выполнения объективной стороны, данного Пленумом ВС РФ в Постановлении № 14 от 25.06.2006. Если аналогия толкования уголовного закона применима, об этом следует высказаться, а если содержание признаков объективной стороны данного состава преступления отличается от содержания аналогичных форм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, это также следует указать и предложить правоприменителю соответствующие разъяснения.

В связи с имеющимися противоречиями в судебной практике по вопросу необходимости установления систематичности осуществляемой противоправной деятельности представляется необходимым дать разъяснения и по этому факту.

Реализация данных предложений поспособствует формированию стабильной и непротиворечивой следственной и судебной практики.

Е.А. Куликов

ЧАСТЬ 6 ст. 15 УК РФ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМОСОХРАНЯЮЩЕГО МЕХАНИЗМА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ИНСТРУМЕНТОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕФЕКТОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Системосохраняющий механизм уголовного права выступает важнейшим средством преодоления противоречий и неполноты уголовного закона¹. Как отмечает А.В. Денисова, «благодаря этому механизму осуществляется определенное упорядочивающее воздействие на объективное право, правосознание и юридическую практику, координируется их совместное функционирование, обеспечивается своевременное приспособление права к меняющимся социальным условиям»². В структуру системосохраняющего механизма, действующего на отраслевом уровне, ученый включает принципы, цели и задачи уголовного права, презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правовоположения³, т.е. правовые инструменты, позволяющие адаптировать уголовно-правовые предписания к разным нетипичным ситуациям, без изменения текстуального их содержания, и преодолевать дефекты правового регулирования, не меняя «буквы» закона. Среди норм уголовного закона, вызывающих значительную полемику в науке, особо следует выделить ч. 6 ст. 15 УК РФ, изменившую смысловое содержание конструкции категорий преступлений.

¹ См.: Щепельков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 90.

² Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 426.

³ Там же. С. 447.

Мнения в юридической литературе относительно данного положения уголовного закона разнятся от категорически отрицательных¹ до вполне нейтральных² и в целом положительных³. Между тем это законодательное решение, вполне устоявшееся за 10 лет его действия, обстоятельно разъясненное Пленумом Верховного Суда РФ в 2018 г.⁴ Различные его оценки в литературе не отменяют и не изменяют его юридическую силу, задача – понять его правовую природу и место среди уголовно-правовых предписаний.

Во-первых, введение в ст. 15 УК РФ ч. 6 изменило содержание этой статьи: произвольная и неповоротливая система категорий преступлений приобрела необходимую гибкость и эластичность. Появилась возможность при установлении несоответствия реальной общественной опасности конкретного преступления типовой общественной опасности, заложенной в норме уголовного права, устранить это несоответствие *ad hoc* и тем самым выполнить императивные положения уголовного закона (задачи, принципы, цели). В этом плане ч. 6 ст. 15 УК РФ аналогична ч. 2 ст. 14 УК РФ, законодатель как бы признает сам, что жизнь много богаче сухих предписаний, и допускает исключения из им же установленных правил для конкретного случая. Это есть проявление системосохраняющего механизма уголовного права, в который органично вошла анализируемая норма.

Во-вторых, вошла она не сама по себе, а превратив категории преступлений в презумпцию и предусмотрев порядок опровержения этой презумпции *ad hoc*. Такого рода решение позволяет, не меняя текста уголовно-правовой нормы, адаптировать ее для необходимых случаев, обеспечивая гибкость уголовно-правового регулирования.

¹ См.: Хайдаров А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // Законность. 2015. № 2. С. 38–42.

² См.: Дядькин Д.С. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 2. С. 22–29.

³ См.: Якубов А.Е. Ещё раз о праве суда изменить категорию преступления // Российский судья. 2015. № 9. С. 29–31.

⁴ См.: О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. Июль. № 7.

Н.Н. Кутаков

УГРОЗА ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ, СОВЕРШЕННАЯ ОСУЖДЕННЫМ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКА МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИЛИ МЕСТА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Анализ материалов пенитенциарной статистики о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы и содержания под стражей в 2021 г., позволяет сделать вывод о продолжающемся росте числа проявлений агрессии со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых в отношении сотрудников УИС. Особую озабоченность при этом вызывает появление новых способов совершения противоправных действий, целью которых является причинение наибольшего вреда здоровью сотрудников учреждений.

В монографии «Уголовно-правовая охрана сотрудников уголовно-исполнительной системы» А.А. Павлов абсолютно правильно отмечает, что одним из видов преступлений, совершаемых в отношении сотрудников учреждений УИС осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, является заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹.

Действительно, анализ сведений о происшествиях, совершенных лицами, содержащимися в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, позволяет утверждать, что попытки заражения ВИЧ-инфекцией сотрудников УИС регулярно регистрируются (2016 г. – 2 случая, 2018 г. – 2 случая, 2019 г. – 2 случая, 2020 г. – 1 случай, 2021 г. – 3 случая).

Большинство вышеуказанных деяний было совершено следующим образом: нанесение ВИЧ-инфицированным осужденным укусов сотруднику; нанесение порезов сотруднику предметом, которым ранее ВИЧ-инфицированный осужденный совершал акт членовредительства; разбрызгиванием капель крови на лицо сотруднику. Подобные дей-

¹ Уголовно-правовая охрана сотрудников уголовно-исполнительной системы / С.А. Боровиков, Л.А. Букалерева, И.В. Дворянсков [и др.] ; под общ. ред. С.А. Боровикова. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2020. С. 80.

ствия осужденных квалифицировались по ст. 122 и 321 УК РФ в тех случаях, когда сотруднику был нанесён вред здоровью.

Однако важно отметить, что в ряде случаев осужденные лишь словесно угрожали заражением ВИЧ-инфекцией сотруднику. При этом угроза (словесная) заражением ВИЧ-инфекцией не образует состава преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ. Также остается нерешенным вопрос о возможности квалификации угрозы заражением ВИЧ-инфекцией, высказанной осужденным в отношении сотрудника учреждения УИС, по ч. 2 ст. 321 УК РФ. Диспозиция ч. 2 ст. 321 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу применения насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей. При этом, как становится очевидным из анализа случаев попыток заражения ВИЧ-инфекцией, применение насилия осужденным в отношении сотрудника является необязательным.

Подводя итог, необходимо отметить, что судебной практики, свидетельствующей о возможности квалификации угрозы заражения ВИЧ-инфекцией по ч. 2 ст. 321 УК РФ, не найдено. Можно предположить, что указанные действия осужденных не квалифицировались следственными органами как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, хотя, безусловно, оказывали на неё влияние.

И.В. Лозинский

К ПРОБЛЕМЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В июне – июле 2021 г. Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности, снова подверглась изменениям и дополнениям.

На основании Федерального закона РФ от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ указанную главу законодатель дополнил новеллой – ст. 171.5, предусматривающей уголовную ответственность за «незаконное осуществ-

ление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)». Криминализация этого деяния обусловлена необходимостью усиления борьбы с нелегальными («чёрными») кредиторами. Таким образом, рассматриваемое «расширение» Главы 22 УК РФ является правомерным, поскольку окажется устранённым серьёзный законодательный пробел.

Одновременно с дополнением данной главы новеллой законодателем была проведена и корректировка отдельных норм, составляющих её. Федеральным законом РФ от 11 июня 2021 г. № 216-ФЗ «расширена» сфера действия ст. 183 УК РФ – в перечень уголовно наказуемых способов получения налоговой, банковской и коммерческой тайны законодателем включены «обман, шантаж, принуждение». Представляется, что в результате будет внесена точность в диспозицию обозначенной уголовно-правовой нормы. Федеральным законом РФ от 01 июля 2021 г. № 241-ФЗ законодателем «расширена» сфера действия и ст. 195, 196 УК – в новой редакции указанных норм введены такие квалифицирующие признаки запрещаемых ими преступлений, как «совершение их лицом с использованием своего служебного положения», а также «совершение их группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». В данной ситуации «расширение» сферы действия этих уголовно-правовых норм также правомерно, поскольку в результате его окажутся устранёнными значительные законодательные пробелы. Федеральным законом РФ от 01 июля 2021 г. № 248-ФЗ законодателем скорректирована ст. 194 УК РФ – ею предусмотрена ответственность и «за уклонение от уплаты специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин». Как и ранее, законодатель внёс точность в её диспозицию. Федеральным законом РФ от 01 июля 2021 г. № 262-ФЗ скорректирована ст. 172.1 УК РФ – теперь её действие распространено и на иностранные страховые компании. Обозначенное «расширение» обусловлено, наряду с внесением точности в диспозицию данной нормы, и подготовкой закона о функционировании иностранных компаний в РФ через создаваемые ими филиалы. Эти компании будут обязаны представлять в орган страхового надзора бухгалтерскую, финансовую отчётность об их деятельности. Таким образом, «расширение» сферы действия ст. 172.1 УК обусловлено, наряду с внесением точности в её диспозицию, и изменениями в законодательство, регулирующие общественные отношения в иссле-

дуемой сфере. Федеральным законом РФ от 01 июля 2021 г. № 293-ФЗ «расширена» и диспозиция ст. 171.1 УК РФ – предусмотрена ответственность за использование и заведомо поддельных средств идентификации. Как и ранее, законодателем внесена точность в диспозицию этой нормы.

Представляется, что, несмотря на внесение законодателем в Главу 22 УК РФ рассмотренных изменений и дополнений, проблема совершенствования указанной главы решена не полностью. По нашему мнению, необходимо дальнейшее совершенствование диспозиций некоторых норм, составляющих её. В частности, в ч. 4 ст. 183 УК РФ следует ввести дефиницию такого элемента, как «тяжкие последствия».

Таким образом, проблема дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ оказалась решённой не в полном объёме. На наш взгляд, для её правильного решения законодателю далее необходимо совершенствовать как ст. 183 УК РФ, так и иные нормы, составляющие указанную главу.

М.А. Малетина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

С развитием современного общества существование и функционирование многих сфер жизнедеятельности человека не представляется возможным без использования информационно-телекоммуникационных технологий. Следует отметить, что они применяются не только при решении трудовых, служебных и бытовых вопросов, но и становятся способом совершения многих преступлений, в том числе против личности.

В настоящее время использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, предусмотрено законодателем в качестве квалифицирующего признака в пяти составах преступлений раздела XII УК РФ: в ст. 110, 110¹, 110², 128¹, 151². Повышенная степень их общественной опасности продиктована глобальным характером, эффективностью достижения преступного результа-

та и минимальной вероятностью привлечения виновного к уголовной ответственности¹.

Особое внимание хотелось бы обратить на ст. 110¹ УК РФ, предусматривающую ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что данное преступление совершается именно указанным способом – это отправление сообщений определенному лицу в различных социальных сетях, («ВКонтакте» и «Инстаграм»), содержащих в себе призывы к осуществлению самоубийства; фотографий и картинок, демонстрирующих привлекательность жизни после смерти; комментариев и советов относительно способов совершения самоубийства (как правильно резать вены, например, а также как отравиться с помощью яда, алкогольной продукции, бензина, наркотических средств и т.п.); информации о медицинских препаратах, в результате приема которых может наступить безболезненная смерть, и т.д.

При этом следует отметить, что действующая редакция ст. 110¹ УК РФ не позволяет правоприменителю дифференцировать ответственность за результативное склонение к совершению самоубийства, совершенного посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Причиной этому является отсутствие в диспозиции ч. 4 рассматриваемой нормы ссылки на ч. 3, включающую в себя и иные квалифицирующие признаки, отягчающие ответственность за совершение анализируемого преступления.

При склонении к самоубийству или оказании содействия его совершению, совершенных группой лиц по предварительному сговору и повлекших самоубийство потерпевшего или покушение его на самоубийство, указанный дефект компенсируется возможностью учета данного способа как обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Однако если рассматриваемые деяния совершены посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, то учесть это обстоятельство, хотя бы как отягчающее, не получится.

Принимая во внимание, что причастность к самоубийству была криминализована законодателем в результате обострения суици-

¹ Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 121.

дальнего поведения подростков, которому способствовало распространение «групп смерти», а также суицидальных игр в социальных сетях, считаем, что данный изъян юридической техники должен быть устранен.

А.А. Наумов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ РАБОТ

Существует проблема определения субъектов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ, которая связана с причинением тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшего в связи с нарушением требований охраны труда руководителем, ответственным лицом на конкретном участке, и нарушением правил ведения работ, предусмотренных ст. 216 УК РФ, конкретным работником. Составы ст. 143 и 216 УК РФ схожи: ст. 143 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению при условии причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, а ст. 216 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ при условии наступления тех же последствий либо крупного ущерба.

Нередко указанные последствия наступают по вине нескольких лиц, вследствие чего необходимо решить вопрос о неосторожном сопричинении в преступлениях, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ.

По данной проблеме существуют две позиции. Согласно одной из них в рассматриваемых случаях работники подлежат ответственности по ст. 216 УК РФ, а ответственные лица на конкретных участках и руководитель – по ст. 143 УК РФ¹. Согласно другой позиции работники должны привлекаться к ответственности по ст. 216 УК РФ; ответственные за соблюдение требований охраны труда на конкретных участках работ должны отвечать по ст. 143 УК РФ, а руководители

¹ См., например: Великий А.А. Нарушение правил охраны труда: уголовно-правовые и криминологические аспекты (на материалах Уральского федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 126.

должны привлекаться к ответственности за должностное преступление (ст. 201, 285, 293 УК РФ)¹.

Указанные позиции представляются ошибочными по следующим причинам. Известно, что ст. 143 и 216 УК РФ разграничиваются по ряду критериев, а именно: характер нарушенных правил, потерпевший, обстановка (виды работ) и субъект. Однако основным критерием разграничения является именно характер нарушенных правил, так как перечень работ по УК РФ 1996 г. является открытым, а остальные критерии являются производными.

По характеру нарушенных правил ст. 143 и 216 УК РФ разграничиваются следующим образом. Статья 143 УК РФ предусматривает нарушение так называемых общих правил охраны труда, а ст. 216 УК РФ предусматривает нарушение специальных правил ведения строительных и иных опасных работ.

Использование субъекта как основного критерия для разграничения составов ст. 143 и 216 УК РФ, а не характера нарушенных правил приводит к следующим недопустимым, на наш взгляд, последствиям.

Во-первых, привлечение работника к ответственности по ст. 216 УК РФ, а лиц, ответственных за соблюдение требований охраны труда, – по ст. 143 УК РФ, нарушает принцип справедливости, поскольку рядовые работники будут привлекаться к ответственности по более тяжелой статье УК РФ, нежели руководители.

Во-вторых, работник не может нести ответственность по ст. 143 УК РФ на основании ст. 212 ТК РФ, которая прямо обязывает работодателя обеспечить безопасные условия и охрану труда.

В-третьих, приведенные выше позиции не учитывают возможность нарушения специальных правил ведения строительных и иных работ со стороны руководителя, а также иных лиц, ответственных за соблюдение требований охраны труда.

¹ См., например: Лукьянова Н.А. Противодействие преступлениям, посягающим на трудовые права граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 131.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одно из центральных мест в сфере уголовно-правовой охраны занимает защита от преступных посягательств общественных отношений в сфере экономики. Однако проводимые преобразования правоотношений уголовного закона, как правило, не отличаются определенной системностью, что приводит лишь к недостаткам правового регулирования.

Одним из результатов уголовной политики в рамках совершенствования гл. 22 УК РФ стало её явное перенасыщение. Создается впечатление, что любые негативные явления в сфере экономики законодатель считает возможным устранить лишь посредством применения уголовно-правовых репрессий. Между тем анализ гл. 22 УК РФ показывает, что из содержащихся в ней более 50 разных по характеру и степени общественной опасности деяний многие преступления уже криминализованы только на уровне общих уголовно-правовых норм или же по своей природе не несут в себе достаточной общественной опасности, с необходимостью требующей введения соответствующего уголовно-правового запрета¹.

Одной из существенных проблем реализации положений, закрепленных в гл. 22 УК РФ, является бланкетный характер большинства содержащихся в ней запретов, который требует максимальной их согласованности с нормами соответствующего отраслевого законодательства (бюджетного, налогового, таможенного и т.д.), что наблюдается не во всех случаях. Данная проблема могла бы быть решена посредством включения в конструкции составов экономических преступлений элементов административной преюдиции. В этом случае уголовная ответственность за те или иные деяния наступила бы лишь при условии, что лицо ранее уже совершало преступные деяния, предусмотренные кодексом РФ об административных правонарушениях. Использование положений данного института нивелировало бы необхо-

¹ Наумов А.В., Кибальник А.Г., Лопашенко Н.А. и др. Преступления в сфере экономики : учеб. пособие. М., 2020. С. 23–28.

димость доказывания размера ущерба или дохода, а вместе с тем решило бы и проблему квалификации неоконченных преступлений.

Применение средств административной преюдиции при конструировании многих уголовно-правовых норм избавило бы также законодателя и от необходимости использования в конструкциях составов экономических преступлений признака необходимости, а вместе с тем обеспечило бы закрепление категориального разграничения экономических преступлений и административных правонарушений.

В большинстве составов преступлений в сфере экономической деятельности не предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Вполне обоснованно отмечают О.В. Скворцова, М.П. Новик, А.Г. Панасенко, что «непредусмотренность уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в санкциях за такие преступления, как фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), видится просто нелогичным. Тем самым законодатель дает возможность совершать подобные преступления вновь и вновь»¹. В целях повышения эффективности борьбы с экономической преступностью следует дополнить санкции составов преступлений в сфере экономической деятельности данным видом уголовного наказания.

Для более эффективной деятельности по совершенствованию уголовного закона при разработке проектов изменений следует при решении вопроса о необходимости криминализации и декриминализации деяния изучать действующее законодательство в его системности. Учитываться при этом должны не только положения уголовного закона, но и иных специальных актов, закрепляющих особую терминологию, также необходимо применять общие правила законодательства, чтобы не допускать невозможность применения уголовно-правовой нормы на практике ввиду нарушения правил законодательной техники: общелингвистических, терминологических, стилистических.

¹ Скворцова О.В., Новик М.П., Панасенко А.Р. Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 3. С. 148–149.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ, КОТОРЫМ СУД ЗАМЕНИЛ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ПОРЯДКЕ ст. 80 УК РФ

Удельный вес осужденных, отбывающих принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ, начиная с момента введения в действие этого наказания в 2017 г., постоянно увеличивается. Если в 2017 г. их доля среди отбывавших принудительные работы составляла 11%, то в 2021 г. уже достигла 80%.

По нашим данным, 70% осужденных, направленных отбывать принудительные работы из мест лишения свободы, были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления. В структуре преступности этой категории осужденных 42% занимают осужденные за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. 41% от общего количества рассматриваемой категории осужденных составляют лица, осужденные к лишению свободы по ст. 228, 228.1 УК РФ.

Каждый четвертый осужден за преступления против жизни и здоровья: 13% – за убийство, 10% – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 0,5 % – за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

20% были осуждены за преступления против собственности, около 8% осуждены за кражу, 4% – за разбой, по 2% – за грабеж и за мошенничество соответственно, 1% – за вымогательство.

За преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта было осуждено 3,5% лиц, направленных отбывать принудительные работы из мест лишения свободы. 3,1% осуждены за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств либо за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264, 264.1 УК РФ).

2,5% осуждены за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (2,4%). Около 2% были осуждены за взяточничество (ст. 290 УК РФ).

На осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, общественной безопасности и общественного порядка, порядка управления приходится по 1%.

Осужденные за преступления против свободы, чести и достоинства личности, преступления против правосудия составляют, взятые по отдельности, не более 0,5% от всех осужденных, которым суд заменил лишение свободы на принудительные работы.

Более половины осужденных, которым суд заменил лишение свободы на принудительные работы (ст. 80 УК РФ), имеют две и более судимостей.

Если сопоставить эти данные со структурой первичной преступности осужденных, совершивших новое преступление в период отбывания принудительных работ, которая представлена практически такими же преступлениями¹, то не приходится сомневаться в том, что основная масса осужденных, совершивших новое преступление в период отбывания принудительных работ, представлена осужденными за кражу, мошенничество, разбой, изнасилование, которым суд заменил лишение свободы на принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ.

Т.А. Плаксина

НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ МАЛОЛЕТНИХ

За преступления против половой неприкосновенности малолетних в российском уголовном законе традиционно предусматриваются суровые наказания. При этом с момента принятия УК РФ санкции неоднократно ужесточались. Так, Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении малолетних потерпевших, были выделены в ч. 4 ст. 131 и ч. 4 ст. 132 УК РФ; минимальный предел наказания повышен с восьми до двенадцати лет лишения свободы; в санкциях появилось факультативное дополнительное наказа-

¹ См.: Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных, отбывающих принудительные работы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 45–53.

ние в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет. Несколько позднее в санкции было включено обязательное дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком до двух лет.

Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ обе рассматриваемые статьи вследствие дифференциации ответственности были дополнены ч. 5, устанавливающей ответственность за совершение преступлений в отношении потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, специальным субъектом – лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Санкции этой части предусматривали лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с обязательным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или пожизненное лишение свободы.

Наконец, Федеральным законом от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ круг преступлений, подпадающих под ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, был существенно расширен за счет деяний, совершаемых в отношении несовершеннолетних, не являющихся малолетними, а к числу альтернативных условий, при которых эти деяния могут быть квалифицированы по ч. 5, помимо специального субъекта отнесены совершение преступления в отношении двух или более лиц, а также сопряженность с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности. Однако санкции ст. 131 и 132 УК РФ сохранились в прежнем виде, что вызвало в обществе определенное разочарование с учетом предшествующих заявлений ряда представителей законодательной власти о том, что педофилия будет наказываться пожизненным лишением свободы: за часть деяний, совершаемых в отношении малолетних, закон по-прежнему данный вид наказания не предусматривает.

Как видно из сопоставления санкций ч. 4 и 5 ст. 131 и 132 УК РФ в новой и предыдущей редакциях, они не изменились в силу того, что возможности их ужесточения практически исчерпаны. Верхний предел наказания в виде лишения свободы на определенный срок увеличен быть не может – он и так равен максимальному пределу данного вида наказания. Нижний предел технически может увеличиваться, однако при этом нарушаются баланс санкций и соотношение ценно-

сти охраняемых объектов, которые видны и при существующих пределах санкций: в настоящее время минимальный предел наказания за убийство малолетнего ниже, чем за совершение в отношении такого лица изнасилования или насильственных действий сексуального характера. Кроме того, серьезным препятствием для повышения пределов санкций ч. 4 ст. 131 и ч. 4 ст. 132 УК РФ является включение в диспозиции этих частей квалифицирующих признаков, абсолютно различных по своей общественной опасности, – совершения преступлений в отношении малолетних и совершения преступлений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшей (потерпевшего). Уже сейчас очевидно несоответствие имеющихся санкций реальной степени общественной опасности изнасилования и насильственных действий сексуального характера, повлекших по неосторожности смерть потерпевшей (потерпевшего): минимальный срок лишения свободы, установленный за данные преступления, превышает нижний предел санкции за квалифицированное убийство. С учетом изложенного представляется, что избранный законодателем способ повышения ответственности за посягательства на половую неприкосновенность малолетних, заключающийся в расширении круга деяний, предусмотренных ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, является единственно возможным.

А.А. Постоляко

К ВОПРОСУ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Говоря о преступлениях против жизни, нельзя не оставить без внимания ряд общественно опасных деяний, направленных на доведение лица до самоубийства в местах лишения свободы. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) гарантирует каждому право на вежливое отношение со стороны персонала учреждения, а также заключенные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство поведению.

Как показывает статистика, самоубийства совершаются, но уголовные дела, предусмотренные ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), все так же отсутствуют. Смерть, похожая на суицид, по мнению В.Ф. Енгальчева, может иметь как минимум

несколько вариантов: истинное самоубийство; имитация самоубийства; естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по независящим от умершего причинам; истинное убийство¹.

Следует учитывать, что оказание насильственного воздействия на заключённого, сопряженное с жестокостью, угрозами и унижением человеческого достоинства, со стороны других осуждённых, а также персонала пенитенциарного учреждения следует квалифицировать по ст. 110 УК РФ, однако судебно-следственная практика по таким делам крайне скупа, и, как считает профессор П.Б. Зотов, в совершаемых суицидах крайне редко усматривается криминальная подоплёка².

Норма права, предусмотренная ст. 110 УК РФ, имеет ряд сложностей, а именно: нельзя говорить о доведении до самоубийства без вины в форме прямого или косвенного умысла. Это значит: если сотрудник исправительного учреждения или заключённый (группа заключённых) глумятся, издеваются, унижают другого заключённого, но не желают последствий в виде доведения до самоубийства и не допускают возможности его совершения потерпевшим, то норму, предусмотренную ст. 110 УК РФ, применить невозможно в связи с отсутствием состава преступления. Нельзя исключать и вторую латентность рассматриваемого преступления.

Исходя из вышеизложенного, видится несколько путей решения, которые в совокупности могут привести к позитивному результату.

В первую очередь важно предупреждение подобных преступлений, разработка современных механизмов профилактики, которые будут направлены на психологическую помощь в том числе лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, и следственно-арестованным.

Исходя из показателей судебной и следственной практики, кажется логичным разграничить преступления по субъективной стороне в случаях, когда виновный действует с прямым умыслом, осознает общественную опасность своих действий, предвидит и желает наступления общественно опасного последствия, а именно смерти потер-

¹ Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза: новые возможности и решения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25–26 января 2011 г.). М., 2011. С. 616–617.

² Зотов П.Б. Суицидальное поведение заключённых под стражу и осуждённых // Суицидология. 2017. Т. 8, № 2 (27). С. 60–70.

певшего, квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ «убийство», ведь самоубийство потерпевшего в данном контексте – исключительно способ причинения смерти. Статья 110 УК РФ образует виной в форме косвенного умысла, а также неосторожностью в виде легкомыслия, так как общественная опасность и наступившие последствия декларируют в соответствии со здравым смыслом применять такие меры.

А.А. Пропостин

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ (ст. 238 УК РФ)

В связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 18), существенно снизилось количество осужденных по ст. 238 УК РФ (согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. было осуждено 4 516 человек, в 2018 г. – 3 773, в 2019 г. – 2 168, в 2020 г. – 780, в 2021 г. – 810 человек). Это обусловлено прежде всего разъяснениями, которые содержатся в п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 18, согласно которым в случае нарушения специальных требований, ответственность за которые установлена в других статьях Особенной части УК РФ, деяние должно квалифицироваться по специальным составам преступления. Поскольку в качестве примера такой квалификации Пленум Верховного Суда РФ привел нарушения в сфере дорожного движения, в судебной практике такие нарушения, если они были допущены при оказании услуг потребителям, перестали квалифицироваться по ст. 238 УК РФ.

Однако в иных сферах оказания услуг потребителям, в частности, связанным с нарушениями правил пожарной безопасности, подход правоприменителя к квалификации деяний остается крайне противоречивым. В ряде случаев правоприменитель совершенно обоснованно квалифицирует такие нарушения только по ст. 219 УК РФ (при наличии последствий, указанных в этой статье). В то же время в судебной практике встречаются случаи квалификации таких деяний по ст. 238

УК РФ¹, а также по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 219 и 238 УК РФ². Однако в этих случаях суды, по нашему мнению, необоснованно расширяют сферу применения ст. 238 УК РФ. Так, согласно нормам Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 18, услуга должна быть безопасна при обычных условиях ее оказания. Представляется, что в случае, если услуга становится небезопасной только в условиях возникшего пожара, ответственность по ст. 238 УК РФ исключается.

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ задал правильный вектор на сужение сферы применения ст. 238 УК РФ, однако правоприменитель до сих пор в полной мере не перестроился на новый подход к квалификации этого преступления, а диспозиция ст. 238 УК РФ продолжает оставаться настолько широкой, что позволяет правоприменителю использовать ее в качестве «резинового» состава преступления.

М.А. Стародубцева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Укажем, что определение международного терроризма до сих пор не сформировано. Несомненно, этот факт препятствует определению

¹ Например, приговор по уголовному делу, возбужденному по факту пожара в ТЦ «Адмирал» (г. Казань, 2015 г.), в котором суд указал, что ст. 219 УК РФ предусматривает ответственность только за нарушение требований пожарной безопасности, тогда как ст. 238 УК РФ охватывает все сферы оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Судом установлено, что, помимо нарушений требований пожарной безопасности, осужденными были нарушены требования градостроительного законодательства в части реконструкции объекта недвижимости в торговый комплекс.

² Например, приговор по уголовному делу, возбужденному по факту пожара в ТРЦ «Зимняя вишня» (г. Кемерово, 2018 г.), в котором суд указал, что данные составы не совпадают по объективной стороне, а возможность квалификации деяния по ст. 238 УК РФ поставил в зависимость от того, что посетители ТРЦ не были уведомлены персоналом ТРЦ об имевшихся в нем нарушениях требований пожарной безопасности.

надлежащего понятия для его подкатегории, цифрового терроризма. В некотором смысле определение цифрового терроризма является еще более сложным из-за абстрактности, которая естественным образом связана с пониманием того, как определенные события происходят в киберпространстве.

Термин «кибертерроризм» включает в себя два других термина – «киберпространство» и «терроризм». Приставка «кибер» происходит еще из античных времен и означает «опытный в управлении или контроле».

Исходя из анализа основных позиций о природе цифрового терроризма, мы можем увидеть, что данное понятие, в отличие от терроризма, не прошло длительный путь развития и фактически было искусственно навязано массам противоборствующими политическими силами и спецслужбами. Само явление цифрового терроризма рассматривается по большей части в контексте так называемой гибридной войны, в разграничении кибертерроризма и информационного оружия. С позиции собственно юридической науки цифровой терроризм продолжает оставаться в некоем вакууме; аналогичная ситуация наблюдается и в практике его международно-правового регулирования. Добавляет сложности и тот факт, что действия, охватываемые в литературе по политологии термином «цифровой терроризм», с юридической точки зрения можно с натяжкой отнести либо к вариации экстремизма, либо к классическим компьютерным преступлениям.

В процессе исследования мы кратко проанализировали основные способы использования сети Интернет террористическими группировками. Можно заключить, что чаще всего Всемирная паутина и иные виды информационно-телекоммуникационных сетей используются для вербовки потенциальных членов террористических организаций либо, напротив, для отслеживания действий потенциально неудобных для террористов лиц и объединений. Любое террористическое движение сегодня имеет позиции в цифровом пространстве, что доказывает пример ИГИЛа¹, создавшего в сети Интернет целый цифровой халифат, активно распространяющий свои идеологические постулаты среди заинтересованной аудитории.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что для противодействия высокотехнологичному терроризму требуется, прежде всего, высокотехнологичный механизм защиты и блокировки потен-

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

циально опасных материалов в цифровом пространстве, и именно на его создание и нормативное оформление должны быть направлены совместные усилия государств как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Пока же подобные наработки мы можем увидеть только в отдельных резолюциях Совета Безопасности ООН.

В.М. Степашин

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Правила ст. 64 УК не всегда обеспечивают презюмируемое смягчение репрессии при наличии исключительных обстоятельств. Их невозможно применить при назначении наказания за большинство преступлений небольшой и средней тяжести. Именно в санкции, установленные за деяния, обладающие меньшей общественной опасностью, как правило, включен штраф, а нижняя граница наказаний соответствует минимальному пределу, присущему соответствующим мерам государственного принуждения. Обязательное дополнительное наказание в данные санкции также, как правило, не включается. Например, при наличии даже комплекса исключительных обстоятельств назначить более мягкое наказание за деяния, предусмотренные, допустим, ч. 1 ст. 158–160 УК, возможным не представляется. Нормы ст. 64 УК при этом утратили характер стимулирующих правопослушное постпреступное поведение лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Более того, даже установив наличие совокупности обстоятельств, каждое из которых свидетельствует об их исключительности, суд не сможет применить правила смягчения наказания ч. 1 ст. 64 УК. Непризнание таких обстоятельств исключительными также будет свидетельствовать о нарушении судом требований уголовного закона. Ситуация патовая. Единственный возможный легальный выход из неё – применение норм УК об освобождении от уголовной ответственности по другим основаниям (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76.2).

Однако, во-первых, исключительными обстоятельствами могут быть признаны далеко не только явка с повинной, способствование раскры-

тию и расследованию преступления, возмещение ущерба или примирение с потерпевшим. И, напротив, эти же обстоятельства сами по себе автоматически ещё не могли бы быть признаны исключительными. Во-вторых, обязательным условием применения перечисленных видов освобождения от уголовной ответственности является совершение преступления впервые. Наконец, в-третьих, альтернативой освобождению от ответственности по указанным основаниям *может выступать назначение уголовного наказания* минимальной репрессивности, при том что «социально-правовое значение института, предусмотренного в ст. 64 УК, состоит в разрешении тех ситуаций, когда даже минимальное наказание, предусмотренное в санкции статьи Особенной части, оказывается исходя из обстоятельств дела слишком суровым»¹. В рассматриваемых же случаях назначение наказания в точном соответствии с законом *исключено*. По этой же причине невозможно и освобождение от отбывания наказания, поскольку само наказание не может быть назначено. Как верно заметил Е.В. Благов, освобождением от наказания должно быть то, что осуществляется после назначения наказания².

Мы полагаем резонной постановку вопроса о включении в УК нормы, допускающей освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, при наличии исключительных обстоятельств:

«Статья 76.3. Освобождение от уголовной ответственности в связи с исключительными обстоятельствами.

Лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть освобождено от уголовной ответственности».

Предложенное решение обеспечит и неотвратимость уголовно-правового воздействия. Важно, что эта новация учитывает существенное снижение общественной опасности виновного и/или содеянного им.

¹ Звечаровский И. Институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Уголовное право. 2002. № 12. С. 38.

² Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). М. : Юрлитинформ, 2018. С. 41.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, УКАЗЫВАЮЩЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО

Частью 3 ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» установлена уголовная ответственность за незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия.

Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости свидетельствуют, что на протяжении последних лет ни одно лицо в РФ не было осуждено по ч. 3 ст. 137 УК РФ на фоне увеличения количества осужденных как по основной статье, так и по дополнительной квалификации в целом по ч. 1 и 2 ст. 137 (2016 г. – 91 чел., 2017 г. – 143, 2018 г. – 191, 2019 г. – 231, 2020 г. – 247, 1 пол. 2021 г. – 142 чел.)¹.

Означает ли это что, в России не совершаются противоправные нарушения, связанные с незаконным распространением информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего?

Сложно однозначно ответить, поскольку некоторые современные средства массовой информации, сайты информационно-телекоммуникационной сети Интернет демонстрируют изображения несовершеннолетних потерпевших², а также указывают информацию о совер-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.01.2022).

² Лобенко Е.А., Кирилин К.А. Проблема нарушения права личности на неприкосновенность частной жизни российскими журналистами // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 419–426.

шении в отношении конкретного несовершеннолетнего преступления, в том числе посягающего на половую неприкосновенность.

Полагаем, что одной из причин такой ситуации выступает в том числе и вопросы квалификации таких признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 137 УК РФ, как общественно-опасные последствия содеянного, которые должны быть выражены в причинении вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическом расстройстве несовершеннолетнего, или иных тяжких последствиях, а также установление причинно-следственной связи между такими последствиями и незаконным распространением информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего.

Отметим, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» раскрывает отдельные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 137 УК РФ, но не дает ни одного разъяснения по ч. 3 ст. 137 УК РФ.

Если говорить о традиционных критериях криминализации, а не о конъюнктуре в уголовном законодательстве, что нашло отражение в трудах В.Ф. Цепелева¹, то обоснованно, по нашему мнению, преступление по ч. 3 ст. 137 УК РФ определить, как и по ч. 1 и 2 ст. 137 УК РФ, как формальный состав и исключить последствия как обязательный признак объективной стороны.

С.Н. Сухарев

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ст. 319 УК РФ

Сотрудникам исправительных учреждений при проведении режимных мероприятий (обыск, изъятие запрещенных предметов, за-

¹ Цепелев В.Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 18–22.

держание осужденных, пресечение совершения осужденными правонарушений) приходится сталкиваться с фактами совершения в отношении них противоправных деяний, в том числе и оскорблений.

В настоящее время существуют проблемы в практике применения норм права, регламентирующих ответственность осужденных за оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Совершение указанных выше действий предполагает наличие сразу нескольких видов юридической ответственности. Так, за оскорбление сотрудника УИС предусматривается уголовная ответственность в соответствии со ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»¹, административная ответственность по ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»² и дисциплинарная – за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы (ст. 116 УИК РФ)³. Следовательно, на стадии квалификации данных деяний существует проблема в разграничении исследуемого преступления с административным правонарушением и дисциплинарным проступком.

Несмотря на достаточно логичную конструкцию исследуемой уголовно-правовой нормы, в судебной практике возникают вопросы с толкованием термина «публичность». К сожалению, сложившаяся судебная практика не рассматривает оскорбление сотрудника УИС как публичное, если данное деяние совершено на территории учреждения или органа УИС, а также в присутствии только осужденных и сотрудников (работников) учреждения, считая их двумя заинтересованными сторонами, что ставит под сомнение превентивность данной нормы и прививает осужденным чувство безнаказанности.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федер. 5 июня 1996 г.: в ред. от 30.12.2021 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. М., 2022.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: 30 декабря 2001 г., № 195-ФЗ. Принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.: одобр. Советом Федер. 26 декабря 2001 г.: в ред. от 30.12.2021 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. М., 2022.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: 8 января 1997 г., № 1-ФЗ. Принят Государственной Думой 18 декабря 1996 г.: одобр. Советом Федер. 25 декабря 1996 г.: в ред. от 21.12.2021 г. // ГАРАНТ. Законодательство Российской Федерации. М., 2022.

Думается, что решить проблему может Верховный Суд Российской Федерации, разъяснив понятие «публичность» как признак указанного преступления.

В случаях с административными и дисциплинарными методами воздействия за указанное деяние применительно к осужденным можно отметить конкуренцию норм Кодекса об административных правонарушениях РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Теоретически данная ситуация дает возможность правоприменителю реализовать ту или иную норму по своему усмотрению. Считаем, что несоблюдение соответствующих режимных требований должно повлечь за собой именно дисциплинарную ответственность в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права, что фактически мы и наблюдаем на практике. Поэтому в КоАП РФ целесообразно предусмотреть норму, закрепляющую особенность административной ответственности осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Таким образом, правильное разграничение составов преступлений, посягающих на сотрудника УИС, со смежными составами, а также дисциплинарными проступками и решение проблем квалификации способствуют повышению эффективности уголовно-правовых мер по обеспечению защиты чести и достоинства сотрудников УИС.

Т.Г. Черненко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ПОГАШЕНИЯ СУДИМОСТИ

Нередко суд за совершенное лицом преступление назначает не только основное, но и дополнительное наказание. При этом возможна ситуация, при которой основное наказание лицом отбыто, а дополнительное наказание начинает или продолжает исполняться. Возникает вопрос: каким образом и с какого момента исчислять срок погашения судимости такому лицу? Одно из суждений по данному вопросу сводится к тому, что срок погашения судимости исчисляется с момента отбытия основного наказания, в связи с чем предлагается закрепить в ст. 86 УК РФ возможность самостоятельного течения сроков судимости по основному и дополнительному видам наказания (предусмотрев

сроки погашения судимости по дополнительным наказаниям) и считать судимость погашенной по истечении того срока, который является более продолжительным.¹ В связи с изложенной позицией необходимо отметить, что лицо считается судимым *за преступление*, поэтому нельзя искусственно разделять судимость за одно и то же преступление на судимость по основному наказанию и судимость по дополнительному наказанию. Кроме того, если считать судимость погашенной по истечении более продолжительного срока, то не исключаются ситуации, при которых срок погашения судимости, исчисляемый от основного наказания, истечет ранее, чем истечет срок отбывания дополнительного наказания, в связи с чем дополнительное наказание окажется частично не подлежащим отбытию, что далеко не всегда может быть признано целесообразным. Для того, чтобы могли реализоваться криминологическая и уголовно-правовая функции судимости, следует исчислять срок погашения судимости, установленный пунктами «б», «в», «г» «д» ч. 2 ст. 86 УК РФ, с момента отбытия (исполнения) основного и дополнительного наказания. Указанное правило необходимо закрепить в ст. 86 УК РФ.

При условном осуждении судимость, в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 86 УК РФ, погашается по истечении испытательного срока. Поскольку лицам, осужденным условно, может быть назначено дополнительное наказание, не исключаются ситуации, при которых установленный судом испытательный срок истекает раньше, чем отбыто (исполнено) дополнительное наказание. Возникает вопрос о порядке исчисления судимости в данном случае.

При условном осуждении с назначением дополнительного наказания осужденное лицо находится в состоянии судимости в течение всего периода испытательного срока и отбывания (исполнения) дополнительного наказания. Поскольку для условно осужденных как категории лиц, представляющих меньшую общественную опасность, нежели лица, осужденные к реальному отбыванию наказания, установлены более мягкие правила погашения судимости, чем для лиц, к которым условное осуждение не применялось, то определенные льготы применительно к погашению судимости должны распространяться и на тех условно осужденных, которым было назначено дополнитель-

¹ Скобелин С. Соотношение сроков дополнительных видов наказаний и сроков погашения судимости // Уголовное право. 2014. № 2. С. 72–73.

ное наказание. Если срок дополнительного наказания превышает установленный судом испытательный срок для условно осужденного, то судимость, на наш взгляд, должна погашаться сразу после отбытия дополнительного наказания. Ни о каком годичном сроке судимости после отбытия дополнительного наказания не должно идти речи. Полагаем, что в ст. 86 УК РФ следует ввести дополнение, в соответствии с которым судимость у условно осужденных, которым назначалось дополнительное наказание, в случае превышения дополнительным наказанием периода испытательного срока погашается после отбытия (исполнения) дополнительного наказания.

Т.Г. Черненко, И.В. Масалитина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ ПРИ ЭКСЦЕССЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ

В доктрине уголовного права виды эксцесса исполнителя подразделяются на два вида: качественный и количественный, в зависимости от характера отклонения деятельности исполнителя от общего замысла соучастников.

При количественном эксцессе если исполнитель совершает преступление с квалифицирующими признаками, усиливающими уголовную ответственность, которые не охватывались умыслом иных соучастников, то он отвечает за преступление с отягчающими обстоятельствами, организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в преступлении без отягчающих обстоятельств. Об эксцессе исполнителя можно говорить как в том случае, когда им совершается более тяжкое преступление, чем было согласовано соучастниками по предварительной договоренности, так и менее тяжкое. Полагаем, что в ситуации, когда исполнитель, отклоняясь от умысла подстрекателя или организатора, совершает менее тяжкое преступление, ему должно инкриминироваться это преступление, а подстрекателю – подстрекательство к тому преступлению с квалифицирующими признаками, которое охватывалось его умыслом, организатору – деятельность по организации преступления с квалифицирующими признаками. Такая квалификация в полной мере соответствует принципу самостоятельности ответственности соучастников.

В рамках сложного соучастия вызывает затруднения квалификация действий соучастников при такой форме количественного эксцесса, когда исполнитель осуществляет преступление, однородное с задуманным соучастниками, но другого вида: например, вместо кражи совершает грабеж. Некоторые исследователи этого вопроса полагают, что исполнитель отвечает за совершенное им преступление, т.е. за грабеж, а остальные соучастники отвечают за кражу по правилам, предусмотренным для неоконченного преступления¹. На наш взгляд, это необоснованное сужение границ уголовной ответственности соучастников. Полагаем, что квалификация действий соучастников должна осуществляться с учетом направленности их умысла: исполнитель должен отвечать за грабеж, другие соучастники (организатор, подстрекатель, пособник) – за соучастие в оконченной краже. Это своего рода юридическая фикция, но ее использование считаем целесообразным, поскольку такая квалификация содеянного подчеркивает, что соучастие в преступлении имело место, но исполнитель допустил эксцесс, за который другие соучастники ответственности не несут. Тем не менее они, наряду с исполнителем, отвечают за реально причиненный потерпевшему вред, поскольку это изначально охватывалось их умыслом и их действия находятся в причинной связи с вредом, причиненным потерпевшему.

Эксцесс исполнителя может иметь место и при групповом совершении преступления, в котором задействованы несколько соисполнителей, предварительно договорившихся о совместном совершении определенного преступления. Например, в процессе совершения групповой кражи действия кого-либо из соисполнителей переросли в грабеж или разбой. Если иные участники группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они должны нести уголовную ответственность за грабеж или разбой. Однако, на наш взгляд, им не следует вменять квалифицирующий признак разбоя или грабежа – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

¹ См., например: Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 118; Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. С. 187–188.

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ БЕЗЗАЩИТНОГО ИЛИ БЕСПОМОЩНОГО ЛИЦА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Согласно п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ одним из обстоятельств, отягчающих наказание, признается совершение преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица. Исходя из формулировки указанного положения, можно прийти к выводу, что «беззащитное лицо» и «беспомощное лицо» – понятия с различным смысловым содержанием.

Однако в разъяснениях Верховного Суда РФ исследуемые дефиниции четко не разграничиваются между собой, поскольку одно понятие раскрывается через другое. Так, беспомощность потерпевшего при убийстве характеризуется в том числе неспособностью защитить себя¹.

В практике нижестоящих судов существуют различные подходы к пониманию терминов «беззащитное лицо» и «беспомощное лицо». Для одних судов они являются равнозначными и употребляются через союз «и»², другие суды их дифференцируют (признавая обстоятельством, отягчающим наказание, предусмотренным п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, только лишь беспомощное лицо либо только беззащитное)³. Третьи суды наполняют содержание одного понятия признаками, присущими другому. Например, престарелого потерпевшего признают без-

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² Архив Тосненского городского суда Ленинградской области за 2018 г. Приговор № 1-349/2018 от 21 ноября 2018 г. по делу № 1-349/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.02.2022). На это же обращают внимание и другие авторы (см.: Хатуев В.Б. Уголовно-правое значение особых качеств потерпевшего как обстоятельство, отягчающих наказание // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. № 3. С. 49).

³ Архив Дрожжановского районного суда Республики Татарстан за 2017 г. Приговор № 1-46/2017 от 27 ноября 2017 г. по делу № 1-46/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.02.2022).

защитным лицом (хотя такой возраст является признаком беспомощного лица) и учитывают как отягчающее наказание обстоятельство¹.

Таким образом, изучение судебных решений свидетельствует, что работники правоохранительных органов затрудняются в установлении существенных признаков беспомощного или беззащитного лица, вследствие чего, используют их как синонимы. Полагаем,² что подобное недопустимо, поскольку лексическое значение этих слов² доказывает их разное значение. Думается, что законодатель, формулируя п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ и включив в него помимо беспомощного лица еще и беззащитное, попытался учесть случаи совершения преступления в отношении потерпевших, психофизиологическое состояние которых не признается беспомощным состоянием, но существенно облегчает совершение преступления. Подобные примеры нередко встречаются. Так, на сегодняшний день сон потерпевшего при убийстве или изнасиловании (насильственных действиях сексуального характера), а также опьянение потерпевшего при убийстве не признаются судами беспомощным состоянием, однако, по нашему мнению, должны быть учтены при назначении наказания (как совершение преступления в отношении беззащитного лица).

Полагаем, что правоприменительная практика не должна искажать смысл положений уголовного закона, ни расширяя, ни сужая его. Поэтому для того чтобы исключить двоякое толкование п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ в части, касающейся совершения преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица, необходимо раскрыть значение исследуемых понятий в примечании к ст. 63 УК РФ.

А.В. Шеслер

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Действующий уголовный закон придает различное значение общественной опасности лиц, совершивших преступления. Она влияет

¹ Архив Богатовского районного суда Самарской области за 2018 г. Приговор № В1-2-47/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № В1-2-47/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.02.2022).

² Толковый онлайн-словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%B1> (дата обращения: 16.02.2022).

прежде всего на освобождение от уголовной ответственности или наказания, если ее степень является незначительной и позволяет достигнуть исправления лица без применения наказания или иных мер уголовной ответственности (например, в ст. 76, 79 УК РФ). Утрата общественной опасности таких лиц может послужить основанием освобождения от уголовной ответственности или наказания (например, в ст. 75, 79 УК РФ). При условных освобождениях от уголовной ответственности или наказания несоблюдение указанных в законе условий, свидетельствующее о сохранении, восстановлении или усилении общественной опасности виновных, влечет их отмену. Проблема, которая стоит перед законодателем, заключается, прежде всего, в том, чтобы в тексте закона внятно указать, в каких случаях основания освобождения от уголовной ответственности состоят именно в утрате или снижении общественной опасности виновного. В частности, не ясно, что является основанием освобождения от уголовной ответственности и наказания при истечении сроков давности уголовного преследования, а именно: утрата лицом и совершенным им деянием общественной опасности либо одно из этих обстоятельств. От ответа на этот вопрос зависят и условия освобождения виновного, прежде всего, в тех случаях, когда вопрос о применении сроков давности решается судом (ч. 4 ст. 78, ч. 3 ст. 83 УК РФ).

Общественная опасность лица, совершившего преступление, в целом ряде случаев лежит в основе привилегированных (в ст. 106, 107 УК РФ и др.) или квалифицированных составов преступлений (в ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286 УК РФ и др.). В данном случае она выступает в качестве средства дифференциации уголовного наказания, позволяющего законодателю дать типовую оценку общественной опасности всех лиц, совершающих преступления определенного вида при обстоятельствах, снижающих или повышающих такую опасность. В случаях, указанных в ст. 61, 63 УК РФ, обстоятельства, повышающие или снижающие общественную опасность виновного (действия, образующие деятельное раскаяние, совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел), выступают в качестве средств индивидуализации наказания, позволяющих суду оценить общественную опасность конкретного лица, совершившего преступление. Совершенствование законодательного подхода в рассматриваемом аспекте должно состоять в том, чтобы из числа таких обстоятельств исключить те, которые в большей степени являются средством дифференци-

ции наказания. Например, к таким обстоятельствам относятся несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ) или рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), так как уголовный закон предусматривает типовую оценку их общественной опасности через установление общих положений о их наказуемости (ст. 68, гл. 14 УК РФ).

Одним из аспектов принципа справедливости в уголовном праве является соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Это положение конкретизируется в ч. 3 ст. 60 УК РФ, требует учитывать при назначении наказания личность виновного наряду с обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, которые также в значительной мере характеризуют личность виновного. Для того чтобы исключить практику скрытого учета судами в качестве отягчающих обстоятельств через характеристику личности виновного тех, которые не предусмотрены в ст. 63 УК РФ (например, совершение преступления в соучастии без признаков группы в смысле ст. 35 УК РФ), законодателю следует определиться, какие обстоятельства относятся к личности виновного. Полагаем, к таким следует относить те свойства лица, которые не повышают общественную опасность совершенного преступления (например, наличие непогашенной судимости, которая не образует рецидива преступления) или не снижают ее (например, наличие государственных наград).

Общественная опасность личности вместе с другими обстоятельствами лежит в основе криминализации деяния. Речь прежде всего идет о лицах, обладающих признаками специального субъекта. Наверное, законодатель полагает, что совершение деяния именно таким субъектом придает ему свойство преступления. Например, дискриминация, совершенная лицом с использованием служебного положения, оценивается как преступление (ст. 136 УК РФ), а без его использования – как административное правонарушение (ст. 5.62 КоАП РФ). С 2009 г. законодатель вернулся к практике криминализации деяний, признаваемых преступлениями, в случае совершения их лицом в срок, в течение которого оно считается подвергнутым административному взысканию (ст. 157, 158.1 УК РФ и др.). Очевидно, законодатель вернулся к подобной практике потому, что он не определился с оценкой ряда правонарушений как общественно опасных. Большая часть исследователей критикует эту практику, так как основанием криминализации деяния является общественная опасность личности, а не деяния. Полагаем, что рассматриваемая криминализа-

ция основана не только на общественной опасности личности, но и на ее связи с количеством совершенных правонарушений.

И, наконец, законодатель, приняв ст. 210.1 УК РФ, стал придавать самостоятельное уголовно-правовое значение общественной опасности лица вне связи с совершенным им преступлением или деяниями при наличии административной преюдиции. Этим законодатель нарушил закрепленный им в ст. 3 УК РФ принцип законности, в соответствии с которым устанавливается преступность и наказуемость деяния, а не социального статуса, а также закрепленное в ст. 8 УК РФ положение, согласно которому основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не социальный статус. Есть основания полагать, что решение законодателя создало основу для обратной силы уголовного закона в отношении тех лиц, которые получили статус «вор в законе» до вступления в силу ст. 210.1 УК РФ. Это противоречит положениям ст. 10 УК РФ. Возникают также вопросы со сроками давности уголовного преследования в отношении тех лиц, которые порвали связь с уголовной средой и никаких действий по ее консолидации в течение многих лет не совершали. Полагаем, что критикуемое законодательное решение противоречит общим положениям уголовного закона о правовой оценке общественной опасности личности преступника, связанной только с общественной опасностью преступления.

В.А. Шеслер

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ИЗ ВЕЩЕЙ, НАХОДИВШИХСЯ ПРИ ПОТЕРПЕВШЕМ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПОХИЩЕНИЕМ ПАСПОРТА

Вопрос о квалификации хищений из одежды, сумки или другой ручной клади (далее – вещи), сопряженных с похищением паспорта, в судебной практике разрешается по-разному. В одних случаях виновным вменяется состав преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в других – совокупность преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 2 ст. 325 УК РФ.

При принятии решений о наличии в таких действиях совокупности преступлений, или о квалификации этих действий как единичных

преступлений суды, как правило, исходят из того, намеревался ли виновный использовать похищенный паспорт либо у него такое намерение отсутствовало.

Судом действия А. квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 2 ст. 325 УК РФ. А. во исполнение умысла на тайное хищение чужого имущества, находясь в электропоезде пригородного сообщения, подошел к спящему Ф. и похитил его сумку, в которой находились паспорт и деньги. Похищенный паспорт А. оставил себе для дальнейшего использования в неопределенных целях¹.

К. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. К., имея умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, из сумки, находившейся при потерпевшей, действуя из корыстных побуждений, тайно похитил денежные средства и паспорт. После чего К. с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, похищенный паспорт выкинул в ближайший мусорный контейнер².

Полагаем, что сформировавшаяся судебная практика по квалификации рассматриваемых хищений основанная на таком признаке субъективной стороны преступления, как цель, является спорной. Безусловно, намерение виновного использовать похищенный паспорт представляет определенную опасность (облегчается возможность взять заем, купить проездные билеты, предъявить документ контролирующим органам и т.д.). Вместе с тем представляют опасность не только преступные намерения виновного в отношении паспорта, но и сам факт того, что паспорт выбыл из законного обладания владельца. Отсутствие у гражданина основного документа, удостоверяющего личность, лишает его возможности совершать многие значимые действия (заключить сделку, выехать на похороны родственника, в командировку, получить пенсию и т.д.), т.е. существенно ограничивает дееспособность. И такой вред может быть более выражен или более ощутим, чем вред, причиняемый в результате противоправного изъятия имущества.

¹ Приговор Павлово-Посадского городского суда Московской области от 30 ноября 2011 г. № 1-211/2011. URL: sudact.ru/regular/doc/vJziHKA1AHlp (дата обращения: 02.02.2022).

² Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 25 февраля 2020 г. № 1-37/2020. URL: sudact.ru/regular/doc/vOsiHV34L6lx/ (дата обращения: 03.02.2022).

Кроме того, в ч. 2 ст. 325 УК РФ на конструктивность такого признака, как цель при похищении паспорта, не указывается. Об обязательности наличия у виновного цели при похищении паспорта в документах высшего судебного органа не говорится¹.

Представляется, что при квалификации хищений из вещей, находившихся при потерпевшем, сопряженных с похищением паспорта, по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ или по совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 2 ст. 325 УК РФ, следует исходить не из наличия у виновного цели в отношении паспорта либо ее отсутствия, а из того, осознавал ли виновный, что похищает паспорт, либо такое осознание отсутствовало.

А.В. Шеслер, С.С. Шеслер

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

История отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что в нем по-разному определялись общественные отношения, которые законодатель брал под охрану. В частности, в УК РФ 1996 г. в отдельных случаях закон прямо определяет определенный вид общественных отношений (в гл. 21 – собственность, в гл. 24 – общественная безопасность и т.д.), в других – ориентирует на объект преступления через указание на один из элементов общественного отношения (на потерпевшего в названии раздела VII, на предмет преступления в гл. 17 в виде свободы, чести и достоинства, в гл. 19 в виде конституционных прав и свобод человека и гражданина, в гл. 30 в виде интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и т.д.), в третьих случаях закон ориентирует на объект преступления через название преступления (в гл. 26 – на экологические преступления), в четвертых – указывает на сферу общественной жизни (в разделе VII – на сферу экономики, в гл. 28 – на сферу компьютерной информации), в пятых – указывает на деятельность (в гл. 22 – на экономическую деятельность в гл. 31 – на

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 324–327.1 УК РФ : Постановление Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43.

правосудие), в шестых – называет правовую форму существования объекта преступления (в гл. 32 – порядок управления, в ч. 1 ст. 331 – порядок прохождения военной службы) и т.д. Полагаем, что именно такие способы законодательной техники определения объекта преступления дали основания для различных подходов к его пониманию.

Высказывается точка зрения о том, что объектом преступления является человек (отдельный человек, группы людей, общество в целом), так как вредные изменения в результате преступления могут быть только для человека (Г.П. Новоселов). Отметим, что человек как существо социальное, как субъект правоотношений, как потерпевший от преступлений вне системы общественных отношений не существует. Кроме того, при совершении преступления человеку может быть и не причинен вред, например, как при приготовлении к убийству, однако общественные отношения в виде безопасных условий жизнедеятельности личности уже нарушены. Укажем также на то, что группы людей, общество в целом – это не совокупность отдельных индивидов, а их объединение в единое образование на основе отношений между ними. Поэтому преступное посягательство на отдельные социальные группы или общество в целом – это прежде всего посягательство на общественные отношения, являющиеся основой их образования и существования.

Некоторые ученые считали, что объектом преступления выступают не общественные отношения, а материальное выражение соответствующих общественных отношений, например имущество в смысле совокупности вещей (М.П. Михайлов). Эта позиция подверглась обоснованной критике в связи с тем, что имущество не может быть объектом посягательства. В общественной жизни посягательство осуществляется не на саму вещь, а на отношения по поводу вещи (например, отношения собственности). Опираясь только на вещь или конкретным предметом, определить объект посягательства, понять социальную сущность преступления невозможно. Вне общественных отношений не существуют свойства физического предмета как имущества. Достаточно емко по этому поводу применительно к кражам в свое время высказался К. Маркс в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», отмечая, что преступная сущность действия заключается не в посягательстве на лес как на нечто материальное, а в посягательстве на государственный нерв его – на право собственности как таковое (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. С. 149). Отметим также,

что вещь в результате преступления, в частности кражи, может не пострадать, наоборот, может быть отремонтирована, восстановлены или улучшены ее свойства (например, автомобиля, произведения искусства). Вместе с тем в результате преступления страдают отношения собственности, так как владелец вещи теряет возможность владеть, пользоваться, распоряжаться ею.

Находит сторонников точка зрения об объекте преступления как правовом благе, ценности (Е.В. Фесенко). По этому поводу отметим, что благо не может быть положено в основу определения объекта преступления, так как оно не может существовать как таковое вне системы общественных отношений, поэтому существует только как элемент этого отношения, на которое посягает преступление.

Также объектом преступления предлагается считать социальные интересы (В.Я. Таций). В этой связи возникает вопрос о том, могут ли социальные интересы существовать вне общества, основу которого составляют отношения между его субъектами (отдельными индивидами или коллективными образованиями). Полагаем, что не может быть никакого интереса, как и блага, вне системы отношений, так как какие-либо явления становятся интересами или благами, если приобретают социальные качества, т.е. включены в общественные отношения.

В целом недостаток названных подходов заключается в том, что благо, интерес, человек или имущество не могут существовать сами по себе, вне общественных отношений. Посягательство на них происходит прежде всего через социальное взаимодействие, в которое вступает лицо с другими людьми, должностными или юридическими лицами, иными субъектами. Поэтому если рассматривать в качестве объекта преступления благо, интерес, человека или имущество, то понять социальную сущность преступления невозможно. Исходя из этого, следует придерживаться традиционного понимания объекта преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений, причем от наиболее существенного причинения им вреда. Именно такой подход позволяет установить социальную сущность, преступления, его общественную опасность, социальные последствия.

Л.Е. Щетнев, Д.В. Шумарин

К ВОПРОСУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

Глава 11 Уголовного Кодекса РФ (УК РФ) предусматривает возможность освобождения от наказания лиц, впервые совершивших преступление небольшой и средней тяжести, а в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, и за совершение преступлений иной категории тяжести.

В настоящее время вариантов освобождения от уголовной ответственности пять: в связи с деятельным раскаянием, с примирением с потерпевшим, в связи с возмещением вреда, с назначением судебного штрафа и в связи с истечением сроков давности. При этом только статьи УК РФ об освобождении от ответственности в связи с возмещением вреда и истечением сроков давности носят императивный характер и обязывают, таким образом, должностных лиц освободить подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности.

Остальные статьи предусматривают лишь возможность освобождения от уголовной ответственности на усмотрение следователя, дознавателя, суда.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) предусматривает возможность прекращения уголовного дела по рассматриваемым нами основаниям. При этом ст. 28.1 УПК РФ *обязывает* полномочное должностное лицо прекратить уголовное дело.

В правоприменительной практике органов предварительного расследования часто возникают проблемы применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности и прекращении в связи с этим уголовного дела.

Так, Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» дополнена примечанием 2: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или

второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплатило проценты (выплатило денежную компенсацию) в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Таким образом, законодатель обязывает уполномоченных должностных лиц освободить от уголовной ответственности и прекратить уголовное дело в отношении обвиняемого в связи с погашением задолженности перед работниками.

Однако, как мы указывали ранее, только ст. 76.1 и 78 УК РФ предусматривают обязательное принятие решения об освобождении от уголовной ответственности, однако, как мы видим, именно освобождение по указанным нормам невозможно при совершении лицом преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ.

В сложившейся ситуации должностные лица, поставленные императивной нормой УК РФ в рамки обязательности принятия решения об освобождении от уголовной ответственности, фактически принимают решение о выборе варианта освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела по предусмотренным УПК РФ основаниям.

Однако обстоятельства уголовного дела могут свидетельствовать об отсутствии какого-либо раскаяния со стороны обвиняемого, об отсутствии факта примирения его с потерпевшими. Поэтому при принятии судом решения о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа для суда при реализации его прав одним из основных критериев также является раскаяние лица, совершившего данное деяние, наличие факта, что преступление потеряло свою общественную опасность. Кроме того, для принятия судом такого решения необходимо согласие подозреваемого и обвиняемого.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ: ОТДЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Согласно УПК РФ расследование преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, отнесено к деятельности следователей Следственного комитета Российской Федерации.

При применении данного состава преступления следователи вышеуказанного государственного органа могут столкнуться с определенными сложностями, которые могут носить как практический, так и теоретический характер.

Например, в следственном отделе одного из региональных управлений Следственного комитета Российской Федерации между следователями возник достаточно теоретический вопрос – сколько работник должен отработать времени, чтобы работодателя можно было привлечь к ответственности по ст. 145.1 УК РФ за неуплату этому работнику заработной платы.

Теоретическим он является потому, что на практике такую ситуацию встретить, наверное, невозможно, поскольку если работодатель не выплачивает заработную плату, то не платит он обычно месяцами и даже годами.

Вместе с тем подобный вопрос возник и следователи поделились на два лагеря: одни говорили о том, что работник должен проработать не менее двух месяцев (если речь идет, например, о полной невыплате), а вторые – что для наступления уголовной ответственности не требуется работать именно не менее двух месяцев.

Для разрешения данного вопроса следует обратиться к уголовному закону, в ч. 2 ст. 145.1 которого указано, что наказуемой является собственно «невыплата» заработной платы свыше двух месяцев.

Представляется, что эти два месяца абсолютно не привязаны к времени работы сотрудника, поскольку трудовое законодательство предусматривает возможность заключения с работником срочного трудового договора на время выполнения временных (до двух месяцев) работ (ст. 59 ТК РФ). Или же сотрудник через месяц может уволиться по собственному желанию. Никто этого не запрещает.

Отсюда следует, что если с работником заключен трудовой договор и он отработал месяц, полностью выполнив принятые на себя обязательства, ему должна быть выплачена заработная плата.

Думается, что для наступления ответственности работодателя в данном случае следует говорить не о времени работы сотрудника, а о времени невыплаты заработной платы, допущенной работодателем, и дифференциации его ответственности за это.

Здесь речь идет о том, что законодатель за просрочку невыплаты заработной платы сначала устанавливает административную ответственность. Так, ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ предусматривает ответственность за невыплату заработной платы в установленный срок, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Представляется, что невыплата заработной платы будет административно наказуемой с даты, установленной для выплаты в трудовом договоре, вплоть до истечения двух месяцев. Как только срок полной невыплаты «перешагнет» отметку в два месяца, должна наступать уголовная ответственность. При этом «привязки» к сроку работы делать не следует, поскольку объективная сторона анализируемого преступления представляет собой невыплату заработной платы свыше двух месяцев и нет свидетельств о том, что работник также должен отработать не менее двух месяцев.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

А.Л. Агабекян

РОЛЬ СЕМЬИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ (ОТБЫВАНИИ) НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

В отечественной литературе учеными (Н.А. Гришко, А.А. Мартынова, В.И. Степаненко, А.Г. Финаева) достаточно активно исследуются проблемы влияния семьи на лиц, отбывающих лишение свободы. Однако за пределами изучения часто остается участие семьи совершеннолетнего осужденного в процессе исполнения наказания, не связанного с изоляцией от общества.

В этом контексте и российское законодательство почти не упоминает об этом ни в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ), ни в Уголовно-исполнительном кодексе (УИК РФ). Так, слово *семья* (и образованные от него другие однокоренные слова) встречается в УК РФ 5 раз применительно к порядку определения размера штрафа (ст. 46), судебного штрафа (ст. 104.5), назначению наказания (ст. 60) и к преступлениям против семьи (гл. 20), а в УИК РФ – 7 раз относительно только наказаний, связанных с изоляцией от общества. Слово *родственник* (и образованные от него формы слова) в УК РФ вовсе не используется, а в УИК РФ упоминается 50 раз, из которых лишь 2 раза применительно к порядку отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 50). Вместе с тем в Приказах Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 г. Москва «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» и от 11 октября 2010 г. № 258 г. Москва «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» кроме слова *родственник* встречаются выражения *лица, проживающие совместно с осужденным, а также входящие в круг его общения; лица, которые могут оказать положительное влияние*. Эти выражения слишком широки по значению, но все же позволяют акцентировать внимание на совокупности лиц, кто может позитивно воздейство-

вать на осужденного, чтобы избежать повторного совершения преступления.

Актуальность этой проблемы также обусловлена изменением содержания международных стандартов альтернативных наказаний, где большое значение стало уделяться роли довольно узкого круга лиц в реинтеграции правонарушителя в социум. В Токийских правилах 1990 г. о семье упоминается трижды (в п. 3.11 о правовых гарантиях). Самостоятельный раздел «Работа с семьей осужденного» (п. 56) представлен в Правилах о пробации 2010 г., в котором служба пробации наделена возможностью предоставлять помощь, консультацию и информацию семьям осужденных. Указанные особенности свидетельствуют, на наш взгляд, о расширении значения семьи на международном уровне при исполнении альтернатив лишению свободы.

Важным аспектом является учет мнения семьи при определении порядка отбывания общественных (обязательных) работ. Законом РФ предусмотрены требования к порядку назначения наказания, которые включают в себя учет не только личности виновного, но и влияние санкции на жизнь его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). В дополнение к этому в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» приводится пример таких условий: «возможная утрата членами семьи осужденного средств к существованию в силу возраста, состояния здоровья». Несмотря на то что некоторые ученые ставят под сомнение реальный учет судами всех обстоятельств, изложенных выше, считаем важным, чтобы распространение этого требования затрагивало и порядок исполнения. То есть необходимо расширять диспозитивность не только применительно к личности правонарушителя, но и к его непосредственному окружению. Во всяком случае, последнее получит возможность активно участвовать в судьбе осужденного, подключившись к процессу исправления. Данное предложение также актуально ввиду закрепления в Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, разработанного коллективом авторов во главе с В.И. Селиверстовым, принципа участия общественности в процессе исполнения наказания. Суть его отражается в различных средствах исправительного воздействия, среди которых «поддержание социальных полезных связей», в частности – с семьей осужденного.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Практика общественного контроля в местах принудительного содержания, в том числе в местах лишения свободы показала, что основным субъектом общественного контроля являются общественные наблюдательные комиссии (ОНК).

Анализируя законодательство, мнения ученых и правозащитников, официальные документы¹, можно прийти к мнению, что на ОНК возлагались и возлагаются большие надежды в области контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в местах, как лишения свободы, так и принудительного содержания.

Нельзя сказать, что участие ОНК в уголовно-исполнительных правоотношениях обходятся без проблем. Существуют нерешенные организационно-правовые проблемы сотрудничества субъектов общественного воздействия между собой и с учреждениями и органами, исполняющими наказания. Таковыми являются: фрагментарное законодательное регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных, а также отсутствие должного законодательного внимания к иным (помимо ОНК) субъектам общественного воздействия на осужденных. Более того, по результатам исследования, проведенного К.И. Голубцовой в ходе изучения правовых и организационных проблем общественного контроля в местах лишения свободы, был сделан вывод об отсутствии слаженного и отработанного взаимодействия органов и учреждений УИС и общественных формирований².

¹ Всероссийский форум общественных наблюдательных комиссий // Территория партнерства. Информационный бюллетень Общественного совета при ФСИН России. 2009. № 4 (12). 33 с.

² Голубцова К.И. Правовой и организационный аспекты деятельности общественных формирований, осуществляющих контроль за обеспечением прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях УИС // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 25.

Вместе с тем, исследуя практику деятельности ОНК Краснодарского края, М.А. Калужина отмечает наличие трудностей правового, организационного и технического характера, с которыми сталкиваются региональные общественники. При этом, отмечая важность общественного контроля в местах принудительного содержания, автор указывает на важность ОНК в дальнейшем формировании и укреплении гражданского общества¹.

Некоторыми трудностями общественного контроля в местах лишения свободы видятся в том, что понимать в первую очередь под уголовно-исполнительными отношениями с участием общественников. Организационные вопросы общественного контроля определяются слабым законодательным урегулированием процедуры выдвижения кандидатов в члены ОНК со стороны региональных общественных объединений правозащитной направленности. До участия в процедуре выдвижения кандидатур в ОНК не допускаются муниципальные общественные объединения (объединения, деятельность которых осуществляется в пределах территории органа местного самоуправления). Вместе с тем отдельные граждане, желающие проявлять активную гражданскую позицию, но при этом не состоящие в общественных объединениях, также не имеют возможности заявить о своей кандидатуре в состав ОНК.

Если давать оценку предлагаемым законодателем изменений в регулирующие основы общественного контроля в местах принудительного содержания законодательство, следует указать исключительно на позитивный сдвиг. Практика осуществления общественного контроля со стороны ОНК в разных регионах страны показывает разную эффективность. Появляются проблемы, требующие в том числе и вмешательства органов власти. В условиях специфически и неравномерно развивающейся активной гражданской позиции гражданского общества в России подобные шаги видятся очевидными.

¹ Калужина М.А. Актуальные вопросы работы общественных наблюдательных комиссий по обращениям граждан (на примере Краснодарского края) // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 109.

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА УИС

В последнее время исследования профессионального выгорания приобрели особую значимость, в связи с увеличением эмоциональных нагрузок, быстро меняющимися способами современного производства, увеличением удельного веса новых информационных технологий, а также влиянием множества других факторов, значительная часть которых создает трудности для профессиональной успешности сотрудников многих современных организаций. Особые условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе (УИС) оказывают серьезное воздействие на личность сотрудника и могут привести к возникновению синдрома профессионального выгорания.

Профессиональное выгорание – это истощение эмоциональных, умственных и энергетических ресурсов человека, которое развивается на фоне сильного хронического стресса на работе. Оно характеризуется полной потерей интереса к профессиональной деятельности и чувством бессмысленности дальнейшего саморазвития, отсутствием сил и желания заниматься тем, что еще недавно увлекало. Принято считать, что «выгоранию» более подвержена возрастная категория от 28 до 42 лет, когда у человека происходит переоценка ценностей и приоритетов.

В последнее время режим работы некоторых профессий настолько высок, что процесс выгорания возникает значительно быстрее и становится нормой. Феномен профессионального выгорания у сотрудников пенитенциарного ведомства был выявлен еще в конце 1960-х гг. (Bradley, 1969), а в последующем его закономерности активно изучались на представителях «помогающих профессий» (Freudenberger, 1974; Maslach, 1982; Coxetal, 1993; Schaufelly, Enzmann, 1998; Plana, 2003; Форматок, 1994; Маркова, 1996; Бойко, 1996; Водопьянова, Гришина, 1997; Орел, 2001; Калашникова, 2004; Мальцева, 2005; Мушастая, 2007; Шевченко, 2007; Доценко, 2008; Старченкова, 2008; Мальшев, 2009; Бузовкина, 2013 и др.). До сих пор не существует обобщенной концепции, раскрывающей детерминацию и механизмы развития данного синдрома, а также дискутируется вопрос эффективности методического инструментария по его изучению, профилактике и коррекции.

Изучение ощущений людей, которые страдают от синдрома профессионального выгорания, дает возможность сделать вывод, что хотя они и чувствуют себя физически утомленными, но чувство это характеризуют как значительно отличающееся от простого физического утомления. Усталость как результат физических упражнений обычно сопровождается ощущением бодрости, повышения тонуса, чувства успешности в достижении каких-либо целей и, таким образом, выступает положительным опытом. Ввиду специфики служебной деятельности сотрудников УИС основополагающими мерами профилактики профессионального выгорания является моральное и материальное стимулирование.

Недостаточная эффективность профилактики профессионального выгорания связана с тем, что у многих специалистов исправительных учреждений УИС существует недостаточность профессиональной компетентности, нехватка знаний и отсутствие необходимой для службы стрессоустойчивости.

Таким образом, профилактика «профессионального выгорания» сотрудников УИС должна представлять собой комплекс мероприятий, который следует проводить постоянно в процессе всей служебной деятельности.

М.Ю. Бизина

О ПОЛЬЗЕ КРИМИНАЛЬНЫХ АНАЛИТИКОВ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

О пользе криминального анализа для предотвращения преступлений еще в начале XX в. говорил Август Воллмер, шеф полиции Беркли, штат Калифорния, а уже в 1990-х гг. в полиции Нью-Йорка была создана программа компьютерной сравнительной статистики CompStat, использовавшая картирование и анализ для еженедельных отчетов о преступности. Эта программа позволила существенно снизить преступность в 1993–1998 гг. (убийства на 67%, кражи со взломом на 53% и ограбления на 54%)¹.

Ключом к успеху криминального анализа является доступ к полному объему информации, с которой рядовой полицейский не в со-

¹ Bureau of Justice Assistance. Compstat: Its Origins, Evolution, and Future In Law Enforcement Agencies. Washington, DC, 2013. P. 40.

стоянии ознакомиться в течение рабочего дня. Штатные криминальные аналитики в полицейских отделениях Северной Америки и Западной Европы, используя базы данных полиции муниципального и федерального уровней, а также информацию от городских служб и из открытых источников, составляют различные аналитические продукты в зависимости от типа анализа.

При тактическом анализе создаются карты очагов преступности, выявляются серии преступлений, а также тенденции, которые в виде отчетов различного формата предоставляются на еженедельном или ежемесячном собрании по предотвращению преступности. Такие собрания помогают выстроить план патрулирования, а также разработать превентивные меры, оптимизируя использование полицейских ресурсов.

При разведывательном анализе, основываясь на оперативных данных, составляются схемы ассоциаций субъектов и объектов, профиль преступника, анализ телефонных переговоров и карты передвижения лиц или транспортных средств. Такие отчеты помогают установить неочевидные связи, адреса и маршруты, экономя время и ресурсы при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Криминальный аналитик за рубежом использует навыки, приобретенные в процессе получения высшего образования, чаще всего по специальности криминология (бакалавр искусств) или криминалистическое расследование (бакалавр технических наук). Кроме того, членство в двух международных ассоциациях (IACA и IALEIA)¹ дает криминальным аналитикам возможность обмена опытом при использовании специализированного программного обеспечения, что в свою очередь повышает эффективность работы всего полицейского отдела.

В 2012² и 2019³ г. российские ученые уже рассматривали положительные аспекты института штатных криминальных аналитиков за

¹ IACA – International Association of Crime Analysts – Международная ассоциация криминальных аналитиков, IALEIA – International Association of Law Enforcement Intelligence Analysts – Международная ассоциация аналитиков правоохранительных органов

² Аванесян В.В. Профессия криминолога в России и в зарубежных странах: сравнительное исследование // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 2. С. 80–92.

³ Варыгин А.Н., Червонных Е.В., Клементьев А.С., Пименов П.А. Институт штатных криминологов (криминальных аналитиков): зарубежный опыт и перспек-

рубежом, и оба исследования указали на трудности внедрения подобной практики в Российской Федерации. В настоящее время еще не созданы программы целенаправленной подготовки гражданских криминальных аналитиков для работы в полиции РФ, а аналитическую работу выполняют отделы Управления оперативно-розыскной информации.

В условиях ускоренной цифровизации общества было бы целесообразно перенять успешный опыт зарубежных коллег, учредив должность штатного аналитика и предоставив ему необходимую техническую оснащенность и доступ к разнообразным базам данных.

И.С. Дроздов

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УИИ И ОВД В ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВА СРЕДИ ОСВОБОЖДЕННЫХ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена таким важным направлением деятельности органов уголовной юстиции, как предупреждение совершения повторных преступлений освобожденными из исправительных учреждений условно-досрочно.

На протяжении четверти века обязанность по осуществлению контроля за освобожденными условно-досрочно возлагалась на территориальные органы внутренних дел, при том что ведомственный нормативный правовой акт МВД России, который бы регламентировал контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания, отсутствовал. В связи с этим на практике сотрудники полиции при получении постановления суда об УДО фактически не понимали, как исполнять судебный акт, а осуществляемый ими контроль был эпизодичен и неэффективен.

Указом Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314» (далее – Указ) контроль за осужденными, условно-

тивы внедрения в систему профилактики правонарушений в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 506–518.

но-досрочно освобожденными передан уголовно-исполнительным инспекциям.

Однако в связи с передачей этой функции на практике возник целый ряд проблем организационного и правового характера, для устранения которых требуется внесение изменений и дополнений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

В связи с изложенным предлагается:

– внести изменения и дополнения в нормативные правовые акты, касающиеся осуществления контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, так как Методические рекомендации ФСИН («Последовательность действий по осуществлению контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания»), направленные уголовно-исполнительным инспекциям в целях организации исполнения новой функции, по своей природе являются не более чем методическими рекомендациями;

– рассмотреть уже высказанную в юридической литературе возможность законодательного урегулирования осуществления контроля за освобожденными в порядке УДО, для чего внести изменения в УИК РФ, включив в него главу «Осуществление контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно»¹;

– внести изменения в ст. 18.1 УИК РФ (объявление розыска и осуществление оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества), включив в нее лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, так как в указанной норме они не фигурируют;

– скорректировать Федеральный закон «О полиции» (п. 26 ч. 1 ст. 12), а также внести изменения п. 36.1 Приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» в части наделения сотрудников полиции дополнительными полномочиями при осуществлении контроля за поведением осужденных, освобожденных в порядке УДО.

¹ Разбирин Л.И. Осуществление контроля за условно-досрочно освобожденными от наказания // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 55; Чуприна Л.В. Режим испытания при условно-досрочном освобождении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 9.

Полагаем, что реализация в ближайшей перспективе хотя бы части причисленных выше предложений не только позитивно скажется на деятельности уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел по контролю за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, но и будет способствовать минимизации рецидивизма с их стороны.

А.А. Ефименко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ДОСТУПОМ ПО БИОМЕТРИЧЕСКИМ ПАРАМЕТРАМ

Система контроля и управления доступом (СКУД) представляет собой совокупность специализированного оборудования и программного обеспечения, предназначенного для организации на заданной территории системы ограничения, регистрации и контроля доступа людей и транспорта через «точки прохода» в пенитенциарные учреждения.

На этой основе биометрическая система контроля и управления доступом позволяет распознавать людей по их физическим индивидуальным особенностям (отпечатки пальцев либо ладони, сетчатка радужной оболочки глаз, голос, черты лица, форма кисти руки, ДНК и др.). Это способствует качеству контроля и безопасности системы, снижается риск несанкционированного проникновения и обмана системы.

Биометрическая система контроля, как и все оборудование СКУД, предназначена для управления доступом на заданную территорию и обеспечивает:

- защиту материальных ценностей, информации, имущества, оборудования;
- безопасность сотрудников и посетителей;
- контроль, учет и управление доступом на объект (идентификация личности, определение зон и времени доступа, открытие дверей, турникетов, шлагбаумов и др.).

Несомненно, к основным преимуществам биометрического оборудования СКУД относятся:

- высокая точность идентификации личности человека, проходящего контроль;
- сложность фальсификации биометрических параметров;
- высокая степень надежности, так как биометрический идентификатор нельзя забыть, как пароль, потерять, как пластиковую карту, или воспользоваться чужими данными, или картой, или пропуском.

Статистика показывает, что с момента применения биометрии, случаев незаконного прохода незарегистрированных в системе лиц не допущено, что обеспечивает эффективность соблюдения пропускного режима.

Применение биометрических систем контроля и управления доступом также имеет и положительный экономический эффект. Так, побег осужденных через КПП по пропуску людей становится невозможным.

Это позволяет исключить необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий в случае побега, приводя к экономии финансовых средств.

Отметим, что биометрические системы контроля и управления доступом «СКУД BioSmart» имеют ряд особенностей при эксплуатации:

- в связи с выпуском производителем более современных биометрических систем прекращено обновление программного обеспечения;
- несовместимость некоторых новых комплектующих и запасных частей с имеющимися в учреждениях биометрическими системами;
- техническое оснащение имеющихся в учреждениях биометрических систем не в полном объеме соответствует предъявляемым требованиям и условиям эксплуатации по сравнению с более современными биометрическими системами.

На сегодняшний день биометрические системы представлены многообразием видов и размеров. Биометрические системы представлены оборудованием, программным обеспечением, комплектующими, комплектами разработчика программного обеспечения и законченными решениями.

А.А. Ефименко, К.В. Шевченко

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМНЫХ ТРЕБОВАНИЙ НА ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

В соответствии с законодательством Российской Федерации, согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), требования режима направлены на обеспечение надежной охраны, изоляции осужденных, постоянного надзора за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию прав и законных интересов, а также личную безопасность, что является основным средством исправления осужденных в местах лишения свободы.

В соответствии с п. 6 ст. 82 УИК РФ администрация исправительного учреждения вправе производить досмотр находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Так, в ФКУ ИК-18 ГУФСИН России по Новосибирской области за 2021 г. осуществлено 17 перебросов запрещенных предметов на территорию учреждения. Замечено, что неоднократно граждане приближались к ограждению внутренней запретной зоны, производили фото- и видеосъемку. Не вызывает сомнения, что в соответствии с Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы» осуществлять кино-, фото- и видеосъемки, звукозаписи на данной территории запрещено. Однако границы режимной территории ФКУ ИК-18 официально не определены. Задержание граждан возможно на основании КоАП РФ.

Согласно п. 2 Приказа Минюста России от 03.09.2007 № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориаль-

ному органу уголовно-исполнительной системы», режимная территория определяется именно на плане-схеме, которая составляется с учетом генерального плана учреждения, с соблюдением масштаба и указания расстояний и размеров.

План-схема составляется в трех экземплярах-оригиналах. Подписи должностных лиц согласующей и утверждающей план-схему сторон заверяются печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации. Один экземпляр передается в подведомственное учреждение.

Стоит обратить внимание на то, что положительный опыт рассмотренной выше проблемы есть. Так, в соответствии с постановлением главы города Алатыря от 18 декабря 2018 г. № 884 «Об определении границ территории, прилегающей к ФКУ ИК-2 УФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии, где установлены режимные требования» устанавливаются границы режимной территории, прилегающей к ФКУ ИК-2 УФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии, в радиусе 50 метров от ограждения внешней запретной зоны охраняемого объекта.

Ю.М. Заборовская

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Пожилым возраст человека как один из сложных периодов жизни связан с постепенным снижением физиологических функций организма, а также уменьшением социальных связей. В специальных исследованиях обоснованно указывается, что «наблюдающийся рост числа пожилых осужденных, повышающийся риск потери ими социальной и физической автономии создают достаточно много проблем для сотрудников исправительного учреждения. При этом процесс старения среди осужденных является более интенсивным, нежели... среди населения...»¹.

¹ Тепляшин П.В., Тепляшина Е.А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3. С. 89.

Правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы должно основываться на принципах гуманизма, социальной справедливости, строгом соблюдении законности, обеспечении возможности самореализации, прогрессивного отбывания наказания, дифференциации и индивидуализации наказания, рационального применения мер принуждения и др. Соблюдение принципов и реализация их в отечественном законодательстве во многом зависит от экономических возможностей конкретного государства. Реализация принципа дифференциации исполнения наказания закреплена в ст. 8 УИК РФ.

Правовой анализ международных стандартов в сфере исполнения наказаний позволяет судить об основных направлениях и отдельных аспектах дифференциации лиц, осужденных к лишению свободы. Так, например, правило 93 Правил Манделы закрепляет следующие цели классификации:

Отделение заключенных от тех, кто в силу своего преступного прошлого или своих черт характера (в версии 1955 г. – отрицательных черт) грозит оказать на них плохое влияние.

Разделение заключенных на категории, облегчающее работу с ними в целях их возвращения к жизни в обществе.

Работу с разными категориями заключенных следует вести по мере возможности в разных тюремных учреждениях (в прошлой редакции – заведениях) или же в разных отделениях одного и того же тюремного учреждения. Разделение заключенных на категории облегчает работу с ними в целях их возвращения к жизни в обществе (правило 93 Правил Манделы).

Различные категории заключенных содержатся в отдельных учреждениях или в разных частях одного и того же учреждения с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного вида режима (правило 11 Правил Манделы).

Таким образом, действующие международные стандарты определяют возраст как один из основных критериев дифференциации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. С учетом этого важное значение имеет реализация принципа дифференциации исполнения наказания, закрепленного в отечественном пенитенциарном законодательстве в отношении отдельных категорий осужденных (в том числе и лиц пожилого возраста).

ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, является одной из задач УИС, и положительных результатов в решении данной задачи можно добиться лишь при условии своевременного прогнозирования и недопущения фактов осложнения оперативной обстановки в учреждениях УИС. Для этого требуется тщательное изучение анализа и оценки оперативной обстановки, установление причин и условий, негативно влияющих на ее состояние, совершенствование нормативно-правовой базы.

Понятие «оперативная обстановка» не раскрывается ни в одном нормативно-правовом акте, регулирующем деятельность уголовно-исполнительной системы. Однако в повседневной практике исправительных учреждений она существует, как минимум, когда дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) принимает, сдает дежурство, докладывает о состоянии «оперативной обстановки». Но в научной литературе данное понятие не получило однозначного толкования.

Так, А.Г. Лекарь, одним из первых сформулировал данное понятие, полагал, что под оперативной обстановкой следует понимать условия, а именно особенности обслуживаемой территории (объекта), состояние преступности, а также наличие и состояние сил и средств правоохранителей, в которых тот или иной аппарат (орган) выполняет задачи борьбы с преступностью¹.

М.П. Лашин определяет оперативную обстановку как «совокупность данных, характеризующих состояние и динамику преступности, эффективность использования сил и средств в борьбе с ней, а также особенности территории (объекта)»².

С.А. Соколов, М.В. Сорокин, Ю.В. Терехов, А.А. Яковлев под оперативной обстановкой понимают «совокупность внутренних и внешних условий, в которых осуществляется деятельность учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы,

¹ Лекарь А.Г. Профилактика преступлений : учебник. М., 1972. С. 42.

² Лашин М.П. Преступления и наказания : учеб. пособие. М., 1986. С. 26.

имеющих качественные и количественные показатели, влияющих на криминогенную ситуацию в них, организацию и осуществление деятельности этих учреждений»¹.

На наш взгляд, оперативная обстановка в ИУ – это совокупность внутренних и внешних факторов на обслуживаемой территории (ИУ), способных негативно повлиять на нормальную жизнедеятельность учреждения.

В целях уяснения процесса оценки оперативной обстановки в исправительном учреждении необходимо определить субъект, ее оценивающий.

В практической деятельности в исправительных учреждениях сформировалась «традиция», не предусмотренная нормативно-правовыми актами, что оперативную обстановку в учреждении оценивают, прежде всего, сотрудники оперативного подразделения ИУ получающие информацию как гласным, так и не гласным способом. Заместитель начальника ИУ, курирующий безопасность и оперативную работу, анализирует и определяет уровень или степень оперативной обстановки за определенный промежуток времени (сутки, неделя, месяц, квартал, год) с целью выработки мероприятий по улучшению деятельности ИУ. Эта «традиция» должна найти свое отражение на нормативном уровне.

В.С. Ишигеев

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Охрана прав и свобод человека и гражданина распространяется не только на общество в целом, но и на тех лиц, которые отбывают наказание в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Отмечая специфику указанных мест лишения свободы, укажем, что она заключается в том, что в данных учреждениях сосредоточены

¹ Правовое регулирование и организация режима : курс лекций / [С.А. Соколов, М.В. Сорокин, Ю.В. Терехов, А.А. Яковлев]. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. 316 с.

лица, совершившие преступления различной степени тяжести, в том числе распространители криминальной культуры среди других осужденных.

Кроме того, в пенитенциарных учреждениях сложилась определенная субкультура, являющаяся препятствием для деятельности государства по исправлению лиц, совершивших преступления, и противодействию совершению преступлений в отношении прав осужденных, гарантированных Конституцией РФ, например права на жизнь.

Регламентируемые ст. 1 и 8 УИК РФ обязанности учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению исполнения назначенных по приговору суда наказаний лицам, совершившим преступления, непосредственно сопряжены с мерами предупреждения совершения преступлений этими лицами.

Необходимо отметить, что далеко не все меры, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством, например, такие, как режим или распорядок дня, должным образом обеспечивают безопасность жизни и здоровья лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Кроме того, уголовно-исполнительная практика нуждается в первоочередном устранении негативного влияния на лиц, впервые находящихся в местах лишения свободы, так как они являются первоочередными для «криминальной обработки».

В качестве второй категории, требующей не меньшего криминологического внимания в аспекте предупреждения и непосредственно пресечения совершения преступлений, являются лица с устоявшейся антисоциальной установкой.

Необходимость выработки эффективных мер предупредительного характера, включая разработку мер профилактического воздействия, является сегодня потребностью практики исполнения наказаний и необходимостью соблюдения требований уголовного и уголовно-исполнительного закона.

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УЧИТЫВАЕМЫЕ
ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО, ВОИНСКОГО
ИЛИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ, КЛАССНОГО ЧИНА
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД**

При осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного суд может лишить его специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ).

Этого наказания нет ни в одной санкции статей УК РФ, а значит, его назначение зависит от усмотрения суда при наличии предусмотренного законом условия.

Таким условием является категория преступления – оно должно быть тяжким или особо тяжким. По сравнению с первоначальной редакцией действующего уголовного закона в настоящее время УК РФ предусматривает в десятки раз больше статей о преступлениях, за которые возможно лишить званий, чинов и наград. Такие статьи имеются во всех главах Особенной части УК РФ.

Не случайно некоторые исследователи, анализируя потенциал дополнительных наказаний, отмечают, что в последнее время применение указанного наказания возрастает. Так, например, если за 2016 г. такое наказание было назначено 145 подсудимым, то в 2017 г. – уже 197, а в 2018 г. – 251 подсудимому.

В пользу вывода о расширении применения (назначения и исполнения) лишения званий, чинов и наград в дальнейшем говорит и то, что с 28.06.2019 в связи с внесенными изменениями в ч. 3 и 4 ст. 15 УК РФ назначение такого наказания возможно и в связи с совершением неосторожного преступления, за которое максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, находится в границах от десяти до пятнадцати лет лишения свободы, поскольку содеянное в этом случае будет считаться тяжким преступлением. Ранее лишить званий, чинов и наград можно было только за совершение умышленных тяжких и особо тяжких деяний.

Решение о назначении этого наказания суд должен принять с учетом личности виновного. Однако такое прямое указание ст. 48 УК РФ

подвергается критической оценке ряда ученых, говорящих о дублировании ч. 3 ст. 60 УК и недопустимости двойного учета одного обстоятельства при назначении наказания. Вместе с тем Пленум ВС РФ отмечает, что при применении к осужденному данного вида наказания судам наряду с тяжестью преступления следует учитывать и другие указанные в ст. 60 УК РФ обстоятельства (личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи). Пленум указывает, что к сведениям о личности, могут в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей).

Изучение судебной практики показывает, что при решении вопроса о назначении указанного наказания суды, как правило, учитывают связь должностного положения лица, имеющего, например, специальное звание либо классный чин с совершенным преступлением, использование своего особого положения для достижения преступного результата. Некоторые авторы допускают, что при назначении этого наказания учитывать нужно только обстоятельства, негативно характеризующие личность. Это едва ли оправданно, поскольку при наличии у подсудимого, совершившего как минимум тяжкое преступление, званий, чинов и наград суд должен обсудить вопрос о возможности применения наказания, предусмотренного ст. 48 УК РФ и в случае, если такое наказание в итоге назначено подсудимому не будет.

М.В. Киселев

ПРОБАЦИОННАЯ СЛУЖБА: ВАРИАНТЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. предусмотрено создание в составе Федеральной службы исполнения наказаний пробационной службы, которая, на наш взгляд, позволит уменьшить рецидив и тем самым внесет известный вклад в улучшение криминогенной обстановки в стране.

На сегодняшний день имеется несколько мнений, каким образом и на какой базе будет создана пробационная служба, и это достаточно

существенный вопрос. Самое большое число предложений подразумевает создание данной службы на базе уголовно-исполнительных инспекций. В принципе, с этим можно было бы и согласиться, но пробация и реализация уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от , – не совсем одно и то же. Они, по сути, очень близки, но не тождественны. В финале создания пробационной службы, конечно же, их можно было бы объединить и минимизировать однотипные функции, а вот в стадии создания, на наш взгляд, имеет смысл оставить функционирование уголовно-исполнительных инспекций в том виде, в котором они осуществляют свою деятельность сегодня. При этом для выполнения функций пробации целесообразно создать иное структурное подразделение, работающее параллельно с уголовно-исполнительными инспекциями, но под одним общим структурным руководством. В процессе набора предусмотренных функций и выработки порядка их реализации вновь созданным подразделением возможно вернуться к вопросу об объединении вышеназванных подразделений.

В особом порядке необходимо вести речь о структуре, на которую будут возложены функции по руководству исправительными центрами, так как процесс их функционирования имеет свои существенные особенности и напоминает, хоть и отдаленно, колонии поселения. Это наводит на мысль о том, что для уголовно-исполнительных инспекций такой актив будет достаточно непрофильным, что повлечет за собой, скорее всего, большое количество структурных и управленческих ошибок. С целью исключения возможных негативных процессов, наверное, есть смысл обсудить вопрос о создании в пробационной службе отдельной структуры по руководству исправительными центрами, и, как видится, это будет наиболее правильным решением. Кроме того, наличие такого большого объема работы пробационной службы периодически поднимает вопрос о наделении этой службы правом на ведение оперативно-розыскной деятельности. Но с этим не следует торопиться. Оперативное сопровождение можно возложить на территориальные органы уголовно-исполнительной системы, а процесс функционирования пробационной службы в ближайшие пять – десять лет сам покажет, есть ли такая необходимость или она отсутствует.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС

Как известно, уголовно-исполнительное право нуждается в циклическом реформировании, так как развитие общества не стоит на месте. От данной отрасли во многом зависит не только криминальная обстановка, но и иные социальные аспекты.

Не углубляясь в теорию уголовно-исполнительного права, стоит сказать, что, даже несмотря на реформирование уголовно-исполнительной системы, остается ряд проблемных вопросов, которые по сей день не удалось разрешить.

Первая проблема касается не только УИС, но и общества в целом. Дело в том, что в современном мире в местах лишения свободы достаточно высок уровень криминализации. Существует и «преступная профессиональная среда», что явно влияет на психологические и ментальные установки, существующие внутри пенитенциарной системы в целом. Наличие определённой категории осуждённых отрицательной направленности способствует распространению и дальнейшему заражению иных осуждённых криминальными социально-поведенческими установками. Это непосредственно препятствует исправлению других осуждённых, стабилизации их поведения.

Данная идеология общественно опасна, поскольку она распространяется не только в рамках конкретных учреждений, но и выходит за пределы УИС. Примером может послужить феномен АУЕ¹, который распространяется на молодое поколение.

В качестве следующей проблемы стоит выделить отсутствие дифференциации осуждённых по их психологическим характеристикам. Дело в том, что российское законодательство рассматривает дифференциацию осуждённых лишь через призму тяжести совершённого преступления. Из-за этого в большинстве своём можно заметить, что в одном помещении конкретного исправительного учреждения могут содержаться профессиональные преступники и рецидивисты. К сожалению, данная проблема практически не освещается на должном уровне. Наиболее заинтересованы в изучении данной тематики прак-

¹ «Арестантский уклад един» – название и девиз криминальной структуры.

тические сотрудники УИС, которые в процессе выполнения своих должностных обязанностей сталкиваются с этим каждый день. Эта проблема выходит за рамки учреждений УИС, что приводит в «нравственной» опасности общества. Выйдя на свободу, преступники идеализируют и исповедуют воровскую романтику, внедряя её в человеческие умы¹.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо вести антикриминальную пропаганду не только в учреждениях УИС, но и в образовательных организациях при помощи психолого-образовательных, а также гуманистических мер с привлечением художественных произведений должного направления.

Д.С. Куклин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мошенничество наряду с другими, являясь преступным деянием, наносит обществу и государству ощутимый вред. При этом мошенничество в отличие от большинства других хищений постоянно меняется и видоизменяется. Появляются новые схемы мошенничества. Можно сказать, что, как ни прискорбно, такое преступное деяние, как мошенничество, эволюционирует, например, в сфере трудовых отношений. Типовой схемой такого мошенничества является оформление фиктивного трудового договора без цели фактического выполнения обусловленных трудовым договором работ либо выполнения работ не тем лицом, которое оформлено на работу по трудовому договору, но с целью получения заработной платы и иных выплат. Оформляется фиктивный трудовой договор, издается приказ, составляется табель, идут начисление заработной платы, отчисления в пенсионный фонд и подоходный налог. При этом работа, обусловленная трудовым договором, фактически не выполняется. В результате таких действий происходит незаконное завладение чужими денежными средствами и

¹ Клычлиева Ю.Ч. Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права // Молодой ученый. 2020. № 30 (320). С. 185. URL: <https://moluch.ru/archive/320/72813/> (дата обращения: 24.01.2022).

работодатель несет имущественный ущерб. Данные деяния в большинстве случаев квалифицируются по ст. 159 и 160 УК РФ.

Одним из факторов, обуславливающих высокую общественную опасность мошенничеств в сфере трудовых отношений, выступает их высокая латентность, поскольку они тщательно маскируются под правомерные действия. Само деяние и его последствия могут длиться месяцы и годы. Высокая латентность мошенничества в сфере трудовых отношений обусловлена и незнанием о таком виде мошенничества в общей массе работодателей, которые обычно выступают потенциальными потерпевшими.

Для того чтобы эффективно выявлять и предупреждать мошенничество в сфере трудовых отношений, необходимо понимать сущность и механизмы совершения данного вида хищения. Необходимо уделять больше внимания информированию потенциальных потерпевших, а именно работодателей, о существовании такого вида мошенничества, сущности и типовых механизмах осуществления хищения в данной сфере. Такая информационная деятельность проводится по радио, телевидению, в сети Интернет, на информационных порталах и сайтах правоохранительных органов. Но недостаточно. В информационной сфере уделяется достаточно много внимания информации о мошенничестве в общем, а специфическим схемам мошенничества – меньше. Стоит отметить, что в течение последних двух лет упоминания о мошенничестве в сфере трудовых отношений стали чаще фигурировать в средствах массовой информации. Но при этом упоминаний о мошенничестве в сфере трудовых отношений все равно не так много по отношению к общей массе подобных сообщений.

На наш взгляд, при информировании граждан о мошенничестве и типовых схемах его совершения необходим более системный подход. Необходима информация как о типовых и самых распространенных схемах совершения мошенничества, так и о специфических.

Н.Б. Лелик

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

Целями деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в соответствии с Концепцией развития УИС РФ на

период до 2030 г.¹ являются: обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях УИС, и гуманизация условий отбывания наказаний; совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний, профилактика совершения повторных преступлений; совершенствование организации деятельности учреждений УИС, обеспечение безопасности и развитие производства.

За прошедшие годы разработан и принят ряд законодательных актов, направленных на гуманизацию исполнения уголовных наказаний в отношении женщин в исправительных учреждениях (ИУ), а также на улучшение условий содержания подозреваемых и обвиняемых содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО). Так, усовершенствован институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам, женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет. Установлены отдельное содержание женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 3 лет, и беременных женщин от остальных подозреваемых и обвиняемых с определением норм санитарной площади не менее 4 м² в камере СИЗО на каждого ребенка в возрасте до 3 лет, находящегося вместе с матерью. Согласно приказу Минюста России от 02.09.2021 № 158² внесены изменения в Правила внутреннего распорядка СИЗО в части, касающейся предоставления телефонного разговора подозреваемой или обвиняемой женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, в течение 24 часов с момента поступления в данное учреждение. Кроме этого, установлено право осужденных женщин на дополнительные выезды на свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне ИУ, но в пределах муниципального образования, на территории которого оно расположено. Законодательно закреплена возможность применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким его видом, после фактического отбытия осужденной беременной женщиной и женщиной, имеющей ребенка в возрасте до 3 лет, находящегося в доме ребенка при ИУ, не

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. URL: <http://www.consultant.ru>

² О внесении изменения в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденные приказом Минюста России от 14.10.2005 № 189 : Приказ Минюста России от 02.09.2021 № 158.

менее одной четверти срока наказания, назначенного за преступление небольшой тяжести.

В дальнейшем необходимо улучшение условий содержания женщин в СИЗО в части предоставления им дополнительных платных телефонных разговоров, свиданий, особенно для такой категории подследственных, которые имеют ребенка до 14 лет. Кроме того, необходимо совершенствовать коммунально-бытовые условия содержания женщин с детьми и прогулочных дворов в следственных изоляторах.

Необходимо также изменить подход к содержанию осужденных женщин в ИУ с учетом особенностей отдельных категорий женского пола, таких как беременные и женщины, имеющие малолетних детей. Увеличение возраста ребенка, находящегося в доме ребенка ИУ либо СИЗО, позволит решить ряд социальных и экономических проблем, поможет направить усилия на сохранение их физического и психического здоровья в условиях временной изоляции от общества.

С.Е. Леонтьев

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УИС

Содержанием профессиональной подготовки сотрудников УИС является организация целенаправленного процесса, ориентированного на овладение и постоянное совершенствование сотрудниками профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения возложенных на них обязанностей.

Профессиональная подготовка сотрудников осуществляется на протяжении всего периода прохождения службы, начиная с момента поступления сотрудника на службу (первоначальная подготовка), в процессе осуществления профессиональной деятельности (профессиональная переподготовка, повышение квалификации, а также обучение в процессе служебной деятельности).

Содержание профессиональной подготовки сотрудников УИС, определяется спецификой выполнения возложенных на них задач.

В зависимости от состояния оперативной обстановки выделим следующие виды профессиональной подготовки:

- профессиональную подготовку для повседневного несения службы в условиях стабильной оперативной обстановки;
- профессиональную подготовку для несения службы в условиях сложной оперативной обстановки;
- профессиональную подготовку к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Возникают определенные затруднения в профессиональной подготовке сотрудников, в частности, в условиях сложной оперативной обстановки при возникновении чрезвычайных ситуаций и обстоятельств. Данное направление является менее освещенным, в связи с этим требует более тщательного изучения при выборе наиболее оптимальных средств и методов, а также форм проведения учебно-тренировочных занятий с сотрудниками.

Сложная оперативная обстановка предполагает разработку специальных мероприятий по ее нормализации, оказание практической помощи, более жесткий контроль за работой подразделений.

Значительно отличается управленческая детальность при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Это связано, прежде всего, с тем, что в условиях осложнения оперативной обстановки сотрудникам приходится выполнять больший объем работы, увеличивается количество функциональных обязанностей, что сопровождается повышенными физическими и психологическими нагрузками. В свою очередь, это требует более высокого уровня профессиональной подготовки от сотрудников.

К сожалению, сегодня не существует специальных программ подготовки сотрудников к действиям в условиях сложной оперативной обстановки. Отсутствуют частные эталоны развития событий в отдельно сложившейся ситуации, позволяющие эффективно решать задачи при возникновении чрезвычайной ситуации. Налицо дефицит специалистов по такой профессиональной подготовке и переподготовке в образовательных организациях ФСИН России

ПОДДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНЫХ СВЯЗЕЙ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В текущем десятилетии проведение цифровой трансформации УИС России выделено в числе основных направлений совершенствования и развития отечественного пенитенциарного ведомства¹. И это не случайно. Особую актуальность данное направление развития приобретает в современных условиях, озаменованных распространением пандемии COVID-19. Эта угроза выступает серьезным вызовом, требующим создания и поддержания на высоком уровне безопасных, в том числе и медицинских условий содержания осужденных в местах лишения свободы с возможностью полноценной реализации установленных законодательством их прав и законных интересов.

Принятый в нашей стране комплекс мер прежде всего ограничений (приостановление свиданий) по недопущению заражения осужденных в местах лишения свободы так или иначе затронул сферу сохранения и поддержания их социально полезных связей, что потребовало поиска новых технологических решений. Во время пандемии COVID-19 данная задача приобрела особую актуальность.

Как показывает практика, широко распространившаяся пандемия COVID-19 способствовала прогрессу в использовании именно технологических решений пенитенциарными системами многих государств. С начала пандемии многие тюрьмы впервые внедрили или расширили использование оборудования для видеосвязи для замены или дополнения личных посещений в тюрьмах Европы и по всему миру, в том числе в Казахстане, Кении, Австралии, Таиланде и Индонезии².

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 17.05.2021. № 20. Ст. 3397.

² Глобальные тюремные тенденции 2021 года. URL: <https://www.penal-reform.org/global-prison-trends-2021/contact-with-the-outside-world/> (дата обращения: 10.02.2022).

В настоящее время в исправительных учреждениях России использование нестандартных технологических решений в сфере сохранения и поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы осуществляется посредством предоставления следующих услуг:

– телефонный разговор продолжительностью не более 15 минут без ограничения их количества;

– «видеотелефония», позволяющая лицам, содержащимся в учреждениях ФСИН, использовать видеосвязь для общения со своими близкими, для чего в учреждениях устанавливаются видеотерминалы. Использование данной услуги не является заменой обычному или краткосрочному свиданию и приравнивается к телефонному разговору;

– «ФСИН-письмо», позволяющее отправлять электронные письма лицам, содержащимся в учреждениях ФСИН России.

Однако возросшее количество использования технических решений для смягчения последствий ограничительных режимов выявило значительный «цифровой разрыв» среди исправительных учреждений России в силу их недостаточной обеспеченности необходимыми техническими ресурсами, что требует принятия дополнительных организационных мер и финансового обеспечения данного направления в целях сохранения и поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы.

С.В. Михеева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАДЗОРА ЗА ОСУЖДЕННЫМИ, СТОЯЩИМИ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧЕТЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Для предупреждения совершения преступлений и иных правонарушений в исправительных учреждениях необходимо применять доступные правовые средства, приемы и методы надзора. Достаточно перспективна в подобном контексте такая мера, как профилактический учет. Известно, что 23.07.2016 г. в России был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в

Российской Федерации». В указанном законе говорится и о «профилактическом учете».

Однако некоторые его положения обладают настолько общим характером, что превращаются в декларативные.

В уголовно-исполнительной системе вопросы профилактического учета отражены в Приказе Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы».

Как отмечалось, в упомянутом федеральном законе отсутствует четкое понятие того, что следует понимать под профилактическим учетом. А правовое регулирование профилактического учета и надзора за лицами, поставленными на профилактический учет, имеет ярко выраженный фрагментарный характер, что приводит к непреодолимым противоречиям в ходе правоприменения.

На наш взгляд, Федеральный закон от 23 июля 2016 г. № 182-ФЗ, должен включать отдельную главу, посвященную профилактическому учету, что позволит раскрыть понятие профилактического учета, цели и задачи, которые при этом преследуются, функции, принципы осуществления, конкретный субъектный состав и ряд других важнейших вопросов. В условиях большей правовой определенности могут существенно возрасти показатели эффективности применения профилактического учета.

Чтобы заложить основу для обеспечения более полного правового регулирования профилактического учета в дальнейшем, необходимо в первую очередь в ст. 21 Федерального закона от 23 июля 2016 г. № 182-ФЗ включить легальное его определение. Так, часть 1 ст. 21 должна быть изложена в следующей редакции: «1. Профилактический учет – это совокупность действий по сбору, регистрации, обработке, хранению, защите и предоставлению информации о лицах, поведение которых имеет, имело (либо потенциально может иметь) антиобщественный и противоправный характер».

Кроме того, Приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 следует дополнить ст. 7.1, изложив ее в следующей редакции: «1. Профилактический учет в учреждениях уголовно-исполнительной системы – это совокупность действий по сбору, регистрации, обработке, хранению, защите и предоставлению информации о лицах, поведение которых имеет, имело (либо потенциально может иметь) антиобщественный и противоправный характер».

Е.Г. Михеенков

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ГУМЗ НКВД РСФСР В ЭПОХУ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Под кадровой политикой ГУМЗ НКВД РСФСР 1920-х гг. нами понимается реализация основных принципов исправительно-трудовой политики, направленных на формирование пенитенциарных кадров социалистического государства, обладающих необходимыми правовыми знаниями, морально-волевыми и служебно-боевыми навыками для выполнения поставленных задач.

В рассматриваемый период можно выделить несколько направлений ее реализации, прежде всего, с учетом классового подхода. В многочисленных распоряжениях НКВД РСФСР начала 1920-х гг. говорилось о необходимости комплектования кадров начальствующего состава НКВД из числа лиц, бескорыстно преданных советской власти, в то время как остальные подлежали устранению. Такой подход нередко приводил к увольнению с должности наиболее подготовленных кадров, что усиливало их нехватку при формировании советской системы ИТУ.

Направлением реализации кадровой политики в рассматриваемый период становится и подробная правовая регламентация деятельности строевого и командно-административного состава ИТУ. Прежде всего – наиболее важного, губернского уровня. Среди наиболее значимых документов здесь следует отметить такие, как Исправительно-трудовой Кодекс РСФСР 1924 г., Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июня 1924 г. «О служащих в местах лишения свободы», Устав службы по местам заключения 1925 г., Инструкция по службе работников административно-строевого состава мест заключения, принятая в 1926 г. Они не только регламентировали должностные обязанности сотрудников, но и предписывали порядок приема на службу в ИТУ.

Составляющей кадровой политики следует назвать формирование кадрового резерва, начавшегося в Сибири несколько раньше европейской части страны, с середины 1920-х гг. Он формировался из коммунистов, направленных партийными организациями ВКП(б) (позднее – и комсомольскими) в НКВД для работы на руководящих должностях.

Отметим, что такая форма кадровой политики оказалась жизнеспособной и просуществовала до начала 1990-х гг.

Важным направлением кадровой политики было и материальное обеспечение сотрудников исправительно-трудовых учреждений: два повышения их денежного довольствия (в 1924 и 1927 гг.); были устранены дополнительные стимулирующие выплаты и преференции (премиальные, пособия при переезде на новое место службы в отдаленные районы, дополнительный трехмесячный отпуск после пяти лет службы, бесплатное обучение детей сотрудников в средних и высших образовательных учреждениях и проч.), что делало службу намного привлекательней и конкурентноспособной.

Повышению престижности службы способствовала также гарантированность государством пенсионного обеспечения после наступления 20-летней выслуги лет в календарном исчислении сотрудником. При этом пенсия выплачивалась из специального фонда ГУМЗ, что предопределяло ее постоянность с периодичными индексациями.

Важное место занимало обучение сотрудников. В рассматриваемый период формируется многоуровневая система подготовки пенитенциарного персонала – от обучения надзоровосстава на местах до повышения квалификации на Высших курсах по исправительно-трудовому праву. Вместе с тем эффективность подготовки пенитенциарных кадров значительно снижалась из-за отсутствия специализированных учебных заведений, большинство которых были созданы в системе НКВД СССР лишь в предвоенный период.

Е.В. Никульченкова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность несовершеннолетних является одной из серьёзных проблем полноценного развития общества в России, требует постоянного изучения и прогнозирования для разработки превентивных действий. Будущее нашего государства зависит от того, как мы воспитаем наших детей и какую пользу они принесут обществу. Социализация ребёнка, его адаптивность в быстроменяющихся условиях, усвоение социальных ролей оказывают влияние на дальнейшее формирование личности.

По данным Генпрокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают более 40 тысяч преступлений, из которых, например, в 2019 г. 83% – это преступления против собственности; 8% – преступления против жизни и здоровья; более 4% – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Более 70 тысяч подростков в возрасте до 16 лет привлечены к административной ответственности¹. За 2020 г. в России несовершеннолетними (или с их участием) совершено 37 771 преступление, из которых 9 797 – тяжкие и особо тяжкие². И эти факты не могут не вызывать серьезной обеспокоенности.

Мотивы преступного поведения несовершеннолетних крайне разнообразны: самоутверждение, противопоставление себя окружающим, корысть, лень, жестокость, правовой нигилизм и др. Разрушение традиционных институтов семьи, отсутствие заботы о ближнем, сочувствия друг к другу, духовного воспитания, значительное снижение уровня жизни и социальной защищенности, пропаганда жестокости, засилье негативной информации в СМИ, алкоголизм и наркомания – далеко не полный перечень причин, обуславливающих преступность несовершеннолетних.

Психологические особенности несовершеннолетних связаны с определёнными стереотипами поведения, которые присущи каждой возрастной группе. Среди прочих необходимо особо выделить стремление к той среде, где подростки чувствуют себя уверенно, легко и эмоционально комфортно. Как правило, это выражается в принадлежности к разным социальным группам, для которых во многом характерны бесконтрольное поведение и праздное времяпрепровождение и которые не в состоянии постоянно контролировать занятые на работе родители. В таких группах подростки легко находят общий язык сверстниками, так как они «понимают» друг друга. Для многих несовершеннолетних пребывание в подобной группе вызывает неоднозначное понимание своего дальнейшего поведения, и оно может случайно выливаться в преступное, что впоследствии формирует

¹ Особо опасные дети // Российская газета. 20.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/20> (дата обращения: 07.01.2021).

² Состояние преступности в России за 2020 г. Генеральная прокуратура РФ. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).

устойчивые негативные тенденции к преступному поведению. Вовлечение несовершеннолетнего в криминальную группу приводит к ослаблению его внутренних мотиваций, внутреннего социального контроля, и подстрекаемый преступными элементами, он может совершать противоправные деяния.

Одной из важнейших задач современного общества, по нашему мнению, наряду с решением социально-экономических проблем, является возвращение к традиционным семейным ценностям, воспитание духовности, ответственности за поведение в обществе, привитие культуры общения и правовых знаний, способных создать прочный барьер преступным мотивациям и сформировать полноценного члена общества в государстве.

О.В. Обернихина

ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современные направления развития уголовно-исполнительной политики в качестве первостепенных ориентиров определяют не только гуманизацию исполнения уголовного наказания и мер уголовно-правового характера, но и снижают их репрессивность в целом. Именно поэтому особую популярность приобретают альтернативные санкции и меры.

Особую роль среди них играет условное осуждение, которое по своим запретам справедливо сравнивается В.А. Уткиным, С.А. Лаптевым, З.А. Натаевой, Е.А. Каданевой, Н.Ф. Борисовой и другими исследователями с ограничением свободы, однако при этом оно не является наказанием. Именно поэтому, как нам думается, условное осуждение имеет большее значение, чем ограничение свободы, следовательно, от последнего оправданным будет избавиться.

В.А. Уткин обосновывает такую законодательную необходимость тем, что не должно существовать фактически дублирующих друг друга санкций, в силу этого подверженных «девальвации» и препятствующих полноценной их реализации¹.

¹ Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 80.

Сравнивая приведенные уголовно-правовые меры, следует отметить, что несмотря на то, то порядок исполнения ограничения свободы строже ввиду налагаемых ограничений на право передвижения, условное осуждение представляется нам более эффективным с точки зрения возможности осуществления контрольных мероприятий. Тем более что говорить об эффективном исполнении ограничения свободы можно только при осуществлении непрерывного контроля, что весьма затруднительно, поскольку осужденный проживает с родственниками или близкими на одной жилплощади и использование современных аудиовизуальных средств контроля попросту будет нарушать их права, так же как и постоянное присутствие инспектора уголовно-исполнительной инспекции (что тоже потенциально проблематично ввиду нехватки кадров).

Между тем условное же осуждение позволяет переложить часть функций контроля за осужденным на работодателя, особенно если суд в качестве дополнительной обязанности определяет трудоустройство осужденного. При этом он продолжает социализироваться и избегает криминализации, сидя в замкнутом пространстве (квартире) и ища встреч с друзьями, которые по большому счету преимущественно являются лицами маргинальными (не работают, употребляют алкоголь, наркотические средства и пр.).

В таком контексте обоснованным будет предложить исключить ограничение свободы как вид альтернативного наказания из перечня, приведенного в ст. 44 УК РФ. В этом нам видится и перспектива экономии средств федерального бюджета, поскольку можно предупредить ненужную трату средств на приобретение для уголовно-исполнительных инспекций средств электронного мониторинга подучетных лиц (СЭМПЛ), которые по техническим соображениям не являются эффективными.

Сэкономленные средства, как нам представляется, рациональнее было бы использовать для развития системы альтернативных санкций, в том числе на обеспечение условного осуждения, в частности расширения штатной численности инспекторов уголовно-исполнительных инспекций. Указанное, безусловно, будет способствовать снижению нагрузки на каждого инспектора и повысит эффективность исполнения альтернатив лишению свободы. Однако полностью отказываться от электронных браслетов не следует, поскольку злостно уклоняющимися могут быть и лица, в отношении которых суд опре-

делил условное осуждение. При этом количество комплектов СЭМПЛ следует сократить до объективно необходимого.

А.А. Павленко

МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЫТОК И ДРУГОГО ЖЕСТОКОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Общепризнанной нормативной гарантией защиты прав человека в пенитенциарных учреждениях является законодательный запрет пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения с осужденными (далее – пытки, ч. 1 ст. 3 УИК РФ). Данный запрет абсолютен, он относится к общепризнанным принципам международного права и является императивной нормой *jus cogens*.

Вместе с тем очевидно, что этот запрет является лишь формально-юридической гарантией предупреждения пыток, для его успешного претворения на практике необходимы институциональные и процедурные гарантии, создающие как инструменты контроля за соблюдением гарантий первой группы, так и обеспечивающие право осужденного обратиться в компетентный орган за защитой от пыток. Все вышперечисленное и образует механизм предупреждения пыток.

Здесь необходимо подчеркнуть, что кроме пяти мер, непосредственно включенных в перечень практик, равнозначных пытке (п. 1 пр. 43 Правил Нельсона Манделы), существуют и легальные «пограничные» ограничительные меры, которые при незначительном увеличении их карательного потенциала (степени принуждения) могут перерасти в жестокие или унижающие человеческое достоинство виды обращения с осужденными. Контроль за соблюдением пределов легитимности этих мер – важный элемент механизма предупреждения пыток. К обозначенным ситуациям отнесем: строгое соблюдение условий прогулок осужденных (длительности и оборудования мест); обеспечение надлежащих условий содержания осужденных; обеспечение условий одиночного содержания (дисциплинарной изоляции); запрет медицинских опытов на осужденных; соблюдение процедуры

недобровольного питания в случае отказа осужденного от приема пищи; строгое соблюдение легитимности применения средств ограничения свободы движений.

Возможны и ситуации, когда конкретное ограничение или взыскание само по себе не образует пытку, однако сочетание таких санкций или их применение с небольшими временными интервалами переходит в другое качество, которое уже содержит признаки пытки. В качестве примера можно привести частое неоправданное повторное применение дисциплинарной изоляции.

Очевидно, что применение установленной законом меры государственного принуждения (насилия) в отношении осужденных и, как следствие, причинение им определенного уровня страданий неизбежно при отбывании лишения свободы¹. Однако существенной причиной появления мер, приравненным к пытке, в учреждениях УИС, считаем недостаточный, для обеспечения целей лишения свободы, уровень легального принуждения (насилия), предусмотренного в отношении осужденных. Это во многом обусловлено, по нашему мнению, сложившейся судебной практикой, взявшей за основу дозвольтельный тип правового регулирования в отношении прав осужденных. Как результат этой практики – злоупотребление некоторыми осужденными своими правами, зачастую в ущерб установленному порядку отбывания наказания. Стремление сотрудников обеспечить режим в учреждении в этих условиях любым путем потенциально может привести к действиям, содержащим признаки пытки. Полагаем, что одним из направлений совершенствования механизма предупреждения пыток должно стать изменение баланса применения типов правового регулирования в отношении осужденных с дозвольтельного на разрешительный.

¹ Павленко А.А. Запрет медицинских опытов на заключенных как гарантия их личной неприкосновенности // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 54–62.

ОСОБЕННОСТИ КОНВОИРОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Конвоирование осужденных к наказаниям в виде лишения свободы и лиц, заключенных под стражу, является одной из задач Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России)¹. Сотрудники специальных подразделений уголовно-исполнительной системы (УИС) по конвоированию при выполнении служебных задач находятся в непосредственном контакте с самыми различными представителями так называемого спецконтингента² – от несовершеннолетних до лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Среди конвоируемых могут находиться бывшие сотрудники правоохранительных органов, иностранцы, лица без гражданства, больные различными хроническими заболеваниями, в том числе туберкулезом.

В последние два года к этому спектру заболеваний добавилась коронавирусная инфекция (COVID-19). Это инфекционное заболевание появилось неожиданно, оно признано пандемией глобального масштаба, поэтому меры защиты личного состава специальных подразделений УИС по конвоированию пришлось разрабатывать в срочном порядке.

1. В местах дислокации данных подразделений был усилен пропускной режим и допуск сотрудников к несению службы. У всех без исключения прибывающих лиц измерялась температура тела. На территорию отделов (управлений) по конвоированию допускались только здоровые сотрудники.

2. При приеме для конвоирования в пенитенциарных учреждениях, осужденных и заключенных под стражу, у спецконтингента в обязательном порядке измеряется температура тела и на справках по личному делу должны быть указаны результаты ПЦР-теста. Лица с по-

¹ Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант (дата обращения: 28.01.2022).

² Спецконтингент – это физические лица, в отношении которых имеется вступивший в законную силу приговор суда об уголовном наказании в виде лишения свободы или решение суда об избрании в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

вышенной температурой тела и отсутствующей отметкой о результате ПЦР-теста к конвоированию не допускаются.

3. Весь спецконтингент и сотрудники подразделений по конвоированию обеспечиваются средствами индивидуальной защиты (маски лицевые, перчатки резиновые) на период конвоирования.

4. При конвоировании лиц с подтвержденным диагнозом коронавирусной инфекции сотрудники караулов по конвоированию экипируются специальными противовирусными костюмами, очками, перчатками и респираторами.

Естественно, ношение костюмов, очков, масок создает дополнительный дискомфорт сотрудникам в период несения службы. Не все конвоируемые лица своевременно одевают защитные маски. Сотрудникам приходится применять по отношению к нарушителям меры убеждения и принуждения.

В итоге данные чрезвычайные меры позволили защитить личный состав специальных подразделений УИС по конвоированию от «чумы» XXI в. – COVID-19, и продолжить выполнение поставленных задач.

Е.А. Писаревская

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Статья 13 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ) «страдает» отсутствием четкости правовой регламентации. Права общественных объединений и иных организаций, на первый взгляд, определены в законе гораздо шире, чем права «лиц, участвующих в профилактике». Учитывая тот факт, что последнее понятие более широкое, неясно, чем обусловлено данное решение законодателя. Нуждается в конкретизации и сам перечень прав, реализуемых представителями общественности. Федеральный закон № 182-ФЗ предоставляет «лицам, участвующим в профилактике» вне зависимости от их вида право по осуществлению правового просвещения (правового информирования) и участию в деятельности по оказанию «социальной» помощи¹. Содержание дан-

¹ Российская газета. 2016. 28 июня.

ных прав в общем виде раскрыто в тексте анализируемого закона. Для раскрытия содержания иных прав общественности необходимо обращаться к положениям иных нормативных правовых актов. В частности, проанализировав текст Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 24.04.2020), можно увидеть, что термины «субъекты профилактики», «лица, участвующие в профилактике» в нем не используются, а в число тех, кто включен в систему профилактики согласно ст. 4, общественные объединения, волонтеры просто не входят¹. Реально представители общественности участвуют в деятельности по предупреждению преступности по нескольким направлениям: охрана общественного порядка; общественный контроль; помощь в социальной адаптации и ресоциализации осужденных. Наиболее урегулированным из перечисленных, на наш взгляд, является участие в охране общественного порядка, однако и здесь имеются недостатки. Так, отличия в статусе народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, определенные в Федеральном законе от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (ред. от 31.12.2017), носят весьма призрачный характер, необходимость в разграничении этих форм отсутствует². Данный закон в большей степени регламентирует порядок и деятельность народных дружин, этому посвящена фактически половина статей закона.

Таким образом, системной правоприменительной практике препятствует «разбросанность» профилактических норм по различным нормативным правовым актам. Помимо этого, Федеральный закон № 182-ФЗ часто подвергается критике из-за излишней декларативности. Но даже эта декларативность не устраняет вопроса о соотношении норм, содержащихся в его тексте, с нормами, имеющимися в текстах иных «профилактических» законов. Возможно, следует рассмотреть вопрос о принятии такого «профилактического» закона, который состоял бы из общей части, содержащей «общие» профилактические вопросы, и специальной, посвященной отдельным направле-

¹ Российская газета. 1999. 30 июня; 2020. 29 апреля.

² Российская газета. 2014. 4 апреля; 2018. 9 января; Бекетов О.И., Шухман Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2015.

ниям профилактики, что позволило бы, на наш взгляд, устранить вопросы «рассогласованности» профилактических норм. В качестве основы может быть взят Федеральный закон № 182-ФЗ. В настоящее время назрела настоятельная необходимость в корректировке ст. 13 данного Закона, в которой необходимо оставить две части, четко обозначив права «лиц, участвующих в профилактике», а также исключения из текста Федерального закона № 44-ФЗ понятия «общественные объединения правоохранительной направленности» как дублирующей категории.

Е.С. Пустовойт

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Профилактика преступности играет немаловажную роль в жизни общества. В криминологической доктрине к субъектам профилактики преступности относятся учреждения, органы, организации, предприятия, а также должностные лица, на которые законом возложены полномочия по выявлению и(или) нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений.

В настоящее время международные организации являются активными участниками различных международных отношений, и их количество постоянно увеличивается. Международная организация – это объединение государств, созданное на основе международного договора для достижения определенных целей, имеющее систему постоянно действующих органов, обладающее международной правосубъектностью и учрежденное в соответствии с международным правом¹.

Так, деятельность многих международных организаций направлена на обеспечение мира, глобальной и региональной стабильности, рассматривая преступность как одну из основных угроз человечеству. Следовательно, создание многих международных организаций кроме политических причин обусловлено объективной потребностью эф-

¹ Право международных организаций : учебник для бакалавриата и магистратуры / А.Х. Абашидзе [и др.] ; под ред. А.Х. Абашидзе. М. : Юрайт, 2014. 687 с. (Бакалавр и магистр. Академический курс). URL: <https://urait.ru/bcode/380091> (дата обращения: 17.01.2022).

фективной профилактики соответствующих видов преступности, обладающих в первую очередь транснациональным характером. В основном считается, что центральное положение и главная ответственность за процесс формирования и функционирования современного правопорядка возложены на ООН¹, благодаря чему решаются многие актуальные проблемы, включая вопрос предупреждения преступности. Однако немаловажно международное сотрудничество государств в рамках иных международных организаций. Например, такая международная организация, как Интерпол, является межправительственной организацией, одна из задач которой – предупреждение преступлений путем сотрудничества правоохранительных органов государств.

Кроме того, можно отметить такую быстроразвивающуюся в последнее время международную организацию по вопросам обеспечения межгосударственной безопасности, как Организация Договора о коллективной безопасности, которая предполагает наличие слаженного механизма действий в интересах обеспечения коллективной безопасности и территориальной целостности государств-участников, в том числе предупреждение преступности (наркопреступности, экстремистской деятельности и терроризма). Применительно к разноплановости функционирования данной международной организации П.В. Тепляшин справедливо замечает, что «процесс упрочения транснациональной и государственной безопасности основывается на разнообразных по своему содержанию мероприятиях»².

Таким образом, к субъектам предупреждения преступности необходимо относить международные организации, деятельность которых направлена на выявление и ликвидацию причин, вызывающих преступления, и условий, способствующих их совершению.

¹ См.: Асанбаев Б.К. Международные организации и их роль в предупреждении преступности против национальной безопасности // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2020. № 2 (29). С. 264–269.

² См.: Тепляшин П.В. Криминологические закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. (8–9 апреля 2021 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. С. 11.

А.Л. Репецкая

РОССИЙСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РЫНОК УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Глобальным процессом, повлиявшим на жизнь общества во всем мире, в последние годы стала пандемия COVID-19, которая не только изменила содержание структурных элементов криминального рынка, но и многие его сегменты переместила в виртуальное пространство. Большая часть криминальных рынков в настоящее время является виртуальной, но при этом в целом они сохраняют свою структуру, которая состоит из трех основных сегментов, в числе которых криминальный рынок рабочей силы, товаров и услуг.

В структуре криминального рынка услуг выделяются услуги, разрешенные в обороте, которые по своему содержанию имеют легальный характер, но осуществляются без лицензии или специального разрешения (например, образовательные, медицинские, финансовые и др.), и услуги, связанные с предоставлением и потреблением запрещенных в гражданском обороте услуг (например, коррупционные, сексуальные и др.)¹.

Анализ ситуации, сложившейся в 2020 г. на теневом рынке легальных услуг, свидетельствует о сокращении указанного сегмента: доля работающих неофициально на постоянной основе снизилась до 20,5%, а тех, кто получает от этого основной доход, – до 11,3%².

Кроме того, этот рынок неравномерно развивается во времени: те услуги, которые еще несколько лет назад были широко представлены на криминальном рынке, с усилением контроля и изменением законодательства сокращаются, тогда как рынок услуг, которые не были представлены достаточно широко, успешно развивается. Среди таких рынков можно назвать, например, рынок ритуальных услуг (например, в Москве более 50% данных услуг находится в теневой сфере).

Между тем наиболее широко представлен рынок услуг нелегальных, особое распространение он получил в Интернете. Существует

¹ Репецкая А.Л. Криминальный рынок России : специализированный учебный курс. Саратов : Сателлит, 2007. С. 10.

² Выжурович В. Теневые услуги: падение спроса // Российская газета . Федеральный выпуск. 18.03.2021. № 58.

даже каталог теневых ресурсов, актуальных на 2021 г.¹, где описываются действующие площадки, предоставляющие широкий спектр незаконных товаров и услуг. Среди наиболее востребованных услуг можно назвать подделку документов, взлом аккаунтов, фальшивомонетничество, легализацию денежных средств и др.² Все эти услуги благополучно переместились в Интернет, где успешно развиваются.

Особенно заметны изменения, произошедшие на рынке, связанном с подделкой документов: стали востребованы медицинские справки об освобождении от вакцинации, фальшивые сертификаты о наличии QR-кодов, отрицательные ПЦР-тесты. По данным экспертов, 86% заболевших вакцинированных COVID-19 в 2021 г. имели поддельные сертификаты о вакцинации. Только за 4 месяца 2021 г. подразделениями ОВД было закрыто 2 036 сайтов, торгующих справками такого рода в Интернете³.

По оценкам экспертов, на результаты работы прививочных фальсификаторов приходится от 10 до 30% действующих сертификатов о прохождении вакцинации, суммированный оборот деятельности только выявленных фальсификаторов перевалил за 1,5 млрд руб.⁴

Таким образом, пандемия оказывает определенное влияние на данный сегмент криминального рынка, легальные услуги сокращаются или появляются новые виды услуг, которые формируются в самостоятельные виды; нелегальные услуги в основном осуществляются виртуально, а в Интернете быстрыми темпами растет количество теневых ресурсов предоставляющих большой спектр запрещенных законом услуг.

¹ Каталог теневых ресурсов, актуальных на 2021 г. URL: <https://tor-list.net/>

² URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59b0c72377d0e68ae6a146f3/samy-e-rasprostranennyye-uslugi-tenevogo-biznesa-5a2f86d0f0317331f64cbce2>

³ Сертификат с печатями, доставка – курьером: как устроен черный рынок QR-кодов в России. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/28353.5/4498840/>

⁴ Рынок теневых услуг для прививочных отказников растет в России. Почему? URL: <https://news.mail.ru/society/48776345/?cr=123&frommail=1> (дата обращения: 15.07.2021).

Л.Б. Сафарова

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ

Реформирование деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН) осуществлялось принятием Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и утверждением Постановления Правительства РФ от № 995 06 ноября 2013 г. Несмотря на это, в действующем законодательстве имеются существенные пробелы, что приводит к проблемам в деятельности КДН.

Прежде всего, в законодательстве прослеживается неопределенность правового статуса КДН и защитных прав. С одной стороны, указывается, что комиссия создается исполнительными органами, с другой – не имеется чёткого обозначения, является ли она органом государственной власти или общественной организацией, относится ли к исполнительной власти. Однако при анализе законодательства выявляется, что исполнительно-распорядительная деятельность проявляется при реализации ею своих компетенций, присутствуют также функции управления при реализации межотраслевой координации. В целом КНД обладает широкими государственно-властными полномочиями.

В законе не раскрывается содержание деятельности КДН как «координирующего органа». На практике это приводит к тому, что деятельность по координации не осуществляется и сводится к контрольной. Чаще всего отдается предпочтение выполнению комиссиями административно-карательных функций. Проанализировав результаты их годовой отчетности, можно выделить систематическую методическую работу: разработку методических рекомендаций по организации профилактики алкоголизма, наркомании и токсикомании среди несовершеннолетних по развитию и внедрению в практику сети школьных служб примирения, однако отсутствуют механизмы их реализации.

Членами комиссии могут быть руководители (их заместители) органов и учреждений системы профилактики, представители иных государственных (муниципальных) органов и учреждений, представители

общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними, депутаты соответствующих представительных органов, а также другие заинтересованные лица. При этом данные лица, как правило, не имеют специальной подготовки для работы с несовершеннолетними. Нет и законодательного закрепленного требования об их педагогическом и (или) юридическом образовании. При анализе деятельности КДН Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, выявлено, что членами комиссий чаще всего являются работники исполнительных органов, занимающие руководящие должности в области культуры и образования, т.е. лица, совмещающие должности, что на практике приводит к формальному руководству в КДН и поверхностному выполнению своих обязанностей данными лицами. Есть необходимость введения штатных сотрудников, которые должны иметь соответствующую подготовку (педагогическое и (или) юридическое образование), а также опыт работы с несовершеннолетними.

Отсутствует нормативная регламентация ведомственного контроля за деятельностью КДН. Также отсутствует порядок обжалования деятельности или решений комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в вышестоящей комиссии, порядок рассмотрения материалов.

Таким образом, налицо потребность в принятии федерального закона о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав. Следует разработать и принять нормативные правовые акты, регламентирующие не только порядок образования и функционирования, правовой статус, но и кадровое обеспечение КДН на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Р.А. Семенюк

АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ О ЛИЦАХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ, В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Актуальность данной темы подтверждается достаточно высоким удельным весом «пьяных преступлений» в общей структуре преступности и выявленных лиц, их совершивших. В целом по России удель-

ный вес данных лиц в 2020 г. составил 34,6%, т.е. почти треть от всех лиц, совершивших преступление. По результатам 2021 г. наблюдается их снижение до 32%.

В последние годы удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, стабильно снижается, однако остается довольно высоким. Наиболее распространенными являются преступления в состоянии именно алкогольного опьянения, которые составили примерно 97% из числа общего количества выявленных «пьяных преступников».

Далее рассмотрим аналогичную динамику в Сибирском федеральном округе (СФО). При сравнении общероссийских и сибирских показателей можно отметить, что на территории СФО удельный вес выявленных «пьяных преступников» выше. В 2020 г. он составил 41,3%. В среднем ежегодно выявляется примерно 64,5 тыс. лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Проводя анализ статистических данных о лицах, совершивших преступление в состоянии опьянения на территории СФО, представляется интересным рассмотреть аналогичные сведения и в отдельных регионах данного округа.

Наиболее высокий удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, отмечается в таких субъектах Российской Федерации, как Республика Тыва (2020 г. – 49,6%), Республика Алтай (2020 г. – 46,6%), Республика Бурятия (2020 г. – 46,3%), Алтайский край (2020 г. – 44,2%), Иркутская область (2020 г. – 44,1%), Республика Хакасия (2020 г. – 43,1%), Кемеровская область (2020 г. – 43%), Красноярский край (2020 г. – 39,4%).

Наименьший удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, отмечается в Новосибирской (2020 г. – 35,9%), Омской (2020 г. – 37,2%) и Томской (2020 г. – 35,3%) областях.

Таким образом, удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения в СФО, превышает общероссийские аналогичные показатели. По-прежнему более 1/3 преступлений на территории СФО совершается в состоянии опьянения, а в отдельных регионах (например, в Республиках Тыва и Алтай) почти каждое второе.

С учетом сказанного для снижения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения нами предлагается обеспечить реализацию следующих профилактических мероприятий:

1. На общесоциальном уровне следует продолжать развитие духовной, нравственной и правовой культуры; пропагандировать ведение здорового образа жизни, умеренного потребления алкогольной продукции; активизировать работу по социальной адаптации и реабилитации лиц с алкогольной либо наркотической зависимостью с учетом положительного практического опыта.

2. Органам внутренних дел Российской Федерации следует обратить внимание на своевременное выявление лиц, склонных к совершению преступлений в состоянии опьянения, проведение с ними соответствующей профилактической работы; обеспечение неотвратимости и справедливости наказания в отношении данных личностей в целях недопущения повторных преступлений.

А.Б. Скаков

О РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ (ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ) СИСТЕМЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЛУЖБ

В целях обеспечения общественной безопасности государства целесообразно Комитет уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы МВД Республики Казахстан преобразовать в самостоятельное Агентство исполнения наказаний и пробации, наделив его функциями исполнения всех видов уголовного наказания (штраф, общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы). В этой связи все органы, исполняющие в настоящее время отдельные виды наказаний (например, судебные исполнители), переподчинить Агентству исполнения наказаний и пробации. Необходимо отметить, что их исполнение (а не только лишения свободы, как в настоящее время по действующему уголовно-исполнительному законодательству) должно осуществляться по прогрессивной системе, когда изменение условий содержания и правовое положение осужденных и иных испытуемых меняется в зависимости от поведения указанных категорий лиц. Нами предлагается сохранить

исправительные учреждения полной безопасности (тюрьмы) для обеспечения эффективного предупреждения пенитенциарной преступности.

Необходимо перевести в ведение указанного Агентства все учреждения, осуществляющие изоляцию от общества, а именно: изоляторы временного содержания (ИВС), следственные изоляторы (учреждения смешанной безопасности), лечебные учреждения (соматические, туберкулезные и другие, где осуществляются судебно-психиатрическая и иные экспертизы, а также лечение подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных). Кроме того, следует передать в ведение Агентства учреждения, исполняющие административный арест.

Осуществление социальной адаптации и реабилитации (пробации) свидетелей, ведущих асоциальный образ жизни (наркоманы, алкоголики, проститутки и др.), подозреваемых, обвиняемых, осужденных целесообразно возложить на Службу пробации – структурное звено Агентства исполнения наказаний и пробации. Таким образом, Служба пробации будет реализовывать все виды пробации – досудебную, приговорную, пенитенциарную и постпенитенциарную. Вместе с тем при исполнении всех уголовных наказаний предлагаемым Агентством возможно объединение приговорной и пенитенциарной пробаций.

При каждом исправительном учреждении и Службе пробации нужно создать общественные наблюдательные комиссии, наделив их функциями замены условий содержания, правом перевода в учреждение другого вида, замены назначенного наказания, правом условно-досрочного освобождения, назначения, продления и отмены пробационного контроля над испытуемыми. В связи с этим, а также в целях повышения эффективности деятельности судопроизводства следует освободить суд от указанных выше функций, оставив ему только право назначать вид и срок наказания. Кроме того, следует делегировать право определения вида исправительного учреждения для исполнения лишения свободы создаваемому Агентству, которое будет его устанавливать в зависимости от срока наказания, тяжести совершенного преступления, наполняемости подразделения и т.д.

Следует продолжить дальнейшее совершенствование социальной защиты персонала исправительных (пенитенциарных) учреждений и служб пробации в соответствии с требованиями Правил Нельсона Манделы (Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). Необходимо повышение заработной платы персонала (долж-

ностной оклад сотрудников исправительных учреждений и службы пробации должен быть в 2,5–3,0 раза выше заработной платы полицейских территориальных подразделений органов внутренних дел), предоставление двух трудовых оплачиваемых отпусков сотрудников исправительных учреждений и Службы пробации, один из которых должен быть направлен на их психологическую и социальную реабилитацию. Дети сотрудников должны приниматься на обучение в вузы, в первую очередь, в ведомственные учебные учреждения, на бесплатной основе. При этом проезд к месту обучения, проживание в общежитии, питание и т.д. должны осуществляться за счет государства. Сотрудникам, занимающимся научными исследованиями, должны предоставляться оплачиваемые учебные отпуска продолжительностью 30 суток, а также творческие отпуска продолжительностью 6 месяцев для завершения диссертационного исследования.

Высказанные нами предложения не бесспорны, но они направлены на совершенствование законодательства и повышение эффективности правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

М.В. Сорокин, О.Е. Сорокина

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИЛАМИ ФСИН РОССИИ

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» в перечень основных задач ФСИН России включена охрана судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций. Однако в рамках реализации данного Указа на практике возникают серьезные проблемы.

Так, 26.10.2021 из ГБУЗ АО «Областная клиническая психиатрическая больница» (далее – СПЭО), находящегося под охраной служебного наряда, назначенного от ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Астраханской области, около 15 ч 10 мин совершил побег подследственный А., обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных

ренных ч. 2 ст. 209, ст. 279, ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации, вместе с тремя другими подэкспертными, содержащимися с ним в одной палате, был выведен на прогулку в прогулочный дворик (расположен на огороженной территории, стены сплошные железобетонные высотой 2,5 м, верх перекрыт решеткой из армированного прутка и сеткой-рабицей). При этом согласно распорядку дня данной медицинской организации прогулки проводятся в зимнее время с 16.00 до 17.30. Воспользовавшись отсутствием должного надзора со стороны сотрудников служебного наряда, подследственный А., предположительно с помощью других подэкспертных, отогнул прутки решетки, перекрывающей верх прогулочного дворика, раздвинул сетку-рабицу и вылез в образовавшийся проем, после чего спрыгнул на тропу наряда. Пройдя несколько метров к стыку северного и восточного участков периметра, он, используя находящиеся там металлические конструкции (опоры от демонтированной наблюдательной вышки), преодолел через верх основное ограждение СПЭО (бетонное сплошного заполнения с противобеговым козырьком из колючей проволоки общей высотой 3,0 м) и совершил побег¹.

Проведенный анализ этого чрезвычайного происшествия показал, что его причинами явились такие просчеты и недостатки в организации несения службы, как отсутствие упреждающей информации. Информирование сотрудников подразделений охраны, заступающих на службу в составе караулов об оперативной обстановке, имеющих негативных процессах среди заключенных под стражу лиц на объекте несения службы не осуществляется. Сотрудникам служебного наряда по охране СПЭО сведения об особо опасном характере совершенных подследственным А. преступлений не доводились.

По нашему мнению, в целях предупреждения совершения побегов из-под стражи лиц, находящихся в СПЭМО, необходимо:

– организовать взаимодействие с администрациями СПЭМО, принять совместные меры по оснащению и оборудованию их инженерно-техническими средствами охраны и надзора, а также видеонаблюдением;

¹ О происшествии в судебно-психиатрической экспертной медицинской организации Астраханской области : письмо ФСИН России от 29.10.2021 № исх-03-74918 (документ опубликован не был).

– контроль за несением службы служебными нарядами по охране СПЭМО осуществлять силами сотрудников аппаратов управлений территориальных органов ФСИН России;

– обеспечить при проведении мероприятий по подготовке служебных нарядов к службе доведение до сотрудников информации о лицах, содержащихся в СПЭМО (характер преступлений, в совершении которых они подозреваются или обвиняются), на поведение которых необходимо обращать особое внимание.

М.А. Стародубцева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМА КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Укажем, что для подрыва психологической безопасности как рядовых пользователей, так и субъектов КИИ используется информационно-психологическое воздействие.

Информационно-психологическое воздействие на субъекта предлагается понимать в качестве давления на человеческую психику с помощью информационных рычагов, позволяющего изменить восприятие субъектом реальной действительности, в том числе его модель поведения и взаимодействия с другими людьми, а в некоторых случаях и функционирование внутренних систем организма.

Информационно-психологическое воздействие (ИПВ) способно повлиять как на сознание отдельного индивида, так и групп людей и общества в целом. Стоит отметить, что указанное воздействие нейтрально по своему содержанию и может оказать положительное либо отрицательное влияние сообразно с целями, поставленными инициатором воздействия. Техники осуществления ИПВ весьма многообразны. В нашей работе мы рассматриваем ИПВ как способ осуществления цифрового терроризма в форме воздействия на пользователей компьютеров или сети с целью дестабилизации деятельности органов власти или организаций либо принуждения их к содействию в достижении политических или социальных целей.

Изложенная нами концепция в психологическом аспекте позволяет рассмотреть цифровой терроризм, в свою очередь, как одну из форм

социальной инженерии, понимаемой, в контексте информационной безопасности, как психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий или разглашения конфиденциальной информации.

Процесс формирования и осуществления можно разделить на два этапа: сначала происходит внедрение и распространение ИПВ, а уже за ним – деформация мнений агентов и формирование у них нужных антисоциальных и асоциальных установок. Можно выделить следующие классы задач, связанных с исследованием ИПВ: моделирование информационного влияния, информационного управления и информационного противоборства. Модель информационного влияния позволяет увидеть, как поведет себя субъект под воздействием непрерывного потока тщательно выверенной цифровым террористом информации.

Основываясь на модели информационного влияния, возможно перейти к информационному управлению: рассмотреть модель воздействия на человека разными типами информации, чтобы определить, под напором какого контента субъект скорее изменит свое поведение на требуемое.

Далее теоретически модель должна дать нам ответ, как осуществить информационное противоборство: одновременное воздействие на одного субъекта операторами с несовпадающими интересами.

Этот аспект модели может помочь разработать алгоритм безболезненного выведения пользователя из процесса вербовки на достаточно ранних стадиях взаимодействия куратора и вербуемого.

П.В. Тепляшин

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 г. В СВЕТЕ ПОЛИТИКИ «ВРАЖДЕБНОЙ ПЕНОЛОГИИ» («ENEMY PENOLOGY»)

Политика «враждебной пенологии» (англ. «enemy penology») начинается с расширения практики упреждающей криминализации деяний в западноевропейском уголовном законодательстве в последние десятилетия XX в. на фоне роста новых угроз безопасности обще-

ства. В рамках «враждебной пенологии» нелиберальные пенальные меры могут являться неотъемлемой частью либеральной пенитенциарной системы.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. допустимо выделить ряд положений, которые, возможно, обладают некоторыми схожими с данной политикой чертами:

1) обеспечение безопасности с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных (раздел XIV «Цифровая трансформация и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы»). В данном случае наблюдается использование так называемых интрузивных методов выявления правонарушающего поведения. Ведь не случайно в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) закрепляется, что интрузивные обыски должны проводиться только в случае крайней необходимости, а тюремной администрации рекомендуется разрабатывать и использовать соответствующие альтернативные методы осуществления обысков, не связанные с интрузивными формами их проведения (правило 52);

2) повышение эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера (раздел XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). Формулировка «повышение эффективности» не носит конкретной содержательной нагрузки и, отчасти, расходится с принципом правовой определенности. Как представляется, в данном случае целесообразно указать на расширение конфиденциального содействия для получения оперативно значимой первичной информации;

3) контроль за деятельностью по недопущению проникновения на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы радикально настроенных лиц под видом благотворительных, общественно-политических, религиозных, правозащитных и иных организаций, а также под видом средств массовой информации (раздел XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). В рамках данного положения, видимо, предполагается использовать сведения, полученные, например из Перечня иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых

признана нежелательной на территории Российской Федерации, либо из Единого федерального списка организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, а также из иных источников. Однако выявление «радикально настроенных лиц» включает не только установление их принадлежности к деятельности соответствующих организаций, но также работу по персональному отнесению какого-либо лица к категории «радикально настроенный», что в первую очередь предполагает реализацию соответствующих организационно-правовых мер превентивного и предупреждающего характера;

4) разработка комплекса мер, направленных на своевременное выявление в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений (раздел XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). Указание на «своевременное выявление... лиц» свидетельствует о необходимости реализации таких мер, которые направлены на как можно раннее обнаружение лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений. Естественно, что в данном случае субъект, выявляющий данных лиц, будет обращаться к таким категориям, как «намерение», «установка» и, соответственно, к реализации различных правовых мер превентивного и предупреждающего характера.

А.П. Титаренко

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В 2021 г. в Российской Федерации было предотвращено 61 террористическое преступление (включая 32 террористических акта)¹. Согласно данным М.В. Лебедева и А.В. Серебренниковой, на 1 января 2020 г. в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной си-

¹ Путин поздравил россиян с Днем работника органов безопасности // ТРК Звезда. Новости. 20.12.2021 URL: <https://tvzvezda.ru/news/202112192356-6Aani.html> (дата обращения: 18.01.2022).

стемы отбывало наказание 1 084 лица, совершивших преступления террористической направленности¹.

Как полагает ряд авторитетных ученых, если в места лишения свободы попадает один человек, осужденный за терроризм, то освобождаются уже три-пять, а то и больше убежденных сторонников радикальных течений². Это же самое наблюдается и в условиях российских исправительных учреждений³. Причем вербовщики в условиях несвободы чувствуют себя вполне комфортно⁴. Влияние джамаатов (неформальных объединений радикально настроенной части осужденных) с каждым годом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации возрастает⁵. Все чаще и чаще они вступают в открытое противостояние не только с общеуголовной преступностью, но и с представителями администрации исправительных учреждений.

В Российской Федерации представители власти разделяют серьезную озабоченность возможностью использования террористами специфики исправительных учреждений с целью пополнения своих организаций новыми их членами. Поэтому ответственные лица предпринимают все усилия, направленные на локализацию рассматриваемого явления.

В настоящее время одним из нормативных актов, непосредственно направленных на предупреждение деятельности террористических вербовщиков в местах лишения свободы, является Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 24 ноября 2017 г. № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», закрепляющий порядок организации и

¹ Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Особенности исполнения наказания в отношении лиц, совершивших преступления террористической направленности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 3. С. 28.

² Казберов П. Противодействие должно быть равно силе действия // ЭЖ-Юрист. 2012. № 35. С. 3.

³ В Алтайском крае осудили вербовщика террористов на 15 лет // Аргументы и факты. URL: https://altai.aif.ru/society/v_altayskom_krae_osudili_verbovshchika_terroristov_na_15 лет (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Белокуров Г.И. Мотивационная направленность личности террориста // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 33.

⁵ «Мусульмане молчали только на Пасху»: бывший заключенный о том, как радикальный ислам закрепляется в лагерях и тюрьмах: Общество: Россия // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/27/djamaaty_v_turme/

контроля за работой воспитательных и психологических подразделений территориальных органов ФСИН России по недопущению распространения экстремистской и террористической идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Однако в нем не раскрывается понятие данной работы.

На наш взгляд, представляется весьма необходимым дополнить указанный приказ п. 2.16.1 следующего содержания: под воспитательной работой с лицами, отбывающими наказание за преступления террористической направленности, следует понимать планомерное воздействие на духовную сферу таких осужденных, развенчание идеологии терроризма как правильной, требующей поддержки и оправдания с целью минимизации на них влияния со стороны деструктивных организаций и граждан.

А.С. Ткач

ВЛИЯНИЕ СРОКОВ НА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Уголовно-исполнительные сроки, будучи конкретным выражением времени, обладают некоторыми присущими ему свойствами.

Во-первых, длительностью как продолжительностью существования правовых отношений, событий, явлений. Сроки имеют границы. Единицами измерения уголовно-исполнительных сроков являются годы, месяцы, дни и часы. Точка их отсчета – момент времени, отражающий начало, изменение и окончание уголовно-исполнительных правовых отношений.

Во-вторых, последовательностью как такой взаимосвязью правовых явлений, в которой одно непрерывно следует за другим. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 79 УИК РФ осужденные, прибывшие в исправительные учреждения, помещаются в карантинное отделение на срок до 15 суток. После пребывания в карантине они распределяются по отрядам для дальнейшего отбывания наказания.

В-третьих, одновременностью, т.е. совпадением моментов совершения юридически значимых действий, протекания тех или иных юридически значимых процессов. К примеру, одновременно с течением срока нахождения в штрафном изоляторе течет срок отбывания наказания.

Однако сроки не обладают такими фундаментальными свойствами философской категории времени, как бесконечность, непрерывность, однонаправленность течения.

К примеру, УИК РФ допускает возможность приостановления течения срока отбывания наказания. Согласно ч. 3.1 ст. 26 «в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным работам, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам». Возобновление срока отбывания наказания возможно также в случае отмены УДО, а испытательный срок при условном осуждении может быть продлен или сокращен (ст. 190 УИК РФ). Таким образом, установленный законом срок в некоторых случаях может быть приостановлен, прерван, прекращен, возобновлен или продлен.

Нормы, закрепляющие сроки, для достижения целей, стоящих перед уголовно-исполнительным правом, должны быть правильно сконструированы. Должны быть однозначно определены момент начала течения срока, момент его истечения, правила течения срока и исключения из них. Так, в ч. 1 ст. 43 УИК РФ не определен срок уведомления организации, где работает осужденный к исправительным работам, инспекции об уклонении лица от отбывания наказания. Хотя такая обязанность у администрации есть, но срока её исполнения нет.

В других случаях срок может быть установлен, но момент его начала не определен. Например, ч. 5 ст. 40 УИК РФ устанавливает десятидневный срок для сообщения осужденным в инспекцию об изменении места работы и места жительства, но он может исчисляться по-разному: с момента принятия решения; с момента заключения трудового договора или договора найма/купли-продажи жилого помещения; с момента регистрации по месту жительства и т.д.

Кроме того, важна сама методика их исчисления, что позволит определить момент окончания сроков. Например, при исчислении срока наказания в месяцах он истекает в соответствующее число последнего месяца, а если данный месяц не имеет соответствующего числа – в последний день этого месяца (ст. 173 УИК РФ). Встает вопрос: что понимать под «соответствующим» числом? Если наказание определено в шесть месяцев и его срок начинается 9 февраля, то он оканчивается 8 июля.

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ ИЛИ ИНЫХ СООБЩЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека, их принадлежность каждому от рождения предполагают необходимость их адекватных гарантий, в том числе в отношении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы¹. Следуя нормам Конституции РФ государство обязано гарантировать неотъемлемость конституционных прав человека и гражданина закрепленных в статьях (ст. 2, 21, 23, 24, 25 и др.). Положения указанных статей распространяются на всех лиц, проживающих на территории Российской Федерации.

К числу таких гарантий можно отнести уголовную ответственность за незаконные действия по ограничению конституционных прав человека, которая наступает в случаях когда они осуществляются *без согласия лица, чью тайну они составляют, при отсутствии законных оснований* для ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений². Являясь общепризнанным, это требование имеет свои исключения в отношении лиц, содержащихся под стражей в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС).

Однако, учитывая ограниченный формат данной публикации, в ней будут затронуты категории лиц, содержащиеся в местах лишения свободы, в отношении которых приговор суда вступил в закон-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май 2019 (начало), обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

ную силу, так как наличие приговора суда является базовым элементом правового положения осужденных по ограничению его прав и свобод, которое включают в себя в том числе и конституционно-правовые ограничения¹.

Между законопослушным гражданином и лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, имеется существенное различие². Обязанности и ограничения, которым могут быть подвержены осужденные, закреплены нормами «Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (УИК РФ), в соответствии с которыми администрации исправительных учреждений предоставлено право в рамках режимных мероприятий осуществлять контроль телефонных разговоров и переписки осужденных без судебного постановления (ст. 91, 92 УИК РФ). Эти режимные мероприятия позволяют контролировать информацию, относящуюся к сфере частной жизни лица, содержащегося в местах лишения свободы, и по своей структуре идентичны таким оперативно-розыскным мероприятиям (ОРМ), как прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, которые в соответствии с требованиями Федерального закона от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) должны проводиться на основании судебного решения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос, если в рамках режимных мероприятий допускается контролировать все сферы жизни лица, содержащегося в местах лишения свободы, без судебного постановления, то почему не предусмотреть такие возможности в оперативно-розыском законодательстве, внося соответствующие поправки в ст. 8 ФЗ об ОРД.

Отчасти по этому вопросу ранее высказывался Конституционный Суд Российской Федерации, который определил, что при применении

¹ Илюхин А.В., Илюхина В.А. Практика применения конституционно-правовых ограничений прав и свобод человека и гражданина органами и учреждениями ФСИН России в отношении осужденных в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 6. С. 13–16.

² Горяинов К.К., Сивиркин Ф.Д. Оперативно-технические мероприятия, ограничивающие право на тайну телефонных переговоров в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 7–10.

положений ФЗ об ОРД при проведении наблюдения в исправительном учреждении, как ОРМ, не могут не учитываться особенности правового положения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы по вступившему в законную силу приговору суда, и не предопределяет необходимость вынесения судебного решения для проведения отдельных ОРМ при получении сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, в том числе содержащиеся в устных переговорах¹.

В связи с этим предлагается не ограничиваться ОРМ «наблюдение» и внести соответствующие поправки в ст. 8 ФЗ об ОРД, которые позволяли бы проведение всех видов ОРМ без судебного постановления в отношении лиц, содержащихся под стражей в учреждениях и органах УИС.

С.М. Томилин

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ БЛОКИРОВКИ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Незаконное нахождение средств мобильной связи у подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) на данный момент является серьезной проблемой. Так, по статическим данным ФСИН, в 2020 г. сотрудниками УИС на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов УФСИН проведено более 3 700 обыскных и досмотровых мероприятий, в ходе которых было изъято более 670 единиц средств сотовой связи, свыше 400 SIM-карт, порядка 150 зарядных устройств².

Возможно, ситуация с незаконным нахождением средств мобильной связи на территории исправительных учреждений УИС изменит-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2324-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наплавкова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 2, частью третьей статьи 6, статьями 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

² URL: <https://11.fsin.gov.ru/news>

ся с принятием Федерального закона от 09.03.2021 № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – ФЗ-44), который был подписан Президентом Российской Федерации и вступил в действие с 20.03.2021.

В соответствии со справкой Государственно-правового управления Президента Российской Федерации принятие ФЗ-44 направлено на предупреждение преступлений, связанных с незаконным использованием средств мобильной связи¹, и как следствие – на повышение эффективности работы в этой области.

Его анализ указывает на то, что в нем определён общий порядок по прекращению и оказанию услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, а также содержатся важные полномочия для руководителей федеральных органов по принятию мер, связанных с прекращением использования подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными на территориях исправительных учреждений и следственных изоляторов возможностей подвижной радиотелефонной (сотовой) связи.

Для этого в ФЗ-44 в качестве технических возможностей по блокировки средств сотовой связи предусматривается прекращение оказания услуг связи по абонентским номерам подвижной радиотелефонной (сотовой) связи.

Возможность по прекращению услуг связи в виде блокировки абонентских номеров на практике связана с приостановкой обслуживания SIM-карт, что, безусловно, будет иметь положительный опыт. Однако следует учитывать, что на SIM-карте хранится только идентификатор блокируемого абонента (IMSI), который передается автоматически при регистрации телефона в мобильной сети. В случае блокировке SIM-карты их можно поменять, таким образом, мобильное устройство сохранит работоспособность. В связи с этим автор считает, что на данный момент меры, предусмотренные в 44-ФЗ по блокировке средств сотовой связи, недостаточно эффективны.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/65127>

При этом следует отметить, что все сотовые телефоны содержат IMEI номер, который, как и IMSI, служит для идентификации и авторизации мобильного устройства в сети операторов сотовой связи, хранится в прошивке аппарата и передается мобильным устройством автоматически при его регистрации в сети оператора мобильной связи.

На данный момент существуют технологии и сервисы, которые позволяют использовать IMEI для блокирования телефонов, что не позволяет в дальнейшем использовать такой аппарат в сети оператора сотовой связи. Однако данная техническая возможность в виде блокировки мобильных аппаратов по IMEI не предусмотрена в ФЗ-44, что, по мнению автора, является недоработкой.

Не предусмотрена такая возможность и в постановлении Правительства Российской Федерации, определяющем порядок взаимодействия федеральных органов власти и формы решения о прекращении оказания услуг связи¹.

В связи с этим в целях более эффективной реализации положений ФЗ-44 предлагается дополнительно предусмотреть возможности прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде блокировки мобильных телефонов по IMEI номеру телефона.

Реализация данного предложения способствовала бы развитию, совершенствованию и укреплению законодательства Российской Федерации в этой сфере.

¹ См. подробнее: Постановление Правительства РФ от 15.10.2021 № 1751 «Об утверждении Правил взаимодействия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, его территориальных органов с операторами связи по вопросам прекращения оказания услуг связи по абонентским номерам подвижной радиотелефонной связи в случаях использования указанных абонентских номеров подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными на территориях следственных изоляторов и исправительных учреждений».

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РОССИИ

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.¹ предусматривает создание службы пробации, к формам реализации которой можно отнести:

- допенитенциарную пробацию (до назначения наказания);
- пенитенциарную пробацию (связанную с отбыванием наказания);
- постпенитенциарную пробацию (после отбытия наказания)².

На наш взгляд, допенитенциарная пробация должна выполнять следующие функции:

- обеспечивать контроль за всеми мерами пресечения (за исключением содержания под стражей);
- предоставлять суду информацию о поведении подсудимого в период нахождения под контролем (что будет дополнять информацию о личности подсудимого, предоставляемую суду для вынесения оптимального и справедливого приговора по делу);
- направлять в суд представления на изменение меры пресечения в связи с поведением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (эта функция должна реализовываться без участия дознания или следствия).

К функциям пенитенциарной пробации должны быть отнесены:

- исполнение наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества;
- решение вопросов связанных с реализацией прогрессивной системы исполнения наказаний (при организации «исправительных работ» трех видов, включая исправительные, обязательные и принудительные работы³);

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2022. Доступ свободный.

² Абатуров А.И., Коровин А.А. Служба пробации: зарубежный опыт / под общ. ред. Н.Б. Хуторской. Киров : Спектр-Принт, 2013. 175 с.

³ Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 349. С. 128–130.

– разрешение вопросов условно-досрочного освобождения (наказания, не связанные с изоляцией от общества, также должны иметь такой институт).

Постпенитенциарная пробация, в свою очередь, должна реализовываться в отношении всех категорий осужденных, освободившихся из мест лишения свободы. Отсюда вытекают следующие выводы:

– поскольку осужденный в местах лишения свободы не может приобрести тех качеств, которые можно было бы отнести к результатам процесса ресоциализации, такие осужденные объективно нуждаются в этом процессе;

– функции ресоциализации осужденных, освободившихся из мест лишения свободы, вполне могут быть возложены на службу пробации;

– такие функции должны быть разделены на две группы – контрольные и социальные функции.

Еще одной задачей пробации является медиация. Представляется, что медиаторы службы пробации должны реализовывать себя на всех этапах пробации, решая следующие задачи:

– разрешение конфликтов в семье;

– налаживание взаимоотношений с родственниками;

– привитие навыков социально полезного взаимодействия.

А на стадии пенитенциарной и постпенитенциарной пробации все эти функции могут быть реализованы еще и во взаимоотношениях с трудовыми коллективами и соседями.

А.А. Урусов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Основной задачей исправительных учреждений является исполнение наказания в виде лишения свободы, что возможно при должном обеспечении режима. Одним из способов обеспечения режима выступают меры взыскания, применяемые к осужденным. Именно они являются необходимым средством поддержания правопорядка в местах лишения свободы.

Дисциплинарные взыскания усиливают карательное влияние наказания, так как фактически еще в большей степени ограничивают правовой статус осужденного и ухудшают условия его содержания.

Вместе с тем среди проблем правового регулирования дисциплинарной практики в местах лишения свободы следует отметить малоэффективную систему мер существующих дисциплинарных взысканий.

Решение данной проблемы не просто, так как эффективность применения мер взыскания зависит не только от сотрудников исправительных учреждений, применяющих в своей служебной деятельности ст. 115 УИК РФ, но и от содержания данной нормы.

В юридической литературе предлагается различная классификация мер взыскания, применяемых к отбывающим лишение свободы. Например, А.Е. Федяев предлагает разделить меры взыскания, закрепленные в ст. 115 УИК РФ, на две группы: меры, связанные со степенью внутренней изоляции осужденного и меры, не связанные со степенью внутренней изоляции осужденного¹.

К мерам взыскания, связанным со степенью внутренней изоляции осужденного, относятся: водворение осужденного в ШИЗО, перевод его в ПКТ или ЕПКТ, а к мерам, не связанным со степенью внутренней изоляции осужденного, необходимо отнести такие, как выговор или дисциплинарный штраф.

Характеризуя «выговор» как одну из самых распространенных мер взыскания, отметим, что данная мера не влечет изменения условий содержания и не содержит явных элементов кары, так как, скорее всего, является профилактической мерой, которая доставляет правонарушителю моральные неудобства и затрагивает только его внутреннее душевное состояние.

Водворение в ШИЗО относится к таким мерам взыскания, которые влекут изменения условий содержания осужденных к лишению свободы, поскольку такая мера связана с существенным, хотя и временным изменением объема прав и обязанностей осужденного, рекомендуется по возможности избегать её применения.

Сравнивая также два взыскания, как выговор и водворение в ШИЗО, можно прийти к выводу, что между этими мерами дисциплинарного воздействия фактически отсутствуют промежуточные меры воздей-

¹ Федяев А.Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях : учеб. пособие. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 24–25.

ствия на осужденных. Полагаем, что действующая система мер взыскания нуждается в дальнейшем совершенствовании и прежде всего необходимо обратиться к историческому опыту.

Р.З. Усеев

СУБЪЕКТЫ И ГРУППЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Виды субъектов и правоприменительная деятельность в исправительных учреждениях (ИУ), в частности уголовно-исполнительные правоприменительные действия (УИПД), недостаточно изучены.

Официально виды субъектов, исполняющих наказания, определены в ч. 9, 10 ст. 16 УИК РФ. Ими являются ИУ разных видов. Несмотря на то, что ст. 16 УИК РФ именуется как «Учреждения и органы, исполняющие наказания» (в нашем случае в виде лишения свободы) едва ли уместно вести речь о том, что территориальный орган ФСИН России и центральный аппарат ФСИН России являются субъектами, исполняющими наказания в виде лишения свободы. Их полномочия носят управленческо-обеспечительный характер по отношению к процессу исполнения лишения свободы в (для) ИУ (например, ст. 75.1, 85 УИК РФ, п. 173 Правил внутреннего распорядка ИУ (ПВР ИУ)).

Статья 16 УИК РФ в рассматриваемом аспекте приоритетно ориентирована на организации (учреждения) как юридические лица. Но, учитывая сложность практической реализации меры государственного принуждения – лишения свободы, следует определять субъектами, исполняющими наказание, не только сами исправительные учреждения как организации (юридические лица), но и более мелкие субъекты. К ним, на наш взгляд, следует относить еще два вида субъектов, исполняющих наказания и реализующих УИПД. В ИУ это коллективные субъекты, объединяемые родовым понятием «Администрация ИУ» (преимущественно в УИК РФ), «персонал ИУ» (преимущественно в законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). Также к ним следует отнести индивидуальных субъектов, исполняющих

наказания, объединяемых видовыми категориями. Например, «Начальник ИУ», «Дежурный помощник начальника ИУ», «Ответственный по ИУ», «Младший инспектор» и т.д.

Экстраполируя положения теории права о правоприменительных действиях на УИПД ИУ (с учетом разделения уголовно-исполнительных правоотношений на регулятивные и охранительные), следует выделить три их основных группы:

1. *Действия по установлению фактических обстоятельств дела* ориентированы на установление факта самого случая, события, к которому применяются юридические нормы;

2. *Действия, выражающие выбор и анализ юридических норм*, определяют выбор юридической нормы, подлежащей применению. Этот этап связан с отысканием в спектре уголовно-исполнительных норм и нормативно-правовых актов нужной нормы, той нормы, которая в максимальной степени соответствует фактическим обстоятельствам дела. При этом норму необходимо проверить на подлинность и ее юридическое действие, правильность текста акта, а также провести «критику» и всесторонний анализ («придирчивость») возможности применения нормы к тому или иному случаю. Правоприменительная деятельность ИУ показывает отдельные просчеты в реализации правоприменителем положений данной группы УИПД.

3. *Действия, из которых складывается решение юридического дела*, строятся на основе юридического силлогизма и по своей природе являются государственно-властным велением уполномоченного лица (как правило, руководителя) и находят отражение в акте применения права.

Акты применения права в реализации уголовно-исполнительных правоотношений (регулятивных или охранительных) в ИУ имеют особенности и проблемы правового, организационного и технического свойства.

Вопросы определения видов субъектов и групп УИПД в реализации уголовно-исполнительных правоотношений требуют дальнейшего изучения и исследования.

УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

Значительную роль в обеспечении деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) выполняют различные учреждения, организации и предприятия, входящие в ее состав. Их количественный состав весьма обширен: 886 исправительных учреждений, 204 следственных изолятора, 275 профессиональных образовательных учреждения и др. Каждое учреждение выступает участником гражданско-правовых отношений, однако их организационно-правовой статус порой определяется двойственно.

Наиболее распространенным является подход, когда за учреждениями, организациями и предприятиями УИС не признается статуса госоргана, так как он напрямую не установлен нормативно-правовыми актами РФ. Так, в соответствии со ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон об учреждениях и органах) к органам УИС относятся исключительно два субъекта: ФСИН России как федеральный орган исполнительной власти и территориальные органы УИС, которые являются территориальными органами федерального органа исполнительной власти.

В качестве другого подхода можно отметить признание за исправительным учреждением статуса госоргана, который был установлен в решении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, где за исправительной колонией при рассмотрении вопроса об освобождении от уплаты государственной пошлины при обращении за судебной защитой по пп. 1.1. п. 1 ст. 333.37 НК РФ признан статус госоргана как за органом исполнения наказаний¹. Опираясь на данную позицию, Минфин России сообщил, что на все организации, относящиеся к органам исполнения наказаний и входящие в структуру ФСИН России, должно распространяться право на освобождение

¹ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.10.2018 № 306-ЭС18-11597, от 26.11.2018 № 309-ЭС18-12587, от 17.12.2018 № 309-ЭС18-17151.

от уплаты государственной пошлины за совершение юридически значимых действий, установленных главой 25.3. НК РФ, которое представлено федеральным органам государственной власти¹.

Соответствующая позиция основана на п. 5 Положения о ФСИН России (утв. Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314), согласно которому ФСИН России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия, учреждения и организации, специально созданные для обеспечения деятельности УИС.

Учитывая указанную позицию, учреждения УИС стали активно использовать соответствующее право на освобождение от уплаты государственной пошлины, что, безусловно, ведет к экономии бюджетных средств.

Очевидно, что вне зависимости от сферы общественных отношений (административных, налоговых, бюджетных и др.) организационно-правовой статус должен быть установлен единообразно.

Для решения возникающих противоречий представляется целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 5 Закона об учреждениях и органах, установив за всеми учреждениями и организациями УИС статус органов ФСИН России.

Такой подход применен, например, в ст. 2 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», где к органам федеральной службы безопасности прямо отнесены в том числе предприятия и организации, предназначенные для обеспечения деятельности федеральной службы безопасности.

В.А. Уткин

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В числе принципов уголовно-исполнительного законодательства в ст. 8 УИК РФ упомянут принцип «рационального применения мер принуждения». Налицо противоречие между названием данной статьи и содержанием данного принципа: ст. 8 именуется «Принципы уго-

¹ Письмо Минфина России от 14.11.2019 № 03-05-04-03/87834.

ловно-исполнительного законодательства», а в ее содержании он раскрывается как принцип правоприменительной деятельности. Впрочем, это противоречие, достаточно симптоматичное, свидетельствует о необходимости комплексного рассмотрения указанного и иных соответствующих принципов как принципов правового регулирования, охватывающих уголовно-исполнительное законодательство, подзаконные нормативные акты, правоприменительные акты и фактическую уголовно-исполнительную деятельность.

В литературе принцип рациональности принуждения обычно раскрывается с позиций его «экономии», что представляется односторонним. Более точно здесь использовать системную категорию «необходимой достаточности». В силу социально-правовой специфики исполнения лишения свободы можно говорить как об особой группе пенитенциарных правонарушений, совершаемых осужденными, так и об относительно самостоятельной системе мер пенитенциарного принуждения, составной частью которой выступает их пенитенциарная ответственность в виде дисциплинарной и уголовной ответственности.

Целью системы мер пенитенциарной ответственности в самом общем виде является обеспечение адекватной юридической наказуемости совершаемых осужденными пенитенциарных правонарушений в существующих социально-криминологических условиях и с учетом типовых характеристик личности осужденных-нарушителей.

Личность осужденных-правонарушителей неоднократно описывалась в литературе. В данном контексте представляется конструктивной типология, построенная аналогично типологии мотивации правомерного поведения: социально-активное, конформистское и маргинальное. Взятые «со знаком минус», эти характеристики в приложении к осужденным-нарушителям будут выглядеть как: а) антисоциально активные (лидеры отрицательной направленности); б) конформисты (большинство нарушителей); в) дезадаптированные, маргинальные осужденные.

Поскольку эффективность юридических норм следует отличать от эффективности проводимых на их основе мероприятий, система пенитенциарного принуждения (уголовно-исполнительного и уголовно-правового) может быть рассмотрена в двух аспектах: как «система-модель» (совокупность соответствующих юридических норм) и как система проводимых на их основе мероприятий. Целью первой является обеспечение ее полноценного, адекватного и непротиворечивого

использования на практике, целью второй – обеспечение пенитенциарного правопорядка.

Анализ ведомственной статистики ФСИН РФ свидетельствует, что обе эти цели ныне достигаются не в полной мере. Уровень преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы продолжает расти и в расчете на 1000 чел. в 2020 г. составил 2,39 (в 2019 г. – 2,19). За первое полугодие 2021 г. уровень нарушений осужденными порядка отбывания наказания по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. вырос на 6%, а уровень злостных нарушений в исправительных колониях – на 26%.

В то же время и «система-модель» пенитенциарной ответственности не достигает своих целей в должной степени, поскольку ее возможности неполно используются на практике. Среди предусмотренных ч. 1 ст. 116 УИК РФ злостных нарушений статистически значимыми являются только два (хранение, изготовление или передача запрещенных предметов и отказы от работы). На втором месте среди злостных нарушений стоит предусмотренное не первой, а второй частью ст. 116 УИК повторное в течение года «простое» нарушение. Причем их доля в числе злостных постоянно растет, что уже само по себе настораживает с позиций принципов законности и рациональности мер принуждения.

Далеко не полно используются и предусмотренные ст. 115 УИК меры взыскания, среди которых превалирует водворение осужденных в штрафной изолятор (91,5%). Даже самая строгая мера – единые помещения камерного типа (ЕПКТ) – имеет тенденцию к снижению. Если в 2016 г. среднегодовое число осужденных в ЕПКТ составляло примерно половину их лимита, то в 2018 г. – 45%, в 2020 г. – 35%, а в первой половине 2021 г. – 33%. В итоге если общее число осужденных в местах лишения свободы за истекшие пять лет уменьшилось на 30% (с ухудшением их характеристик), то число злостных нарушителей в ЕПКТ – на 42%.

Оценивая приведенные и другие аналогичные факты с позиций «необходимой достаточности», нельзя не признать, что в современной практике исполнения лишения свободы принцип рациональности принуждения реализуется далеко не в полной мере. Поэтому актуальны как масштабная «ревизия» «системы-модели» (предусмотренных законом оснований и мер) пенитенциарной ответственности, так и объективный анализ проблем их правоприменения.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Рецидивная преступность в России продолжает оставаться одной из самых актуальных и острых проблем как в период существования Советского государства, так и до настоящего времени.

Об этом свидетельствует мониторинг ее состояния, проводимый сотрудниками центрального аппарата МВД России и показывающий, что имевшаяся в отдельные годы динамика снижения рецидивной преступности, тем не менее, не уменьшает остроту проблемы.

Так, только за последние десять лет количество лиц, ранее нарушавших уголовный закон и вновь совершивших преступление, возросло с 401 894 в 2011 г. до 493 813 по итогам 2021 г.

В Алтайском крае данная проблема стоит ещё более остро. Край постоянно находится в числе худших регионов страны по уровню преступного рецидива. Такому положению дел способствует целый ряд различных причин, одной из важнейших среди которых является высокий уровень повторных нарушений уголовного закона несовершеннолетними.

При этом необходимо отметить, что такие нарушения более общественно опасны, чем преступления, совершенные подростками в первый раз.

Проведенное нами исследование криминологической характеристики повторных преступлений, совершенных несовершеннолетними правонарушителями в Алтайском крае за последние пять лет, показало, что доля преступлений против личности, совершенных ими, на 24,7% выше, чем у несовершеннолетних, впервые нарушивших уголовный закон.

Соответственно, на 30,1% выше доля преступлений против собственности, а такое распространенное преступление среди подростков, как угон транспортных средств у повторно совершивших превышает аналогичный показатель совершивших угон впервые более, чем в 2,5 раза.

Необходимо также отметить, что доля несовершеннолетних лиц, совершивших повторные преступления в состоянии алкогольного

опьянения, в 2,7 раза превышает соответствующую долю среди несовершеннолетних, совершивших преступление в первый раз.

Приведенные нами неутешительные показатели преступности несовершеннолетних в Алтайском крае во многом связаны с продолжающейся политикой гуманизации в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Лояльность, проявляемая к несовершеннолетним преступникам как в процессе назначения наказаний за совершенные преступления, так и в процессе исполнения этих наказаний приводит к тому, что правонарушители, как правило, практически испытывают лишь незначительную долю ответственности, предписанную законодателем, и не делают для себя должных выводов.

Соответственно, такая безнаказанность ведет к продолжению преступной деятельности, часто выражающейся в многоэпизодных уголовных делах, потому что правонарушитель не испытал раскаяния в совершенном преступлении, не осудил свое поведение, без чего, по справедливому мнению Л.М. Прокументова, не может начаться успешный процесс его исправления¹.

С учетом этого мы полагаем, что в настоящее время необходимо скорректировать практику назначения и реализации уголовного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей в сторону большей защиты прав и интересов потерпевших, с одновременным отказом от проявления излишней гуманности по отношению к нарушителям закона.

О.В. Филиппова

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕСТУПНИКА-РЕЦИДИВИСТА

Криминологическая характеристика личности преступника предполагает выявление социально-демографических, социально-ролевых и психологических признаков лиц, совершивших преступления, которые при взаимодействии с внешними обстоятельствами детерминируют преступное поведение. Под рецидивистом здесь понимается лицо, со-

¹ Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 57.

вершившее новое преступление при наличии неснятой или непогашенной судимости за ранее совершенное уголовно наказуемое деяние.

Анализ сведений о составе осужденных, отраженных в отчетах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, позволил выделить некоторые характеристики личности современного рецидивиста. В 2020 г. из общего числа осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, около 40% имели неснятую или непогашенную судимость. Из них лица мужского пола занимали около 90%.

Рецидивисты отличаются более зрелым возрастом по сравнению с первичными преступниками. Большинство из них (около 60%) совершили повторное преступление в возрасте 30–49 лет; 16,4% – в возрасте 25–29 лет, 12,9% – 18–24 лет; 6,4% – 50 лет и старше.

Рецидивисты характеризуются невысоким уровнем образования. Высшее образование имели всего 3,4%; при этом каждый пятый был без образования либо получил только начальное или основное общее. Среднее профессиональное образование имели 37,1%, среднее общее – 34,8%.

Подавляющее большинство рецидивистов на момент совершения нового преступления являлись трудоспособными, но не имели определенных занятий – 72,9%. Рабочими были 18%, служащими коммерческой или иной организации – 3,3%, учащимися и студентами – 1,4%, занимались предпринимательской деятельностью 0,8%, являлись нетрудоспособными и не работали 3,3%, 1,35 % отбывали лишение свободы в исправительном учреждении, 0,06% были военнослужащими, 0,85% имели прочие занятия.

По характеру совершенного преступления около половины рецидивистов (48,6%) были осуждены за преступления против собственности, 12,1% – за преступления против жизни и здоровья, 10,0% – за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, 9,4% – за преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

Одновременно наибольший удельный вес ранее судимые занимали среди осужденных за преступления против правосудия – 79,8%, за грабеж – 57,6%, за кражу – 53,5%, за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 44,0%.

Около половины ранее судимых лиц (46,0%) не отбыли наказание по последней судимости; большинство из них совершили новое преступление, отбывая условное осуждение – 26,7%, и исправительные

работы – 9,0%. В то же время отбыли полностью наказание 45,0%, и 9,0% были освобождены от наказания досрочно.

Нравственно-психологическая характеристика рецидивистов показывает бедность их потребностно-мотивационной сферы, преобладание у них материальных потребностей, деформацию эмоционально-волевой сферы (импульсивность, слабый самоконтроль поведения, подверженность ситуативным обстоятельствам, связанная с алкогольным опьянением), дефекты нравственного и правового сознания (пренебрежение правовыми нормами, отсутствие самокритичности, самооправдание преступного деяния, вера в безнаказанность).

Р.А. Филиппев

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС

Технические средства применяются с учетом целей и задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой (УИС), с соблюдением прав осужденных. Администрация исправительного учреждения не вправе произвольно выбирать технические средства и использовать их по собственному усмотрению. Перечень технических средств надзора и контроля, а также порядок их использования устанавливаются нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Применение технических средств контроля и надзора позволяет контролировать поведение осужденных практически в любое время и вне зависимости от места их нахождения. Как показывает практика, применение постоянно совершенствующихся технических средств, установленных как на внутренней территории охраняемого объекта, так и на территории запретной зоны достаточно эффективно при осуществлении надзора и контроля над поведением спецконтингента в жилых помещениях, особенно в ночное время, на производственных объектах, при проведении массовых мероприятий и т.д.

Технические средства помогают не допускать недозволенных контактов, осужденных с другими лицами, препятствуют получению ими запрещенных к хранению и использованию предметов, пресекать погони осужденных.

Как известно, цели применения технических средств контроля и надзора установлены в ст. 60.19 и 83 Уголовно-исполнительного кодекса.

Можно условно классифицировать технические средства контроля и надзора:

– технические средства контроля можно применять в качестве идентификации личности на контрольно-пропускном пункте как персонала входящего (выходящего) на объект охраны, спецконтингента, передвигающегося по территории учреждения (между жилой и производственной зонами, в столовой и т.д.), при досмотре транспортных средств, а также в множестве мест, которые должны находиться под контролем сотрудников УИС;

– технические средства надзора возможно использовать при видеофиксации различных действий по всей территории учреждения.

Наряду с техническими средствами общего назначения в деятельности сотрудников учреждений и органов УИС применяются индивидуальные средства надзора и контроля, например: носимые радиостанции; мобильные аппараты для обнаружения предметов, запрещенных к использованию осужденными в исправительных учреждениях; малогабаритные радиотехнические устройства для тревожного оповещения.

А.А. Храмов

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Развитие уголовно-исполнительной политики и ее законодательной формы невозможно без обращения к такой категории, как правовой институт. Несмотря на достаточно широкое и углубленное освещение проблемы институтов в общей теории права на уровне уголовно-исполнительной отрасли (ранее – исправительно-трудовой), данная тема так и не стала предметом самостоятельного монографического исследования. К исключениям можно отнести известные в науке уголовно-исполнительного права работы В.Д. Филимонова и О.В. Филимонова со схожим названием «Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права», диссертационное исследование Ю.А. Головастовой, в которых отдельные главы все же были посвящены изучению признаков и функций уголовно-исполнительных институтов, но носили весьма поверхностный характер и не учитывали всей специфики отрасли уголовно-исполнительного права.

Указанное обстоятельство привело к тому, что в уголовно-исполнительной науке возникла ситуация необоснованного расширения понимания институтов не только до отдельной главы (раздела) УИК РФ, но и его статей (и даже отдельных частей и пунктов), а также статей (глав) иных законов, не относящихся к системе уголовно-исполнительного права. При этом подобное выделение множества различных «институтов» не разрешает, а скорее усугубляет ситуацию, связанную с определением дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и принятых в соответствии с ним подзаконных актов.

В этой связи представляется, что институты уголовно-исполнительного права должны определяться как минимум через специфику и особенностей системы, метода, предмета, целей и задач, принципов уголовно-исполнительного правового регулирования, а также учитывать разработанные общей теорией права признаки правовых институтов (недопустимости отождествления между собой статей и норм, признания институтом одной нормы или ее части и др.), позволяя оптимально и эффективно производить систематизацию и обновление действующего отраслевого законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний.

С.В. Чубраков

РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОБЩАЯ СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (МОДЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ)

Системное описание уголовно-исполнительного правотворчества при модельном варианте его рассмотрения позволяет дать схематическое представление о том, как должен действовать правотворец при создании соответствующих правил поведения. Далее очевидно необходимо и анализ реализации в жизни данных правил, в том числе правоприменителем, т.е. системное исследование уже уголовно-исполнительной реализации права.

Общая системная характеристика любого объекта предполагает выявление его среди множества иных, описание свойств тождества и отличия, определение его целей, установление его элементов, а также отношений между ними (в том числе системообразующих, т.е. принципов).

Подобную характеристику реализации любого права (включая уголовно-исполнительное) следует начать с того, что она является второй составной частью (наряду с правотворчеством) такого множества, как правовое регулирование.

Под реализацией права в теории права в самом общем виде обычно понимают «претворение требований норм права в жизнь, при котором они воплощаются в поведении субъектов». Любое правовое предписание представляет собой правило (модель) поведения, сводимое к некоему «трафаретному» определению субъектов поведения, а также к закреплению их корреспондирующих друг другу субъективных прав и юридических обязанностей. То есть, по сути, оно является абстрактной моделью желаемого государству правоотношения. Реализация же права предполагает прежде всего воплощение данных моделей абстрактных правоотношений в конкретных правоотношениях, т.е. в урегулированном поведении четко определенных субъектов. Представляется, что первоначально реализация права подразделяется на два вида: добровольную и принудительную (правоприменение). И первая и вторая формы реализации права могут уже быть подразделены на подвиды. Так, добровольную реализацию права можно наблюдать в форме соблюдения, использования и исполнения, что напрямую зависит от того, в какой форме закреплена соответствующая основная модель поведения (правоотношения): в форме запрета, дозволения или предписания. Принудительная же реализация права (правоприменение) также предполагает вариативность и может сводиться к принудительному воплощению в жизнь соответствующей основной модели, модели-диспозиции (когда это возможно) и (или) к ответственности за ее добровольное неисполнение. Более того, правоприменение фактически является следствием правонарушения.

Выявление свойств такой вещи (системы), как реализация права, ориентирует на то, что ее общегрупповыми свойствами (свойствами тождества с другим элементом правового регулирования – с правотворчеством) должны быть все те свойства, которые является общегрупповыми и для правотворчества (и представляющие собой часть общегрупповых и специфических свойств того множества, частью которого являются эти элементы, т.е. правового регулирования). Затем следует установить специфические свойства (свойства отличия) реализации права.

Если говорить о реализации права в сфере исполнения мер уголовной ответственности, то ее можно определить в самом общем виде как претворение требований уголовно-исполнительных правовых предписаний в жизнь, при котором они воплощаются в поведении, связанном с исполнением мер уголовной ответственности, таких субъектов, как государство и осужденный. При этом следует отметить, что его отличительные свойства будут, по сути, являться уточнением свойств реализации права вообще.

Переходя далее к целям, следует отметить, что основной целью реализации права будет воплощение (добровольное либо принудительное) созданной в результате правотворчества общеобязательной модели поведения (описывающей абстрактное правоотношение) в реальную жизнь (в существующие общественные отношения, в поведение людей).

Также неоднозначным является и вопрос об элементах системы реализации права. Полагаем, что при его решении можно использовать механизм «черного ящика», поставив на «входе» первым элементом правовое предписание, содержащее основную модель поведения, закрепленную в соответствующем нормативно-правовом акте (т.е. результат правотворчества), а на «выходе» – реальное поведение (участников правоотношения) в двух формах: соответствующее предписанной государством основной модели (закрепленной в предписании-диспозиции) и не соответствующее этой модели, но реализующее иную обеспечительную модель (закрепленную в предписании-санкции). Такое расположение данных элементов позволит раскрыть и неизвестную часть (сам «черный ящик») с точки зрения необходимых элементов для появления из первого – второго. Очевидно, что система реализации права может образовываться двумя путями: когда участники отношения, урегулированного на уровне права, под воздействием соответствующей принятой государством основной модели поведения, добровольно следуют ей; и когда участники отношения, урегулированного на уровне права, добровольно не следуют принятой государством основной модели поведения, в результате чего появляется необходимость реализации иной, обеспечительной модели поведения, принудительно воплощающей первую (если это возможно) и (или) заключающей в себе механизм привлечения к ответственности уклоняющегося от добровольного соблюдения предписанной модели поведения участника. Второй путь, как говорилось ранее, вполне обоснованно можно именовать непосредственной rea-

лизацией права или правоприменением. Это повлечёт как соответствующее наполнение необходимыми элементами «черного ящика», так и соответствующее взаимодействие данных элементов.

Последним этапом общей системной характеристики будет выявление системообразующих отношений (принципов) данной системы, которые в свою очередь должны базироваться на общесистемных отношениях соединения. Установление их перечня – дело непростое. Нам представляется, что системообразующим отношением подсистемы реализации права при добровольной реализации основной модели будет отношение порождения поведения, соответствующего данной основной модели, а при добровольной нереализации основной модели наиболее явное системообразующее отношение можно получить в результате объединения ряда свойств выявленных отношений в одно – отношение принуждения к воплощению в жизнь основной модели, когда это возможно, либо к ответственности за ее несоблюдение (когда основная модель не может быть реализована принудительно).

Э.В. Чумаков

О ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Основной задачей подготовки осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению является решение вопросов их успешной социальной адаптации осужденного после освобождения. Сотрудники исправительных учреждений для успешной работы по ресоциализации осужденных должны знать личностные особенности каждого из них.

Учитывая, что личность осужденного подлежит изучению с момента прибытия в исправительное учреждение, возникает необходимость внесения изменений в ст. 79 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) «Прием осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения», дополнив ее ч. 3, которая должна быть изложена в следующей редакции: «В период нахождения осужденного в карантинном отделении, а также на последующих этапах исполнения наказания организуется изучение его личности, выявляются причины совершения лицом преступления и условия, способствовавшие этому. По результатам изучения личности в тече-

ние трех месяцев с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение составляется индивидуальная программа работы с ним».

В действующем законодательстве не вполне справедливо определено положение осужденных, трудоустроенных в колонии, по отношению к лицам, по тем или иным причинам не желающим трудиться. В соответствии со ст. 107 УИК РФ из заработной платы, пенсий и иных доходов осужденных к лишению свободы производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию. В частности, в соответствии с п. 4 ст. 99 УИК РФ осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получающие пенсию, возмещают стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг (кроме стоимости специального питания и специальной одежды). С осужденных, уклоняющихся от работы либо не занятых трудом, аналогичные расходы в соответствии с действующим законодательством удерживаются из средств, имеющихся на их лицевых счетах. Фактически же неработающие осужденные содержатся за счет государства.

В качестве промежуточного этапа перед освобождением нужно рассматривать перевод в исправительный центр. Человек, утративший способность к нормальной жизни в обществе, должен быть подготовлен к жизни на свободе в максимально реальных условиях, но такие условия на территории исправительного учреждения создать практически невозможно. Необходимость постепенной адаптации через исправительный центр подтверждают 89% опрошенных осужденных и 78% сотрудников системы исполнения наказаний УФСИН России по Томской области. Все они пояснили, что осужденным проще адаптироваться к условиям жизни на свободе после исправительного центра по сравнению с исправительной колонией.

М.В. Шайкова

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА¹

В настоящее время защита безопасности детей и подростков является основополагающей задачей образовательных учреждений. В по-

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

ведении несовершеннолетних, обучающихся в школах, присутствуют различные формы агрессии, одной из которых является буллинг.

В научной литературе буллинг рассматривается как форма насилия, проявляющаяся в систематических целенаправленных актах агрессии по отношению к лицам, более слабым по статусу, физически или психологически.

Детерминирует мотив принуждения.

На сегодняшний день одной из важных задач является признание проблемы школьного буллинга на официальном уровне и его правовое оформление. В пункте 9 ч. 1 ст. 34 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ закреплено право обучающегося на защиту от всех форм физического и психического насилия

Помимо того, в Российской Федерации предпринимается ряд иных правовых и организационных мер по противодействию негативного психологического влияния на несовершеннолетних: письмо Минобрнауки России от 17 июня 2016 г. (№ 08-1180), приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. (№ 1897) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

В настоящее время существует множество научных точек зрения на проблему школьного буллинга, например: Д.А. Гуляницкая (2020), А.В. Остроушко, А.А. Букалеров (2018), Н.А. Голованова (2018) и другие, но юридические и превентивные меры школьного буллинга рассмотрены недостаточно.

Школьный коллектив несовершеннолетних весьма разнообразен по своему составу. Многие ученики хорошо учатся, занимаются в различных кружках и секциях, общественной работой. Есть и так называемые трудные подростки. В эту категорию, к сожалению, учителя относят не только подростков-правонарушителей, но и тех несовершеннолетних, у кого заниженная самооценка, недостаточно развиты коммуникативные навыки и т.д. Именно такие подростки часто становятся предметом травли, агрессии физической и психологической.

К тому же, невзирая на возрастающий научный и практический интерес к теме школьной травли, вопрос об эффективном процессе профилактики насилия в учебных заведениях остается открытым. В связи с этим мы предлагаем два основных подхода к профилактике и борьбе с буллингом в школах: решение всех правовых вопросов, создание федерального или регионального законодательного акта, в котором необходимо дать

определение школьного буллинга, уточнить профилактические и превентивные меры муниципальных и региональных учреждений.

По нашему мнению, основную роль в профилактике и предупреждении школьного буллинга в образовательном учреждении должна выполнять психологическая служба. Именно школьный психолог должен взять на себя основную часть профилактической и предупредительной работы школьного буллинга, прежде всего это диагностическая работа. Данный вид деятельности должен осуществляться совместно с учителем, который первый обращает внимание на поведение подростков в классе и в школе в целом. Диагностика также должна включать изучение позиции родителей по отношению к поведению ребенка-жертвы. Задача психолога – скорректировать ситуации, которые возникают в школьном коллективе и дать практические рекомендации учителю, родителям и подростку.

В целом школьный буллинг – проблема достаточно сложная и юридически, психологически недостаточно разработанная. В Российской Федерации существует острая необходимость предупреждения буллинга путем принятия специализированного нормативного правового акта, который будет иметь превентивное значение в деле профилактики насилия среди детей и подростков.

А.С. Шерстяных

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПРОТИВОПРАВНОГО КОНТЕНТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В последние годы резко увеличилось количество проблем, связанных с циркуляцией информации в сети Интернет. Это и предотвращение распространения запрещенной информации, защита персональных данных от утечки, кибермошенничество, защита интеллектуальной собственности в цифровой среде и др. В связи с этим во многих странах мира появилась новая отрасль права, связанная с регулированием информационных отношений. Некоторые исследователи называют ее «киберправом» или интернет-правом¹. Причем первостепен-

¹ Исследование: в мире усиливается регулирование цифровой среды // Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/496608119.html> (дата обращения: 08.12.2021).

ной задачей такого регулирования является создание действительно работающих механизмов исполнения требований, предъявляемых к участникам правовых отношений в сети Интернет (провайдером, владельцам социальных сетей и др.).

Так, в Германии с 2017 г.¹ действует Закон об улучшении правового регулирования в сфере социальных сетей (или, как его называют в самой Германии, «Закон о Facebooke»). Администратор социальной сети должен в течение 24 часов отреагировать на жалобу о незаконном контенте и принять решение о его блокировке или удалении.

В мае 2021 г. Правительство Великобритании представило проект закона об онлайн-безопасности, в котором предлагается ввести штрафы за неудаление противоправного контента в размере до 10% от оборота компании или до 18 млн фунтов стерлингов².

В апреле 2021 г. в ЕС был принят закон, требующий от интернет-компаний «удалять или отключать доступ к контенту, помеченному как террористический»³. По закону противоправный контент должен удаляться в течение часа после уведомления компетентными органами, без предварительного судебного решения.

В России с 1 февраля 2021 г. владельцы социальных сетей обязаны самостоятельно осуществлять мониторинг сообщений, выкладываемых пользователями, с целью выявления и блокирования деструктивного контента⁴ (перечень приводится во вновь вводимой в ФЗ № 149 ст. 10.6). При этом Роскомнадзором планируется создание и внедрение информационной системы «Мониторинг информационных ресурсов» (ИС МИР) для поиска информации, запрещенной в СМИ и

¹ Бундесрат одобрил реформу закона о социальных сетях // Информационный портал germania-online. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik-/2463836> (дата обращения: 08.12.2021).

² В Британии разработан правительственный законопроект об ответственности соцсетей за противоправный контент // D-russia.ru : онлайн-издание. URL: <https://d-russia.ru/v-britanii-razrobotan-pravitelstvennyj-zakonoproekt-ob-otvetstvennosti-socsetej-za-protivopravnyj-kontent.html> (дата обращения: 08.12.2021).

³ ЕС принял закон против распространения террористического контента в интернете // Интерфакс – международная информационная группа. URL: <https://www.interfax.ru/world/756307> (дата обращения: 09.12.2021).

⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/400157996/paragraph/1:0> (дата обращения: 09.12.2021).

соцсетях. Согласно информации, размещенной на сайте госзакупок¹, тендер выиграло ООО «ВЕКТОР ИКС».

В приведенном техническом задании сказано, что система должна не только осуществлять мониторинг сообщений пользователей социальных сетей (vk.com, facebook.com, telegram и twiter), но и выявлять зеркала (клоны) и неточные смысловые копии материалов, распространение которых в России ограничено или запрещено. При этом должен проводиться анализ «по упоминаемым людям, организациям и локациям» и «выявление наиболее вероятных путей распространения на зеркалах медиаматериалов»².

А.А. Яковлев

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Забота о сохранении здоровья граждан стоит перед любым государством. Особое внимание уделяется заболеваниям с высокой смертностью и высоким риском первичной инвалидности. В РФ эти заболевания определены Перечнем социально значимых заболеваний. Вектор развития отечественного законодательства привел к расширению возможностей уголовно-правовых средств, направленных на сохранение здоровья лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Но из-за отсутствия единства в данном направлении возникло расширение терминологии, несвойственной законодательству уголовно-правового цикла.

После внесения изменений в УК РФ и введения нормы, предусматривающей отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве появился такой медицинский термин, как «реабилитация».

Исходя из толкования терминов «лечение» и «реабилитация» и их сущности, можно сделать вывод, что лечение является первым эта-

¹ Просмотр извещения о закупке № 32110592123. URL: <https://zakupki.gov.ru/223/purchase/public/purchase/info/documents.html?regNumber=32110592123> (дата обращения: 09.12.2021).

² См.: Техническое задание, расположенное на портале госзакупок.

пом, на котором больному устраняют физическую привязанность к наркотику, проявляющуюся в виде абстинентного синдрома. После этого переходят ко второму этапу (реабилитации), заключающемуся в восстановлении поврежденных или полностью утраченных функций организма. Таким образом, в случае нарушения последовательности или отказа от одного из элементов системы весь комплекс мер станет неэффективным.

Возможность применить весь спектр медицинской помощи при привлечении к уголовной ответственности остается возможным только к осужденным к наказаниям без изоляции от общества или при отсрочке исполнения приговора. В остальных случаях возложение обязанности прохождения реабилитации невозможно. Аналогичная ситуация складывается при отбывании наказания в исправительном учреждении.

В таком случае с целью повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия распространению социально значимых заболеваний целесообразно применять обязанность пройти не только лечение, но реабилитацию. Такое предложение диктует необходимость внесения изменений в уголовное законодательство, в частности в ч. 3 ст. 18 УИК РФ в следующей редакции: «К осужденным к наказаниям, указанным в части первой настоящей статьи, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждениям, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение и медицинская и (или) социальная реабилитация».

Таким образом, отечественный законодатель, регламентируя возможность лечения ряда социально значимых заболеваний уголовно-правовыми средствами, не учел особенности специальной медицинской терминологии. Предложенное решение должно способствовать устранению правовых способов уклонения от исполнения возложенных обязанностей в объеме, заложенном законодателем и судом.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Л.Л. Абрамова

КАТЕГОРИЯ «ДАННЫЕ» КАК ЭЛЕМЕНТ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ НАЧАЛА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Обратившись к формуле фактических оснований для начала предварительного расследования, закреплённой в законе как «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), можно отметить, что законодатель выстроил элементы её структуры вокруг категории «данные». При изложении уголовно-процессуальных норм она отождествляется с терминами «сведения», «информация», «сообщения», «иные данные», «материалы». В юридической литературе преобладает позиция о том, что любое уголовно-процессуальное решение принимается на основе фактических данных (сведений). Так, В.В. Кальницкий, рассматривая вопрос о фактических основаниях производства следственных действий, акцентирует внимание на значении фактических данных, указывая, что, независимо от того, сформулировал ли текстуально законодатель основание производства того или иного действия либо ограничился указанием на его цель, органы, ведущие уголовное судопроизводство, и другие его участники, принимая решение или ходатайствуя об этом, обязаны исходить из наличия достаточной совокупности сведений (фактических данных)¹. Законодатель очень тонко придает «фактическим основаниям» необходимую степень полноты. В одних случаях базовый элемент для принятия процессуального решения «заужен»

¹ Следственные действия : учеб. пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. Омск : Омск. академия МВД России, 2015. 48 с.

определенной спецификой, в других, напротив, носит более вариативный характер.

Положения ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ указывают, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения имеют доказательственное значение при условии соблюдения требований, предъявляемых к доказательствам. Согласно ст. 90 УПК РФ нет препятствий использования материалов административных производств в уголовном деле, в том числе и на начальном этапе его формирования. Закон о полиции, описывая полномочия полиции, даёт основания полагать о возможности приобщения результатов полицейских действий в качестве оснований для начала предварительного расследования¹. Все перечисленное усиливает тенденцию легитимности сведений, получаемых до момента регистрации официального повода для возбуждения уголовного дела, но очевидно, что говорить о существовании стройной системы данных, на основе которых могут формироваться фактические основания для начала предварительного расследования, не представляется возможным по причине их фрагментарной легитимизации в УПК РФ². Упоминание федеральным и ведомственным законодателем различных по названию, содержанию, назначению, форме данных указывает на их неоднородность, что является предпосылкой для их классификации. В связи с этим возник интерес разделения данных по группам по объединяющим общим признакам. Исходя из характера сообщения, правоприменитель должен определиться, какими средствами будет осуществляться их предварительная проверка. Подобную логику использовал ведомственный законодатель, определив виды сообщений – о преступлении, административном правонарушении, происшествии³. В этой связи справедливым представляется классификация данных, исходя из вида деятельности,

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // СПС КонсультантПлюс.

² Очевидно, что здесь приведен неполный перечень законодательных установлений, заставляющих пересматривать подходы к формированию первоначальных данных о преступлении.

³ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : Приказ МВД России от 29 января 2014 г. № 736 // СПС КонсультантПлюс.

посредством которого они сформированы. Анализ нормативных актов, учебной и научной литературы, материалов уголовных дел, собственный практический опыт автора позволили сделать вывод, что фактические основания для начала предварительного расследования могут формироваться на основе процессуальных (следственных и иных процессуальных) оперативно-розыскных, административных, полицейских, служебных данных. Проблема допустимости сведений, полученных за рамками уголовного процесса, вне установленной УПК РФ процессуальной формы не раз становилась предметом научных дискуссий. С.Б. Россинский справедливо отмечает, что «различного рода процессуальные данные имеют важнейший, а в ряде случаев – просто необходимый, познавательный потенциал, позволяющий установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и, таким образом, обеспечить решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством»¹. Сведения, полученные в ходе иной, нежели уголовный процесс, деятельности, должны рассматриваться как разновидность процессуальной информации при условии тщательной проверки представленных сведений на соответствие требованиям, предъявляемым к доказательствам. В целях совершенствования нормативного регулирования деятельности по формированию фактических оснований для начала предварительного расследования на основе проведенного анализа, учитывая неопределенности относительно порядка проведения проверочных действий, а также правового положения участников предварительной проверки, необходимо сделать выводы о допустимости на этапе формирования фактических оснований для начала предварительного расследования производства любых неотложных следственных, а также иных процессуальных действий; применения иных мер процессуального принуждения в виде привода и обязательства о явке, дополнении системы мер процессуального принуждения самостоятельной исключительной мерой – полицейское задержание, – допускаемой до принятия решения о начале расследования, оформляемой сотрудниками органа дознания составлением

¹ Россинский С.Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу: проблемы получения и использования // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мисхор (Большая Ялта), 26–27 сентября 2019 года. Мисхор (Большая Ялта) : Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 101–104.

протокола об этом; срок такого задержания следует исчислять с момента фактического ограничения свободы передвижения до момента доставления лица к следователю (дознавателю).

Аргументы оппонентов в части злоупотреблений, связанных с применением принуждения, можно опровергнуть следующими гарантиями. Применение следственных действий и иных мер принуждения в ходе предварительной проверки в любом случае обеспечено: 1) правом обжалования процессуальных действий и решений; 2) возможностью участия защитника с момента начала любой обвинительной деятельности, в том числе в ходе формирования фактических оснований для начала предварительного расследования; 3) положениями принципов уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенности жилища, презумпции невиновности др.; 4) необходимостью установления наличия фактических оснований для принятия конкретных следственных и процессуальных действий. Согласно изначальному замыслу, сам метод правового регулирования проверочной деятельности своей концептуальной «полупроцессуальностью» был призван оберегать граждан от преждевременного компрометирующего связывания их с уголовным судопроизводством¹. В современный период произошел заметный крен в сторону процессуализации деятельности по формированию фактических оснований для начала предварительного расследования. Именно этим продиктована острая постановка проблемы обеспечения эффективности правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности на проверочном этапе.

¹ Николаев Ю.А. О месте и значении стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства // Судебно-правовая реформа в России и современные проблемы выявления и расследования преступлений : материалы науч.-практ. конф. 2002. С. 112.

Ю.А. Андриенко

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Использование продуктов цифровых технологий в каждодневной работе следователя является объективным требованием времени, очевидным и перспективным ресурсом для совершенствования средств осуществления быстрого и полного исследования обстоятельств преступления. В связи с этим представляется, что оптимизация научно-технического обеспечения предварительного расследования должна стать одним из важнейших векторов развития отечественного уголовного-процессуального законодательства.

В то же время полагаем, что цифровизация уголовного процесса должна носить точечный и эволюционный характер при взвешенном и планомерном подходе к введению каких-либо изменений, поскольку поспешные и непродуманные шаги по внедрению научно-технологических достижений в уголовное судопроизводство могут принести значительный вред и создать новые сложности в практической деятельности.

Одним из наиболее актуальных направлений развития научно-технического обеспечения предварительного расследования является вопрос внедрения испытанных в судебном производстве инструментов – уведомления участников судопроизводства с использованием современных средств связи, а также цифровой фиксации хода и результатов процессуальных действий.

Так, УПК РФ, в отличие от ряда кодексов других отраслей российского права (АПК, ГПК, КАС), не содержит подробной регламентации порядка уведомления участников уголовного судопроизводства посредством цифровых технологий, что указывает на консервативное отношение законодателя к вопросам совершенствования соответствующего инструментария правоприменителей. В связи с этим для официального извещения граждан о решениях по делу или вызова к следователю по-прежнему продолжают использоваться такие архаичные средства уведомления, как почтовые отправления или нарочные повестки.

В целях решения данной проблемы полагаем необходимым нормативно регламентировать возможность следователя уведомлять участников уголовного судопроизводства о принятых процессуальных решениях, о необходимости явки для участия в процессуальных действиях, а также в иных предусмотренных УПК РФ целях посредством современных средств связи (в том числе используя возможности сотовой связи и электронной почты), для чего необходимо дополнить УПК РФ новой ст. 170.1.

В соответствии с изменениями, внесенными в ст. 259 УПК РФ, с 1 сентября 2019 г. в ходе заседания судов первой и апелляционной инстанций помимо составления протокола в письменной форме, введено обязательное протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование), что положительно оценивается большинством исследователей как прогрессивный шаг в развитии процессуального законодательства, способствующий транспарентности судебного процесса¹.

В этой связи на стадии досудебного производства большими преимуществами перед остальными способами фиксации хода и результатов следственных действий (стенографирование, фотографирование, аудиозапись) обладает видеозапись, которая позволяет обеспечить наглядность, оперативность, объективизацию фиксируемого события, усиливает гарантии законности действий следователя.

По изложенным выше доводам в целях распространения применения видеозаписи при производстве следственных действий представляется необходимым предусмотреть обязательное применение видеозаписи для фиксации хода и результатов следственных действий, указанных в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, если по решению следователя в их производстве не принимают участие понятия.

Представляется, что данный шаг будет способствовать дальнейшему активному распространению применения технических средств на стадии предварительного расследования и постепенному переходу на электронное производство по уголовным делам.

¹ Борисова А.В. К вопросу о целесообразности аудиопротоколирования в суде по уголовным и гражданским делам // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 109; Юлбердина Л.Р. Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 3(21). С. 212.

А.А. Арутюнян

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Вопрос о соотношении единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, который в советской уголовно-процессуальной науке был довольно острым и вылился в том числе в публичную полемику на страницах печати¹, сегодня уже окончательно решен в сторону дифференциации. Немаловажным фактором активного применения дифференцированных процедур в уголовном процессе является в том числе и уровень преступности, и соответствующая ей загруженность судов и правоохранительных органов, совершенствование методов расследования и раскрытия преступлений, в том числе активное использование современных информационных технологий в расследовании. Однако, несмотря на активное применение таких процедур, теоретическую и нормативную основу дифференциации уголовно-процессуальной формы нельзя считать полностью разработанной.

Российский уголовно-процессуальный закон предусматривает достаточно широкий набор процессуальных институтов и норм, которые в той или иной степени можно было бы отнести к дифференцированным уголовно-процессуальным формам. Общим между этими институтами можно считать то, что они предусматривают принятие специальных процессуальных решений, влияющих на судьбу дела и влекущих процессуальные последствия, которые не наступили бы при рассмотрении дела в общем порядке.

Однако между указанными институтами и наполняющими их нормами не всегда удастся проследить внутреннюю согласованность, поскольку в ряде случаев одновременно возможно рассмотрение дела

¹ См., например: Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 54–61; Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50–53; Якуб М.Л. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. 1975. № 1. С. 66–67.

в рамках разных уголовно-процессуальных порядков, влекущих разные процессуальные последствия, при одинаковых условиях и обстоятельствах (например, по одним и тем же обстоятельствам можно допустить возможность применения судебного штрафа как основания прекращения уголовного дела, а также и рассмотрение дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ). Кроме того, не исключена и возможность одновременного наличия нескольких нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования, выбор между которыми осуществляет обвиняемый (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Представляется, что наличие таких ситуаций как минимум свидетельствует о неполной проработанности системы дифференцированных процедур. С одной стороны, безусловно закон должен сохранять определенный объем дискреции для правоприменителя при принятии решения о применении того или иного порядка с учетом конкретных обстоятельств дела, а с другой – не может не вызывать сомнения ситуация, в которой одно и то же дело по непонятным причинам может завершиться как прекращением, так и постановлением обвинительного приговора. Фактически в таком случае правовые последствия для обвиняемого зависят от того, насколько корректно ему были разъяснены права и их реальное содержание, была ли у него возможность получить квалифицированную юридическую помощь и т.п.

В этой связи представляется необходимым определить критерии, которые позволили бы относить те или иные производства к дифференцированным, а также сформулировать систему оснований и условий их применения с целью создания внутренне согласованной структуры таких производств. Это могло бы послужить важным шагом в сторону более широкого обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, в особенности в рамках сокращенных процедур, где не всегда возможно полноценное обеспечение процессуальных гарантий.

А.М. Баранов

СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 30 ЛЕТ! ВРЕМЯ ДЛЯ НОВОЙ?

Последней судебной реформе в России в 2021 г. минуло 30 лет. Пришло ли время для новой судебной реформы и новой стратегии

развития уголовной юстиции в стране? Попробуем несколькими тезисами ответить на этот вопрос.

Первое, на что обратим внимание, – сроки между реформами и социальные условия на момент начала предыдущих судебных реформ за последние полтора столетия.

Между судебной реформой Александра II 1864 г. и реформой Советского государства 1917–1924 гг. прошло около 60 лет. До реформы 1960-х гг. – около 40 лет. Последняя реформа 1991 г. началась через 30 лет. И сегодня после реформы 1991 г. прошло 30 лет. С точки зрения временных сроков мы на пороге новой судебной реформы.

Однако представители науки истории права заметят, что все названные выше судебные реформы проходили одновременно с иными социальными реформами общества. Можно согласиться с точкой зрения о том, что в современном российском обществе назрели перемены в различных общественных отношениях, но перемен уровня реформ – нет. Еще одно несколько грустное наблюдение: все названные судебные (социальные) реформы происходили после участия России в войне.

Следующее наблюдение, уже непосредственно касающееся хода судебной реформы: в УПК РФ за двадцать лет с момента его принятия были внесены изменения 94 федеральными законами и 34 решениями Конституционного Суда. Сегодняшнее содержание УПК РФ, существенно отличается от закона, принятого в 2001 г., и не всегда в лучшую сторону. Было ли подобное в нашей истории? Увы, да! Для введения Уставов уголовного судопроизводства 1864 г. потребовалось 35 лет. За это время в Уставы были внесены многочисленные изменения. Профессор И.Я. Фойницкий упоминал о 41 нормативном акте¹. К началу XX в. содержание Устава существенно отличалось от его первоначального текста.

Как такового завершения судебной реформы не произошло. О ней просто перестали вспоминать, о чем свидетельствует тот факт, что 30-летие с ее начала осталось без внимания юридической общественности.

Следует признать, что большинство заявленных предложений Концепции судебной реформы 1991 г. удалось осуществить. Современный уголовный процесс значительно отличается от советского

¹ См. подробнее: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 46–49.

уголовного процесса. Уголовный процесс России вобрал в себя многие черты состязательного процесса в его англосаксонской модели. И пока что, на доктринальном уровне, эта модель продолжает воплощаться. Эта модель породила иллюзию у законодателя, что качество работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда можно обеспечить за счет чрезмерного усложнения и детализации процедуры производства предварительного расследования и судебного разбирательства. Требуется признать справедливым, что и научная общественность в своих исследованиях долгое время исходила из такого подхода как единственно верного.

Проблема в том, что модель «соблюдения должной процедуры», в силу своей формальности и сложности, не отвечала интересам личности, общества и государства уже на момент принятия УПК РФ.

Правоприменитель (в том числе и судьи) упрощает применение норм закона на практике. Толкование и применение закона на уровне «высоких теоретических разработок» работают в исключительных случаях. Тогда вопрос толкования и применения нормы права становится предметом Конституционного Суда. Решения Конституционного Суда порой в своем содержании – как искусство в праве. И по этой причине не воспринимаются массовым правоприменителем. Такое право требует не просто специальной юридической подготовки, а поддержания своих профессиональных знаний на постоянном высоком уровне, что при современной организации деятельности и нагрузке правоохранительных органов и суда невозможно. Именно по этой причине УПК все больше походит на учебник или инструкцию. Избранный путь по усложнению процедур в надежде повысить качество в деятельности правоприменителя не оправдал себя, а загнал всех в «прокрустово ложе».

Еще одно важное обстоятельство – Для новой судебной реформы нет новой концепции современного уголовного процесса. К сожалению, научной общественностью обсуждаются либо отдельные институты, либо этапы уголовного судопроизводства. А на доктринальном уровне можно увидеть две концепции. Первая – это продолжение политики внедрения состязательного процесса англосаксонской модели, вторая – возврат к «советскому» процессу. И вот что удивительно, призывы к возврату советского уголовного процесса звучат не только от ученых старшего поколения, но и все чаще от людей среднего возраста, которые об этом процессе знают только из книг.

При создании *новой доктрины* уголовного судопроизводства следует отказаться от идеи излишней детализации порядка производства по уголовному делу, перейти от количественных изменений в УПК к качественным. Переход к качественным изменениям невозможен без учета изменившихся форм и средств передачи информации. Консерватизм «бумажного» формата производства уже начинает носить характер архаичности. Заблуждением является представление о том, что переход в электронный формат заключается в «оцифровке» документов, выполненных на бумажном носителе или в фиксации процессуальных действий и решений в компьютере по образцу и подобию «бумажного» документа. Переход в электронный формат хода и результатов уголовного судопроизводства означает, что все действия должны фиксироваться в виде цифровой видеозаписи, и процессуальные решения тоже.

А.А. Бондаренко

ДОПОЛНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОЖНОСОСТАВНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исторически сложившийся и апробированный многолетней практикой самостоятельный способ формирования сложносоставного дела, состоящий в дополнении обвинения новым преступлением, совершенным уже преследуемым лицом и выявленным в ходе расследования в последнее десятилетие, в доктрине и правоприменении стал трактоваться как нелегитимный. Основным аргументом выступает формула «без акта возбуждения уголовного дела нет обвинения».

В угоду соблюдению представленной формулы установился порядок выделять материалы по новому преступлению, регистрировать и проверять информацию, возбуждать уголовное дело и соединять его с исходным делом. Такой способ формирования сложносоставного уголовного дела, представляемый как единственно приемлемый, на наш взгляд, исключает полноценное реагирование на «внутренний» сигнал о преступлении, ухудшает положение преследуемого лица, возвращая его из развитого процессуального положения к неопределенному статусу, прерывает доказывание, ограничивая объем закрепляемых све-

дений в том следственном действии, в котором возникла информация о новом преступлении.

Кроме того, применение механизма выделения материалов уголовного дела в отношении уже преследуемого лица не соответствует содержанию нормативного положения, содержащегося в ч. 1 ст. 155 УПК РФ. Выделение материалов уголовного дела в отдельное производство допускается только в отношении иных лиц, т.е. не являющихся уже подозреваемыми (обвиняемыми) в расследуемом уголовном деле.

Правильность такого толкования подтверждена в одном из решений Конституционного Суда РФ¹, но правоприменительной практикой это не учитывается. Это обосновывается невозможностью постановки на учет преступления без принятия решения о возбуждении уголовного дела в связи с его совершением. Вместе с тем основаниями выставления документов статистической отчетности, в соответствии с ведомственным регулированием, является в том числе обвинительное заключение по ранее не учтенному преступлению (п. 28)².

Полагаем, формирование соединенного обвинения возможно без ущерба для обеспечения прав преследуемого лица также путем дополнения обвинения самостоятельным преступлением, выявленным в ходе производства по уголовному делу. На наш взгляд, это разумный, логичный, наилучший способ формирования соединенного обвинения, учитывающий естественный ход расследования, полностью отвечающий принципу всесторонности, полноты и объективности досудебного производства и, как говорится, не имеющий противопоказаний с позиций обеспечения прав преследуемого лица. Обвинение в широком смысле (обвинительная деятельность во всех ее проявлениях) объективируется в актах, ставящих лицо в процессуальное положение подозреваемого.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шапова Ю.С. на нарушение его конституционных прав положениями статей 30, 34, 36, 38, 42, 125, 140, 141, 144, 145, 155, 237 и 239 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1534-О // СПС КонсультантПлюс.

² О едином учете преступлений : Приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. // СПС КонсультантПлюс.

Отметим, что дополнение обвинения является специальным порядком выдвижения обвинения, а значит, ограничено в сфере применения и возможно исключительно при выявлении нового преступления уже преследуемого лица и при наличии процессуальной связи обстоятельств преступлений (через обстоятельства одного деяния выходим на другое деяние).

А.В. Боярская

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Предметом рассмотрения в данной работе выступают переходные конструкции, свойственные упрощенным процедурам, предусмотренным гл. 40 и 40.1 УПК РФ. Под переходными конструкциями понимается относительно самостоятельный специализированный комплекс уголовно-процессуальных форм и соответствующих им процессуальных решений, опосредующих переход от общего порядка производства по делу к дифференцированному и, в определенных случаях, обратно или к иной дифференцированной процедуре.

Для данных конструкций характерны субъекты, иницирующие изменение процессуальной формы, субъекты, санкционирующие его, а также процессуальные документы, оформляющие инициирование и санкционирование изменения характеристик процедуры.

Выдвинем тезис, что одним из важнейших направлений дифференциации уголовного судопроизводства является «гибридизация» процессуальных форм, предполагающая сочетание признаков и компонентов производств разных видов. Соответственно, процедуры, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, предполагают включение в их состав на судебном этапе особого производства, инициированного ходатайством обвиняемого или представлением прокурора, удовлетворение которого позволяет существенно упростить процессуальную форму. Задача подобного особого производства, при рассмотрении свойств которого мы ориентируемся на позицию профессора Ю.К. Якимовича¹, заключается в замене собой части стандартного процесса доказывания.

¹ Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 25–26.

Сложная структура рассматриваемых уголовно-процессуальных производств порождает потребность в процессуальных формах, обеспечивающих переход от стандартной процедуры к дифференцированной и обратно. Подобные конструкции для взаимосвязанных процедур должны приобрести единообразный вид, строиться по общим правилам, чего пока не наблюдается.

Для особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, субъект, инициирующий переход от общего к упрощенному порядку, – обвиняемый; субъект, его санкционирующий, – суд. Обвиняемый для данной цели заявляет ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении данного дела в особом порядке.

Для производства, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ, структура переходных конструкций осложняется избыточным числом задействованных субъектов. Здесь переходных конструкций две. В первом случае переход к дифференцированной процедуре инициирует подозреваемый / обвиняемый, заявив ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Следователь принимает согласованное с руководителем следственного органа постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Логичным было бы исключить здесь участие руководителя следственного органа. Инициатива рассмотрения уголовного дела в особом порядке должна также исходить от подозреваемого/обвиняемого, в связи с чем наименование и цель подаваемого им ходатайства должны стать двойными. Функция прокурора должна состоять в заключении и подтверждении исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Н.П. Бухарина

К ВОПРОСУ ОБ ОШИБКАХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Вопрос о том, в какой период появились ошибки в уголовном судопроизводстве и когда такая категория сложилась в правопримене-

нии, является открытым. Изучение дошедших до нас источников древнерусского права показывает, что термин «ошибка» или его эквивалент не использовались. Вместе с тем это не говорит о том, что ошибок не существовало. Напротив, об их распространенности косвенно свидетельствуют попытки древнего законодателя закрепить способы их предупреждения. Обратимся к статье 67 Русской Правды (пространная редакция): «...кто повредит бороду и останутся следы этого... если... свидетелей нет и обвинение не доказано, то штрафа князю нет»¹. Из содержания статьи следует, что впервые, выражаясь современной терминологией, предусматривалась возможность прекращения уголовного преследования в связи с непричастностью лица к совершению преступления. Статья 19 Русской Правды закрепляла правило о том, что «за останки и за мертвеца, если не ведомо его имя и он неизвестен, то вервь не платит»². Принимая во внимание проживание населения в общинах, каждый член которых знал своих родственников и соседей из других вервей, обнаружение неопознанного трупа означало, что преступление было совершено давно. Соответственно, данной нормой впервые закреплялась возможность, выражаясь современным языком, прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Другой способ предупреждения осуждения невиновного предусматривал дифференцированное использование ордалий при отсутствии вещественных доказательств в зависимости от размера причиненного ущерба. Наиболее ярко это проявилось по делам о краже. Так, если размер ущерба превышал полугривну золота, применялось испытание железом; от 2 гривен до 20 гривен кун – испытание водой; менее 2 гривен – практиковалась судебная клятва (ст. 22)³. Таким образом, впервые в истории отечественного законодательства появились прообразы га-

¹ Русская Правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947#_edn9 (дата обращения: 25.01.2022).

² Там же.

³ По оценкам историков, полугривна золота в этот период составляла 5 гривен серебра или 20 гривен кун. К примеру, С.Г. Струмилин (1930 г.) приводит следующие расценки на домашних животных времен Русской Правды: вол в среднем 2 гривны, корова – 1,4 гривны, свинья – 0,3 гривны кун. Нетрудно посчитать, что испытание железом могло быть применено в случае обвинения лица в краже не менее, чем 10 волов, 14 коров или 67 свиней.

рантий защиты от несправедливого осуждения, которые получили развитие в последующих законодательных актах и в той или иной форме дошли до наших дней.

Обратимся к источникам права Московского централизованного государства. Судебник 1497 г. впервые вводит понятие ошибочного судебного решения и называет его «та грамота не в грамоту»¹, т.е. решение, вынесенное «не по суду»² – несправедливое, незаконное, не имеющее юридической силы, иными словами. В качестве способа исправления ошибок статьей 19 указанного акта предусматривался пересмотр дела с вынесением нового судебного решения. Однако Судебник 1497 г. еще не делал различий между ошибкой и преступлением и не устанавливал санкций за такое нарушение.

Судебник 1550 г. впервые разграничил судебную ошибку и преступление. Так, судебной ошибкой признавалось решение, вынесенное «не по суду без хитрости»³, т.е. несправедливое, незаконное, не имеющее юридической силы решение, вынесенное без умысла, случайно. В этой ситуации заявителю предоставлялось право на пересмотр дела. Судья же к ответственности не привлекался. И наоборот, преступным данное деяние становилось, если решение было вынесено «не по суду» в связи с принятием судьей посула (взятки). Необходимо отметить, что понимание ошибок в уголовном судопроизводстве как бесхитростного деяния нашло отражение и в актах более позднего периода, например, в Соборном уложении 1649 г.

Таким образом, ошибки в уголовном судопроизводстве существовали на всем протяжении развития уголовного процесса. Уже со времен Русской Правды законодатель реагировал правовыми мерами на существование ошибок, стимулируя тем самым формирование механизмов их исправления и предупреждения, а также развитие уголовного процесса в целом.

¹ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юрид. лит., 1985. С. 56.

² Там же.

³ Судебник 1550 г. // Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (дата обращения: 25.01.2022).

О СОВРЕМЕННОМ СОДЕРЖАНИИ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В общем виде правозащитную деятельность прокуратуры можно определить как деятельность, включающую в себя обеспечение, охрану, защиту и восстановление средствами прокурорского надзора нарушенных прав и свобод личности со стороны поднадзорных прокуратуре субъектов. Она полностью охватывается прокурорским надзором и, согласно п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре, служит составной частью его содержания.

Обеспечение правового положения личности означает создание реальных условий и осуществление конкретных мер для реализации прав, свобод и законных интересов лица. Под охраной, как правило, понимается обеспечение правомерного состояния поднадзорной среды, при котором невозможно нарушение правового положения человека и гражданина путем принятия мер, направленных на предупреждение нарушений прав и свобод, на устранение причин, их порождающих, и условий, им способствующих. Защита, в свою очередь, предполагает деятельность по противодействию нарушению прав, свобод и законных интересов лица, в отличие от охраны, носит производный характер и возникает в качестве ответной реакции на произошедшее нарушение правового положения личности. Наконец, восстановление представляет собой деятельность по приведению нарушенного правового положения в прежнее правомерное состояние.

Применительно к прокурорской деятельности охрана выражается в предупреждении возможного нарушения правового положения личности, наблюдении за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также готовности реагировать на возможное нарушение. В таком понимании эта деятельность входит в содержание прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, однако этим не исчерпывается. В свою очередь, защита нарушенных прав и свобод, осуществляемая различными средствами прокурорского реагирования, составляет правозащитное направление прокурорской деятельности. Она осуществляется как путем применения прокурорско-надзорных средств, так и с помощью реализации иных восстановительных возможностей.

Подобное деление условно в силу того, что конкретное прокурорское производство может протекать как в форме охранительной, так и восстановительной деятельности, являться отражением реализации нескольких функций прокуратуры и предусматривать реализацию различных средств прокурорского реагирования. Однако если взять за основу направленность деятельности и форму ее осуществления, то возможно выделить деятельность прокурора, где основной задачей будет являться создание условий для реализации правового положения личности – прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, и деятельность, направленную на защиту нарушенных прав личности – правозащитная деятельность прокурора. При этом первое направление будет реализовываться исключительно в форме прокурорского надзора, второе – в рамках прочих направлений прокурорской деятельности. С учетом того, что прокурорский надзор является определяющей функцией прокуратуры, можно заключить, что правозащитная деятельность по отношению к нему носит производный характер.

Наличие нескольких направлений, связанных с обеспечением правового положения личности, позволяет некоторым ученым вести речь о реализации отечественной прокуратурой отдельной правообеспечительной или правозащитной функции¹.

Для того чтобы признать правообеспечительную или правозащитную деятельность в качестве отдельной функции, необходимо, чтобы они обладали единым содержанием и формой реализации. Однако они имеют неодинаковое правовое содержание и реализуются в рамках различных направлений. Поэтому ни правообеспечение, ни правозащита не являются теми видами деятельности, которые отражают сущностную природу современных прокурорских органов. В этой связи не стоит определять их в качестве отдельных функций современной прокуратуры. В какой-то мере можно вести речь об осуществлении прокуратурой отдельной правообеспечительной или правозащитной функции, но исключительно на уровне обобщающего понятия. В этой связи между терминами «прокурорская правозащит-

¹ Бессарабов В.Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722–2002 гг.): история события, люди. М., 2003. С. 18; Гушин В.З. Правозащитные функции военной прокуратуры в современных условиях // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 36.

ная деятельность» и «прокурорская правообеспечительная деятельность» не усматривается принципиальной разницы, и в данном случае они используются в качестве синонимичных понятий.

Поскольку даже соответствующая закону деятельность поднадзорных лиц может создавать угрозу или приводить к нарушению правового положения личности, в прокурорском надзоре в целом и в рамках его отдельных отраслей наряду с надзором за исполнением законов практически всегда выделяется прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод личности, который как раз и служит формой реализации правозащитной прокурорской деятельности. В этой связи существуют следующие направления реализации правозащитной деятельности прокуратуры: отдельная отрасль – прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; отдельные направления правозащитной деятельности в рамках специальных отраслей прокурорского надзора и правозащитная прокурорская деятельность, реализуемая в рамках ненадзорных направлений деятельности прокуратуры¹.

В предмет отдельной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – входит обеспечение (защита) прав и свобод человека и гражданина (личности) со стороны всех поднадзорных прокуратуре субъектов. В свою очередь, предметом в специальных отраслях также выступает надзор за соблюдением прав и свобод личности, однако уже исключительно со стороны субъектов, входящих в предмет надзора данных отраслей.

Обеспечение общеправового положения личности в рамках отдельной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – происходит на четырех основных уровнях:

Первый – общий (базовый) уровень: прокурор обеспечивает правовое положение всех лиц, закрепляемое в общепризнанных международных стандартах и национальном законодательстве, независимо

¹ Правозащитная прокурорская деятельность, осуществляемая при реализации ненадзорных функций и направлений деятельности прокуратуры, охватывает обеспечение прокурором прав и свобод человека и гражданина в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, а также при реализации полномочий в ходе уголовного преследования и поддержания государственного обвинения, координационной деятельности, международного сотрудничества и прочих направлений деятельности.

от их гражданской принадлежности. В этом случае, как правило, речь идет об обеспечении на территории страны основных прав личности в рамках международно-правового и конституционного статуса личности. Здесь средствами прокурорского надзора обеспечиваются права и свободы всех лиц, пребывающих на территории Российской Федерации. Второй – национальный уровень: прокурор обеспечивает личные, политические, социальные, экономические и прочие права граждан РФ. Эти права и свободы устанавливаются Конституцией РФ, а также иными законами, действующими на территории РФ. Основным субъектом прокурорской охраны и защиты на этом уровне выступают граждане РФ. Третий – специальный уровень: прокурор обеспечивает правовое положение социально охраняемых и социально защищаемых категорий граждан РФ: ветеранов, инвалидов и прочих лиц, в отношении которых действует специальное законодательство в части предоставления социальной защиты, дополнительных гарантий и льгот или иных преференций. Наконец, четвертый – исключительный уровень: прокурор обеспечивает правовое положение лиц (граждан), находящихся в трудной жизненной ситуации, которые самостоятельно не могут реализовать свои права в силу состояния здоровья, возраста, зависимого положения, особого физического и психического состояния при сложившихся на конкретный момент обстоятельствах.

В рамках правозащитной прокурорской деятельности в специальных отраслях прокурор надзирает за обеспечением прав лиц, обладающих специальным правовым статусом, со стороны поднадзорных субъектов, входящих в предмет надзора соответствующей специальной отрасли. Здесь прокурор обеспечивает те права, которые не охватываются отдельной отраслью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Как правило, в этом случае они отдельно определяются в Законе о прокуратуре в предмете надзора соответствующей отрасли, например, так, как это делается в ст. 32 применительно к лицам, отбывающим принудительную изоляцию. Таким образом, в рамках специальных отраслей прокурорского надзора существует еще один уровень обеспечения правового положения личности – обеспечение прав лиц, обладающих специальным правовым статусом, поведение которых регулируется поднадзорными прокуратуре субъектами или же которые находятся в зависимом от них положении.

Н.Н. Гаас

ЗНАЧЕНИЕ МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Территориальная подследственность, являясь одним из общих условий предварительного расследования, регулярно становится предметом дискуссий ученых-процессуалистов. В УПК РФ ей посвящена ст. 152 «Место производства предварительного расследования».

По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование осуществляется по месту совершения деяния, в котором содержатся признаки преступления. Законом предусмотрены и иные, частные случаи определения места производства предварительного расследования в целях обеспечения объективности, быстроты, эффективности и качества расследования.

Территориальная подследственность является одним из ключевых элементов, позволяющих определить должностное лицо, уполномоченное расследовать то или иное уголовное дело. Расследование уголовных дел иными должностными лицами влечет признание недопустимыми полученные доказательства, является основанием возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования или в порядке ст. 237 УПК РФ, а также может привести к другим негативным последствиям, которые неизбежно повлекут за собой нарушение прав участников уголовного судопроизводства и затягивание процесса.

Между тем нормы УПК РФ не содержат определения месту производства предварительного расследования, значение которого сложно переоценить, поскольку установление данного обстоятельства позволяет оптимизировать и упорядочить деятельность органов предварительного расследования и дознания в вопросах оперативного реагирования на совершенное преступление, распределения нагрузки среди колоссального количества заявленных преступлений, качественного расследования уголовных дел.

Место производства предварительного расследования являлось предметом регулирования уголовно-процессуального законодатель-

ства как на ранних, так и на последующих этапах развития. Так, в ст. 288 УУС 1864 г. предписывалось, что «каждый судебный следователь производит предварительное следствие в назначенном ему участке уезда или города»¹. В УПК РСФСР (1923 г.) регламентировалось, что «расследование производится в том районе, где совершено преступление» (ст. 123)². Позиция законодателя не изменилась и в УПК РСФСР (1960 г.), где в ст. 132 было закреплено, что предварительное следствие производится в том районе, где совершено преступление³.

Таким образом, тема территориальной подследственности имеет многолетнюю историю, в то же время употребление понятия «место производства предварительного следствия (расследования)» в уголовно-процессуальном законодательстве отмечается лишь в 1960 г.

Системное толкование норм УПК РФ позволяет определить место производства предварительного расследования как элемент подследственности, характеризующийся границами административно-территориальной единицы, где было совершено либо выявлено преступление и в пределах которой распространяются полномочия следователя (дознателя) по осуществлению предварительного расследования по уголовному делу. В основе необходимости четкого понимания места производства предварительного расследования лежит «не только “внутренний самоконтроль” законности всех действий и решений следователя (дознателя), но и эффективная организация судебного и процессуального ведомственного контроля, прокурорского надзора за исполнением законов должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование»⁴.

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 05.02.2022).

² Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР : Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.02.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РСФСР 27 октября 1960 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.02.2022).

⁴ Деришев Ю.В., Гаас Н.Н. Место производства предварительного расследования: понятие, сущность и значение в системе уголовного досудебного производства // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 107–113.

Д.И. Гаврилов

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ФСИН РОССИИ

Выполнение должностных обязанностей сотрудников государственных органов должно регламентироваться федеральным законодательством. В настоящее время на стыке уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права существуют правоотношения, которые не урегулированы ни одним из названных институтов.

Уголовно-исполнительные инспекции, осуществляя полномочия по контролю за подозреваемыми и обвиняемыми, которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или залога, не наделены достаточными полномочиями по исполнению должного контроля. Многие исследователи признают факт недостаточности правового регулирования рассматриваемого института. Напротив, они не торопятся предлагать внесение изменений в первую очередь в уголовно-процессуальный закон.

Теория уголовно-процессуального права, не позволяет нам согласиться с решением законодателя отказаться от внесения изменения в закон и принять решение о создании межведомственного акта, позволяющего урегулировать правоотношения, возникающие после избрания мер пресечения.

Порядок взаимодействия и полномочия по осуществлению контроля имеют совершенно разный правовой уровень, не позволяющий сделать вывод о достаточных полномочиях сотрудников при осуществлении контроля за запретами.

Решение законодателя, можно предположить, имеет временный характер, говорит о его неуверенности в правильно выбранном субъекте осуществления контроля. Ввод новых участников уголовного процесса повлечет пересмотр всей существующей системы уголовно-процессуальных правоотношений.

Однако анализ правоприменительной практики показывает, что сотрудники по направлению в работе являются не контролирующими, а в большей степени – «наблюдающими». Что, в свою очередь, наталкивает на мысль о необходимости пересмотра действующей системы

участников уголовного процесса и структуры правоотношений, возникающих между сотрудниками УИИ, подозреваемыми, обвиняемым при исполнении мер пресечения.

Д.В. Галкин

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ВОЛОНТЕРСКОГО (ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО) ДВИЖЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время волонтерские поисковые отряды по розыску без вести пропавших граждан действуют в каждом субъекте Российской Федерации и практически в каждом крупном городе. Своей деятельностью они охватывают большую часть страны, кроме наиболее отдаленных и труднодоступных территорий. Это приводит к тому, что волонтеры постепенно берут на себя все большие полномочия, осуществляя не только непосредственные поиски на местности, но и работу по организации и координации поисков. Для этого, безусловно, есть объективные причины. Волонтеры доказали свою эффективность, как правило, они располагают значительными силами и средствами за счет высокой мотивации добровольцев и более гибки в своей работе.

История создания и развития в России волонтерских поисковых объединений граждан насчитывает немногим более 10 лет. В 2010 г. в Москве была зарегистрирована первая в России общественная организация данной направленности – волонтерский поисковый отряд «Лиза Алерт». В 2018 г. развитие волонтерского движения в России перешло на качественно новый уровень: этот год был официально объявлен годом волонтерства, был принят специальный закон, регулирующий вопросы волонтерства¹.

В Следственном комитете уделяется особое внимание проблеме повышения эффективности розыскных и следственных мероприятий по поиску без вести пропавших, в том числе во взаимодействии с во-

¹ Федеральный закон РФ № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // Российская газета. 2018. 7 февраля.

лонтерскими организациями. Особое внимание к указанным вопросам уделяется, в частности, содержанию ведомственных правовых актов по данной проблеме. Так, в 2019 г. Следственным комитетом утверждена Инструкция о порядке взаимодействия при организации розыска без вести пропавших несовершеннолетних лиц¹, в 2020 г. издано указание о дополнительных мерах по организации розыска лиц².

В то же время представляется, что следователи, как руководители следственно-оперативных групп, не должны снимать с себя ответственность за надлежащую организацию поисковых мероприятий. В межведомственной инструкции МВД, Генеральной прокуратуры и Следственного комитета России прямо закреплена обязанность следователя Следственного комитета выехать на место происшествия и принять руководство следственно-оперативной группой при наличии криминальных обстоятельств безвестной пропажи человека³.

Становление зрелого волонтерского движения в России в относительно короткий срок обозначает перспективы дальнейшего расширения его участия в осуществлении правоохранительных функций государства. Возможно, добровольные объединения граждан в ближайшем будущем смогут оказывать помощь правоохранительным органам и по другим направлениям, где необходима широкая помощь общественности. Так, уже развивается практика гражданского противодействия сексуальным преступлениям в отношении детей в Интернете. Перспективным представляется участие волонтеров в оповещении граждан, розыске преступников по фотороботу, поиске похищенных автомобилей и другого имущества. Кроме того, с учетом многолетнего положительного опыта волонтерское движение могло бы переходить от разовых акций по поиску пропавших детей к системной работе по выявлению и сопровождению заброшенных детей, предотвра-

¹ Приказ СК России от 11.10.2019 № 111 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при организации розыска без вести пропавших несовершеннолетних лиц».

² Указание СК России от 15.09.2020 № 3/218 «О дополнительных мерах по организации розыска лиц».

³ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16 января 2015 г. № 38/14/5 // Российская газета. 2015. 30 марта.

щению преступлений в отношении них. У органов государственной власти есть возможность способствовать таким инициативам, например, путем расширения грантовой поддержки на создание волонтерских движений по наиболее актуальным направлениям правоохранительной деятельности.

И.Т. Гасанов

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

По действующему УПК РФ (гл. 47.1) право на кассационное обжалование не зависит от реализации стороной права на апелляционное обжалование. Однако такой подход законодателя противоречит природе исключительных способов обжалования приговора и иного итогового судебного решения, так как экстраординарная форма обжалования допускается лишь при исчерпании иных способов обжалования.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, по своему содержанию и предназначению пересмотр вступивших в законную силу, т.е. окончательных, судебных решений – это дополнительный способ обеспечения правосудности приговоров, который, имея резервное значение, используется, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты¹.

Вместе с тем изложенная правовая позиция Конституционного Суда РФ входит фактически в противоречие с тем, что исключительное производство (кассационное производство) используется тогда, когда иное средство процессуально-правовой защиты, в нашем случае апелляционное обжалование, не исчерпано.

По вопросу о необходимости исчерпания иных способов обжалования судебных актов как условия для подачи кассационной жалобы

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2014 № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других» // СПС КонсультантПлюс.

(кассационного представления) в юридической литературе имеются разные точки зрения¹.

По данным Верховного Суда РФ количество судебных решений, которые не проверялись судами апелляционной инстанции, но которые после вступления в законную силу были обжалованы сторонами и по результатам рассмотрения жалобы, представления отменены или изменены в кассационном порядке, существенно увеличивается².

Данная тенденция не обеспечивает необходимый уровень гарантий эффективного и справедливого судебного разбирательства. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, допущенные судом первой инстанции ошибки должны исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции.

Анализируя позиции российских ученых-процессуалистов по рассматриваемому вопросу, позицию Верховного Суда РФ, а также судебную практику кассационных судов общей юрисдикции, автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в УПК РФ, в соответствии с которым в кассационном порядке могут быть обжалованы лишь такие судебные акты (независимо, итоговые они или промежуточные), которые были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции.

Указанное предложение направлено на унификацию процессуального законодательства (так как обжалование судебного акта суда первой инстанции в апелляционном порядке является обязательным условием возникновения права на подачу кассационной жалобы в других видах судопроизводства), а также направлено на стимулирование участников процесса активнее использовать механизм апелля-

¹ См.: Быков В.М. Апелляционный и кассационный суды в России: критические заметки о новом Законе // СПС КонсультантПлюс; Османов Т.С. Производство в суде кассационной инстанции по уголовным делам в соответствии с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // СПС КонсультантПлюс; Мерзлякова М.В. К вопросу об ограничении права кассационного обжалования судебных решений по уголовным делам // СПС КонсультантПлюс; Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Кассационное производство в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 224.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 44 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ционного обжалования судебных актов, который предусматривает более широкий спектр процессуальных средств и возможностей для исправления судебных ошибок, чем кассационное производство.

П.О. Герцен

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ РЕШЕНИЙ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ¹

УПК РФ предусматривает возможность апелляционного обжалования и пересмотра промежуточных решений, вынесенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства, отдельно от итогового решения по делу (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ). Такие промежуточные решения суда могут быть проверены в суде апелляционной инстанции на предмет их законности и обоснованности (ст. 389.9 УПК РФ), при этом проверка обоснованности судебного решения, т.е. соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, требует как тщательной проверки и оценки доказательств, изученных судом первой инстанции, так и исследования новых доказательств.

Порядок производства в суде апелляционной инстанции, в том числе порядок и особенности проверки доказательств, установлены ст. 389.13 УПК РФ и ориентируют на общий порядок судебного разбирательства (гл. 35–39 УПК РФ) за некоторыми изъятиями. Между тем в научной литературе отмечается, что гл. 45.1 УПК РФ не учитывает специфику апелляционного обжалования и пересмотра промежуточных судебных решений, при этом предлагаются варианты упрощения процедуры их проверки. Так, А.С. Червоткин отмечает, что одной из особенностей процедуры обжалования таких решений является «отсутствие необходимости в проведении судебного следствия»². В то же время представляется, что «судебное доказывание и процедура судебного следствия – это две стороны одного процесса: судебное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90018.

² Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве. М. : Поспект, 2018. С. 272.

следствие является внешней предметно-чувственной и вместе с тем формально-юридической стороной доказательственной... деятельности субъектов доказывания по выяснению фактических обстоятельств дела»¹, что делает невозможным полный отказ от судебного следствия там, где необходимо проверить обоснованность судебного решения. Необходимость сохранения судебного следствия в качестве обязательного структурного элемента судебного заседания при рассмотрении судом апелляционных жалоб, представлений на промежуточные судебные решения отметили и 100% судей, прошедших анкетирование в 2021–2022 гг.

При этом особое значение приобретает сохранение судебного следствия и возможности не только проверки ранее исследованных доказательств, но и представления и исследования новых доказательств при проверке промежуточных решений о «санкционировании» следственных и процессуальных действий, вынесенных в порядке ст. 165 УПК РФ. Сама процедура вынесения таких решений не предполагает непосредственного исследования доказательств (как правило, суды ограничиваются изучением представленных в обоснование ходатайства документов), а необходимость сохранения факта вынесения решения втайне до момента начала или окончания производства следственного, процессуального действия, не предполагает участия сторон в судебном заседании. Как следствие, у лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты указанными решениями, отсутствует возможность представить в суд первой инстанции доказательства или материалы, довести до суда свою позицию по делу. Думается, что возможность представления новых ранее не изученных судом первой инстанции доказательств, вызова в судебном заседании свидетелей и т.д. позволит компенсировать невозможность доведения такими лицами до суда своей позиции при рассмотрении ходатайства следователя, дознавателя.

¹ Машовец А.О. Особенности судебного следствия при апелляционном производстве по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 145.

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблема паритета или конкуренции процессуальных начал и непроцессуальных (административных) порядков в современном уголовном судопроизводстве давно вышла за пределы чистой теории права. Во многом эти вопросы коснулись и практики правоприменения как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовным делам.

Сравнительно-правовой анализ построения уголовного судопроизводства свидетельствует о трех возможных формах корреляции процессуального и непроцессуального в данной деятельности. Во-первых, это *дивергенция*, где процессуальное и непроцессуальное расходятся (не могут соединиться) в процессе адаптации к разным условиям уголовного судопроизводства; во-вторых, это *конвергенция*, при которой процессуальное и непроцессуальное эволюционно развивается в одном направлении, соответственно, приобретая сходные признаки в процессе адаптации к одинаковым условиям уголовного судопроизводства; и, наконец, это *параллелизм* (*параллельное развитие*), когда сходство признаков процессуального и непроцессуального возникает в результате сходного (но независимого) изменения структур, имеющих общее происхождение.

Так, Устав уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 г. можно в какой-то мере представить как пример конвергенции процессуальных и оперативно-розыскных порядков. В частности, согласно ст. 254 УУС «при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». При этом ст. 258 УУС позволяла полиции заменить «судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства», соблюдая «во всей точности правила, постановленные для производства предварительного следствия (ст. 259 УУС).

Статья 104 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 99 УПК РСФСР 1923 г., регулирующие деятельность органов дознания, уже не предусматривали

возможность производства «розысков и негласных наблюдений», отделяя процессуальное от непроцессуального. Вместе с тем УПК РСФСР 1960 г. дозированно допускал конвергенцию уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности (например, в ст. 118, определяющей обязанности органов дознания). В этом же направлении корректировались Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Так, новая редакция ч. 2 ст. 29 стала методологической посылкой для инкорпорации в уголовный процесс результатов ОРД. Была введена также ст. 35.1, предусматривающая возможность прослушивания телефонных и иных переговоров.

Действующий УПК РФ редакцией ст. 89 УПК РФ подчеркнул жесткое разделение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, подтвердив это также в ч. 2 ст. 41 УПК РФ, не допускающей возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

Вместе с тем в последние годы наметилась общеевропейская тенденция инкорпорации оперативно-розыскных возможностей раскрытия и расследования преступлений в состав средств сферы уголовно-процессуального регулирования, иными словами, «процессуализации» ранее неизвестных нормам уголовно-процессуального права способов ведения уголовного судопроизводства.

Так, глава XVI УПК Грузии предусматривает возможность производства *тайных следственных действий*, ст. 215 УПК Латвии – *специальных следственных действий*; глава 30 УПК Казахстана – *негласных следственных действий*, а глава 21 УПК Украины – *негласных следственных (розыскных) действий*. Как представляется, эти процессы объективно свидетельствуют о *параллельном развитии* процессуальных и непроцессуальных порядков, к чему надо готовиться и уголовному судопроизводству России.

Н.А. Дудина

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Цифровые реалии современного мира призывают общество к трансформации практически во всех сферах жизни. Четвертая техно-

логическая революция, а также события 2019–2020 гг., связанные с распространением коронавирусной инфекции, заставили государство и общество увеличить скорость внедрения технологических новшеств. Не является исключением и правовая сфера, в том числе уголовно-процессуальная.

Президентом РФ утверждены такие документы стратегического планирования в области информатизации, как «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и другие, которые содержат посыл в сторону изменений законодательства в новой цифровой реальности.

Вопросам развития российского уголовного процесса в условиях цифровизации посвящено достаточное количество научных трудов¹, в том числе и вопросам ведения уголовного судопроизводства в электронном формате².

Системы электронного судопроизводства уже существуют в таких странах, как Бельгия, Саудовская Аравия, Южная Корея, Сингапур, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан и др.

В качестве положительных моментов введения электронного уголовного дела можно выделить следующие:

¹ Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства... обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex Russica. 2020. № 1 (158). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pervyh-rezultatah-realizatsii-nauchnogo-proekta-18-29-16018-kontseptsiya-postroeniya-ugolovnogo-sudoproizvodstva>; Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207; Качалова О.В., Андреева О.И. Российский уголовный процесс в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19: уроки и вызовы времени // Предварительное расследование. 2020. № 2 (8). С. 72–77; Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубан. госу. ун-та. 2020. С. 11–18.

² Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.

- возможность всем участникам процесса, при наличии соответствующего доступа, следить за ходом расследования уголовного дела;
- предотвращение коррупционных рисков со стороны органов предварительного следствия;
- возможность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций с соблюдением прав и свобод всех участников, а также процессуальных сроков;
- экономия людских, временных и финансовых ресурсов.

Вместе с тем, несмотря на то, что цифровизация – это тренд настоящего времени, на наш взгляд, существуют и негативные стороны перехода к электронному делу, которые, наряду с опытом зарубежных стран, следовало бы учитывать при реформировании российского уголовно-процессуального законодательства, к ним можно отнести:

- изменение норм УПК РФ (частые изменения в законодательстве свидетельствуют о его нестабильности);
- повышение финансовых затрат на приобретение современной техники (к сожалению, сегодня сотрудники органов внутренних дел в недостаточной степени обеспечены элементарными канцелярскими принадлежностями, не говоря уже о компьютерах и других комплектующих);
- сложность в обеспечении информационной безопасности, в том числе защиты персональных данных участников процесса;
- опасность стирания граней между понятием «информация» и «доказательство» и др.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что, действительно, назрела необходимость модернизации досудебного производства по уголовному делу с введением электронного уголовного дела и переосмысления концепции доказывания в российском уголовном процессе, что требует серьезной детальной проработки и переработки норм уголовно-процессуального закона, колоссальных финансовых затрат и готовности иных государственных органов к «цифровому сотрудничеству».

ХОДАТАЙСТВО ОБВИНЯЕМОГО О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Суд присяжных успешно действует в Российской Федерации (с 1 ноября 1993 г.)¹ и в Республике Казахстан (с 1 января 2007 г.)². Накопленная за эти годы практика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей позволяет проводить сравнительно-правовые исследования суда присяжных по законодательству РФ и РК.

Научный и практический интерес в первую очередь представляет сравнительный анализ норм, регламентирующих основание рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей – ходатайство обвиняемого (ст. 325 УПК РФ), подозреваемого или обвиняемого (ст. 634 УПК РК). Основные требования к ходатайству по УПК РФ и УПК РК во многом совпадают. Заявить ходатайство могут: только обвиняемый (ст. 325 ч. 2 УПК РФ); только подозреваемый или обвиняемый (ст. 634 ч. 1 УПК РК). Согласие на суд присяжных других участников уголовного судопроизводства не предусмотрено. Ходатайство может быть заявлено после ознакомления с материалами дела (ст. 217 ч. 5 УПК РФ, ст. 634 ч. 2 УПК РК) или на предварительном слушании (ст. 325 ч. 2 УПК РФ, ст. 634 ч. 3 УПК РК). Постановление судьи по итогам предварительного слушания о рассмотрении уголовного дела с участием при-

¹ Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

² Закон Республики Казахстан «О присяжных заседателях» от 16 января 2006 г. № 121-III ЗРК // ИС параграф. URL: <http://online.zakon.kz>; Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» от 16 января 2006 г. № 122-III ЗРК // ИС параграф. URL: <http://online.zakon.kz>

присяжных заседателей является окончательным: в стадии судебного разбирательства (ст. 325 ч. 5 УПК РФ), в стадии главного судебного разбирательства (ст. 634 ч. 5 УПК РК) ходатайство о суде присяжных не принимается.

Сопоставление судебной статистики¹ РФ и РК выявляет общую тенденцию снижения количества дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей. Поэтому в РФ² и в РК³ были приняты законодательные решения о необходимости расширения применения суда присяжных. Закон РК № 292-VI от 27.12.2019 предусматривает расширение подсудности суда присяжных только с 1 января 2023 г., что было предметом рассмотрения Конституционного Совета Республики Казахстан. По этому вопросу Конституционный Совет РК изучил несколько заключений, в том числе заключение кафедры уголовного процесса и криминалистики Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова. Конституционный Совет РК сделал вывод, что отлагательные сроки введения в действие закона соответствуют Конституции Республики Казахстан и обусловлены необходимостью подготовки судебной системы к надлежащей работе в условиях увеличения количества уголовных дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей⁴.

¹ Данные судебной статистики за 2012–2020 гг. Форма № 1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>; Данные судебной статистики за 2012–2020 гг. Форма № 1 // Правовая статистика Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>

² Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3859.

³ Закон РК от 27 декабря 2019 года № 292-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности». URL: <https://online.zakon.kz/>

⁴ Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 24 ноября 2021 года № 2. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2100000002>

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 30.12.2021 № 501-ФЗ

В последнее время наблюдается массированное проникновение дистанционных технологий в судебную деятельность при отправлении правосудия по уголовным делам судами первой инстанции, при проверке не вступивших и вступивших в законную силу судебных решений, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (в том числе приговора иностранного государства в рамках международного сотрудничества). При этом законодатель упорно обходил молчанием не менее востребованный (с точки зрения дистанционного режима) сегмент процессуальной деятельности – досудебное производство по уголовным делам. В связи с этим следует положительно оценить Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ, инициированный сенаторами РФ А.В. Кутеповым, В.А. Пономаревым, который стал итогом длительной законопроектной деятельности и отразил в себе концепт профильного Комитета Государственной Думы (по государственному строительству и законодательству)¹.

В заключении профильного Комитета содержалось предложение предусмотреть в статье «обстоятельства, при которых производство допроса посредством видеоконференц-связи не допускается (в частности, в случае возможности разглашения государственной тайны либо данных о лице, в отношении которого применены меры безопасности)»², что нашло закрепление в ч. 8 вновь введенной ст. 189.1 УПК РФ. Однако, полагаем, указанные обстоятельства вполне «нейтрализуются» при использовании защищенных каналов связи («например сервиса видеоконференц-связи (ВКС) единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России», в том числе с возможностью подключения мобильных устройств, о чем справедливо пишет О.А. Попова³). Для следователей (дознавателей)

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения: 20.01.2022).

² Там же.

³ См.: Попова О.А. Организационные и процессуальные аспекты участия в уголовном судопроизводстве в режиме удаленного доступа // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 115.

иных ведомств также доступны каналы ведомственной связи. Поэтому, полагаем, в данной проектной статье необходимо было оговорить особенности дистанционного допроса для указанных профильным Комитетом обстоятельств, но не закреплять их как, безусловно, препятствующие проведению допроса в удаленном режиме. Кроме того, формулирование этого запрета с использованием оценочных категорий создает правоприменителям проблемы с токованием ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ.

С учетом уровня развития телекоммуникационных технологий, вполне логично распространение дистанционного режима на следственные действия «вербального» характера, так как специфика получаемой информации вполне «вписывается» в технические возможности существующих средств ВСК. По мере совершенствования технических характеристик оборудования ВКС и появления доступности этих модернизированных средств для широкого внедрения в территориальных органах предварительного расследования следует заняться разработками тактических рекомендаций по их эксплуатации и подготовкой проектных норм УПК применительно к «невербальным» следственным действиям. Полагаем также, что дистанционный режим будет востребованным и при осуществлении следователем (дознавателем) иных процессуальных действий, направленных на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Е.Ю. Казачек

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ И НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРОТИВ СЕБЯ И СВОИХ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Конституция РФ в ст. 51¹ предоставляет иммунитет любому человеку, давая ему возможность не свидетельствовать против себя

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

самого и своих близких родственников. В то же время ст. 42, 56 УПК РФ¹ установлены запреты для потерпевшего и свидетеля на отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. Возникает вопрос: в каких случаях отказ потерпевшего или свидетеля от дачи показаний, т.е. использование иммунитета, предоставляемого Конституцией РФ, невозможен. Уточним, что за рамками этого вопроса осталась ситуация, при которой потерпевший или свидетель дают заведомо ложные показания. Данные действия никак не соотносятся с положениями Конституции РФ и предполагают возможность привлечения к ответственности по ст. 307 УК РФ, в то время как отказ от дачи показаний влечет ответственность по ст. 308 УК РФ.

Остановимся на некоторых примерах из практики. Следователь И. признан потерпевшим по уголовному делу. Перед допросом ему разъяснены положения ст. 307, 308 УК РФ. Однако И. отказался от дачи показаний в отношении обвиняемой, хотя она не являлась ему супругой или другим близким родственником. То есть потерпевший И. не выполнил свою процессуальную обязанность давать правдивые показания по уголовному делу.

Или, например, свидетель С., располагая сведениями о преступных действиях П., который не является его близким родственником, отказался от дачи свидетельских показаний, сославшись на право хранить молчание. И уже будучи допрошенным в качестве подсудимого в судебном заседании, свою вину в совершении преступления не признал, пояснив, что следователь не разъяснил ему последствия отказа от дачи показаний, равно как и не обозначил круг лиц, в отношении которых он вправе не давать показания. Кроме этого, с его слов, следователь не разъяснял ему об ответственности, предусмотренной ст. 307, 308 УК РФ, а когда он подписывал протокол, то о своих правах как свидетеля не читал, так как не считал это нужным. На самом же деле отказ от дачи показаний был обусловлен тем, что он не хотел вмешиваться в дело и считал, что П. должен сам решить свои проблемы.

Несмотря на то что приведенные примеры к реализации права «хранить молчание» относительно простые, на наш взгляд, требуется

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 30.12.2021) // Консультант-Плюс.

выработать единый подход к его пониманию и применению в следственной практике.

Прежде всего перед началом допроса лицу должны быть разъяснены дословно все положения ст. 51 Конституции РФ, а также ст. 46 и 56 УПК РФ, «не оказывая на него давления или принуждения в целях получения доказательств, подтверждающих обвинение»¹, данное действие исключает неверное толкование положений, изложенных в статье. При получении отказа, сам факт отказа от дачи показаний в обязательном порядке должен быть зафиксирован в протоколе следственного действия. Необходимо также предложить допрашиваемому изложить причину отказа, так как в дальнейшем на основе этого можно будет сделать вывод о правомерности или неправомерности применения иммунитета конституционной гарантии – хранить молчание и не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, предусмотренной ст. 51 Конституции РФ.

А.Г. Калугин

ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В последние годы наблюдался стремительный рост так называемой киберпреступности, к которой относят преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ). Так, в 2020 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано свыше 510 тыс. таких преступлений (+73,4% по отношению к 2019 г.). Их доля в общей структуре преступности составила 25% (в 2019 г. – 14,5%, в 2018 г. – 8,7%, в 2017 г. – 4,4%). Наибольший прирост наблюдался по таким составам преступлений, как мошенничество, кража, сбыт наркотических средств.

В 2021 г. темпы прироста киберпреступности несколько снизились: всего зарегистрировано 517,7 тысяч преступлений (+1,4%), их удельный вес в структуре преступности составил 25,8% (+0,8%). Вместе с тем в отдельных субъектах Российской Федерации их доля при-

¹ Постановление Конституционного суда от 20 июля 2016 № 17-П/2016. Пункт 3, абз. 1–3 // СПС КонсультантПлюс.

близилась к 40% (г. Москва, Ямало-Ненецкий АО). Сохраняется тенденция возрастания общественной опасности этих преступлений: в 2021 г. количество особо тяжких преступлений данной категории составило 51,9 тыс. (+15,8%), тяжких – 236,4 тыс. (+6,1%). Их суммарный удельный вес в общем числе тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в России, достиг 51,5% (в 2020 г. – 47,5%). С использованием ИТТ совершено свыше 73% всех зарегистрированных мошенничеств.

Раскрываемость этой категории преступлений в целом невысока – в 2019 г. она составляла 22,2% от числа зарегистрированных, в 2020 г. – 18,6%, в 2021 г. – 23,4%.

Одним из факторов, обусловивших низкую раскрываемость и сложность доказывания киберпреступлений, является отсутствие в российском уголовно-процессуальном законодательстве регламентации порядка собирания, исследования и оценки информации, имеющей важнейшее доказательственное значение, но существующей исключительно в виртуальном пространстве, имеющей электронно-цифровую форму.

Согласно ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств в уголовном процессе признаются сведения, полученные в установленном уголовно-процессуальным законом порядке из источников, также предусмотренных законом, причем в виде исчерпывающего перечня. Однако все «традиционные» виды доказательств, перечисленные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, так или иначе «привязаны» к конкретному объекту материального мира. Так, источником показаний или заключения эксперта (специалиста) выступает конкретное физическое лицо, обладающее статусом участника уголовного судопроизводства; вещественное доказательство – это всегда объект материального мира, обладающий индивидуально-определенными признаками (свойством уникальности и свойством незаменимости), которые и определяют его доказательственное значение.

Компьютерная информация (она же – электронно-цифровая, электронная и т.п.), напротив, лишена этих свойств. Она обладает совершенно иными признаками, определяющими специфику использования ее в уголовно-процессуальном доказывании.

1. Иная физическая природа (среда существования). Электронно-цифровая информация создается, хранится и используется исключительно с помощью специальных устройств – компьютера и иных

электронных средств (назовем их обобщенно-условным наименованием «гаджеты»), а также программного обеспечения, установленного на этих устройствах. При этом данные, созданные и циркулирующие в электронно-цифровой среде, никак не «привязаны» к конкретному физическому носителю; они могут копироваться бесконечное количество раз на различные носители, в том числе работающие на разных физических принципах (жесткий диск компьютера, оптическая матрица (CD, CD-R, CD-RW), накопители формата USB (флэш-карты, внешние накопители на жестких дисках), магнитооптический диск и т.д.), причем при копировании копии файлов, файловых систем оказываются абсолютно идентичными, их невозможно отличить друг от друга.

Как отмечает С.И. Семилетов, один и тот же электронный документ может одновременно существовать в форме объективной статической записи цифрового двоичного машинного кода, в виде файла с внешними атрибутами (имя, расширение, дата создания, объем) различного формата на электронных носителях, в оперативной памяти в виде вторично сформированной во времени динамически изменяющихся физических полей различного рода электромагнитных, электрических, оптических и акустических сигналов в момент его передачи либо реализации по телекоммуникационным каналам связи во времени и пространстве, и при этом после его приема, выделения и записи оставаться аутентичным¹.

2. Способ восприятия информации познающим субъектом и иными участниками процесса. Компьютерная информация выражена в электронно-цифровой форме, и у человека отсутствует возможность непосредственно и однозначно воспринимать эту информацию при помощи своих органов чувств. Хотя эта информация и находится на материальном носителе, но без определенных устройств и программного обеспечения невозможно определить ее наличие и местонахождение на данном носителе.

Носители компьютерной информации – это и материальные объекты, и физические поля (например, электромагнитные волны – в момент передачи файла по сетям связи), в которых сведения отобража-

¹ Семилетов С.И. Электронный документ как продукт технологического процесса документирования информации и объект правового регулирования // Государство и право. 2003. № 1. С. 95.

ются в виде символов, образов, сигналов, предназначенных для передачи информации во времени и пространстве. Вне компьютера (или иного гаджета) эта информация не может существовать, и человек может ее воспринять только благодаря этому устройству.

Для сравнения: в вещественном доказательстве информация содержится не в зашифрованном виде и для ее восприятия человеку не требуется специальное электронное устройство и программное обеспечение.

Человек воспринимает электронные данные чаще всего как файл с определенным именем, находящийся в известном пользователю месте, а открыв его (запустив программу) получает возможность увидеть его содержимое на мониторе компьютера или иного гаджета.

Следователь, судья должен определить, какие именно данные следует получить из электронно-цифровой среды, каково их доказательственное значение и каким способом ввести эти сведения в уголовное дело в качестве доказательств. При этом необходимо отметить, что при неквалифицированном обращении с компьютерной техникой можно пропустить важную информацию или случайно ее уничтожить, поэтому для работы с данными, существующими исключительно в электронной форме, необходимо привлечение специалиста, владеющего соответствующими знаниями в области информационных технологий.

3. Способ следообразования. Наиболее полно отражающим специфику следов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, является впервые введенный в криминалистику В.А. Мещеряковым термин «виртуальный след» как «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею “кибернетического пространства”), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (то есть информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле»¹.

Л.Б. Краснова обращает внимание на то, что в информационной системе в качестве следообразующих и следовоспринимающих объектов выступают программные и информационные элементы. Осо-

¹ Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации. Основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 104.

бенностью виртуальных следов является то, что они могут сохраняться в памяти технических устройств и являются изменениями автоматизированной информационной системы¹.

Таким образом, налицо объективные предпосылки выделения в качестве самостоятельного вида доказательств в уголовном процессе электронно-цифровой информации.

Для формирования законодательной дефиниции понятия электронного доказательства также является принципиально важными отражение в соответствующих нормах закона уголовно-процессуального порядка собирания и проверки сведений, существующих исключительно в виртуальной среде. И хотя для обнаружения и фиксации электронно-цифровых данных, имеющих значение для уголовного дела, вполне могут быть применены существующие следственные действия (прежде всего, осмотр, обыск, экспертиза), их регламентация в удостоверительной части нуждается в дополнении с учетом тех особенностей, о которых было сказано выше.

Предлагается следующий вариант определения нового вида доказательств: «Электронно-цифровое доказательство – это данные, представленные в электронно-цифровой форме, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки, хранения и передачи информации, а также набор команд (программ), предназначенных для использования в электронно-вычислительной машине (компьютере), других электронных устройствах, компьютерных сетях, информационно-телекоммуникационных системах или управления ими.

Электронно-цифровое доказательство приобщается к уголовному делу на материальном носителе, в котором в виде символов, сигналов, файлов, файловых систем отображаются данные, пригодные для хранения и передачи во времени и пространстве с использованием средств вычислительной техники, информационно-коммуникационных сетей, удостоверенные при их изъятии (копировании) электронной цифровой подписью следователя, дознавателя.

О признании данных, представленных в электронно-цифровой форме, электронно-цифровым доказательством и о приобщении его к уголовному делу следователем (дознавателем) выносится постановление».

¹ Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 82.

В уголовно-процессуальном законодательстве России не сформирован механизм получения «образов» электронных носителей информации, который необходимо зафиксировать (скопировать) на материальный носитель при невозможности изъятия самого носителя (в том числе в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ)¹.

Представляется, что нормы, регламентирующие производство осмотра, обыска, экспертизы, следует дополнить положениями, отражающими особенности фиксации электронно-цифровых данных и их копирования на материальный носитель для последующего приобщения к уголовному делу, в том числе порядок удостоверения этих данных электронно-цифровой подписью.

Ю.С. Каркошко, П.В. Вдовцев

О ПРОБЛЕМЕ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ

В ходе расследования уголовных дел возникает необходимость получения сведений, составляющих врачебную тайну.

Такие сведения содержатся в медицинских документах, оформлении которых сопровождается лечение больного. В процессе их истребования необходимо учитывать положения уголовно-процессуального закона о том, что любое следственное действие, предполагающее возможность изъятия предметов, документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, может быть произведено исключительно на основании решения суда (п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 183 УПК РФ).

В то же время, согласно п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении (т.е. сведения, составляющие врачебную тайну), предоставляются (без согласия гражданина или его законного представителя)

¹ Организация противодействия противоправной деятельности в киберсреде : учеб.-метод. пособие / В.Ю. Федорович и др. М. : Моск. ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 93–94.

по запросу в том числе органов следствия в связи с проведением расследования.

Таким образом, положения данного федерального закона предусматривают внесудебный порядок получения этих сведений.

Такой же подход демонстрирует Пленум Верховного Суда Российской Федерации: «Судебное решение требуется на выемку медицинских документов, содержащих сведения, составляющие врачебную тайну. Вместе с тем... отдельные сведения, составляющие врачебную тайну (например, о факте обращения гражданина за медицинской, в том числе психиатрической, помощью, нахождении на медицинском учете), могут быть представлены медицинской организацией без судебного решения по запросу следователя в связи с проведением проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, либо расследованием уголовного дела» (п. 9 Постановления от 01.06.2017 № 19).

Таким образом, в правоприменительной практике получение доступа к определенным сведениям, содержащимся в медицинских документах, без обращения в суд признается допустимым.

Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что коллизия регулирования данного вопроса между УПК РФ и Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ необходимо разрешать в пользу первого, поскольку предусмотренная им необходимость получения судебного решения является большей (в сравнении с запросом) гарантией обеспечения врачебной тайны.

Соглашаясь в целом с обозначенной позицией высшей судебной инстанции, заметим, что такого разъяснения недостаточно: нуждается в корректировке сам уголовно-процессуальный закон. Так, представляется необходимым изменить действующий процессуальный регламент получения сведений, составляющих врачебную тайну, и разрешить предоставление сведений о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иных сведений, полученных при его медицинском обследовании и лечении, по запросу органа дознания, следователя в связи с проведением проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, либо расследованием уголовного дела.

СОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ, СПОСОБСТВОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ, СОТРУДНИЧЕСТВО СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в последние годы пополняется все новыми поощрительными механизмами, которые зачастую становятся сложно отграничить друг от друга. Не вдаваясь в сущность отдельных правовых институтов, попробуем рассмотреть вопрос о терминологическом соотношении положений закона, регламентирующих такие механизмы.

Существует мнение, что понятия «способствование» и «содействие» синонимичны¹, однако тот факт, что законодатель использует разные термины в разных правовых институтах указывает на то, что их содержание имеет отличия, которые, по нашему мнению, заключаются в следующем:

1) в термине «способствование» законодатель не закладывает форму поведения, можно допустить способствование чему-либо путем бездействия, непротивления, отказа от противодействия, тогда как содействие, напротив, всегда реализуется в активной форме, подразумевает совершение действий, каких-либо манипуляций;

2) способствование расследованию не подразумевает обязательное взаимодействие двух субъектов, может иметь односторонний характер, а содействие указывает на некое присоединение к уже совершаемому действию, согласованность субъектов (как минимум двух) этой деятельности.

В подтверждение сказанного отметим, что в УПК РФ термин «содействие» использован законодателем для регламентации согласованных действий как минимум двух субъектов (в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, при исполнении поручений следователя или дознавателя, действий специалиста и др.), в связи с чем дан-

¹ Кашапов Р.М. Уголовно-правовые последствия оказания виновным лицом содействия органам предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47). С. 23.

ный термин в большей степени имеет уголовно-процессуальный характер, в нем заложено наличие сторон, их совместная деятельность.

Формулировка «способствование расследованию» в УПК РФ вообще не встречается, она использована законодателем только в УК РФ (в нормах о деятельном раскаянии, в п. «И» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в диспозиции некоторых составов преступлений – ст. 204.1, ст. 290 УК РФ и др.) и допускает самостоятельную, инициативную деятельность лица, совершившего преступление, без согласования с кем-либо, соответственно, имеет в первую очередь уголовно-правовое содержание и значение.

Термин «сотрудничество» в контексте взаимодействия сторон до введения института досудебного соглашения о сотрудничестве (2009 г.) ни в УК РФ, ни в УПК РФ ранее не применялся, однако в смежной сфере – оперативно-розыскной деятельности (ОРД) такая форма поведения существует достаточно давно наряду с «содействием» и «способствованием», причем их толкование в контексте норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ более информативное и позволяет раскрыть соотношение рассматриваемых терминов в уголовно-процессуальном праве.

Так, в п. 2 ст. 15 указанного закона говорится, что органы, осуществляющие ОРД, имеют право устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Из данной нормы следует, что «содействие» является содержанием «сотрудничества». В этой связи абсолютно справедливым видится мнение А.Ю. Крипулевич о том, что сотрудничество, как менее ёмкое понятие, выступает одной из форм содействия, однако реализуемой исключительно на контрактной основе. То есть сотрудничество должно предполагать заключение письменного соглашения, тогда как содействие может иметь место и на основании устной договоренности².

Приведенная логика полностью соотносится с положениями гл. 40.1 УПК РФ, в которой сотрудничество возможно лишь при

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Крипулевич А.Ю. Соотношение понятий «содействие» и «сотрудничество» в теории оперативно-розыскной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 51–54.

условии заключения досудебного соглашения (ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ), а содержанием такого сотрудничества является содействие раскрытию и расследованию преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ и др.).

В итоге можно констатировать, что термин «способствование расследованию» имеет уголовно-правовое содержание и характеризует самостоятельную, инициативную деятельность лица, совершившего преступление; содействие – это совместное осуществление участниками уголовного судопроизводства каких-либо действий; в случае, если такое содействие согласовано письменно (в виде отдельного документа) имеет место сотрудничество сторон.

Ю.О. Карнышева

К ВОПРОСУ О НАДЗОРНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ КАК ЭЛЕМЕНТЕ ПРЕДМЕТА НАДЗОРА

За период существования прокурорского надзора взгляды на содержание предмета надзора за исполнением законов неоднократно менялись. Особую актуальность рассмотрение различных подходов к данному понятию приобрело в современный период развития органов прокуратуры, что во многом связано с динамично меняющимся законодательством. Вместе с тем неизменными элементами в предмете надзора остаются перечисленные в п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре¹ надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на ее территории, поднадзорными прокурору органами, организациями и их должностными лицами, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых ими же. Проанализировав имеющиеся научные подходы, правоприменительную практику и правовую регламентацию деятельности органов прокуратуры России, автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей трансформации содержания рассматриваемого понятия в связи с активным внедрением в жизнь общества и государства информационных технологий, а также ряда финансовых инструментов, предпола-

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

гающих постоянное отслеживание их использования, что представляется затруднительным при существующих как законодательных, так и научных подходах к регламентации надзорной деятельности прокурора. В этой связи автором предлагается включить, наряду с традиционными, такие элементы, как надзорное сопровождение исполнения некоторых законов, а также надзорное сопровождение законности нормативных правовых актов.

Появление в качестве элемента предмета надзорного сопровождения исполнения некоторых законов позволит прокурорам постоянно отслеживать реализацию тех или иных законов при осуществлении определённых видов деятельности, в том числе взаимодействуя с лицами, эту деятельность осуществляющими, не встречая серьезных препятствий с их стороны (в виде отказа в предоставлении информации, обжалования действий прокурора, и т.д.).

Вместе с тем во избежание возможных фактов нарушения прав поднадзорных прокурору органов/организаций порядок надзорного сопровождения исполнения законов также должен быть регламентирован, что, вместе с тем, требует отдельного осмысления.

Кроме того, всем привычный надзор за соответствием законам правовых актов, издаваемых поднадзорными прокурору лицами, также можно условно представить в виде двух направлений – надзорного сопровождения законности нормативных правовых актов, а также соответствие законам иных правовых актов, издаваемых поднадзорными прокурору лицами. Первое направление в этом случае будет направлено на постоянное изучение издаваемых либо изменяемых нормативных правовых актов органов государственной и муниципальной власти, второе же обеспечит право прокурора проверять законность иных правовых актов при возникновении такой необходимости (при проведении проверки деятельности поднадзорного органа/организации, при поступлении обращения о вынесении неправомерного правового акта и т.д.). Необходимость выделения таких направлений обуславливается тем, что, исходя из имеющейся формулировки закона «соответствие законам правовых актов, издаваемых поднадзорными прокурору лицами», следует обязанность проверять законность всех правовых актов, что в силу их количества не представляется невозможным.

Думается, что предложенная модель предмета прокурорского надзора за исполнением законов позволит устраним ряд правоприме-

нительных проблем и повысить эффективность деятельности прокурора в указанной сфере.

И.В. Килина

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА – ИТОГИ ПЯТИЛЕТИЯ

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство введен институт освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа¹. На первых этапах внедрения института у судов возникало большое количество вопросов о применении нового основания: подлежит ли обязательному учету мнение потерпевшего и прокурора? Возможно ли применение в отношении несовершеннолетнего? Возможно ли применение при совокупности преступлений, при неоконченном преступлении, для преступлений с административной преюдицией, с формальным составом? Каков порядок определения размера судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности за совершение совокупности преступлений?

Сегодня можно утверждать, что период турбулентности пройден, практика применения по большинству спорных вопросов устоялась. Вместе с тем важно проанализировать достигнуты ли цели законодателя, декларированные при введении института. В пояснительной записке авторы инициативы отмечали, что законопроект направлен на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства Российской Федерации, на положительные изменения в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость².

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. (с послед. изм. и доп.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4256.

² Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Феде-

Судебный штраф занял довольно прочные позиции в числе альтернативных оснований освобождения от уголовной ответственности (в пояснительной записке звучал прогноз о применении института в отношении 25 тысяч лиц ежегодно). Количество прекращенных на основании ст. 25.1 УПК РФ уголовных дел ежегодно росло и в 2020 г. прекращены уголовные дела с назначением судебного штрафа в отношении 56 980 лиц.

Анализ судебной практики позволяет сформулировать некоторые негативные тенденции в применении института.

1. Прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа в ситуациях, когда имеются основания прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию¹. В уголовных делах, в которых перспектива постановления обвинительного приговора отсутствует, применение ст. 25.1 УПК РФ зачастую становится инструментом для принятия соломонова решения.

2. Прекращение уголовных дел о преступлениях в сфере уплаты налогов и страховых взносов, перечисленных в ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, на основании ст. 25.1 УПК РФ, а не специальной нормы – ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ. Практика показывает, что, несмотря на выполнение условия о полном возмещении ущерба, которого достаточно для прекращения уголовного дела на основании ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ в императивном порядке, суды прекращают такие уголовные дела с назначением лицу судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера, что, безусловно, приводит к необоснованной избыточной репрессии².

Если не акцентировать внимание на перечисленных выше негативных подходах к применению института судебного штрафа (справедливости ради они не являются повсеместными), то можно констатировать, что институт прижился в отечественном уголовном судопроизводстве. Высокие шансы на то, чтобы занять уверенные позиции в системе нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел, обусловлены тем фактом, что для применения судебного штрафа

рации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. Дело № 49-УДП21-51-Кб.

² См.: Постановление Центрального районного суда г. Тольятти (Самарская область) № 1-218/2020 от 22 мая 2020 г. по делу № 1-218/2020.

уголовное дело должно быть «направлено в суд», что для дознавателя и следователя является положительным статистическим показателем. С другой стороны, в конечном счете процедура прекращения уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ предполагает проведение судебного заседания с участием сторон, в котором суд обязан проверить, обоснованно ли подозрение или обвинение, подтверждается ли оно доказательствами, собранными по уголовному делу. Налицо практически процедурное тождество с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением с одной лишь принципиальной разницей – у лица, освобожденного от уголовной ответственности, не возникает судимости. Процессуальная регламентация задуманного законодателем института не позволила извлечь преимуществ, которыми обычно обладают альтернативы уголовному преследованию: оптимизация уголовного судопроизводства, повышение уровня гарантий прав потерпевшего (согласия которого на прекращение уголовного дела не требуется), снижение градуса репрессивности ответственности (карательный характер судебного штрафа вполне очевиден).

Я.А. Климова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Медиативные процедуры имеют нормативно-правовую регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве во многих зарубежных странах, в том числе в ряде государств – участников СНГ. Это обусловлено тем, что медиация – эффективный компромиссный способ разрешения уголовно-правового конфликта. В этой связи актуальным является вопрос внедрения института медиации в отечественное уголовное судопроизводство.

Для того чтобы процедура медиации в российском уголовном процессе была действительно эффективной, необходимо на законодательном уровне закрепить исчерпывающий перечень объективных критериев ее применимости (например, преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, виновный совершил преступление впервые, полностью возместил потерпевшему причинен-

ный ущерб, добровольность, обязательное согласие сторон на применение процедуры и т.д.).

О необходимости нормативно-правовой регламентации медиации в УПК РФ свидетельствует правоприменительная практика. Так, в производстве мирового судьи судебного участка № 3 Ленинского района г. Саранска находилось уголовное дело, стороны которого при наличии возможности примириться еще больше уходили в конфликт. Однако после прохождения процедуры медиации проблема была решена. В качестве отдельного примера следует привести уголовное дело в отношении Н.Ю. Кабанова и А.С. Таболина, при рассмотрении которого судом была допущена ошибка. При принятии решения о прекращении производства по делу суд принял решение, не основанное на законе, а именно – в резолютивной части постановления указал об утверждении медиативного соглашения¹.

Следует обратить внимание и на статистику. Так, согласно данным Верховного Суда РФ, в 2020 г. за примирением сторон были прекращены дела 17% лиц, обвиняемых в преступлениях небольшой и средней тяжести. Таким образом, можно прийти к выводу, что достижение положительного эффекта в результате применения медиации в таких случаях возможно на более ранних стадиях уголовного судопроизводства, что в свою очередь будет способствовать оптимизации работы судов и снижению стоимости процесса.

Отдельно следует остановиться на вопросе закрепления оснований медиации. Для применения указанных норм полагаем целесообразным использовать системы криминалистических рекомендаций. Так, при рассмотрении такого элемента криминалистической характеристики краж, совершенных несовершеннолетними, как сведения о личности преступника, можно прийти к выводу, что значительное количество краж совершается данной категорией лиц впервые, без предварительной подготовки, чаще всего из-за побуждения утвердиться в роли «взрослого», несовершеннолетние положительно и искренне раскаиваются в совершении деяния. Указанные криминалистические данные свидетельствуют о возможности применения в отношении

¹ Постановление президиума от 27.09.2018 по результатам обобщения практики рассмотрения судами области уголовных дел // Официальный сайт Липецкого областного суда. URL: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=61 (дата обращения: 11.01.2022).

таких несовершеннолетних процедуры медиации, являющейся достижением компромисса между участниками уголовного судопроизводства.

Таким образом, полагаем для успешной интеграции в отечественный уголовный процесс медиации как компромиссной процедуры целесообразно применять комплексный подход. Процедура медиации должна стать результатом коллаборации криминалистических аспектов и положений уголовно-процессуального законодательства. Указанное направление видится нам перспективным.

В этой связи предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ п. 14.2 следующего содержания: «14.2) медиация – альтернативная процедура урегулирования уголовно-правового конфликта между лицом, впервые подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести, и потерпевшим при участии медиатора в целях содействия их примирению».

Е.Е. Коновалова

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопрос об использовании видеоконференц-связи в уголовном процессе имеет актуальное значение, что подтверждается большим количеством публикаций по данной теме¹, неустоявшейся практикой, отсутствием разъяснений на уровне Верховного Суда Российской Федерации по некоторым аспектам организации видеоконференц-связи. Представляется интересным рассмотреть, как институт видеоконференц-связи влияет на решение об изменении территориальной под-

¹ См., например: Хайдаров А.А. Применение систем видеоконференц-связи при производстве в суде первой инстанции: дискуссионные вопросы // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 163–170; Казакова А.В. Возможности применения видеоконференц-связи в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3(25). С. 48–53 и др.

судности уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 и пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ.

Проанализировав судебную практику об изменении территориальной подсудности уголовного дела на основании пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ¹, можно сделать вывод о том, что суды считают несостоятельными доводы о проживании большинства участников уголовного процесса на территории того субъекта РФ, в котором расположен суд, компетентный в силу норм о подсудности рассматривать уголовное дело по существу. Данный вывод суды мотивируют предусмотренной законом возможностью допроса с использованием видеоконференц-связи. Таким образом, введение в российский уголовный процесс института видеоконференц-связи *de facto* существенным образом ограничило возможности изменения территориальной подсудности уголовного дела по основанию, предусмотренному пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ.

При рассмотрении основания изменения территориальной подсудности уголовного дела, предусмотренного пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, следует упомянуть постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П², в котором было подчеркнуто, что судам необходимо использовать возможности системы видеоконференц-связи в случае, если уголовное дело передается из одного суда, расположенного на территории субъекта РФ, в другой суд (в том числе в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию другого субъекта РФ), который располагается на значительном расстоянии от первоначально определенного суда, полномочного рассматривать уголовное дело по существу.

В связи с изложенным смоделируем ситуацию. Уголовное дело передается из суда, находящегося на территории одного субъекта РФ, в суд, находящийся на территории другого субъекта РФ. Это означает, что под сомнение ставится объективность и беспристрастность

¹ См., например, апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № АПЛ18-640, апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14.03.2018 № АПЛ18-105 и др.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушников, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

всех судей соответствующего уровня судов на территории данного субъекта РФ. Но в связи с этим возникает вопрос: смогут ли необъективные и небеспристрастные судьи (по мнению вышестоящего суда, изменившего территориальную подсудность уголовного дела) обеспечить видеоконференц-связь для допроса свидетелей? Существуют ли гарантии, что судья и аппарат суда, обеспечивающий на территории данного субъекта РФ видеоконференц-связь, сами не окажутся под давлением при исполнении своих обязанностей либо судья не будет лично заинтересован в исходе дела при условии, что любому из судей этого суда нельзя доверить рассмотрение этого конкретного уголовного дела?

Представляется, что в качестве определяющего принятие решения об изменении территориальной подсудности обстоятельства не должна рассматриваться возможность допросов свидетелей и потерпевших с помощью видеоконференц-связи в случае, когда её организация должна быть возложена на суд, которому в общем порядке было бы подсудно данное уголовное дело. В случае использования видеоконференц-связи необходимо разъяснить судьям, к примеру в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, следующее: если территориальная подсудность уголовного дела была изменена на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, то при рассмотрении уголовного дела по существу при допросе свидетелей с применением видеоконференц-связи организация последней не должна быть поручена судьям того суда (или судьям того субъекта РФ, если уголовное дело передается в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию другого субъекта РФ), из которого передается уголовное дело.

В.А. Константинова

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Упрощение порядка судебного разбирательства влечет изменение системы судебных решений, а в некоторых случаях порождает их специфические разновидности. В частности, можно выделить группу решений, благодаря которым реализуются переходные процедуры в

упрощенных производствах¹. Под переходными конструкциями понимается комплекс уголовно-процессуальных форм, в том числе соответствующих им решений, опосредующих переход между общим и дифференцированным порядками производства по делу.

Судебные решения переходных процедур характеризуются определенными особенностями. Они относятся к разновидностям промежуточных, их значение имеет регулятивный и охранительный характер. С одной стороны, они обрамляют движение уголовного дела из производства в производство по одной из схем: ординарное → упрощенное, упрощенное → ординарное, упрощенное → упрощенное. С другой стороны, они способствуют надлежащей реализации прав участников процесса либо направлены на проверку обоснованности обвинения².

Несмотря на фундаментальность категории «судебное решение» и ожидаемую в связи с этим определенность правового регулирования, многим аспектам исследуемого вопроса законодатель не уделил достаточного внимания. В частности, рубежные решения переходных процедур в УПК РФ четко не определены. Попытки восполнить пробелы законодателя предпринимает Пленум Верховного Суда РФ в п. 3, 9, 11.3 Постановления от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» и п. 7, 14, 15, 19, 21, 25 Постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Анализ нормативных предписаний и их толкования Верховным Судом РФ позволяет выделить группу решений, в которых реализуются переходные процедуры в упрощенных производствах: 1) о

¹ Предметом рассмотрения в данном случае выступают такие производства как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

² В уголовно-процессуальной науке обоснованность обвинения неоднократно упоминалась в качестве обязательного условия упрощенных процедур. См., например: Гричаниченко А. Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. № 1. С. 83; Свиридов М.К., Пилюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. С. 300–301.

назначении судебного заседания в предусмотренном гл. 40 или 40.1 УПК РФ особом порядке (начало упрощенного судебного производства); 2) о прекращении предусмотренного гл. 40 УПК РФ или гл. 40.1 УПК РФ особого порядка и назначении рассмотрения дела в общем порядке (завершение упрощенного судебного производства), о назначении судебного разбирательства в общем порядке (завершение упрощенного досудебного производства гл. 40.1 УПК РФ); 3) о прекращении предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ особого порядка и продолжении рассмотрения дела в предусмотренном гл. 40 УПК РФ особом порядке судебного разбирательства.

Промежуточное решение о начале упрощенной судебной процедуры в тексте закона не поименовано, так как ст. 231, а также нормы гл. 40 и 41 УПК РФ не указывают на необходимость отражения в постановлении о назначении судебного заседания порядка судебного разбирательства, на это ориентирует Верховный Суд РФ. Промежуточное решение о прекращении упрощенной судебной процедуры поименовано в ч. 6 ст. 316 УПК РФ как постановление «о прекращении особого порядка и *назначении рассмотрения* дела в общем порядке». Для процедуры, обрамляющей переход из упрощенного порядка (без возвращения к предыдущей стадии), не следует использовать устоявшийся в теории и практике термин, ассоциируемый с назначением судебного разбирательства. Возможным вариантом наименования является «решение об изменении порядка судебного разбирательства». Промежуточное решение о прекращении предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ порядка и продолжении рассмотрения дела в порядке гл. 40 УПК РФ также не упоминается в тексте закона, на возможность его вынесения вновь ориентирует Верховный Суд РФ.

Вместе с тем судебные решения переходных процедур должны быть урегулированы в уголовно-процессуальном законе, а именно: предусмотрена возможность вынесения того или иного решения, конкретные виды промежуточных судебных решений, обрамляющих переходные процедуры упрощенных производств; унифицированы их наименования, закреплены недвусмысленные требования к содержанию и порядку вынесения.

Е.Е. Коробкова

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одним из оснований типологизации служит разделение в деятельности участников уголовно-процессуальных правоотношений трех функций: обвинения, защиты и разрешения дела¹. Согласно иному подходу, в основу разделения двух противоборствующих типов уголовного судопроизводства включается ряд базовых элементов уголовного процесса, таких как цель уголовного судопроизводства, вид обвинения, сущность обвинения, основные элементы принципа состязательности, пределы проявления диспозитивности². Применительно ко второй точке зрения выделяют еще и такой элемент, как функциональное содержание уголовного судопроизводства³.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении вопроса о существующих типах уголовного процесса⁴, обратим внимание на то, как в англосаксонском праве реализуются три направления деятельности в уголовном процессе – обвинение, защита и разрешение уголовного дела, причем уголовным процессом считается только производство в суде и перед судьей. Иным образом обстоит дело в континентальной системе права, где предварительное расследование включается в содержание уголовно-процессуальной деятельности. Функциональное содержание континентального процесса существенно шире и обусловлено целями уголовного судопроизводства и приоритетным положением публичного начала над диспозитивным.

¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.

² Семухина О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск, 2002. С. 4–6.

³ Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса : учеб. пособие. Омск, 2010.

⁴ Подробнее об этом см.: Коробкова Е.Е. Цель уголовного судопроизводства как элемент его современной типологической характеристики // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития : сб. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (9–10 апреля 2020 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 178–182.

Функциональное содержание российского уголовного процесса представлено совокупностью направлений уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства на разных этапах производства по уголовному делу. В судебных стадиях это, безусловно, наличие функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Функциональное же содержание досудебного производства явно выходит за рамки трезвенной функциональной модели и представляет собой реализацию взаимосвязанных функций, таких как проверка сообщения о преступлении, расследование уголовного дела, уголовное преследование в форме подозрения и обвинения, защита, прокурорский надзор, ведомственный контроль, судебный контроль, содействие расследованию в форме применения специальных познаний и др.

Говоря о типологической характеристике современного российского уголовного судопроизводства и полностью разделяя позицию профессора Л.В. Головки в том, что уголовный процесс, урегулированный нормами УПК РФ, «в чистом виде не вписывается ни в одну из выделяемых в уголовно-процессуальной науке моделей»¹, полагаем, что российский уголовный процесс представляет собой сложную систему, соединившую в себе элементы смешанного типа процесса, публично-искового, предсостязательного и относящегося по ряду элементов к континентальной системе права.

Определение типа уголовного процесса того или иного государства имеет огромное значение. Сейчас, на наш взгляд, наступил очередной исторический момент, когда требуется взвешенно подойти к определению типологии современного российского уголовного процесса с тем, чтобы осознать реальную потребность его дальнейшего существенного реформирования. Очевидно, что современный российский уголовный процесс находится в поиске оптимальной модели, которая бы позволила ему гармонично функционировать в данный исторический отрезок времени, но он не может и не должен быть реформирован в угоду полной состязательности.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 173–177.

Д.С. Костенко

СРАВНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ЗАПРЕТОВ ЛИЦ, ПОДВЕРГАЮЩИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ УГОЛОВНОГО МЕХАНИЗМА

Правовая трансформация уголовно-процессуального института мер пресечения, выразившаяся через добавление в перечень уже существующих мер запрета определенных действий, создала необходимость теоретического и практического осмысления данного явления. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы о соотношении оснований применения отдельных мер пресечения, об содержании и полноте ограничений, которые формируют меры пресечения.

Объясняя природу ограничений, включенных в состав меры пресечения в виде запрета определенных действий, исследователи характеризуют ее как производную от домашнего ареста¹, а также как домашний арест с частичной изоляцией от общества и некоторыми другими запретами². С учетом того, что половина запретов, включенных в перечень меры пресечения, уже присутствовала в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации до ее появления (запреты, предусмотренные п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ о коммуникации и общении различными способами с определенными лицами), а также того, что целью введения запрета определенных действий в уголовный процесс было расширение перечня альтернативных заключению под стражу мер пресечения³, подобное мнение абсолютно оправданно. Однако следует учитывать, что входящие в перечень запрета определенных действий ограничения также присутствуют и урегулированы другими правовыми институтами.

Исследователями уже было отмечено это обстоятельство и предпринимались попытки дифференциации ограничений, регулирующих

¹ Головинская И.В., Савельев И.И. Запрет определенных действий как новелла уголовно-процессуальных мер пресечения // Ученые записки. 2018. № 4 (28). С. 117.

² Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. № 8.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6>.

действие запрета определенных действий, административного надзора и такого вида наказания, как ограничение свободы¹. Таким образом, параметрами для сравнения выступили перечень и основания ограничений, субъекты их реализации, обстоятельства изменения и продления, сроки действия.

Подвергая сравнению перечень ограничений среди указанных институтов права, можно отметить, что именно запрет определенных действий содержит в себе наибольшее их количество, включая практически все из них. При этом мера пресечения не реализует присущие другим правовым институтам цели, такие как оказание профилактического воздействия (для административного надзора), восстановление социальной справедливости и исправления осужденного (для ограничения свободы).

В связи с этим можно поставить вопрос о том, насколько цели института мер пресечения, воплощенные в запрете определенных действий, связаны с конкретными запретами? Посредством чего реализуется цель исправления осужденного при ограничении свободы, если теми же запретами урегулированы ограничения в отношении подозреваемого и обвиняемого на стадии досудебного производства по уголовному делу.

Можно полагать, что рассуждение в рамках данного вопроса о соотношении целей позволит в полной мере определить место запрета определенных действий в системе мер пресечения, а возможно, и переструктурировать перечень входящих в него ограничений.

М.Ю. Кузнецов

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ОГРАНИЧЕННЫХ И ОГРАНИЧИВАЕМЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗАЩИТНИКА НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Предпринимая попытку описать масштаб проблем собирания и представления доказательств адвокатом как на нормативном (отсут-

¹ Вастьянова О.Д. Разграничение запретов, устанавливаемых в связи с избранием меры пресечения, осуществлением административного надзора, применением наказания в виде ограничения свободы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 186–193.

ствие четкого императива в механизме представления и зависимость статуса доказательств от их видения таковыми правоприменителем), так и на правоприменительном (волюнтаристский подход к своим дискреционным полномочиям) уровнях, автором описывается механизм воздействия данных проблем на уголовное судопроизводство в целом, причем на возможность (иногда правильнее сказать «невозможность») соблюдения ряда основополагающих начал уголовного судопроизводства – принципов. Состязательность сторон возведена ст. 15 УПК РФ в один из принципов уголовного судопроизводства. Каждая из сторон пытается превзойти другую в убедительности своих аргументов, касающихся как установления фактических обстоятельств, так и необходимости применения тех или иных процессуальных и материальных норм к этим обстоятельствам либо неприменения таковых. Стороны соревнуются за формирование у судьи внутреннего убеждения, наиболее или полностью благоволящего позиции одной из сторон. Роль же суда в состязательном процессе ограничивается позицией нейтралитета и созданием необходимых условий для исполнения сторонами процессуальных обязанностей, обеспечением им равных прав, что вытекает из ст. 15 УПК РФ¹.

«Причиной» уголовного дела всегда является событие преступления, а установить обстоятельства события преступления представляется возможным лишь посредством уголовно-процессуального познания². Предмет доказывания для сторон всегда один – это существо уголовного спора. Участвуя в этом споре, т.е. состязаясь, каждая сторона преследует свою цель на каждом этапе судопроизводства (доследственная проверка, досудебная и судебная стадии). Воспрепятствованием и без того ограниченных законодателем возможностей адвоката участвовать в доказывании по уголовному делу спор относительно существования обвинения становится не единственным, хотя не прекращает оставаться самым главным, а возникают споры относительно необходимости проведения тех или иных следственных действий, приобщения тех или иных документов или предметов, и эти возникающие споры могут быть многочисленными и всегда отнима-

¹ Носков Ю.Г. Достижение истины и состязательность сторон в судебном процессе // Современное право. 2018. № 4. С. 57–62.

² Карякин Е.А. Специфика уголовно-процессуального познания // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 29.

ющими много ресурсов и времени, причем обеих сторон. Главные цели состязательности и ее смысл отходят на второй план, в то время как состязательность в ее чистом виде и главном предназначении проявляется именно в споре относительно существования подозрения либо обвинения, в оценке имеющихся доказательств, в доказанности либо недоказанности фактов и т.д.

Следя за состязанием сторон, одна из которых не смогла подкрепить свои аргументы конкретными доказательствами, разумеется, у суда, уже не обязанного, как того требовал ранее УПК РСФСР, устанавливать истину, сформируется внутреннее убеждение в пользу наиболее убедительной и вооруженной доказательствами стороны – часто той, которая руководила досудебным производством и нередко воспрепятствовала другой стороне в доказывании, порождая «локальные» споры, касающиеся собирания и представления доказательств.

Презумпция невиновности, возведенная УПК РФ в один из принципов уголовного судопроизводства и представляемая нами как некая гарантия для обвиняемого на случай схожих по силе убедительности позиций сторон, попирается созданием препятствий перед стороной защиты путем невозможности привести в дело фактуру для противоречий.

Т.В. Куряхова

РЕГУЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ РЕШЕНИЯ СУДА О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ ст. 237 УПК РФ В ОТНОШЕНИИ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА И ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

Возвращение уголовного дела прокурору – это особый (неординарный) порядок движения назад, не тождественный, несмотря на наличие внешнего сходства, дополнительному расследованию¹.

С позиции элементов уголовно-процессуальной деятельности возвращение уголовного дела прокурору является промежуточным су-

¹ Подробнее об этом см.: Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Возвращение уголовного дела прокурору : учеб. пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2021.

дебным решением первой, апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, которое принимается в совещательной комнате судьей или судебной коллегией после обсуждения с представителями сторон на предварительном слушании либо в полноценном судебном заседании и оформляется постановлением либо определением. Оно подлежит самостоятельному инстанционному обжалованию. Решение суда задает импульс возвратному движению уголовного дела на досудебный этап уголовного судопроизводства и устанавливает его пределы.

Решение о возвращении дела прокурору качественно отличается от иных промежуточных решений суда. Например, *принимается в судебных стадиях, а реализуется в стадии предварительного расследования*. Причем, так как переход к полноценному расследованию не предполагается, реализуется (назовем условно) на «*прокурорском*» этапе досудебного производства¹. Кроме того, *напрямую адресовано прокурору (обращено к нему) и лишь опосредованно (в конкретных ситуациях) обращено к органу предварительного расследования*.

Постановление о возвращении дела не следует рассматривать в качестве сугубо формального судебного акта. Данный акт разрешает конкретный вопрос, имеющий правовой характер, и дается предписание по принудительному применению норм права². Как акт, наделенный всеми признаками судебного решения, постановление о возвращении дела предписывает уполномоченным субъектам (прокурору и должностным лицам органов расследования) определенное обязательное поведение по устранению обстоятельств, препятствующих отправлению правосудия, следовательно, обладает регулирующей ролью по отношению к последующей деятельности прокурора и органов расследования. Отсюда и важнейший признак последующего досудебного производства – полная ориентированность на выполнение предписаний суда, подчинение данной задаче.

Главной ошибкой законодателя, исказившей в прикладном срезе существо института возвращения уголовного дела прокурору, явилось

¹ Законодатель выделяет этот этап в ординарном движении дела по стадиям. Так, в ч. 9 ст. 109 УПК РФ говорится о сроке содержания под стражей *на период предварительного расследования и в период рассмотрения уголовного дела прокурором*.

² Дефиниция судебных решений профессора М.В. Беляева распространяется на решение суда о возвращении уголовного дела прокурору (Беляев М.В. О свойствах судебных решений в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85) декабрь. С 135–136).

отсутствие правил выполнения судебных предписаний. Полагаем, специфика полномочий субъектов производства и порядок их деятельности должны найти отражение в главах, регламентирующих судебные стадии¹. При формулировании порядка устранения нарушений следует исходить из следующего: 1. *Характер выявленного нарушения предопределяет направление его устранения.* Суд определяет не только цель последующего досудебного производства (предмет деятельности), но и объем выполняемых прокурором и органами расследования действий. 2. *Право распоряжаться обвинением остается у суда.* Полномочия по распоряжению обвинением у прокурора и органов расследования не восстанавливаются. После устранения нарушений уголовное дело должно вернуться в суд. 3. *При передаче уголовного дела органу расследования прокурор, как должностное лицо которому поручено устранение нарушений, должен обладать всем объемом властно-распорядительных полномочий.* 4. *Органы расследования пользуются свободой в выборе производимых следственных и иных процессуальных действий или принятии решений, но только как тактического инструментария для выполнения судебного предписания.*

Л.Г. Лифанова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

Институт уголовного преследования, имея нормативное разъяснение его сущности, продолжает оставаться одним из самых обсуждаемых в науке уголовного процесса. Разность мнений касается определения субъектов данной деятельности, временной протяженности, момента начала и окончания и др. Одновременно не вызывает сомнения тот факт, что уголовное преследование – деятельность персонифицированная, направленная на изобличение конкретного человека в совершении определенного преступления. По идее законодателя (п. 55 ст. 5 УПК РФ) уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения

¹ С учетом сложившегося правового регулирования это могут быть ст. 237¹ и 252¹ УПК РФ.

подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Указание статуса участника, на которого может быть нацелено уголовное преследование, позволяет сделать вывод, что данная деятельность может быть реализована исключительно после возбуждения уголовного дела.

Фактически же получение доказательств, которые позднее могут быть использованы в качестве обвинительных, возможно на этапе проверки сообщения о преступлении. Более того, у лица, в отношении которого проводится доследственное производство, возникает право пользоваться услугами защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Очевидно, что это подтверждает суждение о возможном начале избобличительной деятельности в отношении субъекта, не имеющего определенного процессуального статуса участника уголовно-процессуальных отношений.

Потерпевший, являясь представителем стороны обвинения, наделен правом участия в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ). Однако законодатель сделал акцент на том, что такое право им может быть реализовано только в отношении обвиняемого. Следовательно, потерпевший не может относиться к субъектам уголовного преследования, пока в уголовном деле не появится обвиняемый.

Решение о привлечении лица в качестве обвиняемого может быть принято на основании достаточных избобличительных доказательств, имеющих в распоряжении следователя. Потерпевший, как правило – основной источник доказательственной информации, особенно на первоначальном этапе производства по уголовному делу. Часто он инициирует уголовное преследование обращением в правоохранительные органы о совершенном в отношении него или готовящемся преступлении. Потерпевший вправе представлять доказательства на протяжении всего производства по делу (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК). Очевидно, что представляемые им доказательства носят преимущественно обвинительный характер. Полагаем, что данная деятельность потерпевшего – это участие в уголовном преследовании.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что потерпевший может являться субъектом уголовного преследования с момента его начала, задолго до официального появления процессуальной фигуры обвиняемого. Нормативные противоречия относительно анализируемых вопросов должны быть устранены посредством внесения изменений в текст закона. Представляется, что диспозицию ст. 22 УПК РФ следует изложить следующим образом: «Потерпевший, его законный

представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, подозреваемого, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Одновременно необходимо скорректировать понятие потерпевшего. Данным статусом лицо наделяется исключительно после возбуждения уголовного дела. Однако отдельные процессуальные права и обязанности у лица, пострадавшего от преступления, возникают до этого момента. Представляется правильным потерпевшим считать лицо, обратившееся с заявлением о совершенном или готовящемся в отношении него преступлении. Это не только совершенствует нормы о его праве на участие в уголовном преследовании, но и укрепит процессуальный статус данного субъекта в рамках доследственного производства.

А.А. Лукьянова

О ПРЕДЕЛАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Обеспечение прав и свобод личности является ориентиром в развитии государства, одной из наиболее значимых идей современности и никогда не теряет своей актуальности. Нынешние условия требуют постоянного совершенствования действующего механизма правового регулирования в устремлении к минимизации правоограничения.

Право на свободу и личную неприкосновенность занимает центральное место в системе прав человека. Юридический тезис, раскрытый в ст. 22 Конституции РФ, наряду с декларированием права содержит в себе допустимые извлечения из общих пределов его реализации (задержание, арест, заключение и содержание под стражей), адресованные лицам, избобличаемым в совершении антиобщественных и запрещенных законом деяний. Данные правовые меры, являясь универсальными, используются в различных публично-правовых сферах, в частности, в сфере уголовной юстиции.

Конкретизация названного конституционного концепта в правовой норме, содержащейся в ст. 10 УПК РФ, служит дополнительной гарантией защиты от произвольного вмешательства государства в границы «физического» самоопределения и индивидуальной автономии личности, участвующей в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Закономерным оказывается соображение о том, что конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность обладает каждое лицо, вовлекаемое в уголовное судопроизводство. Основываясь на методах общей теории права, следует заключить, что реализация этого права в уголовно-процессуальных правоотношениях предполагает осуществление следующих правомочий:

- действовать в пределах индивидуальной автономии, установленных Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством;

- требовать от других участников уголовно-процессуальных правоотношений должного поведения: соблюдения правовых запретов и исполнения обязанностей, необходимых в качестве условий реализации права;

- обратиться к уголовно-процессуальным средствам защиты права.

Пределы реализации первого из перечисленных правомочий есть мера возможного (правомерного) поведения личности в уголовном процессе. Необходимо признать, что пределы такого поведения не являются для всех одинаковыми и зависят, например, от процессуального статуса, стадии уголовного судопроизводства, на которой развиваются отдельные правоотношения.

Считаем, что возможное поведение подозреваемого (обвиняемого), с тем, чтобы оно считалось правомерным, отличается, к примеру, от возможного поведения потерпевшего. Равно как и поведение лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, представляется куда более свободным в сравнении с поведением этих же лиц, но наделенных статусом участников уголовного судопроизводства.

Более того, пределы реализации права на свободу и личную неприкосновенность выражены в правовых запретах и обязанностях, которые возлагаются на личность при вступлении в уголовно-процессуальные правоотношения. Справедливости ради стоит заметить, что применение уголовно-процессуального принуждения, как правило, есть реакция на неисполнение обязанности. При этом регламентированные уголовно-процессуальным законом принудительные

средства преодоления такого нежелательного поведения разных участников уголовно-процессуальных правоотношений по своему характеру явно отличаются.

Несмотря на имеющее место несовершенство юридической техники и существующую проблему разрозненности процессуальных обязанностей отдельных участников уголовного судопроизводства, правоприменитель должен обеспечить защиту от излишнего правоограничения посредством применения процессуального принуждения.

Н.Н. Макеев

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА)

Одним из проявлений прокурорской деятельности в соблюдении природоохранного законодательства является побуждение арендаторов лесных участков к демонтажу возведенных ограждений. Речь идет о том, что юридические лица, получившие у уполномоченных органов субъектов РФ в аренду участки леса, тут же их огораживают по границам участка различными типами заборов.

В последнее время органы прокуратуры активизировали свою деятельность в этом направлении, особенно по территориям туристической направленности. Массово вносят представления об устранении нарушений лесного законодательства и предъявляют в суды иски о возложении обязанности демонтировать ограждения. Причем прокурорские проверки проводятся в порядке общего надзора без поступивших жалоб, а иски обосновываются необходимостью защиты интересов РФ и неопределенного круга лиц.

Прокурорская позиция при этом зиждется исключительно на положениях Лесного кодекса РФ. Так, его ч. 1 ст. 11 устанавливает общее правило, согласно которому граждане имеют право свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов. Часть 8 запрещает лицам, которым предоставлены лесные участки, препятствовать

доступу граждан, за исключением случаев, предусмотренных настоящим законом. И в ч. 5 дается исчерпывающий перечень таких случаев: обеспечение пожарной и санитарной безопасности; безопасности граждан при выполнении работ¹. На этом основании органы прокуратуры делают вывод, что наличие любого ограждения уже по определению создает препятствия для свободного перемещения граждан, диких животных и ограничивает въезд транспортных средств на территорию лесного участка, тем самым нарушает права и охраняемые интересы неограниченного круга лиц.

Согласитесь, что в ограничение целей соблюдения пожарной и санитарной безопасности, а также безопасности граждан при проведении работ (видимо, здесь подразумеваются строительные работы по возведению рекреационных объектов) не всегда можно вписать в разноплановые и порой положительные намерения арендаторов (защита используемой территории от безнадзорного домашнего скота, особенно вблизи населенных пунктов, террористическая защищенность и др.).

Суды же во всех случаях встают на сторону прокуратуры. Думается, что правоприменители во всех случаях должны наряду с положениями Лесного кодекса РФ применять относящиеся к рассматриваемым правоотношениям положения Водного кодекса РФ, где в силу ст. 65 в границах водоохраных зон запрещается движение и стоянка транспортных средств. Если возникает конкуренция норм, то почему используются только нормы Лесного кодекса РФ, а не Водного кодекса РФ?

Также необходимо изменить ч. 5 ст. 11 Лесного кодекса РФ, упразднив формулировку об исчерпывающем перечне оснований на ограждение лесных участков, и предоставить право определения причин возможности установления того или иного типа ограждения уполномоченному федеральному органу исполнительной власти – Рослесхозу в своем подзаконном акте либо уполномоченным органам исполнительной власти субъектов РФ при утверждении проектов освоения лесов.

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИНТУИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Особенностью процесса постижения истины в уголовном судопроизводстве является дефицит информации и её опосредованность относительно события преступления, что не всегда позволяет судье руководствоваться законами логики и последовательным рациональным познанием. Вследствие чего для достижения назначения уголовного судопроизводства правоприменителем используются иные, не запрещённые законом способы познания, в том числе интуиция. Такая интуиция характеризуется профессиональным опытом и знаниями, а также обусловлена особенностями самой процессуальной деятельности и наличием у субъекта правоприменения юридической практики.

Возможность интуитивного правоприменительного мышления как способа преобразования психического восприятия в социальное и правовое опосредована наличием относительно определённых правовых норм в пределах которых судья по внутреннему убеждению в рамках предоставленной ему свободы процессуального поведения должен совершить выбор, который предопределит его последующее процессуальное поведение. Такой выбор всегда носит осознанный характер, но не всегда мотивирован и логически обоснован, в силу чего может являться результатом интуитивного акта. Интуиция представляет собой результат разрыва в мышлении, когда вывод не вытекает однозначно из посылок¹.

Как отмечал А. Пуанкаре, доказываем мы с помощью логики, но открываем благодаря интуиции. Он впервые исследовал и признал существование истины, опирающейся на интуицию, а также обосновал необходимость её доказывания. По его мнению, интуитивно усматриваемая истина носит общезначимый характер. Исследуя конвенциональную природу теорий в физике, он указывал, что они не абсолютно произвольны².

¹ Грановская Р.М. Интуиция и искусственный интеллект. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. URL: <http://ddong.narod.ru/gran/index.htm>

² Пуанкаре А. Наука и гипотеза. СПб., 1906. С. 6, 58, 140.

Понимание сущности права также характеризуется не только логическими, но и интуитивными составляющими. Процессуальная интуиция не является только непосредственным «сиюминутным» знанием, поскольку она основана на предшествующем опыте правоприменителя. Следовательно, качество интуиции правоприменителя находится в прямой зависимости от широты и глубины его профессионального опыта.

Однако никакой опыт не сможет породить интуитивный вывод без наличия хотя бы минимального знания о фактических обстоятельствах. Г.А. Зорин справедливо связывал интуитивное знание с формированием внутреннего убеждения, а следовательно, его верности и нужности¹. На практике при установлении истины между интуицией и логикой нередко возникают конфликты, при разрешении которых необходимо определить ценность первого либо второго способа мышления для конкретной ситуации.

Однако ни интуитивная гипотеза, ни логическое предположение не имеют друг перед другом конкурентных преимуществ, поскольку в равной степени подлежат мотивированному обоснованию, в связи с чем они представляют собой лишь ценностный ориентир для исследования и оценки доказательств. Интуитивное мышление наиболее эффективно при нетипичных задачах, у которых отсутствует очевидный ответ и способ её решения. Аналитическая работа посредством интуиции представляет собой мыслительную деятельность правоприменителя, в том числе и неосознанную, путём эмоционального погружения в проблему. Эмоциональная составляющая отвечает за возникновение так называемого интуитивного озарения и замещает на уровне сознания этапы той мыслительной деятельности, которая на самом деле была проведена, но в силу повышенного эмоционального фона не получила должного внимания самого субъекта, не была им понята и оценена надлежащим образом. Для принятия законного, обоснованного и справедливого процессуального решения любое интуитивное знание необходимо обратить в логически обоснованное, непротиворечивое и с процессуальной точки зрения допустимое, достоверное и достаточное, соответствующее нормам УПК РФ.

¹ Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика : учеб. пособие по курсу «Криминалистика» : в 2 т. Гродно : Изд-во ГрГУ, 1994. Т. 1. С. 194.

Следовательно, логика и интуиция в процессуальном праве взаимообусловлены и дополняют друг друга. Обращаясь к вопросу этичности интуитивного знания в уголовно-процессуальном доказывании, необходимо отметить, что требование обоснованности процессуального решения, закреплённое в законе, выдвигается к конечному продукту мыслительной деятельности независимо от способа получения такого знания, а следовательно любое полученное правоприменителем знание должно быть процессуально оформлено и закреплено, являться мотивированным и достаточным для принятия соответствующего решения. В связи с чем интуитивное мышление есть способ получения первичного знания для его последующего анализа, проверки и обоснования в целях принятия по делу законного, обоснованного и справедливого решения.

Д.А. Мезинов

О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ К НЕМУ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

В 2007 г., руководствуясь благими намерениями, в частности обеспечить большую процессуальную самостоятельность следователя, законодатель значительно сузил объем и уменьшил действенность полномочий прокурора в досудебном производстве. Полагаю, что заложенное в действующих редакциях ст. 221, 222 УПК РФ явное сужение полномочий прокурора на завершающем этапе досудебного производства по поступившему к нему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением, по сравнению с таковыми у прокурора до реформы 2007 г., не укладывается даже в концепцию так называемого чистого надзора, на теоретическом уровне оправдывающую сужение полномочий прокурора на всем протяжении предварительного следствия. Так, концепция «чистого надзора» предполагает перенос тяжести и объема решаемых прокурором задач именно на данный завершающий этап досудебного производства, однако необходимых для решения этих задач объема и дей-

ственности полномочий у прокурора на рассматриваемом этапе досудебного производства нет.

Прокурор на рассматриваемом этапе досудебного производства полностью утратил возможности непосредственно определять содержание и объем обвинительного тезиса, поскольку уполномочен при оценке этого тезиса, содержащего в обвинительном заключении следователя, лишь выбирать один из, по сути, двух вариантов решения: возвратить уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия (пусть даже со своими письменными указаниями) либо утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд. Учитывая, что прокурор в дальнейших судебных стадиях будет поддерживать государственное обвинение, т.е. доказывать обвинительный тезис, сформулированный именно в обвинительном заключении, отсутствие у прокурора, утверждающего обвинительное заключение, полномочий непосредственно определять объем и содержание этого тезиса явно нелогично. Это и в целом противоречит положению прокурора в уголовном процессе как главного субъекта стороны обвинения (п. 47 ст. 5, ч. 1 и 3 ст. 37 УПК РФ).

Парадокс здесь также заключается в том, что при поступлении уголовного дела в суд у прокурора, теперь государственного обвинителя, появляются-таки полномочия непосредственно корректировать обвинительный тезис путем полного или частичного отказа от обвинения и изменения его в сторону смягчения. Получается, что у прокурора, утверждающего обвинительное заключение, являющегося всегда руководителем органа прокуратуры (что следует из ч. 5 ст. 37 УПК РФ), полномочий непосредственно корректировать обвинительный тезис нет, а у государственного обвинителя, в качестве которого на районном (и городском) уровне чаще всего выступает помощник или старший помощник прокурора района (города), т.е. прокурорский работник, подчиненный по должности этому руководителю органа прокуратуры, такие полномочия есть. При этом складывается ситуация, при которой прокуроры-руководители вместо самостоятельного исправления ошибок в содержании и объеме обвинительного тезиса до судебных стадий утверждают обвинительное заключение и передают уголовное дело в суд, оставляя исправление ошибок «на потом». По сути, они на неопределенный срок оставляют обвиняемого под угрозой заведомо завышенного обвинения.

Полагаю, что для обеспечения логичности, последовательности и обоснованности осуществляемого уголовного преследования на за-

ключительном этапе досудебного производства прокурору следует вернуть традиционные для отечественного уголовного процесса полномочия непосредственно корректировать обвинительный тезис в сторону смягчения. В том числе не только полномочия самостоятельно изменять объем обвинения либо квалификацию действий обвиняемых, но и полномочие составлять новое обвинительное заключение, имевшееся у отечественных прокуроров как по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., так и по советским УПК РСФСР 1923 и 1960 гг.

Д.С. Мерлаков

СУБЪЕКТЫ, КОТОРЫМ ПОРУЧЕНО ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ¹ в УПК РФ внесены изменения. Кодекс дополнен ст. 189.1 «Особенности допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Обратим внимание на отдельные аспекты данной новеллы, связанные с юридической техникой определения субъектов досудебного производства, уполномоченных проводить следственные действия в таком формате. Законодатель установил, что ими являются «следовать или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования». Заметим, что ранее такое словосочетание в УПК РФ не использовалось. Представляется, что в свете ст. 189.1 УПК РФ реализация решения о поручении расследования определенному субъекту (следователю или дознавателю) приобретает особое значение. Вместе с тем возможно выделить ситуации, когда такое поручение будет отсутствовать, поскольку оно не является обязательным для начала расследования.

Полагаем, что формулировка, использованная в ст. 189.1 УПК РФ, не в полной мере охватывает субъектов, которые теоретически могут проводить следственные действия путем использования систем видео-конференц-связи, их круг оказался ограничен. Не ясно, распро-

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

страняется ли указанная компетенция на орган дознания, руководителя следственного органа, следователя-криминалиста. Поскольку в уголовно-процессуальном законе прямо не указано, что приведенные субъекты наделены такими полномочиями, возникает вопрос допустимости доказательств, полученных в результате проведения ими следственных действий путем использования видео-конференц-связи.

Обратим внимание на первоначальный текст законопроекта, внесенного в Государственную Думу ФС РФ 01.06.2021¹. Субъектами, уполномоченными проводить следственные действия в формате видео-конференц-связи, изначально были определены так: «дознатель или следователь, в производстве которого находится уголовное дело». На наш взгляд, эта формулировка является более удачной, так как не во всех случаях следователю поручается производство предварительного расследования. В диспозициях п. 1 и ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 156 УПК РФ указано, что следователь действует самостоятельно при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. Предполагается, что производство ведется определенным субъектом, по конкретному уголовному делу. Поручение о производстве предварительного расследования следователю или дознавателю является второстепенным условием и в некоторых случаях может отсутствовать.

По общему правилу, субъект, осуществляющий производство по уголовному делу, появляется в момент возникновения самого дела, его данные указываются в постановлении о возбуждении уголовного дела и о принятии его к своему производству². Если следователю или дознавателю поручается проведение предварительного расследования уже по возбужденному делу, то в соответствии с ч. 2 ст. 156 УПК РФ принятие его к своему производству оформляется отдельным процессуальным документом. Именно так обеспечивается надлежащая форма уголовного судопроизводства и определяется субъект, уполномоченный расследовать преступление. Он наделяется компетенцией по производству следственных действий, в том числе путем использования систем видео-конференц-связи.

¹ Проект федерального закона № 1184596-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 79.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ АДВОКАТОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЕМОГО

Процесс доказывания строится на совокупности не одного, а трех структурных элементов, таких как собирание, проверка и оценка доказательств. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать адвоката полноправным субъектом доказывания, а полученные им сведения в рамках осуществления своих полномочий – доказательствами?

Доказательства будут считаться собранными тогда, когда они будут приобщены к делу. Это могут сделать только уполномоченные государством органы при условии, что представленные защитой материалы обладают свойствами допустимости и относимости¹.

Стороне защиты дается возможность предоставлять сведения одним из способов, которые упомянуты в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, что указывает на возможность признания данных сведений доказательством. Данное полномочие также регламентировано ст. 159 УПК РФ.

Следователь может отказаться принять предметы и документы от каких-либо лиц, посчитав их не относящимся к материалам дела.

Согласно положению ч. 1 ст. 159 УПК РФ «следователь, дознаватель обязан рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство». Таким образом, защитник представляет собранные им материалы на рассмотрение уполномоченного органа, который в дальнейшем принимает решение, являются ли собранные адвокатом материалы значимыми для рассматриваемого дела. И только после принятия следователем решения собранный материал может стать доказательством в законодательном смысле.

Ввиду того, что законодатель, закрепив в УПК РФ за адвокатом право применения определенных средств собирания доказательств, не установил процессуальный порядок производства этих действий, а также в целях выработки единого алгоритма действий адвокатов по собиранию доказательств, Федеральной палатой адвокатов России были изданы Методические рекомендации по реализации прав адво-

¹ Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. М. : Норма: Инфра-М, 2015. 688 с.

ката от 22 апреля 2004 г. (протокол № 5)¹. В данном документе закреплён рекомендуемый порядок фиксации действий адвокатов по собиранию доказательств по уголовному делу и их результатов. В нём подробнейшим образом описан порядок оформления полученных сведений от подзащитного, однако даже при соблюдении всех условий при попытке стороной защиты приобщить к материалам дела подобного рода материалов суд в удовлетворении данных ходатайств нередко отказывает. Чаще всего суд отказывает в удовлетворении ходатайств. Например, сторона защиты ссылается на экспертизу, результаты которой получены с существенными нарушениями закона, суд в итоговом акте чаще всего указывает, что «нет оснований сомневаться в достоверности выводов экспертизы»².

Таким образом, анализируя нормы уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод, что объём полномочий у каждого из субъектов уголовного производства отличается друг от друга. Достаточно широкой компетенцией в предоставлении доказательственной базы наделена сторона обвинения. До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о том, достаточно ли у стороны защиты полномочий для осуществления эффективной и квалифицированной помощи или же адвокат наделен достаточными инструментами, предусмотренными УПК РФ?

Е.Ю. Миронова

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ)

«Гений – это ум, знающий свои пределы»³, – написал в своем знаменитом философском эссе Альберт Камю. Гениально ли творение

¹ Методические рекомендации по реализации прав адвоката от 22 апреля 2004 г. (протокол № 5). URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/>

² Апелляционное определение от 26 декабря 2019 г. № 81-АПУ19-18.

³ Камю Альберт. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. URL: https://librebook.me/le_mythe_de_sisyphes/vol1/4 (дата обращения: 21.02.2022).

человека, именуемое искусственным интеллектом? Безусловно. Внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс способно существенным образом упорядочить работу правоохранительных и судебных органов, обеспечить соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, облегчить процесс сбора и оценки доказательств, сделать более прозрачным проведение следственных и иных процессуальных действий, свести к минимуму проявление коррупции при производстве по уголовному делу. Прогнозируемая польза искусственного интеллекта не ограничивается перечисленными характеристиками. Однако представляется, что с нравственных позиций важно вовсе не количество направлений уголовно-процессуальной деятельности, которые будут усовершенствованы в результате внедрения искусственного разума, а пределы такого внедрения и оказываемого им влияния.

Нравственность как характеристика исключительно гуманистическая не может быть присуща искусственному интеллекту. Вместе с тем уголовный процесс, будучи сферой, имеющей в своей основе существенное ограничение прав и свобод человека, не может быть лишен нравственной составляющей. В противном случае мы приходим к ситуации, когда высокотехнологичная компьютерная система, хотя и снабженная опциями выполнения творческих и интеллектуальных функций, но все же обделенная милосердием, отзывчивостью и, в конце концов, душой, т.е. всем тем, что присуще человеку, будет вершить судьбы людей со свойственными ей черствостью и запрограммированным формализмом.

Именно поэтому ключевыми принципами внедрения искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства должно стать соблюдение пределов цифровизации и сохранение нравственных начал уголовного процесса. Кроме того, необходима строгая правовая регламентация пределов участия искусственного разума в уголовном судопроизводстве, а также разработка кодекса этики применения искусственного интеллекта.

Разумными видятся базовые законы робототехники, предложенные в 1942 г. Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод»: «Закон первый: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; Закон второй: робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому Закону»¹. Воз-

¹ Азимов Айзек. Хоровод. 2009 // RoyalLib.Com. URL: https://royallib.com/read/azimov_ayzek/horovod.html#0 (дата обращения: 23.02.2022).

можно, именно они будут положены в основу кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, а человек при этом не уступит рукотворному уму бразды правления сферой уголовного судопроизводства.

Обращение к цитате из произведения Альберта Камю совершенно не случайно, ведь оно создано в рамках рассуждений знаменитого философа об абсурде. Думается, что применение в уголовном процессе технологий, именуемых искусственным интеллектом, возможно и с учетом скорости цифрового прогресса необходимо, но вместе с тем следует сохранять баланс в процессе применения искусственного интеллекта, дабы не допустить наступление ситуации абсурда, при которой человек лишится позиций главенства над искусственным интеллектом, ситуации, когда искусственный разум вытеснит обладателей разума естественного.

Н.И. Молунова

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Публично-правовые начала уголовного судопроизводства определяют принудительный характер всей уголовно-процессуальной деятельности. Прежде всего это обуславливается общественной опасностью, совершаемых преступных деяний, в рамках расследования которых возникает необходимость обеспечить процессуальную деятельность государственно-правовым принуждением. Одним из видов такого принуждения в науке уголовного судопроизводства признаётся возможность использования физического принуждения при производстве следственных действий как средства обеспечения процесса доказывания¹.

¹ Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 140–143; Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 347; Судницын А.Б. Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: нормативная регламентация, складывающаяся практика, рекомендации правоприменителям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 76–77.

При этом возможность применения физического принуждения как способ преодоления противодействия производству по уголовному делу признаётся и рядом норм уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 ст. 179 УПК РФ, ч. 5, 6, 13, 14 ст. 183 УПК РФ и др.).

Однако наряду с этим уголовно-процессуальный закон не предусматривает детальной регламентации порядка применения физического принуждения при производстве следственных действий.

Законодательно до настоящего времени не разрешен ряд важных вопросов, в частности: не определены фактические и юридические основания применения физического принуждения при производстве следственных действий; отсутствуют специальные условия применения физической силы при производстве следственных; субъекты расследования не наделены процессуальным правом непосредственного применения физического принуждения при производстве следственных действий; не закреплён перечень случаев, когда применение мер физического воздействия не допускается; отсутствует процессуальная норма, определяющая порядок применения физического принуждения при производстве следственных действий.

Таким образом, закон не содержит положений, которые могли бы использоваться как критерии для оценки правомерности использования мер физического принуждения при производстве следственных действий.

Правоприменительная деятельность в таких условиях нередко приводит к возникновению серьезных процессуальных ошибок. В дальнейшем эти ошибки могут привести к признанию действий следователя (дознавателя) неправомерными, а полученных в результате доказательств – недопустимыми.

Помимо сказанного практико-ориентированным является необходимость разрешения следующих вопросов: о возможности применения физического принуждения при производстве следственных действий до возбуждения уголовного дела, о порядке юридического оформления факта применения мер физического воздействия в уголовном процессе.

В настоящее время возможность применения физического принуждения в уголовном судопроизводстве в ситуации правового пробела обеспечивается судебной практикой, общие положения которой служат ориентиром законного использования физической силы в уго-

ловном процессе¹. Однако нельзя не признать, что отсутствие единой процессуальной регламентации применения физического принуждения, изменение уголовно-процессуальных тенденций, географический фактор являются причинами разноплановости судебной практики относительно отдельных критериев оценки законности применения физического воздействия в процессе доказывания.

Таким образом, считаем необходимым законодательно закрепить общие положения, касающиеся применения физического принуждения, которые смогут выступить единым эталоном законного ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства при применении к ним мер физического воздействия.

Л.А. Непомнящих

ПОРЯДОК КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Реформирование кассационного судопроизводства в уголовном процессе, начатое в октябре 2019 г., привело не только к изменениям системы судостройства, образовав кассационные суды общей юрисдикции, а также затронуло порядок кассационного обжалования судебных решений, дифференцировав процедуру в зависимости от вида обжалуемого судебного акта.

Законодательно судебные решения в соответствии с п. 53.2, 53.3 ст. 5 УПК РФ разграничены на итоговые и промежуточные. При этом в группу промежуточных решений законодателем включены абсолютно разноплановые по своему содержанию и функционально-целевому назначению виды судебных решений, причем из всех стадий уголовного процесса. Между тем промежуточные судебные решения, являющиеся самостоятельным уголовно-процессуальным ин-

¹ Например: Постановление Европейского суда по правам человека от 3 мая 2012 г. по делу «Салихов против России» (жалоба № 23880/05). URL: <https://sudact.ru>; Постановление Европейского суда по правам человека от 17 декабря 1996 года по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91). URL: <https://sudact.ru>

ститутом, имеют самостоятельную процедуру рассмотрения жалоб и представлений в суде кассационной инстанции.

Для обжалования итоговых судебных решений введена процедура «сплошной» кассации с обязательным рассмотрением материалов уголовного дела в суде кассационной инстанции, тогда как для обжалования промежуточных судебных решений сохранен порядок «выборочной» кассации с предварительным решением судьи о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции¹.

Выборочный порядок кассационного обжалования судебных актов предусматривает подачу кассационной жалобы (представления) непосредственно в суд кассационной инстанции, где жалоба проходит «судейский фильтр» на предмет наличия или отсутствия кассационных оснований и судья кассационного суда на предварительной стадии принимает по своему усмотрению решение об отказе или о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции².

Законодатель, определяя требования к содержанию кассационной жалобы, являющиеся общими для обжалования итогового и промежуточного судебного решения, не установил форму подачи. Тогда как в период цифровизации уголовного процесса помимо подачи кассационной жалобы на бумажном носителе предусмотрена возможность ее подачи в форме электронного документа.

Однако подача жалобы в электронной форме предусматривает ее подписание усиленной квалифицированной подписью, а также заблаговременного получения от суда в электронном виде копии судебных актов, подлежащих обжалованию, заверенных усиленной квалифицированной электронной подписью судьи, что требует дополнительных финансовых затрат и невозможно для лиц, отбывающих наказание в условиях изоляции.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.

² Червоткин А.С. Новый порядок пересмотра судебных решений: что изменится в апелляции и кассации // Уголовный процесс. 2018. № 9. С. 46–53.

Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ¹ установил ограничение по сроку кассационного обжалования для итоговых судебных решений. Тогда как кассационное производство по жалобам на промежуточные судебные решения в порядке выборочной кассации по-прежнему не ограничены сроком обжалования, в силу чего не являются действенным средством правовой защиты для ЕСПЧ. Между тем большинство российских жалоб в ЕСПЧ в сфере уголовного судопроизводства касается именно промежуточных решений, тогда как кассационные суды из-за отсутствия срока обжалования фактически выключены из единой системы защиты прав арестованных².

Тогда как выборочная кассация, установленная для промежуточных и итоговых решений, вынесенных по итогам их кассационного обжалования, не является средством правовой защиты в виду отсутствия не только срока кассационного обжалования, но и иной процедуры их пересмотра, находящегося в зависимости от дискреционного усмотрения судьи кассационной инстанции.

Подводя итог высказанному, можно сделать вывод, что доступность кассационного обжалования предусмотрена исключительно для итоговых решений применительно к первой кассационной инстанции, тогда как кассационное обжалование промежуточных решений суда, входящих в единую систему кассации, таковыми признаками не обладает и требует дальнейшей законодательной доработки.

Ю.В. Овсянников

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ УСЛОВИЯХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НАЧАЛА ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Проведение исследований в рамках сравнительного правоведения способствует наиболее полному и объективному познанию отече-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 15-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377637/ (дата обращения: 24.01.2022).

² Качалова О.В. ЕСПЧ за ограниченный срок кассационного обжалования // Уголовный процесс. 2020. № 11 (191). С. 8–11.

ственного уголовно-процессуального законодательства: это позволяет погрузиться в теорию зарубежного законодательства и произвести оценку эффективности отечественного процессуального права.

В настоящее время система российского законодательства претерпевает колоссальные изменения, законодатель ищет оптимальные решения проблем отечественного уголовного судопроизводства, в том числе и в зарубежном праве.

Введение в уголовный процесс Казахстана новых институтов способствовало упрощению и ускорению уголовного судопроизводства, повышению эффективности защиты прав и свобод граждан, интересов общества¹ и государства, что дает основания для их дальнейшего совершенствования.

Понятие общих условий предварительного расследования в виде соответствующей дефиниции в российском уголовно-процессуальном праве определено не было², но традиционно под общими условиями³ предварительного расследования понимаются установленные законом и обусловленные принципами уголовного процесса правила (требования), определяющие порядок производства предварительного расследования.

Термин «условия» предполагает исходные элементы обстановки, позволяющие приступить к какой-либо деятельности или принять решение, тогда как термин «правила» более характерен для текущей деятельности или порядка принятия решений. Изучаемые «общие условия» в значительной мере представляют собой правила, однако для удобства изложения мы будем применять нормативный термин.

¹ См.: Досудебное производство по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и иных государств – членов СНГ / под ред. А.В. Гриненко. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 14–16.

² В связи с этим среди ученых процессуалистов отсутствовало и в настоящее время отсутствует единство мнений относительно понятия общих условий предварительного расследования и их исчерпывающего перечня. Например, в советский период принято было говорить не об общих условиях предварительного расследования, а о принципах предварительного следствия. См. подробнее: Номина Д.Д. Понятие общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2006. № 12. С. 9.

³ Термин «условия» в русском языке означает правила, установленные в какой-либо деятельности. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. С. 728.

Общие условия предварительного расследования во многом обусловлены принципами уголовного процесса, но не поглощаются ими, а поэтому необходимо разграничивать эти понятия.

Несмотря на некоторую разрозненность, совокупность уголовно-процессуальных норм, закрепляющих положения об общих условиях предварительного расследования, мы обратились к изучению аналогичных институтов в зарубежном праве, что позволило нам соотнести элементы систем общих условий предварительного расследования отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства.

В УПК Республики Казахстан в систему общих условий законодатель справедливо внес идеи о производстве досудебного расследования следственной группой, общих правилах производства следственных действий, протоколе следственного действия, чего нет в одноименной главе УПК РФ.

На наш взгляд, общие условия по праву относятся к стадии досудебного производства, отражают его сущность и выражают наиболее существенные особенности данного этапа уголовного процесса.

Стоит констатировать, что многие положения УПК РК, регламентирующие общие условия производства досудебного расследования, совпадают с соответствующими положениями российского процессуального законодательства. Однако их изучение в сравнительном аспекте позволяет наиболее полно уяснить специфику и содержание общих условий в правовой системе каждой из рассматриваемых стран.

Е.Н. Петухов

СРЕДСТВА-ДЕЯНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Так сложилось, что в науке уголовного процесса в России, особенно начиная с 1990-х гг., учеными-исследователями пристальное внимание в основном уделяется проблеме обеспечения защиты, охраны и реализации прав участников уголовно-процессуальных отношений и не заслуженно остается без внимания проблема исполнения обязанностей этих участников. Особая озабоченность такой ситуацией отмеча-

ется в известных юридической общественности трудах В.М. Корнукова, Л.М. Володиной, О.И. Андреевой и их учеников. При этом, они призывают к разработке теоретических знаний о механизме обеспечения исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и совершенствованию средств их обеспечения.

На основании результатов нашего исследования, средствами обеспечения функционирующего характера в названном механизме обеспечения наряду с инструментальными средствами будут и средства-деяния. На наш взгляд, данные средства, являясь содержанием уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц и органов государства (дознателя, следователя, прокурора и суда), отражаются в их должном (нормативном) поведении в виде совершения этими субъектами правовых актов (процессуальных действий или принятия решений) в установленной предписаниями законодателем форме.

Отсюда предназначение средств-деяний в рассматриваемом механизме обеспечения как элементов субъективного уровня заключается в том, что они, воплощаясь в фактическом уголовно-процессуальном поведении должностных лиц и органов государства, способствуют данным субъектам в осуществлении ими выбора наиболее эффективных средств-инструментов (средств-принуждений, средств-обережения, средств-стимулов, технических средств, организационных и других средств) для использования их в создании благоприятствующих условий надлежащего исполнения конкретной уголовно-процессуальной обязанности. Тем самым средства-деяния обеспечивают динамичность рассматриваемого механизма, ведущую к достижению стоящей перед ним цели – обеспечение реальной возможности надлежащего исполнения обязанности, возложенной на участника уголовного судопроизводства.

Считаем, что искомые средства-деяния должны отвечать следующим постоянным признакам:

1. Они содержатся в нормативно-правовых и иных правовых актах, связанных со сферой регулирования отношений участников уголовного судопроизводства.

2. Они характеризуются динамичностью, ориентирующей на выбор и использование статических средств-инструментов, установленных в качестве предписаний в уголовно-процессуальном и ином законодательстве с целью создания благоприятствующих условий для надлежащего исполнения участниками уголовного судопроизводства возложенных на них законодателем обязанностей.

3. Они выражаются в форме должного (нормативного) поведения должностных лиц и органов государства, в производстве которых находится уголовное дело.

4. Они реализуются посредством правообеспечительной функции должностных лиц и органов государства, охватывающей информационное, организационное и контрольное направления.

Вывод: рассматриваемые средства-деяния представляют собой уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц и органов государства по выбору и использованию ими средств-инструментов, которая реализуется в виде правообеспечительной функции и охватывает информационное, организационное и контрольное направления в механизме обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.

И.И. Писаревский

ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА

Проблема, вынесенная в заглавие настоящей статьи, является относительно новой для отечественного права. Это обусловлено, с одной стороны, юридическим (но не фактическим¹) отсутствием уголовной ответственности для юридических лиц, что формально не создаёт для них конкуренции между штрафом, как потенциально одним из наиболее вероятных видов уголовного наказания, и иными обязательствами, способными породить ситуацию несостоятельности (банкротства), а с другой стороны, введением полноценного института банкротства граждан (а не только индивидуальных предпринимателей), для которых эта проблема действительно актуальна, только с конца 2015 г.

Суть же самой проблемы заключается в конкуренции или скорее очередной коллизии уголовного-процессуального, уголовного-правового и уголовного-исполнительного законодательства с законодательством о несостоятельности (банкротстве).

¹ В данном случае уголовная ответственность заменяется ответственностью административной, различия между которыми для юридических лиц носят скорее иллюзорный характер.

Так, раздел XIV УПК РФ, посвященный исполнению приговора, не содержит каких-либо изъятий из соответствующей процедуры применительно к ситуации банкротства осужденного. В совокупности с нормами ч. 1 ст. 1 УПК РФ о безусловном приоритете уголовно-процессуального законодательства в вопросах уголовного судопроизводства, учитывая общепризнанное выделение исполнения приговора как самостоятельной стадии уголовного процесса, возникает вполне закономерный вывод о том, что штраф как мера уголовно-правовой ответственности, назначенная судом, не может подпадать под регулирование законодательства о несостоятельности и, как следствие, не может быть нивелирована через процедуру банкротства.

В пользу данного вывода свидетельствует также общепризнанный подход к пониманию приговора, одним из обязательных свойств которого называют законную силу, включающую в себя общеобязательность¹, что предполагает и его исполнимость в части назначенного наказания.

В целом с этой позицией можно согласиться, если бы не ряд как концептуальных, так и сугубо технических нюансов.

Во-первых, нами ранее уже поднималась проблема соотношения частного и публичного интереса в процедурах банкротства, осложнённых уголовно-правовым элементом на примере ареста имущества должников-банкротов в целях обеспечения исполнимости гражданского иска с акцентом на абсурдности ситуации, что при текущем правовом подходе выгоднее быть потерпевшим по уголовному делу, нежели кредитором по делу о банкротстве². Аналогичным образом возникает некоторая абсурдность, когда государство как сторона исполнительного производства по взысканию уголовного штрафа становится в более выгодное положение, нежели то же самое государство, но выступающее как кредитор в деле о банкротстве по обязательству, имеющему гражданско-правовую природу (например, по уплате налогов).

Во-вторых, само государство в абз. 5 ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» относит уголовные штрафы к разновидности обязательных платежей, задол-

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 723–725.

² Писаревский И.И. Наложение ареста на имущество должников-банкротов по уголовным делам в контексте столкновения частных и публичных интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 190–199.

женность по которым может выступать основанием для признания должника – банкротом. В результате возникает очередная парадоксальная ситуация, при которой уголовный штраф может выступить основанием для введения процедуры банкротства, но вопрос его погашения/списания в силу ранее приведённых норм УПК РФ изымается из под действия банкротного законодательства.

Злободневность данных вопросов не так давно становилась предметом обсуждения Конституционного Суда РФ на примере уголовного дела в отношении чиновника из Красноярского края, где определением от 13.03.2018 № 578-О было отказано в принятии его жалобы и прямо указано, что соответствующее правовое регулирование направлено на предотвращение неисполнения вступивших в законную силу приговоров и освобождения от отбывания уголовного наказания граждан по основанию, не предусмотренному уголовным законодательством Российской Федерации, тем самым гарантируя неотвратимость уголовного наказания, защиту прав и свобод граждан, действенность конституционных основ судебной власти, ее высокий авторитет.

Мы в свою очередь считаем, что данные выводы в силу ранее приведённых аргументов являются не бесспорными, в пользу чего говорит особое мнение судьи А.Н. Кокотова, не согласившегося с решением большинства судей Конституционного Суда по названному делу и отметившему значительные пробелы и непоследовательность правового регулирования в обозначенной сфере.

Однако, к сожалению, названное определение Конституционного Суда РФ не породило серьёзной дискуссии, а количество научных публикаций по данной теме незначительно. В то время как очевидно, что рано или поздно данные коллизии вновь станут предметом рассмотрения высших судебных инстанций и для их разрешения необходима выработка комплексного подхода, сочетающего как частные, так и публичные интересы.

Д.С. Потехин

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Прокурорский надзор в 1953–1964 гг. ознаменован восстановлением принципов организации деятельности прокуратуры, подвергшихся

деформации во время руководства И.В. Сталина¹. Одним из ключевых исторических моментов с начала оттепели можно считать самую крупную в истории СССР амнистию осужденных 1953 г., которая коснулась в основном положительно характеризующихся осужденных, лишенных свободы на срок до 5 лет, несовершеннолетних, женщин, пожилых людей и лиц, болеющих тяжелыми неизлечимыми заболеваниями². Разумеется, далеко не все преступники были освобождены. Эти обстоятельства привели к массовым недовольствам спецконтингента внутри лагерей и тюрем, а также совершению многочисленных повторных преступлений амнистированными. Эти и другие обстоятельства неизменно приводят руководство страны к необходимости реорганизации правоохранительных органов. 24 мая 1955 г. принимается новое Положение о прокурорском надзоре СССР. Особенностью данного положения является определение централизации прокуратуры и подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим. Происходит обособление органов прокуратуры в самостоятельную и независимую надзорную централизованную систему, ликвидируя, хотя и номинальную, связь прокуратуры в системе народных комиссариатов юстиции. Подчинение прокуроров непосредственно генеральному прокурору приводит идею образования надзорного ведомства на истинный уровень обеспечения законности нормативных актов и обеспечения прав граждан.

В новом положении специальному надзору за соблюдением законности в местах лишения свободы отводится отдельная глава. Прокурор наделяется полноправными правами на исследование выбранных объектов, участие в разрешении и принятии решения о наложении определенного вида ответственности. Прокурору указывается на необходимость регулярного посещения учреждений, в которых содержатся заключенные и осужденные; ст. 35 содержит четкое перечисление прав прокурора при проверке мест лишения свободы. Среди них беспрепятственный доступ во все помещения; право на ознакомление с документами, на основании которых лица подвергнуты лише-

¹ История России: С древнейших времен до конца XX века : [в 3 кн.] : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История» / редкол.: А.Н. Сахаров (отв. ред.) и др. М. : АСТ, 2001. Кн. 3: История России: XX век / отв. ред. В.П. Дмитриенко. 607 с.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» // Сборник законов СССР. 1968. № 2.

нию свободы; личного ознакомления с актами администрации, проверки их законного вынесения и соответствия существующему законодательству, а также право требования личных объяснений от администрации учреждений. Наряду с этим указывается на ответственность прокуроров за соблюдением социалистической законности и обязанность администрации учреждений выполнить предложения прокурора относительно соблюдения установленных законом правил содержания заключенных¹.

В заключение можно сделать вывод, что обязанности прокуратуры за соблюдением законности в местах лишения свободы в период оттепели носили несовершенный характер. В положении 1955 г. указаны общие обязанности, хотя и выделенные в отдельную часть. Курс развития прокуратуры направлен на ликвидацию неправомерного содержания лиц в местах заключения, минимизации вынесения незаконных приказов и постановлений администрации, контроль за законностью установленных режимных требований.

А.С. Рожкова

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ ст. 264.1 УК РФ

В России немалая часть дорожно-транспортных происшествий совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения. Так, за 12 месяцев 2021 г. произошло 11 180 правонарушений с участием водителей в состоянии опьянения, в которых погибли 2 982 человека и 14 736 лиц получили ранения различной степени тяжести².

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 года «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштама. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 114–121.

² Официальный сайт НЦБДД, обзор дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации за 9 месяцев 2021 года. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/>

При возбуждении уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 264.1 УК РФ, учитывается административная преюдиция. Вместе с тем в п. 10.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016) регламентировано, что обстоятельства, послужившие основанием для привлечения лица к административной ответственности по первому эпизоду, не определяют выводы о виновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, проверенных и оцененных посредством уголовно-процессуальных процедур¹. Таким образом, разрешение сообщений о преступлении и предмет доказывания по уголовному делу о преступлениях указанной категории имеют специфику.

Остро стоит вопрос привлечения лица к ответственности по уголовному делу об управлении транспортным средством в состоянии опьянения, подверженным административному наказанию или имеющим судимость. В ст. 4.6 КоАП РФ регламентировано, что лицо, понесшее ответственность за совершенное им нарушение, считается подвергнутым наказанию, только когда постановление о назначении административного наказания вступило в законную силу и до истечения одного года со дня окончания исполнения указанного постановления. В части 1 ст. 86 УК РФ регламентировано, что лицо, которое совершило преступление, считается судимым со дня вступления приговора в законную силу до погашения или снятия судимости. Одним из главных критериев привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ является наличие «повторности», т.е. лицо ранее должно быть подвержено административному наказанию по ч. 1, 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ или мерам уголовно-правового воздействия ответственности за совершение преступления по ч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ.

Состав преступления (264.1 УК РФ) не образуется, если лицо ранее было подвергнуто уголовной ответственности по ч. 1, 3, 5 ст. 264 УК РФ, а также, если на момент совершения деяния лицо не было

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 // СПС КонсультантПлюс.

подвергнуто административному наказанию по ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ. В таком случае нарушитель будет подвержен лишь административной ответственности.

Лицо не подлежит уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ в случае, если в отношении него принято решение о привлечении к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 КоАП РФ за управление транспортным средством в состоянии опьянения или по ст. 12.26 КоАП РФ за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, но на момент повторного совершения аналогичных противоправных действий постановление о назначении административного наказания не вступило в законную силу.

Учитывая изложенное, необходимо более тщательное исследование аспектов, касающихся административной преюдиции, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела об управлении транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ).

В.И. Самарин

ПРИСУТСТВИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ОКАЗАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Институт международной правовой помощи по уголовным делам получил закрепление в национальном уголовном процессе многих государств, обретя свою уголовно-процессуальную форму. Сущность данной деятельности подразумевает соприкосновение с иностранной уголовной процедурой, что иногда приводит к вторжению иностранного элемента в уголовный процесс. Последнее может свидетельствовать о сужении суверенного права осуществлять уголовное судопроизводство на своей территории. В настоящей статье мы рассмотрим, насколько глубоко может быть указанное вторжение при допуске лиц из иностранного процесса во внутрисударственные уголовно-процессуальные отношения.

Нередко при оказании международной правовой помощи невозможно предусмотреть ход процессуального действия и сформулиро-

вать в полном объеме круг вопросов, подлежащих выяснению при его производстве. Поэтому возникает потребность в присутствии лица, в полной мере владеющего информацией по уголовному делу. Исходя из сущности оказываемой помощи, необходимость присутствовать при исполнении просьбы может быть у лиц, вовлеченных в иностранном государстве в производство по конкретному уголовному делу. Статья 497 УПК Беларуси допускает присутствие достаточно широкого круга лиц:

- 1) представителей органа иностранного государства;
- 2) участников уголовного процесса иностранного государства.

Под органом иностранного государства законодатель, наиболее вероятно, понимает орган, ведущий уголовный процесс, а именно орган, инициировавший направление просьбы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам. Ведь именно такому органу требуется поддержка со стороны иностранного уголовного процесса и он компетентен в вопросе, являющемся предметом просьбы. Данный тезис подтверждается рядом международных договоров Республики Беларусь, которые указывают на представителей компетентных органов (Венесуэла, Вьетнам, ОАЭ) или заинтересованных правоохранительных органов (Сербия). Термин «представитель» подразумевает, что работник указанного органа должным образом уполномочен (следователь, следственный судья, работник полиции, детектив и др.). Многие международные договоры Республики Беларусь предусматривают возможность присутствия только данной категории лиц.

Законодатель позволил на основе принципа взаимности присутствовать при исполнении просьбы органа иностранного государства лицам, являющимся участниками уголовного процесса в соответствии с законодательством такого государства. Отдельные международные договоры Республики Беларусь также предусматривают такую возможность для заинтересованных лиц (Конвенция СНГ 1993 г., договоры с Венесуэлой, ОАЭ, Словакией, Турцией, Чехией) и их представителей (с Венесуэлой), лиц, указанных в просьбе (с Индией, Монголией, Шри-Ланкой), лиц, участвующих в уголовном процессе, и их уполномоченных представителей (с Сербией).

Нередко в просьбе органы иностранного государства указывают на необходимость присутствия при ее исполнении защитника (адвоката) обвиняемого в таком государстве лица. Иностранное законодательство может позволять адвокату обвиняемого присутствовать при про-

изводстве следственного действия для признания полученных доказательств допустимыми. В своих решениях ЕСПЧ указывал, что нарушение права на перекрестный допрос при оказании международной правовой помощи через невозможность постановки вопросов (включая использование видеосвязи) влечет нарушение права на справедливое судебное разбирательство (*Zhukovskiy v. Ukraine*). При этом такой защитник (адвокат) оказывает юридическую помощь лицу, обвиняемому в рамках иностранного уголовного процесса, и действует экстерриториально, не подменяя адвокатов Республики Беларусь.

В ходе исполнения просьбы органа иностранного государства может потребоваться оказание юридической помощи и самому лицу, с которым проводится процессуальное действие. Однако здесь важно разграничивать статус такого адвоката. Так как юридическая помощь оказывается уже не для лица, находящегося в иностранном государстве, то должны действовать нормы национального законодательства об адвокатской деятельности, а адвокат пользуется полномочиями адвоката свидетеля (ст. 60¹ УПК Беларуси).

Присутствие лиц допускается не произвольно, по их желанию, а на основании двух юридических фактов: указание такого лица в просьбе органа иностранного государства и в решении об исполнении просьбы органа иностранного государства, принятом Генеральным прокурором Республики Беларусь, Председателем Верховного Суда Республики Беларусь или их заместителями. Соответственно, согласование просьбы о присутствии лица, по общему правилу, осуществляется через центральные органы. Полагаем, что присутствие представителей иностранного государства требуется, прежде всего, при производстве следственных действий по просьбе органа иностранного государства (т.е. оказании правовой помощи в узком смысле), когда требуется собрать либо проверить доказательственную информацию.

Процессуальное положение при производстве процессуального действия указанных лиц (включая иностранного адвоката) схоже с процессуальным положением специалиста. Они вправе с разрешения следователя, прокурора или судьи задавать вопросы лицам, участвующим в производстве процессуального действия, осуществлять дословную запись, а если это не запрещено законодательством Республики Беларусь – применять технические средства (именно такие полномочия записаны в международном договоре Республики Беларусь с Индией). Поступившие в ходе проведения следственных действий от

представителей иностранного государства вопросы или просьбы указываются в протоколе. При этом в процессуальных документах должен быть зафиксирован факт присутствия таких представителей с указанием их данных. По окончании следственного действия они расписываются в документе, как если бы это был любой другой присутствующий. Договор с Сербией распространяет на присутствующих лиц гарантии, которыми обычно пользуются вызываемые лица (например, невозможность привлечения к уголовной ответственности за уголовное деяние, совершенное до въезда на территорию запрашиваемого государства).

На практике иногда орган иностранного государства просит разрешить их представителям произвести следственное действие (например, допрос) на территории Республики Беларусь. В этом случае Генеральная прокуратура Республики Беларусь обоснованно разрешает только присутствовать данным лицам при производстве следственного действия органом уголовного преследования Республики Беларусь, дабы ограничить возможности для вторжения в суверенитет нашего государства.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон позволяет присутствовать в ходе исполнения просьбы органа иностранного государства (прежде всего, производства процессуальных действий) не только представителям такого органа, но и иным участникам уголовного процесса иностранного государства. Однако такое присутствие не посягает на неотъемлемое право национальных органов, ведущих уголовный процесс, по осуществлению уголовного судопроизводства, так как процессуальное положение указанных лиц не позволяет им самостоятельно осуществлять уголовно-процессуальную функцию на суверенной территории. В то же время допуск для присутствия предоставляет возможность наиболее полно и всесторонне исполнить просьбу органа иностранного государства и поддержать иностранный уголовный процесс. При этом иностранный адвокат может присутствовать в ходе производства процессуальных действий для представления интересов лица, обвиняемого в иностранном уголовном процессе, который находится в соответствующем государстве, что обеспечивает транснациональную реализацию принципа справедливого судебного разбирательства.

ТЕРМИН «ПРАВДА» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В российском уголовно-процессуальном законодательстве термин «правда» и его производные («правдивость», «правдиво») используются в следующих трех контекстах: 1) в контексте получения показаний от несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, для которых необходимость говорить правду не ставится непосредственно в правовую обязанность (если учесть расхожест толкования термина «указывать»), но им указывается на необходимость говорить правду в ходе предварительного следствия, а в суде им просто объясняется значение правдивых показаний для расследования уголовного дела (ч. 2 ст. 191, ч. 5 ст. 280 УПК РФ, ст. 20 УК РФ); 2) в контексте правдивости сведений, предоставленных обвиняемым при выполнении обязательств в рамках заключенного с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.5 УПК РФ); 3) в контексте установления обязанности кандидатов в присяжные заседатели правдиво отвечать на задаваемые им вопросы (ч. 3 ст. 328 УПК РФ).

Нормативный сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законодательств стран, входивших в состав СССР; КНР, стран мусульманской правовой семьи, ФРГ дает основание выделить следующие тенденции использования термина «правда» и его производных в уголовном процессе.

1. Данный термин и его производные применяются для создания нормативных конструктов, вводящих обязанность произносить клятву религиозного, нерелигиозного характера в том, что допрашиваемое лицо будет говорить правду в ходе судебного допроса либо давать обещание сообщать правду, если его мировоззренческие взгляды не позволяют произносить клятву. Данная особенность характерна, например, для ФРГ (ст. 63–65 УПК ФРГ), Грузии (ст. 48 УПК Грузии) и Ирана (ст. 153 УПК Исламской республики Иран). При этом в законодательстве Ирана предусматривается только религиозная клятва и распространяется она на всех лиц, допрашиваемых в суде и которым что-либо известно по делу. Представляется, такое нормативное регу-

лирование служит не только данью традициям процесса соответствующих государств, но и законодательным приемом, направленным на получение правдивых показаний в суде от допрашиваемых лиц.

2. Термин «правда» и его производные применяются для установления обязанности потерпевших и свидетелей (например, ст. 111 УПК Латвии, ст. 55, 66 УПК Узбекистана, ст. 56 УПК Таджикистана, ст. 57 УПК ФРГ), часто, независимо от возраста и подпадания под признаки субъекта уголовной ответственности, за дачу ложных показаний, а в законодательстве КНР – для установления обязанности в отношении вообще всех участников уголовного процесса (ст. 45 УПК КНР) сообщать правду в ходе судебного допроса, а в некоторых странах (в частности, в КНР) – в целом в ходе допроса на предварительном следствии и на судебном допросе. При этом законодательство зарубежных стран, устанавливая обязанность тех или иных участников уголовного судопроизводства сообщать правду в ходе допроса, устанавливает и коррелирующие обязанности охранительные уголовно-правовые отношения в уголовных законодательствах зарубежных стран, что непосредственно не наблюдается в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Стоит отметить, что в некоторых государствах, хотя прямо и не обозначается в законодательстве, но подразумевается необходимость получения правдивых показаний в качестве цели допроса. Вместе с тем в ходе дальнейшего процесса расследования проводятся иные процессуальные действия, направленные на приобретение показаниями свойства достоверности доказательств (например, ст. 289 УПК Эстонии, ст. 207 УПК Таджикистана), такие как проверка показаний на месте, оглашение ранее данных показаний.

Таким образом, термин «правда» используется в различных контекстах – от правового до религиозного – в уголовном процессе зарубежных стран.

С.К. Сенченко

ПОЗИЦИЯ И ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Основное назначение деятельности адвоката – оказание квалифицированной юридической помощи. Адвокатская деятельность немыслима без такой категории, как «позиция защиты», проходящей крас-

ной нитью через всю защитительную деятельность при производстве по уголовному делу. Несмотря на использование указанного термина в УПК РФ, ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики адвоката, остаются нераскрытыми его определение, задачи и средства реализации.

Обращаясь к терминологии, за основу возьмем определение Л.А. Воскобитовой, которая под позицией по делу понимала определенную точку зрения на юридически значимые обстоятельства дела: а) объективно обусловленная фактами реальной действительности, материалами дела и имеющимися у сторон доказательствами; б) субъективно обусловленная процессуальной функцией стороны и той конкретной правовой целью, к достижению которой стремится сторона в данном конкретном процессе¹. С учетом необходимости согласования позиции с доверителем и недопустимости занимать позицию противоположную его воли, считаем возможным немного скорректировать определение, данное Л.А. Воскобитовой: «...позиция по делу – согласованная с доверителем точка зрения относительно возможного варианта разрешения уголовного дела, с учетом прав и законных интересов доверителя». Основная задача при формировании позиции по уголовному делу – всеми допустимыми способами защитить права и законные интересы доверителя.

Позиция защиты является ориентиром для всей защитительной деятельности. Однако средством реализации позиции является линия защиты. Если позиция по делу может быть неизменна в ходе производства по уголовному делу, то линия защиты носит ситуативный характер и зависит от защитительной ситуации. В свою очередь, защитительная ситуация зависит от отношения подзащитного к обвинению и имеющихся в материалах уголовного дела доказательствах. Под линией защиты, по нашему мнению, следует понимать деятельность адвоката, направленную на реализацию позиции защиты, посредством использования совокупности процессуальных и непроцессуальных (криминалистических) средств. На формирование линии защиты влияют стратегические и тактические задачи в рамках конкретного уголовного дела. Исходя из изложенного, в линии защиты можно выделить два аспекта: интеллектуальный и деятельный. Ин-

¹ Воскобитова Л.А. Адвокат: навыки профессионального мастерства // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

теллектуальный аспект заключается в разработке защитником стратегии и тактики защиты и выражается в активной мыслительной деятельности адвоката посредством совершения логических операций в целях достижения наиболее благоприятного результата для своего доверителя. Деятельный аспект проявляется в использовании предусмотренных в законе и выработанных криминалистикой системой определенных средств и приемов. К средствам защиты, как отмечает Л.В. Кудрявцев, относятся заявления, жалобы и ходатайства¹. К таким средствам можно отнести и возражения, в том числе на действия председательствующего. Именно в них излагается в концентрированном виде позиция защиты по наиболее значимым обстоятельствам уголовного дела. Однако, помимо средств, предусмотренных законом, нельзя не отметить и наличие приемов, разработанных криминалистикой и выражающихся в возможности использовать при участии в том или ином процессуальном действии определенных приемов.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что позиция и линия защиты являются неразрывными категориями. Без грамотно сформированной линии защиты позиция по делу не может быть реализована.

Д.В. Татьяна

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЖИЛИЩЕ

Право на неприкосновенность жилища – одно из базовых прав современной цивилизации. Неприкосновенность жилища закреплена в целом ряде как международных, так и национальных нормативно-правовых актов. В УПК РФ оно закреплено в виде принципа, что подчёркивает его значимость для обеспечения защиты прав участников уголовного процесса. Однако на практике возникают вопросы реализации указанного принципа, поскольку при проведении следственных действий в жилище возникает вопрос о возможности ограничения права на его неприкосновенность.

¹ Кудрявцев В.Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4. С. 17–24.

Согласно ч. 1 ст. 12 УПК РФ, «осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения». Законодатель не указывает, кто понимается под указанными лицами: владелец жилища, лица, которые там прописаны или зарегистрированы, лица, временно проживающие, и т.д. Не понятно, чье должно быть получено согласие, если в жилище проживает несколько совершеннолетних лиц с одинаковыми правами без деления жилой площади, но осмотр проводится в отношении одного лица, может ли в отсутствие последнего согласие быть получено у любого другого проживающего лица по данному адресу? Сложные ситуации возникают при необходимости проведения осмотра места происшествия в жилище.

Конституционный Суд РФ в ч. 2 определения от 24 декабря 2013 г. № 2027-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левченко Евгения Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165, статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что «часть пятая статьи 177 УПК Российской Федерации прямо предусматривает, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, а если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра...». Получается, что если местом происшествия является жилище, то в нём нельзя провести осмотр, если проживающее в нём лицо против этого возражает, как же сохранить следы в указанном случае? На каком основании обращаться за судебным постановлением? Однако указанная позиция КС РФ нашла свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда № 19 от 01.06.2017 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», в п. 8 ч. 2 которого указано, что для производства осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра.

Если лица нет дома, как можно установить его согласие или возражение против проведения осмотра? Лицо может быть заинтересовано в том, чтобы осмотр не проводился. Фактически предложенная законодателем конструкция с учетом разъяснений, данных в указанных судебных актах, ставит следователя в ситуацию обязательного

получения судебного постановления о производстве осмотра жилища. Зачем следователю ехать для проведения осмотра в жилище, если он не может быть уверен в том, что получит согласие всех проживающих в нем лиц? Целесообразнее сразу получить судебное согласие либо проводить осмотр жилища на основании постановления следователя без судебного согласия и без согласия лиц, в нем проживающих, в связи с ситуацией, когда проведение осмотра не терпит отлагательств. Однако в указанном случае следует очень тонко и четко указать в постановлении основания для принятия такого решения, чтобы в последующем при уведомлении суда и прокурора с предоставлением им указанного постановления и протокола проведенного следственного действия для проверки законности действий следователя не возникало никаких сомнений о том, что поступить иначе в рассматриваемом случае следователь не мог. Второй вариант представляется более обоснованным, поскольку позволит сократить время на проведение согласований, выяснения позиций лиц, что обеспечит возможность обнаружения и изъятия следов. Полагаю, что следует исключить из оснований проведения осмотра в жилище согласие проживающих в нем лиц, поскольку на практике оно фактически не применяется и может привести к спорным ситуациям в случае его использования.

Л.Г. Татьяна

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА ПРИ НАЛИЧИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Изменение структуры преступности, увеличение транснациональной, организованной, коррупционной, профессиональной, «беловоротничковой» преступности, необходимость раскрытия и расследования преступлений при жестком противодействии органам предварительного расследования обусловило введение института досудебного соглашения о сотрудничестве. Несмотря на неоднозначный подход к указанному институту со стороны ученых и практиков, его введение и развитие было обусловлено временем. Одновременно практика его применения показала наличие возникающих проблем, одной из кото-

рых является постановление невязаных противоречивых приговоров в отношении лица, с которым было заключено досудебное соглашение, и лиц, с которым оно заключено не было.

Законодатель указал, что в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при выполнении им взятых на себя обязательств приговор постановляется в порядке гл. 40 УПК РФ, с особенностями, установленными в ст. 317.7 УПК РФ. В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, согласно ч. 6 указанной статьи, указываются описание преступного деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Приговор, постановленный в порядке ст. 317.7 УПК РФ, не имеет преюдициальной силы в силу того, что в судебном заседании не исследуются доказательства, подтверждающие виновность лица в совершении преступления, а проверяется выполнение обязательств, закрепленных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Федеральным законом № 376-ФЗ от 30.10.2018 была введена ст. 56.1, которой был установлен новый участник – «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Принципиального значения указанная статья не имеет, поскольку согласно ч. 7 указанной статьи, новый участник не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от показаний, что позволяет ему при рассмотрении уголовного дела в отношении лиц, против которых он давал показания, изменить свою позицию, дать иные показания, при этом нести за них уголовную ответственность он не будет.

Уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, рассматривается до начала рассмотрения уголовного дела в отношении иных лиц, с которыми досудебного соглашения заключено не было. Таким образом лицо, в отношении которого постановлен приговор в порядке ст. 317.7 УПК РФ, может изменить свою позицию в судебном заседании, поскольку он не может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. На практике возникают ситуации, когда в отношении лиц, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, постановляют оправдательные приговоры,

несмотря на то, что был постановлен обвинительный приговор в отношении лица, с которым указанное соглашение было заключено. Постановление оправдательного приговора в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, в силу ошибок, допущенных органами предварительного следствия при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в последующем в процессе доказывания, не просто приводит к освобождению указанных лиц от уголовной ответственности и подрывает веру в правосудие, но и создает угрозы безопасности в отношении свидетелей, потерпевших, их родственников и т.д.

В целях обеспечения качества расследования и судебного разбирательства по уголовному делу при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве полагаю необходимым предусмотреть обязанность предупреждения лица, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В качестве квалифицирующего признака ввести в ст. 306 УК РФ ч. 4, предусматривающую положение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, установив уголовную ответственность до 10 лет лишения свободы. Поскольку досудебное соглашение заключается в целях оказания помощи органам предварительного расследования и суда, то лицо должно понимать, что, оговаривая других лиц, оно совершает преступление против правосудия, в связи с чем будет нести уголовную ответственность, соразмерную тяжести содеянного. Подобное предупреждение не позволит использовать досудебное соглашение о сотрудничестве в качестве механизма освобождения от уголовной ответственности. Целесообразно рассматривать уголовное дело первоначально в отношении лиц, с которыми досудебное соглашение не было заключено, после постановления в отношении них приговора, рассматривать уголовное дело в отношении лица, с которым было заключено досудебное соглашение, в указанном случае прокурор будет иметь реальные основания говорить об оказанной помощи указанным лицом.

В случае постановления оправдательного приговора в отношении подсудимых, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при неизменности позиции лица, с которым было заключено указанное соглашение, уголовное дело в отношении него должно быть рассмотрено в общем порядке, с исследованием всех

доказательств, которые были положены в основу обвинения. При постановлении приговора в отношении указанного лица суд может учитывать желание оказать помощь органам предварительного расследования и суда в зависимости от ситуации по своему усмотрению. Оправдательный приговор в отношении подсудимых, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может иметь преюдициальную силу при рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Предлагаемый порядок позволит обеспечить качество и объективность при рассмотрении уголовных дел при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве.

Е.Ф. Тензина

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

УПК РФ содержит широкий перечень процессуальных действий, которые напрямую затрагивают право собственности гражданина и демонстрируют возможность вторжения государства в сферу частных интересов граждан и юридических лиц, в том числе в сферу их имущественных интересов. Изъятие имущества в уголовном судопроизводстве допускается в двух формах: в ходе проведения следственных действий либо по итогам применения такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество.

Правовая природа наложения ареста на имущество законодателем представлена крайне сложно. Особую роль в развитии и функционировании исследуемой процессуальной меры играют постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которые инициировали повышение интереса к данной проблеме, так как изменили порядок ее применения.

Не вызывает разногласий среди ученых подход о том, что институт ареста имущества носит межотраслевой характер, который выполняет обеспечительную функцию в уголовном, гражданском и административном процессах.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ целью применения ареста имущества является обес-

печение исполнения приговора в части имущественных взысканий (ст. 115 УПК РФ). Межотраслевой институт наложения ареста на имущество в уголовном процессе – это одновременно и элемент правовосстановительного механизма уголовного судопроизводства, как способ обеспечения гражданского иска, наказания в виде штрафа, возмещения процессуальных издержек и исполнения приговора в части конфискации имущества.

В статье 165 УПК РФ, регулирующей условия и процессуальный порядок получения судебного решения на проведение действий, ограничивающих конституционные права граждан, среди следственных действий числится и наложение ареста на имущество. Полагаем ошибочным рассматривать арест имущества в системе следственных действий, поскольку цели и механизм проведения совершенно разные. Более того правовой режим имущества, изъятого в ходе проводимых действий, тоже разный.

Подход законодателя к определению предмета ареста шире, поскольку в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ под имуществом понимаются не только предметы материального мира, но и «имущественные права, включая права требования и исключительные права». При решении вопроса о наложении ареста на имущество суд устанавливает ограничения, связанные с владением, пользованием и распоряжением. С учетом позиции высших судебных инстанций изъятие арестованного имущества происходит крайне редко и в пределах имущественных взысканий.

Тогда как имущество, которое изымается в ходе проведения следственных действий, приобретает статус вещественного доказательства и служит средством для установления обстоятельств уголовного дела. Режим хранения имущества в таком статусе иной, по общему правилу при материалах уголовного дела (ч. 1 ст. 82 УПК РФ), и определен сроками производства по уголовному делу.

Наложение ареста на имущество выступает именно обеспечительной мерой процессуального характера, а не инструментом уголовно-процессуального доказывания. Сущность данной меры процессуального принуждения выражается через законодательную конструкцию «наложение ареста на имущество», в которой дефиниция «арест» выражает правоограничивающее содержание; дефиниция «наложение ареста» включает в себе процедуру применения правоограничивающего действия, состоящую из принятия решения и его непосред-

ственной реализации; дефиниция «имущество» включает в себя не только конкретные вещи, но и имущественные права.

К.А. Трифонова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ И ИНЫХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО

В плоскость уголовно-процессуальных отношений при принятии решения в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как при отказе в возбуждении уголовного дела, так и при его прекращении либо прекращении уголовного преследования, должна вовлекаться некая группа заинтересованных лиц, в первую очередь близких родственников, от волеизъявления которых зависит дальнейшее движение уголовного дела. Несмотря на такое утверждение, сформулированное Конституционным Судом Российской Федерации¹ более 10 лет назад, остался неурегулированным ряд вопросов, связанных с обеспечением защиты чести, достоинства и доброго имени умершего лица, причастного к совершению преступления и проработкой правового положения таких заинтересованных лиц.

Во-первых, требуется конкретизация данного круга заинтересованных лиц. Это исключит случаи выяснения мнения при принятии решения у представителя организаций по оказанию социальной помощи населению, защитников и прочих лиц, не имеющих заинтересованности в возможной реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого, когда у последних отсутствуют какие-либо родственные связи. Предлагается расширительно подходить к списку заинтересованных лиц, но учитывать градацию: близкие родственники, родственники или близкие лица. При наличии близких родственников,

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

лица из двух последних категорий не теряют права обжаловать принятое решение.

Во-вторых, следует определить порядок допуска этих лиц к участию в уголовном деле. Подразумевается допуск одного из заинтересованных лиц в качестве представителя умершего, чем оно и перенимает ряд его прав и обязанностей. При этом право определить, кто именно будет представлять интересы умершего лица, должно принадлежать самим заинтересованным лицам. Наиболее верным в плане преемственности правового регулирования схожих правовых отношений (ч. 8 ст. 42 УПК РФ) является присвоение статуса представителя заинтересованному лицу. Степень родства может быть установлена путем анализа соответствующих документов, предоставляемых заинтересованным лицом, а также в ходе его допроса (объяснения, если решение принимается на этапе процессуальной проверки), следующего после установления круга заинтересованных лиц и уведомления их о принимаемом решении. В протоколе допроса (объяснении) должны отражаться не только отношение данного лица к выдвинутому подозрению или обвинению, мнение о необходимости продолжения производства по уголовному делу, сведения о степени родства, но и данные о личности умершего.

В-третьих, окончательное волеизъявление заинтересованных лиц выражается в виде отдельного письменного документа и должно следовать после ознакомления с материалами досудебного производства, в которых подтверждается причастность умершего к совершенному преступлению. Процессуальное решение о допуске в качестве представителя должно быть объявлено правоприемнику, т.е. представителю умершего, и защитнику, если он ранее участвовал в деле. Представителю должны быть разъяснены права подозреваемого (обвиняемого), закрепленные в ст. 46 (47) УПК РФ, кроме прав неотделимых от личности умершего. Должны быть вручены документы, свидетельствующие о ранее приобретенном умершем статусе.

Р.М. Хуснутдинов

ЗАЛОГ ЦЕННЫХ БУМАГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Стремление к гуманизации уголовной-процессуальной политики и повышению ее эффективности обуславливает научный интерес к ис-

следованию залога как меры пресечения, не связанной с изоляцией личности от общества¹. Залог – относительно строгая мера уголовно-процессуального принуждения, применение которой может гарантировать обеспечение интересов уголовного процесса².

Залог остается одной из наименее применяемых мер пресечения, значительно уступая подписке о невыезде и надлежащем поведении, заключению под стражу и домашнему аресту³. Статья 106 УПК РФ допускает в качестве предмета залога не только денежные средства, но и другое движимое имущество, «акции и облигации», а также недвижимое имущество. Однако анализ статистических данных и судебной практики показывает, что при избрании меры пресечения в виде залога в качестве предмета залога выступают исключительно денежные средства. Данное обстоятельство находит подтверждение и в локальных обобщениях судебной практики; при этом отмечается, что «судьями обсуждается вопрос о денежном залоге и не обсуждается возможность принятия в залог движимого или недвижимого имущества, ценных бумаг. Отчасти это обусловлено существованием особенностей в процедуре принятия такого имущества в качестве предмета залога»⁴.

Закон исходит из того, что лишь денежные средства могут приниматься в залог без оценки и других предварительных процедур. Для иного имущества действует порядок, утвержденный постановлением Правительства РФ от 13.07.2011 № 569⁵. В отношении передаваемых

¹ Царева Ю.В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 3.

² Обзор Верховного Суда Республики Адыгея от 17.06.2011 «Обзор судебной практики об избрании меры пресечения в виде залога Красногвардейским районным судом» // СПС КонсультантПлюс. М., 2021. Доступ из локальной сети Нац. б-ки Удмурт. Респ.

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴ Справка по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий за 2018 год (утв. президиумом Пермского краевого суда 22.03.2019) // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2021. Доступ из локальной сети Нац. б-ки Удмурт. Респ.

⁵ Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности : постановление

в залог ценных бумаг и другого имущества, кроме денег, указанный порядок требует предварительной подготовки отчета об оценке имущества, кроме того, представления к такому отчету экспертного заключения в соответствии с законодательством об оценочной деятельности. Практически данное требование ставит непреодолимое препятствие на пути избрания меры пресечения в виде неденежного залога. Для ценных бумаг, допущенных к обращению на организованном рынке и имеющих текущую стоимость, сформированную на биржевых торгах, указанное требование об оценке передаваемых в залог ценных бумаг является абсурдным. Судебной практике по уголовным делам известны примеры, когда в качестве стоимости ценной бумаги суды признавали рыночную стоимость по данным биржевых торгов¹.

Таким образом, перспективы развития залога как меры пресечения могут быть связаны с выделением ценных бумаг, допущенных к обращению на организованном рынке, в особую категорию имущества, для которой будет применяться упрощенный порядок передачи в залог.

И.Н. Чеботарева, О.С. Пашутина, И.В. Ревина

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОТКАЗЕ УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ОТ СВОЕГО ПРАВА²

Под законностью понимается неукоснительное исполнение законов и подзаконных правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами. Ее гарантиями выступают ряд объективных и субъективных факторов, условия и предпосылки, обеспечивающие или способствующие ее укреплению, а также специально установленные средства, направленные на достижение указанных целей. Гарантии законности в отечественной правовой доктрине при-

Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 // Собрание законодательства РФ. 18.07.2011. № 29. Ст. 4490.

¹ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10.04.2013 по делу № 33-3433/2013 // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2021. Доступ из локальной сети Нац. б-ки Удмурт. Респ.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

нято делить на общие – это условия общественной жизни, в которых осуществляется правовое регулирование (экономические, политические, идеологические, общественные, организационные) и специальные (юридические) – это совокупность закрепленных в законодательстве средств, а также организационно-правовая деятельность по их применению, направленные на обеспечение законности, на беспрепятственное осуществление, защиту прав и свобод. К ним, в частности, относятся прокурорский надзор, правосудие, контрольная деятельность органов власти и управления, юридическая ответственность, институт жалоб и заявлений граждан и др.¹

В уголовном судопроизводстве действует принцип законности, сформулированный в ст. 7 УПК РФ. Его сущность заключается в требовании принятия компетентными органами и должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства только таких решений, которые не противоречили бы УПК РФ и были законными, обоснованными и мотивированными. Анализ конструкции данной нормы позволяет сделать вывод о том, что обеспечение законности в уголовном процессе является исключительно обязанностью должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу². Однако, исходя из общетеоретического понимания законности, такой подход представляется однобоким, в связи с чем в юридической литературе обращается внимание на то, что законность – это соблюдение уголовно-процессуального закона не только должностными лицами и государственными органами, но и иными лицами, участвующими в уголовном процессе, независимо от их процессуального положения³. Следует признать верной мысль, что уголовно-процессуальный принцип законности и одноименный общеправовой принцип – разные, «существующие одновременно и действующие в различных, лишь частично совпадающих, сферах, их содержание также отличается специфичностью»⁴.

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2020. С. 412.

² Гришин Д.А. Реализация принципа законности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 48-4. С. 8.

³ Куцова Э.Ф. О законности в уголовном процессе России // Законодательство. 2012. № 2. С. 67.

⁴ Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М. : Юрайт, 2013. С. 216.

При исследовании гарантий соблюдения законности при отказе участника уголовного процесса от своего субъективного права имеется в виду совокупность закрепленных в законодательстве средств, а также деятельность по их применению (должностными лицами и органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, а также участниками, отстаивающими в деле свой личный или представляемый (защищаемый) интерес), направленные на неукоснительное исполнение требований уголовно-процессуального законодательства, обеспечение верховенства закона, на беспрепятственное осуществление, защиту прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Д.П. Чекулаев

О «ПРОКУРОРСКИХ СРОКАХ» ДЛЯ ОТМЕНЫ НЕЗАКОННЫХ И НЕОБОСНОВАННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

После сокращения полномочий прокурора Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, в том числе лишения его права самостоятельно возбуждать уголовное дело, наиболее значимыми полномочиями прокурора являются предоставленные ему право отменять незаконные и необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ), о приостановлении предварительного следствия (ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ), о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Оценивая положительно наличие у прокурора полномочий по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя, вызывает сомнение целесообразность установления в законе конкретного срока принятия таких решений. Например, постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть вынесено прокурором в течение 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении, постановления о приостановлении предварительного следствия или о прекращении уголовного дела отменены в течении 14 суток с момента поступления материалов уголовного дела. Однако сведения о незаконности постановления могут стать известны прокурору и после истечения указанных сроков, например по результатам проверки жалобы участника процесса.

Остается открытым также вопрос о возможности вышестоящего прокурора по истечении установленных сроков отменить незаконное постановление следователя после того, как оно оставлено без отмены нижестоящим прокурором. Своеобразное «вступление в силу» постановления следователя, что предусматривает невозможность его отмены по истечении какого-либо срока, ограничивает не только возможность прокурора принять эффективные меры по устранению нарушений закона, но и реализацию установленного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, которым в том числе является защита законных прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений. Кроме того, для руководителя следственного органа предельный срок принятия решения об отмене незаконного постановления следователя уголовно-процессуальным законом не предусмотрен, что закладывает нелогичное «неравенство» участников уголовного процесса, обладающих, соответственно, ведомственными контрольными и прокурорскими надзорными полномочиями.

Полагаю, что установление уголовно-процессуальным законом какого-либо срока для отмены прокурором незаконных и необоснованных постановлений следователя, препятствующих дальнейшему движению уголовного дела, доступу потерпевшего к правосудию, недопустимо. Такие сроки должны устанавливаться правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ и иметь исключительно организационную цель. Нарушение подобных сроков может повлечь дисциплинарную ответственность конкретного прокурора, но не процессуальные последствия в виде невозможности устранить выявленные нарушения закона. В противном случае прокурор в уголовном процессе начинает напоминать известного персонажа Чебурашку из популярного советского мультфильма – существо с большими глазами и ушами, но короткими ручками. Так, прокурор обладает широкими полномочиями «увидеть» (выявить) нарушения закона, в том числе путем анализа направляемых ему следователем в обязательном порядке копий процессуальных решений. В случае же пропуска установленного законом срока для отмены незаконного и необоснованного постановления следователя, он не имеет возможности эти нарушения устранить.

Однако отметим, что в законе отсутствует и прямое указание на недопустимость отмены прокурором незаконного и необоснованного постановления следователя по истечении определенного срока. Складывается практика отмены прокурорами незаконных и необоснован-

ных постановлений следователей независимо от срока, прошедшего с момента их вынесения. Таковую практику следует считать правильной и соответствующей принципам уголовного судопроизводства, в том числе требованию о законности, обоснованности и мотивированности любого постановления следователя (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Н.В. Шепель

ЗАКОННОСТЬ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Задержание подозреваемого является одним из важнейших правовых инструментов государства, ограничивающих права и свободы человека и гражданина. Так, по отчетным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 11 месяцев 2021 г. в сфере надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина выявлено 2 259 326 нарушений, что на 3,3% больше чем за аналогичный период 2020 г.¹

Указанное выше свидетельствует об актуальности проблемы практики надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в том числе и при осуществлении задержания подозреваемого.

Несомненно, вопрос соответствия закону целей и мотив задержания является ключевым направлением прокурорского надзора. Далее подлежит проверке соответствие закону условий и оснований задержания, а также соответствие закону процессуального порядка задержания.

Проверяя законность задержания подозреваемых по уголовным делам, прокурор обращает внимание на соблюдение субъектами порядка задержания, соответствие сведений, изложенных в протоколе, материалам уголовного дела². При выявлении нарушений прокурор безотлагательно принимает меры к их устранению. Уголовно-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за ноябрь 2021 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=69162022> (дата обращения: 27.01.2022).

² Настольная книга прокурора / О.С. Капинус [и др.]. М. : Юрайт, 2019. 481 с. URL: <https://urait.ru/bcode/434279> (дата обращения: 25.01.2022).

процессуальное законодательство не закрепляет конкретные цели задержания подозреваемого лица, но отражает мотивы производства уполномоченным лицом кратковременного ограничения свободы передвижения лица, которое подозревают в совершении преступления.

В соответствии с п. 1 ст. 5 Конвенции Европейского суда по правам человека факт задержания лица должен быть отражен в процессуальном документе, где указаны основания, данные лица, время и дата лишения свободы¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в протоколе задержания указывается: дата, место, время, производство личного обыска, состояние задержанного, наличие травм, информация о наличии предметов, запрещенных в гражданском обороте, наличие у задержанного телесных повреждений и оказание медицинской помощи, что впоследствии может указывать на причастность лица к совершению преступления. Также необходимо указывать о применении в отношении данного лица специальных средств, огнестрельного оружия и физической силы. Отражение вышеуказанных фактов позволяет внести ясность по вопросу необоснованного и недозволенного применения в отношении подозреваемого в процессе задержания данных действий. В протоколе задержания подозреваемому разъясняются его права. Об этом свидетельствует отметка в протоколе. Копия протокола должна быть вручена подозреваемому. Протокол задержания удостоверяет обстоятельства задержания, что позволяет определить соблюдение процедуры в установленном порядке.

Своевременное выявление и пресечение нарушений законности задержания подозреваемого в ходе прокурорского надзора направлено на безотлагательное принятие мер по восстановлению нарушенных прав, обмен с правоохранительными органами информацией, необходимой для своевременного реагирования по недопущению нарушения закона.

¹ Автономное толкование Европейским Судом по правам человека понятий «лишение свободы», «законность задержания» и «обоснованность подозрения» // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М.В. Агальцова и др. М.: Статут, 2017. Вып. 3: Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. С. 22.

О ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

О важности такого объекта прокурорского внимания, как законность и обоснованность постановления о привлечении в качестве обвиняемого, научные дискуссии ведутся давно¹.

Напомним, порядок привлечения лица в качестве обвиняемого установлен в ст. 171, 172 УПК Российской Федерации. Закон обязал следователя после вынесения постановления направить его копию прокурору, который по мотивированному запросу может быть ознакомлен с материалами уголовного дела, находящегося в производстве². В ходе ознакомления прокурор изучает и проверяет соответствие постановления положениям уголовно-процессуального и уголовного законов; при выявлении нарушений – требует их устранить³.

Ранее мы рассматривали отсутствие у прокурора потребности в материалах уголовного дела, на основании которых следователь вынес решение, содержание которого свидетельствует о его незаконности и необоснованности, в связи с чем прокурор может незамедлительно отменить его или иным образом потребовать устранить нарушение закона⁴.

Считаем допустимым применить такой порядок в том случае, если из содержания постановления о привлечении в качестве обвиняемого

¹ Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. Городец, 2007 // СПС КонсультантПлюс.

² Часть 2.1 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС КонсультантПлюс.

³ Пункт 1.9 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Шмарев А.И. Полномочие прокурора проверять законность и обоснованность решения руководителя следственного органа или следователя о возбуждении уголовного дела требует законодательного закрепления // Право и правоприменение в современной России : сб. статей. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. С. 364–368.

явствует нарушение уголовно-процессуального или уголовного законов, в связи с чем прокурор вправе реализовать свои дискреционные полномочия¹.

На практике нередки случаи, когда следователь в короткий срок выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого, объявляет его, допрашивает в качестве обвиняемого, после чего уведомляет стороны об окончании следственных действий и начинает выполнять требования ст. 216 и 217 УПК Российской Федерации.

В этой обстановке прокурор утрачивает возможность истребовать материалы уголовного дела и проверить наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления, так как следователь в ответе на запрос прокурора, как правило, указывает на востребованность в материалах уголовного дела сторон, озакамливающих в ними, или отказывает в ознакомлении по иным уважительным причинам.

Выходом из такой ситуации остаётся проверка законности и обоснованности обозначенного постановления вместе с уголовным делом, поступившим с обвинительным заключением, а документом реагирования в связи с выявленными нарушениями – решение в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК Российской Федерации², что будет полностью соответствовать положениям ведомственного приказа³ и свидетельствовать о реализации дискреционных полномочий.

¹ Здесь речь идёт о полномочиях, установленных в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК Российской Федерации: требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при производстве предварительного следствия.

² Возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объёма обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

³ Пункт 1.14 вышеупомянутого приказа Генерального прокурора Российской Федерации.

ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Наличие четко определенных целей, задач – это необходимый атрибут любой организованной структуры, любого органа или организации¹. Именно цели и задачи определяют функции этих структурных образований, устанавливаются компетенция и конкретные полномочия каждого из них. В зависимости от полноты достижения целей и задач определяется эффективность функционирования государственного органа, учреждения².

Не вызывает никакого сомнения, что все вышеуказанные обстоятельства относятся и к деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре») прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Априори прокурорскому надзору подвергается и оперативно-розыскная детальность (ОРД), законодательно урегулированная Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»).

В соответствии с гл. 3 ФЗ «О прокуратуре» в предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами, наделенными правом на осуществление ОРД, входит соблюдение прав и свобод чело-

¹ См.: Лафта Дж.К. Теория организации : учеб. пособие. М. : ТК «Велби»; Проспект, 2005. С. 26–27.

² См.: Кобзарев Ф.М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 32.

века и гражданина, выполнения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), а также законность решений, принимаемых этими органами.

Полномочия соответствующего прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, установлено в ст. 21 ФЗ об ОРД. В соответствии с ч. 2 данной статьи по требованию указанных прокуроров руководители органов, осуществляющих ОРД, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении ОРМ с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения ОРМ.

В данном контексте несложно заметить, что надзирающий прокурор имеет доступ практически ко всей сфере деятельности органов, наделенных правом на осуществление ОРД за исключением сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности.

В заключение отметим, что российскому законодателю есть смысл пересмотреть ст. 21 ФЗ «Об ОРД» с учетом ч. 4 ст. 19 модельного закона об оперативно-розыскной деятельности, принятого в г. Санкт-Петербурге 06.12.1997 постановлением 10-12 на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, а именно внести изменения в том контексте, который нормативно закреплял бы те пределы деятельности органов прокуратуры, из которых следует, что сведения об организации, о тактике, методах и средствах осуществления оперативно-розыскной деятельности в предмет прокурорского надзора не входят.

Предлагаемое изменение ст. 21 ФЗ «Об ОРД», на мой взгляд, способствовало бы качеству проводимых ОРМ органами, наделенными правом на осуществление ОРД, и исключало бы тотального вторжения сотрудников органов прокуратуры в ту сферу деятельности, которую они фактически не осуществляют.

ДИСТАНЦИОННЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Устремления законодателя направлены на ускорение уголовного судопроизводства и повышение его эффективности в целях обеспечения гарантий прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс. В этой связи наметилась тенденция к внедрению информационных и телекоммуникационных технологий в процесс и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Следует отметить, что еще в 2011 г. законодатель предусмотрел возможность производства дистанционных следственных действий в судебных стадиях. Федеральным законом от 20.03.2011 № 39-ФЗ¹ ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнена ч. 4, в соответствии с которой свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видео-конференц-связи. Этим же законом в УПК РФ введена ст. 278.1, регламентирующая особенности допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи. Дистанционное участие обвиняемого также возможно в судебном заседании по решению суда (ч. 6 ст. 35 УПК РФ).

Актуализировались вопросы дистанционного производства следственных действий с участием потерпевших, свидетелей при отсутствии реальной возможности их прибытия по месту производства расследования по уголовному делу, в том числе находящихся за пределами Российской Федерации. Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ² УПК РФ дополнен ст. 189.1, предусматривающей на досудебной стадии уголовного процесса возможность проведения дистанционного допроса потерпевшего, свидетеля, специалиста, эксперта, очной ставки, опознания посредством использования систем видео-

¹ Антонович Е.К. К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Ч. 3. С. 105–120.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2022).

конференц-связи государственных органов при наличии технической возможности. Полагаем, что законодателем такое решение принято также в целях обеспечения мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Это еще один шаг к введению электронного формата уголовного дела в уголовный процесс Российской Федерации.

Вместе с тем остается нерешенным вопрос о производстве дистанционных следственных действий с участием подозреваемых и обвиняемых на досудебных стадиях процесса, который вызывает бурные дискуссии среди процессуалистов. Мы же поддерживаем исследователей, высказывающихся за закрепление в УПК РФ норм, регламентирующих участие в дистанционном формате подозреваемых и обвиняемых на досудебных стадиях процесса¹.

Полагаем, что такие изменения законодательства будут способствовать обеспечению реализации принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства. Кроме того, такие изменения закона будут способствовать сокращению количества уголовных дел, приостановленных по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует, поскольку одним из условий принятия решения о приостановлении производства расследования по уголовному делу является невозможность производства следственных действий с участием подозреваемого или обвиняемого.

¹ Мусеилов А.Г., Орлова А.А., Власов П.Е. Проблемы правовой регламентации использования систем видео-конференц-связи в досудебном производстве // Научный портал МВД России. 2017. № 4. С. 45–52; Устинов А.В. Получение показаний подозреваемого и обвиняемого в рамках международно-правового сотрудничества // Законность. 2011. № 2. С. 48–52; Клевцов К.К. Производство допроса при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации: уголовно-процессуальные и международно-правовые аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 165–170 и др.

О НЕДОПУСТИМОСТИ ОТКАЗА АДВОКАТА ОТ ПРИНЯТОЙ НА СЕБЯ ЗАЩИТЫ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Под отказом от принятой на себя защиты обвиняемого, подозреваемого следует понимать не только прямо заявленное адвокатом нежелание участвовать в судопроизводстве, но и отказ от выполнения отдельных процессуальных действий (отказ от участия в следственных действиях, в судебных прениях); отказ от обжалования приговора, когда подзащитный считает это необходимым, и др.

Не считается отказом от защиты неучастие адвоката в процессуальных действиях по уважительным причинам (болезнь, занятость в других уголовных делах и др.), даже если это и привело к замене защитника другим защитником. Если адвокат по уважительным причинам не может продолжить защиту, ему необходимо уведомить об этом должностное лицо, осуществляющее производство по делу, которое должно принять соответствующее решение (ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ, ч. 6 ст. 172 УПК РФ, ч. 3, 4 ст. 215 УПК РФ, ч. 2 ст. 248 УПК РФ).

Действующее законодательство содержит императивное правило, согласно которому адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого (ч. 7 ст. 49 УПК РФ; пп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Запрет адвокату отказаться от принятой на себя защиты содержится и в корпоративных актах адвокатского сообщества (п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката; п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве).

Данный запрет обусловлен публично-правовым характером деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве. Конституцией РФ каждому гражданину гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ), корреспондирующее с обязанностью государства по реализации данного конституционного права. Часть своих правозащитных функций государство делегирует адвокатуре.

Публично-правовой характер деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ. Так, в постановлении от 23 декабря 1999 г. № 18-П отмечено, что адвокаты, на которых законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П указано, что публично-правовая природа оказания юридической помощи подозреваемому, обвиняемому вытекает и из положений УПК РФ, который, регулируя порядок уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 1 УПК РФ), призван гарантировать, кроме прочего, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), запрещает адвокату отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

Совет Федеральной палаты адвокатов РФ разъяснил, что эффективная квалифицированная юридическая помощь при защите по уголовному делу подразумевает постоянное и системное оказание ее обвиняемому с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства¹. Необходимо, чтобы обвиняемого защищал тот адвокат, который был допущен на ранних этапах уголовного процесса, который участвовал в собирании доказательств и хорошо знает обстоятельства дела. Защитник в уголовном процессе не может заменяться без необходимости, в том числе и в случае, если у подзащитного закончились деньги.

Закон исходит из того, что в уголовном судопроизводстве защита прав и свобод подозреваемого и обвиняемого не может быть частным делом защитника. Положение, закрепленное в ч. 7 ст. 49 УПК РФ, направлено на недопущение прекращения защиты по инициативе защитника, поскольку такое действие может нанести ущерб подзащитному и привести к нарушению права на защиту. Нарушение права на защиту рассматривается законом и судебной практикой как безусловное основание к отмене приговора.

¹ Рекомендации Совета Федеральной палаты адвокатов РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.11.2019) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2020. № 1.

КРИМИНАЛИСТИКА

И.А. Абрамов

К ВОПРОСУ О «ДВУРУШНИЧЕСТВЕ» ПРИ ОКАЗАНИИ НЕГЛАСНОГО СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ АППАРАТАМ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье 84 Уголовно-исполнительного кодекса РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ закреплено право оперативных аппаратов исправительных учреждений (ИУ) на осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Одним из методов ОРД является использование негласного содействия граждан с их согласия при подготовке или проведении оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия, в том числе по контракту. Законодатель не случайно настаивает на добровольном согласии гражданина, поскольку принуждение является не только безнравственным, но и бесперспективным, в определенной мере опасным из-за возможности умышленной дезинформации, двурушничества и других негативных последствий¹.

При сборе автором эмпирического материала, в ходе диссертационного исследования, установлены существующие у оперативных аппаратов ИУ вопросы, касающиеся содержательного наполнения термина «двурушничество». Ответ на этот вопрос приводит к размышлениям о том, что именно и, главное, почему следует считать двурушничеством? Является ли двурушничеством негласное содействие гражданина одновременно двум оперативным сотрудникам?

Исследование данных вопросов показало, что отсутствует единое толкование понятия «двурушничество». Слово «двурушничество» проникло в литературный язык из жаргона нищих и первоначально

¹ Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 150.

означало, что находясь у паперти, из-за спины выставлять две руки, чтобы в каждую получать монеты. Нередко эта проделка приносила профессионалу-двурушнику двойной барыш.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой, двурушник – это человек, который под личиной преданности кому- или чему-либо тайно действует в пользу враждебной стороны.

В.А. Середнев, изучая мотивацию негласного содействия – «крысть», выделил два вида двурушничества:

1. Как нарушение контракта о привлечении в качестве агента. Агенты-двурушники, сообщая информацию сразу нескольким оперативным сотрудникам, могут создавать проблемы при реализации дел оперативного учета, проверке поступившей информации, оплате труда агента и т.п.

2. Полное предательство интересов оперативно-розыскной деятельности, что является классическим случаем «двурушничества». В данном случае решение принимается по результатам наступивших последствий¹.

На наш взгляд, первый вид требует дополнительной научной аргументации и разработки, так как негласный сотрудник может не нарушать условий контракта и предоставлять информацию в части профессиональной компетенции органов, осуществляющих ОРД, либо оперативных сотрудников (например, одному по линии коррупции, второму – по линии раскрытия преступлений прошлых лет и т.п.).

Полагаем, что исправить данную ситуацию возможно путем принятия определения «двурушничество» – это действия лица, оказывающего негласное содействие оперативным подразделениям учреждений и органов УИС в пользу враждебной стороны.

Одновременно считаем, что вопрос о наличии двурушничества в действиях негласных сотрудников остается актуальным и требует дополнительного изучения и обсуждения в научных кругах и среди практических сотрудников оперативных аппаратов ИУ.

¹ Середнев В.А. Тактика приобретения агентурного аппарата субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Научный аспект. 2013. № 1. С. 48–67.

А.В. Азарков

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ» В ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Это сразу вызвало вопросы, так как законодатель не раскрыл, что такое преступная иерархия и кто именно занимает в ней высшее положение. Выходом из сложившейся ситуации стали обращения правоприменителей в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий «Исследование предметов и документов» к специалистам и экспертам за получением соответствующих заключений и их использованием в доказывании.

В ходе подготовки ответов на такие обращения нами наработан определенный опыт, связанный как с содержанием, так и с формой запросов. В первую очередь, необходимо привести выработанное нами совместно с А.А. Шиковым¹ понятие преступной иерархии – порядок подчинения лиц, занимающих более низкое положение в криминальной среде, лицам, занимающим в ней более высокое положение, сложившаяся система взаимоотношений между ними. Следует отметить, что эта позиция была подвергнута сомнению в ходе судебного процесса по обвинению ряда лиц по ст. 210.1 УК РФ: адвокаты подсудимых утверждали, что преступная иерархия – иерархия лиц, совершающих преступления, а их подзащитные преступлений не совершали. Однако нам удалось убедить суд, что термины «криминальная среда», «преступная среда» и «уголовно-преступная среда» являются синонимами и подразумевают нахождение в этой среде не конкретных преступников, а криминально ориентированных личностей, разделяющих ценности криминальной субкультуры и ее части – криминальной идеологии.

¹ Шиков А.А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии // *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 3 (13). С. 81–85.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что само по себе наличие статуса «вор в законе», по нашему мнению, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Необходимо доказать осуществление лицом неформальных организационно-распорядительных функций. Также отметим, что высшее положение в преступной иерархии, как мы считаем, занимают не только «воры в законе», но и иные лица, осуществляющие указанные функции: «положенцы» и «смотрящие». На эти «должности» решением, соответственно, «воров в законе» или «сходок» назначаются лица, имеющие высокий (но не высший) статус в криминальной среде, причем исполнение ими этих неформальных обязанностей и обуславливает занятие ими высшего положения в преступной иерархии. Эта позиция нашла свое подтверждение в судебной практике¹.

Таким образом, предметом оперативно-розыскного документирования для последующего ОРМ «Исследование предметов и документов» в рамках доказывания совершения лицом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, являются в основном факты осуществления лицом организационно-распорядительных функций в криминальной среде. В свою очередь, исследование проводится на основании запроса, в котором должны быть сформулированы вопросы, требующие разрешения, и приведено описание направляемых на исследование материалов, позволяющее однозначно их идентифицировать. К сожалению, эти требования, очевидные при направлении материалов на экспертизу, при подготовке и проведении ОРМ «исследование предметов и документов» соблюдаются не всегда.

А.В. Акчурин

СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализ разработанных на сегодняшний день методических рекомендаций по расследованию пенитенциарных преступлений и перспективных исследований в этой сфере позволяет предположить, что

¹ Приговор Вологодского областного суда от 2 декабря 2021 года по уголовному делу № 2-2/2021.

по степени общности их можно представить в виде четырехуровневой системы.

1. На уровне отдельных методических рекомендаций расследования пенитенциарных преступлений находятся теоретические и практические положения, выработанные, как правило, применительно к конкретному виду преступления, но раскрывающие только отдельные особенности расследования пенитенциарных преступлений (обусловленные спецификой личности преступника, способов преступления, этапа расследования и т.п.): методические рекомендации выявления способов побега из исправительных учреждений и использования данной информации для расследования одноименных преступлений (В.А. Машнин (1994)); методические рекомендации первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений (Р.М. Морозов (2012)); методические рекомендации первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных групп в местах лишения свободы (С.Б. Ларин (2014)); методические рекомендации расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними в воспитательных колониях (В.А. Гнатенко (2007)).

2. К частной (видовой) методике следует отнести разработки, в содержании которых отражается полнообъемный процесс расследования отдельного вида пенитенциарного преступления: методика расследования побегов из мест лишения свободы (В.И. Соколовский (1979), А.С. Ямашкин (2010), Н.В. Грязева (2014)); методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (М.К. Самалдыков (1985), А.В. Беляков (2010)); методика расследования убийств и причинения вреда здоровью, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях (Л.Г. Горшенин (1983), Б.Л. Прокопенко (2009)); методика расследования мошенничества, совершаемого осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием сотовых систем подвижной связи (А.А. Нуждин (2013)); методика незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях (А.Г. Бронников (1972), Е.В. Чернышенко (2014)).

3. В общей (групповой) методике расследования преступлений объединяются теоретические и научно-практические положения, представляющие собой рекомендации по расследованию ряда преступлений, сгруппированных по определенному основанию, пред-

ставляющему криминалистическую значимость в выработке общего подхода к организации и расследованию таких противоправных деяний. Применительно к системе пенитенциарных преступлений общей методикой расследования является методика расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях (Н.Г. Шурухнов (1991)). Полагаем, к данному уровню методических рекомендаций следует отнести также общую методику расследования преступлений, совершаемых лицами, содержащимися в следственных изоляторах, которая к настоящему времени еще не разработана.

4. Концепция расследования пенитенциарных преступлений объединяет в себе теоретические идеи и положения, методологические основы, организационные и методические рекомендации, касающиеся расследования преступных деяний, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, нейтрализации противодействия, оказываемого заинтересованными лицами. Методические рекомендации такого уровня выступают в качестве родовой методики, являющейся отправной основой для методик расследования пенитенциарных преступлений разных уровней.

Ф.Г. Аминев

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доказательственная база в судопроизводстве во многом формируется с использованием судебной экспертизы. И, соответственно, судебно-экспертная деятельность находится под усиленным вниманием государства и подвержена правовой регламентации, которая постоянно обновляется и совершенствуется.

Так, обновлены или приняты новые законы о судебно-экспертной деятельности: в 2017 г. – в Республике Казахстан¹; в 2013 г. – в Кыр-

¹ О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан : [Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI ЗРК]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044>.

гызской Республике¹, в 2019 г. – в Республике Беларусь², в 2010 г. – в Республике Узбекистан³ и т.д. В 2013 г. Межпарламентской Ассамблеей ЕврАзЭС принят типовой модельный закон «О судебно-экспертной деятельности»⁴.

В то же время в Российской Федерации действует федеральный закон, принятый 31 мая 2001 г.⁵, большая часть которого исчерпала себя и не соответствует современным реалиям. В условиях постоянного реформирования деятельности судов, адвокатуры, реформа судебно-экспертной деятельности не успевает за изменениями в технологиях современного состязательного судопроизводства. Из-за отсутствия своевременного нормативно-правового регулирования этой деятельности усугубляются проблемы ее организационного и методического обеспечения: подгонка задач судебно-экспертной деятельности под задачи разных ведомств; различные методы и методики исследования одних и тех же объектов (с разными названиями видов и родов судебных экспертиз); отсутствие Единого реестра методик с правом доступа к нему экспертов разных ведомств; отсутствие «стандартизации судебно-экспертной деятельности и единообразия требований к качеству судебных экспертиз»⁶ и к компетенции судебного эксперта; несовершенство регламентации судебно-экспертной деятельности в иных видах юрисдикционной деятельности (нотариальной, таможенной, налоговой и др.)⁷; рост количества ведомств со своими судебно-

¹ О судебно-экспертной деятельности : [Закон Кыргызской Республики от 24 июня 2013 года № 100]. Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 мая 2013 года]. URL: <http://sudexpert.gov.kg/zakon-o-sudebno-ekspertnoj-deyatelno-2/>

² О судебно-экспертной деятельности : [Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 281-3]. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11900281_1577739600.pdf.

³ О судебной экспертизе: [Закон Республики Узбекистан от 01.06.2010 № ЗРУ-249]. URL: <https://lex.uz/docs/1633100/>

⁴ О судебно-экспертной деятельности: типовой проект законодательного акта (модельный закон) : постановление Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 11 апреля 2013 г. № 15-б. URL: <http://lawbelarus.com>.

⁵ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁶ Хомутов С.В. Об этических аспектах криминалистической оценки заключения эксперта // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (58). С. 104.

⁷ Дьяконова О.Г. Формы использования специальных знаний в законодательстве стран – участниц ЕАЭС. М. : Проспект, 2019. С. 68–74.

экспертными организациями; увеличение количества коммерческих палат с лицензиями на право обучения судебных экспертов, в результате которого в орбиту судопроизводства вовлекаются крайне неквалифицированные и даже преступно направленные лица и т.д.

Необходимо срочно принять закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором среди ранее представленных мной предложений¹ следует внести положения: о создании единого Государственного центра судебной экспертизы; о создании Палаты судебных экспертов Российской Федерации на базе Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» для организационного и методического руководства судебно-экспертной деятельностью вне государственных судебно-экспертных организаций; о принятии профессионального стандарта судебного эксперта и специалиста; о создании вневедомственной Высшей квалификационной комиссии для проведения квалификационных испытаний на право производства судебных экспертиз, о составлении Государственного реестра судебных экспертов и т.д.

Р.Л. Ахмедшин

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Так как криминалистика наука многоплановая, то тезисно рассмотрим перспективы развития каждого раздела отдельно.

Криминалистическая теория. Комплекс частных криминалистических теорий четко показывает тенденцию роста. Однако практическое значение этих теорий соответствует уровню практической ценности теории идентификации. То есть данные теории способны объяснить феномены, но использовать их на практике фактически невозможно. Речь идет о теории криминалистической диагностики, теории причинно-следственных связей в криминалистике, криминалистической ситуалогии, теории криминалистического прогнозирования.

Криминалистика в идеале заимствует криминологические теории, однако в силу некоторой политкорректности как науки, что ни в коем случае неплохо, криминалистика нуждается в своих полноценных

¹ Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения. М. : Юрлитинформ, 2019. 272 с.

теориях – теории преступности в целом, но важнее, конечно, видовой преступности. Смешно сказать, но до сих пор криминалисты не решаются сказать, чем лоббизм отличается от коррупции.

Криминалистическая техника. Развитие новых технических средств обуславливает разработку новых способов обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления. Однако не все здесь просто. Криминологам известен такой феномен, как «цена преступности». К сожалению, криминалистами данный феномен игнорируется, хотя он объясняет, почему в практику расследования фактически не внедряются научные разработки в области обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений. Феномен «цена преступности» требует новой формы организации работы экспертов на местах и чиновников Министерства юстиции и рационального управления финансовыми потоками, о чем в наши дни приходится только мечтать.

Тем не менее перспективы развития криминалистической техники в области финансово малозатратных сферах есть. Речь идет, во-первых, о новых формах организации баз данных, интегрирующих нейросети для повышенных возможностей проведения идентификационных операций. Во-вторых, разработка методик поиска взаимосвязей между традиционными свойствами следов преступления и их свойствами нетрадиционными. Можно определить его как вектор трактовки традиционных объектов криминалистической техники. Приемы трактовки традиционных следов, поиска нового информационного пласта в них крайне перспективны, но, к сожалению, требуют установки на новаторство, которая не характерна для научного юридического сообщества.

Криминалистическая тактика. Анализ криминалистической литературы за последние два десятилетия показал фактическое отсутствие приращения тактических приемов, базирующихся на бытовой логике, и отсутствие детализации ранее разработанных тактических приемов. Не зря до сих пор, пусть и неявно, процветает идея криминалистической тактики как искусства, что полностью противоречит воззрению на криминалистику как науку. Подобное понимание – это фактическое признание неэффективности существующих тактических приемов. Наука же – это всегда формализация исходных данных и поиск способов их измерения.

Однако предельно масштабен в плане результативности, но не в плане массовости рост тактических приемов, базирующихся на пси-

хологической и физиологической основе. Примером эффективного поиска новых тактических рекомендаций на базе психологических приемов служат исследования Т.А. Алексеевой, В.Л. Юаня, А.С. Скоревич. Вместе с тем научное сообщество крайне неохотно признает целесообразность междисциплинарных исследований на деле, заявляя о них только на уровне теоретических размышлений, сводя на нет перспективы развития рассматриваемого раздела.

Криминалистическая методика. Частные методики расследования преступлений – это наиболее явно прирастающее криминалистическое знание последней четверти века. Алгоритмизация в рамках частных методик – основной вектор развития этого раздела криминалистики.

Э.В. Барбашина

ЛОГИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Традиционно юридические науки, правоведение связаны с формальной логикой. Основными причинами этого являются, во-первых, содержательно-процедурная взаимосвязь, во-вторых, традиции объединения формализованных рассуждений и права, и, в-третьих, доминирование юридического позитивизма. Юридическая наука во многом методологически основывается на таких логических операциях, как определение, деление (классификация), на дедуктивных и индуктивных рассуждениях и т.д. В полисной культуре Древней Греции, в отличие от цивилизаций Древнего Востока, впервые в истории человечества формировалось формализованное мышление. Это было обусловлено особенностями правовой системы Древней Греции, прямым представительством в судах, необходимостью публичного рационального обсуждения, агональным характером греческой культуры, развитым понятийным языком, т.е. всем тем, благодаря чему сформировалось «греческое чудо», в том числе и формализованное мышление. Юридический позитивизм (этицистский, социологический, нормативистский), как методологически и содержательно доминирующее направление, также ориентирован на формальную логику.

Во второй половине XX в. происходит формирование новых методологических подходов в социогуманитарном познании. Активно формируются и адаптируются к разным областям социогуманитарно-

го познания герменевтический, феноменологический и нарративный подходы. При этом смена методологических оснований происходит в контексте более общих изменений миропонимания. 1. Идея рационально устроенного мира в различных вариантах континентальной философии заменяется пониманием абсурдности, непредсказуемости и даже «враждебности» мира. 2. Идея неизбежного прогрессивного развития – сомнениями, отрицанием и даже тезисом о регрессивном развитии и «конце истории». 3. Рациональность, как сущностный признак человека, трансформируется в понимание человека как существа «интерпретирующего», «понимающего», «адаптирующегося», «страдающего». Следует отметить, что разум человека не отрицается, речь идет именно о том, что другие признаки, формы деятельности не менее, а может и более важны для человека и определяют его сущность. 4. Последняя идея вытекает из предыдущих. Если мир разумен, а человек рационален, следовательно, возможно рациональное познание мира и всего происходящего в нем. В настоящее время возможность полного объективного познания мира и общества поставлена под сомнение. И лозунг «узнать как было на самом деле» заменен на лозунг «понять понимание того, что происходит».

В контексте трансформации основных идей миропонимания формируется и развивается герменевтический подход в социогуманитарном познании. Герменевтика понимается в трех основных вариантах. Первый: герменевтика – методология интерпретации текста в отдельной области, например в политике, рекламе, юриспруденции, религии. Второй: герменевтика – универсальная методология интерпретации любого текста. Принципиально важно то, что текст может пониматься традиционно (устный, письменный), а может расширенно, т.е. текст – это любое информационное послание, которое может быть интерпретировано. И, наконец, третье понимание герменевтики. Герменевтика – узкое философское направление, согласно которому человек – существо интерпретирующее. Онтологическим основанием человека является понимание, интерпретация текста в широком смысле.

Учитывая содержательные и смысловые изменения в социогуманитарном познании, человек, его познавательная деятельность понимаются как поиск и интерпретация смыслов, причем данная интерпретация в обязательном порядке обусловлена личностно значимым полем смыслов. Другими словами, каждый человек в какой-то степени по-

нимает и интерпретирует происходящее на основе личного мировосприятия.

Учитывая вышесказанное, каждый элемент деятельности криминалиста основывается на интерпретационной деятельности следователя. Это проявляется в том, как он понимает и интерпретирует деятельность субъектов преступления, предмет посягательств, способ преступления, т.е. совершения и сокрытия, и особенно – обстановку преступления, т.е. место преступления, время и другие обстоятельства.

А.В. Батраков

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДИКИ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛОЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИЧИННОСТИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Любое совершенное преступление следователь воспринимает и умозрительно воссоздает как событие прошлого. Его мыслительная деятельность направлена на восстановление цепочек причинных связей по имеющимся фрагментам этих связей (следам), зафиксированным в настоящем. Восстановленные цепочки могут иметь существенные деформации. На уничтожение и искажение следов прошлого влияет фактор времени, а также неоднократное переотражение фактов с одного носителя на другой. Утраченные фрагменты причинных цепочек могут быть заменены на схожие (метод аналогии). Искажение приводит к подмене звеньев в цепи причинения (фактов) на факты, лежащие в основе других явлений, не имеющих отношения к событию преступления.

В природе имеется множество иных видов связей, схожих с генетической связью, которые могут объединять различного рода объекты, обстоятельства, события, не связанные отношениями причинности. Подмена генетической связи на иные виды связей наиболее опасна, так как приводит к ключевым ошибкам в расследовании. Существуют следующие связи: сосуществования, преобразования, функциональная связь. В основе данных связей не лежат цепочки причинных зависимостей, но ошибочно их элементы могут быть включены в причинную цепь.

Появление в ходе расследования искаженных цепочек причинных связей можно отнести к специфическим условиям обнаружения и расследования преступлений. Разработка методов распознавания признаков подмены генетической связи может быть отнесена к числу важных задач криминалистической методики расследования преступлений.

Началом любой частной криминалистической методики является выявление, систематизация и описание типичных следственных ситуаций, а также разработка программы действий следователя применительно к каждой ситуации на базе изучения практики.

К типичной следственной ситуации можно отнести обнаружение на месте происшествия какого-либо объекта, оказавшегося там случайно (или привнесенного туда намеренно), что может быть воспринято ошибочно как закономерное (связанное с событием преступления). Такого рода ошибки часто возникают, когда на месте преступления обнаруживаются следы пальцев рук, документы или биологические вещества, принадлежащие предполагаемому преступнику, появление которых в данном месте не связано с преступным событием.

При другой типичной ситуации в ручной клади или автомашине будущего подозреваемого при досмотре обнаруживается объект, исключенный из гражданского оборота (оружие, наркотические средства, отравляющие вещества). При этом подозреваемый заявляет, что видит объект впервые.

В обоих случаях мы, возможно, имеем дело со связью, близкой по своей природе к генетической связи – связью сосуществования, которую часто воспринимают за причинную. Ключевыми моментами распознавания ситуации ошибочного построения цепочки причинной связи являются: отрицание причастности подозреваемым к совершению преступления, отсутствие алиби, легкость привнесения объекта в обстановку происшествия, неявные негативные обстоятельства.

Знание методики распознавания ложных отношений причинности поможет определить верное направление расследования, раскрыть преступление и принять правильное решение по уголовному делу.

С.М. Бобовкин, О.А. Диденко

О МНОГООБРАЗИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Развитие России как конкурентноспособного государства в современных условиях связано с совершенствованием экономической, социально-политической, правовой, культурной и духовной сфер деятельности, что требует разработки инновационного сценария системы управления нашей страной на основе внедрения во все сферы жизнедеятельности российского общества информационных, телекоммуникационных и цифровых технологий, являющихся приоритетными направлениями развития информационного общества.

Глобальная компьютеризация, активное использование сети Интернет, электронной почты, различных приложений и мессенджеров, в свою очередь, приводит к фиксации документируемых действий, числа адресатов, которым впоследствии направляются соответствующие документы, и т.п. Это существенно облегчает нашу жизнь, позволяя при минимальных затратах сил и времени в дистанционном формате оперативно решать серьёзные вопросы экономического, юридического, социально-политического и прочего характера, в том числе людям с ограниченными возможностями. (Так, например, приобретение недвижимости реализуется в один клик.) Всё вышперечисленное, с одной стороны, способствует значительному росту документооборота, а с другой – приводит к достаточно высокому уровню вовлечения различного рода документов в криминальную сферу деятельности.

В связи с этим криминалистическое исследование документов занимает особое место в экспертной практике, по праву являясь её приоритетным направлением.

В рамках криминалистического исследования документов наибольший интерес со стороны отечественных правоохранительных органов вызывает судебно-почерковедческая экспертиза, выступающая весьма распространенным и сложным научным изысканием. В век цифровых технологий отмеченная отрасль использования специальных знаний характеризуется существенным расширением пе-

речня методов, приемов (преимущественно кибернетических) и используемых технических средств, а также появлением всё новых категорий объектов исследования.

Согласно теоретическим основам судебного почерковедения, объекты судебно-почерковедческого исследования рассматриваются в широком и узком смыслах. В первом случае ими являются все материалы дела (уголовного, гражданского, арбитражного, административного), которые направляются на экспертизу. При этом в качестве дополнения могут выступать сведения, полученные инициатором назначения экспертизы (следователем либо судом) по запросу эксперта (данные о личности предполагаемого исполнителя и об условиях выполнения рукописи). Во втором случае объектами рассматриваемого рода (вида) экспертизы являются определенные почерковые реализации, а именно рукописи, которые становятся непосредственными объектами. Кроме того, в судебно-почерковедческом сообществе также выделяются специальные непосредственные объекты, выражающиеся в свойствах почерка, получающие свое отображение в разнообразных рукописях¹.

Традиционно в число непосредственных объектов судебно-почерковедческой экспертизы входят три базовых категории объектов, а именно: рукописные тексты, краткие записи, а также подписи, наиболее распространенные в экспертно-криминалистической практике. Вместе с тем в период стремительного развития информационных технологий и цифровизации в профессиональной деятельности экспертов-почерковедов особое место занял новый вид объектов – изображения различных почерковых реализаций (текстов, кратких записей и подписей), являющихся не прямым отображением системы криминалистических свойств почерка конкретного индивида, а их отображением в графическом объекте, воспроизводимом посредством разных технических средств непосредственно на бумажном либо электронном носителях информации. В результате появилось значительное количество специфических объектов почерковедческого исследования, различающихся между собой как по способу фиксации и воспроизведения, так и особенностям реализации технологических

¹ Криминалистика. Исследование документов : учеб. пособие для вузов / М.В. Бобовкин [и др.]; отв. ред. М.В. Бобовкин, А.А. Проткин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. С. 17–18.

процессов определенных репрографических устройств¹ (непосредственно сканированные изображения на электронных носителях; электрофотографические и фотокопии; копии, полученные комбинированным способом, например зафиксированные путем сканирования и в дальнейшем распечатанные на струйном принтере и т.д.).

Помимо этого, в эпоху глобализации научно-практический интерес представляют объекты, выполненные различным малоизвестными эксперту видами письменности, например китайским иероглифическим письмом, арабской вязью и т.п. Кроме того, всё чаще по делам об экстремизме можно столкнуться с необходимостью исследования такого специфичного объекта, как граффити. В отдельных случаях возникает потребность анализа подписей, нетипичных по своему транскрипционному составу, содержащих пиктограммы, идеограммы, элементы рисунков и т.п.

Особенности таких рукописей и специфика методики их исследования определяют процесс выделения их в качестве отдельных объектов судебно-почерковедческой экспертизы².

В дополнение к указанному с учетом принципиального иного способа реализации письменно-двигательного навыка перспективным объектом криминалистического исследования документов представляются рукописи, выполненные стилусом либо при помощи иного материала письма непосредственно на экране планшета. Рассмотрение отличительных особенностей и специфики исследования указанного объекта представляется нам актуальным направлением рассматриваемой области использования специальных знаний.

В результате проделанного анализа многообразия объектов судебно-почерковедческой экспертизы, встречающихся в экспертно-криминалистической практике, авторы пришли к умозаключению о

¹ Бобовкин М.В., Ручкин В.А., Диденко О.А. О методическом обеспечении в судебно-почерковедческой экспертизе электрографических изображений рукописей // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2019». 2020. С. 88–93.

² Почерковедение и почерковедческая экспертиза: методика судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом : учеб. пособие для вузов / С.М. Бобовкин [и др.] ; под ред. М.В. Бобовкина. М. : Юрайт, 2022. 107 с.

необходимости пересмотра и расширения перечня объектов данной разновидности криминалистического исследования документов. Полагаем, что разработки в отмеченной области будут способствовать как развитию судебного почерковедения, так и обогащению судебной экспертиологии в целом.

Ю.Л. Бойко

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Допрос при производстве расследования представляет собой процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела, в ходе которого следователь собирает, уточняет и проверяет доказательственный и ориентирующий материал, в «диалоговом режиме с помощью речевых и неречевых (жестов, мимики и т.п.) коммуникаций»¹. Являясь вербальным следственным действием, допрос предполагает психологическое противоборство между двумя личностями². Оно означает, что с помощью тактических приемов необходимо побудить думать и поступать допрашиваемого так, как это необходимо в интересах правосудия. В ряде случаев проведение допроса сквозь призму применения традиционных методов не представляется возможным, в связи чем применяются нетрадиционные приемы получения информации: с применением полиграфа, использованием гипноза, музыкального и запахового фона, с учетом применения приемов биоритмологии.

Как традиционные, так и нетрадиционные тактические приемы содержат психологическое воздействие. При их применении важно оценить допустимость и правомерность исходя из научных и этических критериев. На сегодняшний день с учетом развития и совершенствования технической и информационной отраслей существует достаточное количество специальной технической аппаратуры, облегчаю-

¹ Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология : учеб. пособие. М. : Проспект, 2007. С. 85.

² Грибунов О.П. Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля // Российский следователь. 2016. № 5. С. 3.

щей выполнение задач, направленных на раскрытие преступлений. Мы не пытаемся противопоставить нетрадиционные методы, используемые при раскрытии и расследовании преступлений, традиционным, а наоборот пытаемся показать, что они являются достоверными и дополняют их. Информация, полученная с их помощью, имеет не доказательственный, а предположительный (ориентирующий) характер и может быть использована в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий и выдвижения версий¹.

Так, психофизиологическое исследование с применением полиграфа востребовано в ситуациях дефицита информации, необходимой для определения оптимальных направлений работы, не признанное теоретиками, но допустимое в плане возможности использования в качестве доказательства в ситуациях, когда отсутствует иная возможность осуществить проверку показаний, исчерпаны все возможные способы получения информации. Возможности специалистов в области криминалистической гипнологии и оказанные ими следствию услуги также неопределимы, поскольку переданная испытуемым в ходе сеанса гипноза информация юридического значения хотя и не имеет, но носит ориентирующий характер и может быть использована как мероприятие, проводимое в порядке подготовки к допросу и производству других следственных действий. В использовании способа воздействия при помощи музыкального фона необходимо учитывать, что это, хотя и прямо не запрещенное, однако психологическое воздействие, комфортное и расслабляющее допрашиваемого. Метод ароматерапии или использование сильных запахов как тактический прием воздействия на допрашиваемое лицо достаточно эффективен, поскольку запахи связаны ассоциативным путем с различными переживаниями, применение их в ходе допроса позволяет воздействовать на подсознание допрашиваемого². В практике отмечены и приемы применения биоритмологии в контексте проведения допроса. Рассчитан период времен, когда психофизиологическое состояние, например,

¹ Игнатенко Ю.Е. Использование полиграфа, гипноза и экстрасенсов в раскрытии преступлений // Проблемы совершенствования российского законодательства : сб. тез. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов / под ред. Ю.В. Анохина. 2019. С. 472.

² Якишева Е.З. Нетрадиционные методы допроса и их уголовно-правовая оценка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 321–325.

подозреваемого, будет наиболее уязвимо в силу его снижения, можно провести эффективный допрос, получить нужные сведения для создания целостной картины в рамках расследования преступления. Нетрадиционные криминалистические приемы пока не закрепились практикой расследования преступлений в виде общепринятых способов, поскольку они не всегда соответствуют требованиям допустимости. Не следует считать нетрадиционные приемы допроса «панацеей от всех бед», ибо эффективность допроса зависит, прежде всего, не от конкретного тактического приема, а от грамотности и опыта следователя, применяющего данные приёмы.

И.В. Васильев, А.Г. Горелкин

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В классической российской криминалистике в качестве самостоятельного явления не выделяется интерпретационная деятельность следователя. Как правило, это обстоятельство «растворяется» в положениях о поисково-познавательной деятельности. Процесс познания в его классической трактовке представляет собой процедуру получения истинных знаний, т.е. информации об объективной действительности, при этом истинное знание понимается как соответствие высказывания о действительности и самой действительности. В так понимаемом знании речь идет о научном знании как результате исследования мира. Деятельность следователя формально направлена на получение истинного знания. Более того, реализация познавательной функции сопровождает следователя в процессе получения специального образования, а также в процессе приобретения им практического опыта. Деятельность по расследованию преступления связана с применением знания, но не бессистемно, во многом эта системность задается строго определенным и формализованным уголовным процессом. Однако фактически предмет и пределы деятельности следователя – установление тождества совершенного деяния признакам деяния, текстуально отраженного в нормах УК РФ, требующего толкования в соответствии с правилами юридической герменевтики.

Исследования о юридической герменевтике чаще всего касаются интерпретации текста закона. В соответствии с классической теорией

герменевтики под объектом интерпретацией подразумевается именно письменный текст, более или менее разнесенный по времени и расстоянию с интерпретатором и позволяющей понять истинный смысл послания автора. Вместе с тем современная герменевтическая теория текстом называет не только письменные высказывания, но и иные символы, оставленные человеческой деятельностью.

Таким образом, следователь должен научиться читать не только буквы, но и иные неписьменные символы и понимать их смысл. Дело в том, что преступление есть своего рода текст, выраженный в его следах, интересующих следователя не как объекты действительности, но как информация, произведенная «автором» – преступником в условиях неочевидности текста для иных лиц. С точки зрения УПК РФ доказательствами являются любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу. Начиная с первого следственного действия, иного процессуального действия, имеющего поисково-познавательное значение, следователь занимается интерпретационной деятельностью. При этом следователь познает предмет не в метафизическом смысле, давая понятие одного предмета с целью отграничить его от иного: его задача в том, чтобы установить смысл предмета в контексте преступного деяния.

Таким образом, стул для следователя не предмет мебели, а, например, предмет, которым нанесена травма потерпевшему: происходит интерпретация предмета как символа в контексте совершённого преступления. Впоследствии следователь должен прийти к пониманию смысла каждого факта во всей их совокупности, т.е. включается метод герменевтического круга. Таким образом, вся деятельность следователя по своей сути является интерпретацией. Но наибольший смысл герменевтического подхода к деятельности следователя заключается в метатеоретическом значении герменевтики по отношению к самой себе. Именно «понимание процесса понимания» и является способом процессуальной проверки. Эмпирически на большом объеме материала советская школа криминалистики отработала методологию расследования, основанную на понимании. К ней можно отнести типовую следственную ситуацию, тактику осмотра места происшествия, личность преступника и т.д. Тем не менее необходимо привести методологию в соответствие с современными философской теорией, что позволит повысить и аргументированность следственных действий.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ УБИЙСТВА ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ И ЕЁ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Одним из элементов криминалистической характеристики преступления, в том числе убийства общеопасным способом, является обстановка его совершения. Определение указанного элемента имеет важное научно-практическое значение, при этом данный вопрос остается спорным.

Н.П. Яблоков, придерживаясь широкого подхода, определяет обстановку совершения преступления «как систему взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места, время, вещественные, физико-химические, метеорологические условия, производственные факторы, особенности поведения участников события и другие обстоятельства объективной реальности, сложившееся в ходе преступления и влияющие на способ совершения и механизм»¹. Как «территориальную, климатическую, демографическую специфику региона, в которой совершено преступление, а также обстоятельства, характеризующие непосредственно место, время, условия и другие особенности совершения преступления...» определяет обстановку В.А. Образцов².

Приведенные точки зрения позволяют отметить, что обстановка совершения преступления связана с такими категориями, как место и время. В науке сложилось два самостоятельных подхода в вопросе их соотношения. Согласно первому подходу, преобладающему в доктрине, место, время, обстановка совершения преступления – самостоятельные элементы объективной стороны преступления. Второй подход приоритет отдает обстановке, понятие которой является более широким и «включает в себя место, время и иные условия соверше-

¹ Яблоков Н.И. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации // Вопросы борьбы с преступностью. 1979. № 30. С. 116.

² Образцов В.А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с надлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск, 1985. С. 98.

ния преступления»¹. Если говорить о втором выработанным наукой подходе, то наиболее важное значение в обстановке совершения преступления отводится месту его совершения, так как специфической особенностью является наличие существенных материальных изменений по сравнению с первоначальным видом как результат совершения преступных действий. Место совершения преступления отражает подготовительные действия и их характер, а также действия по сокрытию преступления, продолжительность нахождения преступника (преступников) на месте совершения деяния, время, элементы некриминального содержания, которые предшествовали совершению преступления, такие как, например, употребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ. К тому же на месте преступления могут находиться следы, которые позволят говорить о мотивах его совершения.

Имеющиеся в литературе определения в равной мере заслуживают внимания, авторы достаточно развернуто характеризуют этот элемент². Несмотря на многочисленные определения обстановки совершения преступления, в ней находят своё отражение личностные особенности преступника; следы способа совершения убийства; орудия преступления и их следы; поведение потерпевшего³. Обстановка совершения рассматриваемого убийства характеризуется совокупностью таких взаимосвязанных обстоятельств, как место и время совершения убийства, условия окружающей среды, присутствие очевидцев, свидетелей и их поведение.

Вопрос включения обстановки совершения преступления в перечень структурных элементов криминалистической характеристики убийства общеприемлемым способом у ученых не вызывает разногласий, что объясняет его значимость и важность. Обстановка вбирает в себя все элементы механизма противоправного деяния, изменения материальной среды. Детальное ее изучение приводит к верному пониманию произошедшего, воссозданию с большей точностью слу-

¹ Камнев Р.Г. Соотношение места, времени и обстановки совершения преступления // Вестник Волгоградского государственного университета. 2006. № 8. С. 128.

² Якимов Н.И. Руководство по уголовной технике и тактике // Криминалистика : учебник. М., 2003. С. 76; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 179.

³ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций. Томск, 2008. С. 826–828.

чившегося, помогает разобраться в мотивах преступника при совершении им преступного деяния.

С.Э. Воронин

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕЙ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ

Проведенные нами исследования в 2019 г. в Дальневосточном федеральном округе при участии ученых Хабаровского пограничного института ФСБ России показали, что наиболее эффективной тактической операцией расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов в российском секторе Тихого океана, является зонирование криминогенных зон добычи по способу преступления и предмету преступного посягательства¹.

Тактическая операция расследования под названием «зонирование», на наш взгляд, имеет принципиальные отличия от криминологического зонирования наиболее криминогенных участков, которое в качестве основного критерия классификации использует причины и условия, способствующие совершению преступлений. Напротив, в основе проведенного нами криминалистического зонирования Японского и Охотского морей лежали способ совершения преступления и предмет преступного посягательства.

Как известно, среда обитания и особенность жизнедеятельности водных биоресурсов определяют способ их незаконной добычи. Трепанг дальневосточный, гребешок приморский, гребешок Свифта добывают водолазным способом. Рыбу донно-пищевых пород – тралом, снуреводом и другими орудиями добычи подобного типа, а крабов и креветок – ловушками. Однако некоторые из них можно выловить несколькими, т.е. комбинированными способами. К примеру, краб в небольших количествах попадает в донный трал во время добычи рыбы. И недобросовестные рыбаки не выпускают его в естественную среду обитания, как это предписано правилами рыболовства, а остав-

¹ Voronin S.E. Tactical investigation operation is an effective way of forensic prevention of organized crime in Russia // International Journal of Science, Technology and Society. New York .: Science Publishing Group, 2021. Vol. 9, Is. 6. P. 275–280.

ляют на судне для питания экипажа или, если есть морозильные установки, замораживают для длительного хранения и последующей реализации.

Дальневосточный трепанг (голотурий) – малоподвижное животное с ограниченными двигательными возможностями, обитающее на твердых скалистых грунтах, каменистых россыпях, зарослях zostеры (вид водорослей) с чередованием свободных песчаных и песчано-илистых площадок, предпочитает защищенные от штормов бухты, избегает подвижные пески и полужидкие илы. Встречается трепанг в поселениях мидий. Сроки начала нереста и его продолжительность неодинаковы в разных участках ареала.

Так, у побережья Приморья нерест начинается в июле и продолжается до середины августа. Старые и более крупные особи к размножению приступают несколько раньше молодых. Нерест происходит небольшими порциями в течение одного-трех дней. Трепанг имеет специфический запах. Легальный водолазный способ добычи осуществлялся следующим образом: встреченных трепангов водолаз накалывает жалом багорка и сбрасывает в питомзу – кожаную сумку для сбора морепродуктов¹.

Более подвержены незаконной добыче два вида гребешка: приморский и Свифта. На побережье Приморья приморский гребешок обитает в защищенных от штормов бухтах, а также в вершинах глубоко вдающихся заливов Посьета, Амурский, Уссурийский, Восток, Находка. Гребешок не переносит опреснения вод, поэтому не селится вблизи устьев рек. Нерест гребешка проходит при температуре воды от 7 до 12°C у побережья Приморья в период с мая до середины августа².

В соответствии с «Правилами рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна», утвержденными приказом Федерального агентства по рыболовству от 06.07.2011 № 671, в подзоне Приморья (побережье Приморского края) трепанг, гребешок приморский, гребешок Свифта запрещены к вылову в целях осуществления промышленного и прибрежного рыболовства до восстановления запасов, а по остальным видам рыболовства добыча разрешена только по спе-

¹ Левин В.С. Дальневосточный трепанг. Биология, промысел, воспроизводство. СПб. : Наука, 2000. С. 24–27.

² Вараксин А.А. Приморский гребешок. Владивосток : Дальнаука, 1986. С. 15–17.

циальным путевкам. Все это также, безусловно, должно учитываться криминалистом в тактической операции расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов – зонировании наиболее криминогенных зон для подобной браконьерской охоты.

П.В. Галушин

ВЫЯВЛЕНИЕ ЦЕПОЧЕК ЗНАКОМСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни огромного числа людей. К 2021 г. число пользователей интернета в России достигло 124 млн человек, что составляет 85% населения страны¹. При этом только 13% опрошенных заявили, что вообще не пользуются социальными сетями². Это означает, что в социальных сетях в открытом доступе содержатся большие объёмы информации, существенная часть которой может представлять интерес для органов внутренних дел.

Некоторая информация может храниться в социальной сети, но не быть доступной через стандартный интерфейс. Например, в большинстве социальных сетей не существует возможности посмотреть список всех друзей данного пользователя. Подобная неочевидная информация может быть получена путём анализа и обобщения данных, предоставляемых социальной сетью, но подобный анализ невозможен без использования компьютерных программ, автоматизирующих подобную работу. Большинство социальных сетей позволяет сделать это тем или иным путём³.

¹ Число пользователей интернета в России достигло 124 млн // Новости в России и мире – ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 27.01.2022).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд Общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Галушин П.В. Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресо-

Одним из наиболее интуитивно понятных методов анализа социальных сетей является поиск цепочек знакомств, соединяющих две заданные учётные записи. Длина такой цепочки позволяет оценить степень близости знакомства. Кроме того, построение цепочек знакомств может быть использовано для определения путей вербовки¹. Указанный метод анализа социальных сетей был реализован автором в виде программы для ЭВМ².

Почти очевидно, что слишком длинные цепочки не представляют интереса для оперативно-розыскной деятельности. Во-первых, имеются свидетельства (так называемая теория шести рукопожатий), что достаточно длинная цепочка знакомств существует между любыми людьми. Во-вторых, слишком длинные цепочки трудно использовать на практике.

Опыт работы в оперативных подразделениях также показывает, что больший интерес для практиков представляют более короткие цепочки. При этом понятно, что если между двумя лицами существует короткая цепочка знакомств, то велика вероятность, что она будет не единственной. Поэтому целесообразным будет предоставлять пользователю не одну цепочку (по сути, выбранную случайно), а все возможные цепочки наименьшей длины. Это позволит оператору выбрать ту из цепочек знакомств, которая представляется более подходящей именно ему.

В случае если между двумя лицами существует цепочка знакомств длины два, то результатом будет список общих друзей двух заданных лиц. Таким образом, предложенный метод анализа обобщает и поиск кратчайшей цепочки знакомств, и анализ общих друзей.

Таким образом, сочетание классических методов анализа социальных сетей и опыта их применения в оперативных подразделениях органов внутренних дел позволит более эффективно использовать ин-

циализации наркопотребителей : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 60–63.

¹ Галушин П.В., Смирнов И.А. Автоматизация аналитической работы органов наркоконтроля с информацией, размещенной в социальных сетях // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3 (16). С. 117–121.

² Галушин П.В. Анализ связей социальной сети «ВКонтакте» : свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2018663680 от 01.11.2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39304709_49510629.PDF (дата обращения: 01.02.2020).

формацию, размещённую в социальных сетях, в оперативно-розыскной деятельности.

Б.Б. Глазунов

МЕТОДОЛОГИЯ ГАНСА ГРОССА

Рассматривая методологию Ганса Гросса, исходим из понимания этого термина именно в прикладном смысле как системы принципов и подходов познавательной деятельности. Поскольку сам Г. Гросс не оставил нам конкретных разъяснений по поводу своей методологии, а работы на эту тему отсутствуют, полагаем, что предмет настоящей публикации представляет определенный исследовательский интерес, а эмпирическим материалом для решения соответствующих задач, разумеется, является, главный фундаментальный труд Г. Гросса¹, именуемый нередко «библией криминалистики»².

Обратим внимание на отдельные принципы, которыми, на наш взгляд, руководствовался автор, и продолжают руководствоваться его последователи.

1. *Принцип эмпиризма (непосредственной связи исследования с практикой)*. Наилучшим подтверждением применения Г. Гроссом этого принципа является обращение не только ко всей работе, но и к любой ее части. По всему тексту мы наблюдаем многочисленные примеры из практики и последовательное изложение практических советов, рекомендаций, указаний на обстоятельства, с которыми сталкивается или может столкнуться следователь в повседневной работе. Отметим, что методологический принцип, который применял Г. Гросс, был свойствен и другим представителям «старой школы» (Людвиг фон Ягеманн, И.Н. Якимов, А. Вейнгарт и др.). Их исследования свободны от эскапизма, схоластики, оторванности от реальности и потребностей практики и т.п. Подобные проявления можно охарактеризовать эвфемизмом Г. Гросса, как «болезненные направления

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.

² Об этом см., например: Чисников В.Н. Ганс Гросс – основоположник науки криминалистики и криминальной психологии (к 170-летию со дня рождения) // Криміналістичний вісник. 2017. № 2 (28). С. 147.

мышления»¹ в такой прикладной науке, как криминалистика. Соответственно, истоки отдельных кризисных явлений в отечественной криминалистике, на которые обращают внимание ряд авторов юридического сообщества, можно рассматривать как отход от традиции, заложенной в XIX – начале XX в., которой следовали представители «старой школы» криминалистики, включая Ганса Гросса.

2. Как известно, *принцип интеграции* криминалистикой достижений науки и техники обеспечивает ее наилучшую результативность. Однако методологическое положение, которое в наше время представляется незыблемым и аксиоматичным, во времена Г. Гросса вовсе не было таковым. Автором были приложены титанические многолетние усилия для того, чтобы доказать судебной и образовательной бюрократии, что действенность расследования может быть в полной мере обеспечена не только юридическими инструментами, но положениями различных, прежде всего естественных, наук. Первостепенное методологическое значение при этом приобрело не только то, что произошло заимствование «иногo» неюридического знания, а то, что оно было интегрировано в систему криминалистики, в ее различные разделы.

3. *Принцип системности*. Г. Гросс жил в эпоху стремительного роста задач, требующих междисциплинарного подхода. Одно из свидетельств того времени – появление криминалистики в ее систематизированном виде. При том, что фундаментальные работы в области систем отсутствовали, думается, что Г. Гросс имел четкое представление о важнейшем тезисе, выработанным в античной философии – целое (система) больше суммы ее частей. Над совершенствованием своей системы он работал до конца своих дней. В предисловии к 4-му изданию Руководства автор высказывает весьма оригинальную идею об изменении предложенной им системы криминалистики. Он полагал, что в первой части будущего издания будут содержаться «сведения о проявлении преступления в объективном отношении», а во второй – «исключительно практические сведения о действиях» судебного следователя². Таким образом, Ганс Гросс предвосхитил современные представления о том, что «объектом науки криминалистики является преступная деятельность и связанная с ней деятельность по исследо-

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей... С. XIII.

² Там же. С. XV–XVI.

ванию преступлений, т.е. социальные явления, проявляющиеся через их признаки»¹.

Г.Ю. Головастиков

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ СТРУЙНЫМ СПОСОБОМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПИГМЕНТНЫХ ЧЕРНИЛ

Струйная печать является одним из распространенных способов воспроизведения, который активно применяется для нанесения текстовых реквизитов и графических изображений. Она довольно часто применяется в противоправных целях. Изображение создается из капель красящего вещества, для этого применяются разные способы формирования капель². Наибольшее распространение получили жидкие красящие вещества – чернила, которые подразделяются на: «классические» – водорастворимые на основе органических красителей, пигментные и сольвентные.

Документы, выполненные на струйных устройствах с применением пигментных чернил, обращают на себя внимание тем, что ряд признаков «классической» струйной печати в них отличается от указываемых в учебно-методических пособиях³. При недостаточном увеличении неопытный специалист может сделать неверный вывод, так как часть признаков в таком изображении похожа на признаки электрофотографического способа воспроизведения: поверхностное расположение красящего вещества, насыщенное красочное изображение, изображение не копируется водой. В литературе проблема исследования таких изображений и описание признаков раскрыты недостаточ-

¹ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 28.

² Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. А.А. Проткина. 2-е изд., доп. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 90.

³ Шашкин С.Б. Основы судебно-технической экспертизы документов, выполненных с использованием средств полиграфической и оргтехники (теоретический, методический и прикладной аспекты) // Теория и практика судебной экспертизы. СПб. : Питер, 2003.

но. Чернила для струйной печати являются сложной композицией, состоящей из воды, красящего вещества и связующих полимеров. В составе чернил есть еще более 10 компонентов¹. Красящее вещество может представлять собой органический краситель либо пигмент. В отличие от красителей, пигменты – это мелкие нерастворимые в воде частицы минералов или красочных лаков, которые не способны проникнуть в толщу бумаги, а скрепляются с ней полимерным связующим на поверхности. Поэтому пигментные чернила формируют на простой писчей бумаге изображение насыщенное и прочное.

Решение диагностической задачи по установлению способа воспроизведения изображения реквизитов не является единственной задачей. Перед экспертом часто ставятся вопросы относительно последовательности нанесения реквизитов документов, а также установления факта изменения первоначального содержания документа. Нами проведена проверка степени устойчивости реквизитов к химическим и механическим воздействиям. С этой целью реквизиты документа, выполненные пигментными чернилами «ink-mate НІМВ-900А Pigment», подвергались копированию органическими растворителями, перекисью водорода, водой. Осуществлялось механическое воздействие на реквизиты путем трения смоченным в растворителе тампоном. В итоге, за исключением перекиси водорода, в случае применения механического воздействия – трения смоченным тампоном, заметных изменений и повреждений найдено не было.

В результате установлено, что струйные реквизиты, выполненные с применением пигментных чернил, обладают рядом особенных признаков: красящее вещество расположено на поверхности; четкие, насыщенные изображения реквизитов, состоящие из хаотично расположенных точек; отсутствие копируемости. Установлено, что пигментное красящее вещество реквизитов является устойчивым, не копируется растворителями и является механически стойким. Однако следует отметить, что необходимо проведение дальнейших исследований реквизитов документов, выполненных с использованием пигментных чернил разных производителей.

¹ URL: <https://www.orgprint.com/wiki/strujnaja-pechat/sostav-chnil> (дата обращения: 20.02.2022).

К ВОПРОСУ ОФОРМЛЕНИЯ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ

Сотрудники оперативных подразделений полиции при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов» преимущественно привлекают специалистов экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) органов внутренних дел (положительно ответили 90% респондентов – оперуполномоченных уголовного розыска Сибирского федерального округа). Согласно ведомственному нормативно-правовому акту, регламентирующему осуществление экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России¹, на основании задания руководителя оперативно-подразделения полиции должностное лицо ЭКП результаты экспертного исследования оформляет справкой об исследовании. В указанном документе обязательно указываются следующие сведения: данные специалиста (должность, Ф.И.О.); предоставленные объекты с полным отражением информации об их упаковке; поставленные на разрешение вопросы и ответы на них; разрешение на применение видоизменяющих (разрушающих) методов.

Однако, на наш взгляд, целесообразно в качестве приложения к справке об исследовании аналогично заключению эксперта оформлять иллюстративный материал (фототаблица или иллюстративная таблица). Указанная таблица предназначена для демонстрации наглядности и объективности проводимого исследования предметов и документов, исключения возникновения сомнений в подлинности предоставленных в распоряжение специалиста объектов и полученных результатов, невозможности фальсификации материалов предварительной проверки и уголовного дела, а в некоторых случаях позволяет восстановить информацию при утрате или уничтожении объектов в целях дальнейшего использования в досудебном производстве и судебном следствии. Иллюстративный материал может содержать изображения:

¹ Приказ МВД России от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России». URL: <https://base.garant.ru/72341002/> (дата обращения: 14.01.2022).

- общего вида предоставленных объектов;
- упаковки поступившего объекта с пояснительным текстом, бумажными этикетками с оттисками печатей органа внутренних дел и подписями участвующих при изъятии предметов лиц;
- некоторых этапов экспертного исследования (например, разметка совпадающих частных признаков в следе руки, изъятom при осмотре места происшествия, и отпечатке пальца руки в дактилоскопической карте лица, в отношении которого имеются объективные сведения о совершении им уголовно наказуемого деяния; результатов использования методов газовой хроматографии, УФ-спектроскопии и т.д.);
- упаковки объектов после проведения исследования.

Качественно изготовленный специалистом иллюстративный материал результатов исследования предметов и документов может использоваться для осуществления иных видов деятельности: составление розыскных таблиц и ориентировок; работа с массивами экспертно-криминалистических учетов (постановка и проверка следовой информации); оказание консультативной и справочной помощи по моделированию личности преступника и его действий при совершении уголовно наказуемого деяния, установлению иных обстоятельств.

Таким образом, целесообразно оформлять иллюстративный материал при проведении исследования предметов и документов, который может эффективно использоваться при раскрытии и расследовании преступлений. Данное положение взято на вооружение и используется сотрудниками ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, а руководство названного центра обеспечивает требовательное отношение к качеству цветных иллюстраций и усиливает контроль за деятельностью подчиненных сотрудников в указанном направлении.

С.И. Давыдов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН В РАСКРЫТИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТЕ ЧАСТНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕТОДИК

В современных условиях приоритетного отношения к развитию информационных технологий в системе мер раскрытия преступлений

отмечается неоправданное снижение внимания к совершенствованию других средств и методов установления лиц, совершивших преступления. В частности, к институту содействия граждан оперативно-розыскным органам.

В некоторой степени это можно объяснить значительно возрастающим ежегодно числом киберпреступлений, совершаемых в сети Интернет и с помощью средств сотовой связи (мошенничество, сбыт наркотиков, различные виды хищений денежных средств и т.д.). В этих условиях оперативно-розыскному сотруднику надо понимать, где и как в информационном пространстве образуются следы киберпреступлений, как их искать и получать сведения о таких следах. Соответственно, частные оперативно-розыскные методики содержат в основном практические советы о том, какие сведения можно запросить, к примеру, у операторов связи, у интернет-провайдера, как получить сведения по банковским картам и расчетным счетам, по электронным кошелькам, сайтам объявлений, по электронной почте. В рекомендациях расписывается, как провести анализ телефонных соединений, движений денежных средств по банковской карте и т.д.

Все это правильно и, безусловно, должно содержаться в разрабатываемых частных методиках. Но почему-то в рекомендациях по раскрытию киберпреступлений мы не находим ответа на такой вопрос – а как можно использовать содействие (помощь) граждан оперативно-розыскным органам для установления лиц, совершающих преступления, сбора информации, которая имеет потенциально доказательственное значение?

Возможность привлечения граждан к решению задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) – выявления, раскрытия преступлений – предусмотрена Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Содействие может осуществляться гласно, конфиденциально, а также по контракту. Оперативно-розыскным органам предоставлено право устанавливать отношения сотрудничества с конфиденцентами на безвозмездной или возмездной основе. Финансовые средства, которые выделяются на ОРД, могут расходоваться на выплату вознаграждений содействующим лицам. Законом также предусмотрен целый комплекс мер по социальной и правовой защите лиц, содействующих по контракту.

Изучение уголовных дел о дистанционном мошенничестве, совершаемом в группе, показало: характер преступных действий таков, что

без помощи содействующих лиц собрать доказательства крайне сложно. Вот некоторые сведения, характеризующие указанную групповую преступную деятельность: наличие руководителя, распределение ролей; жесткая внутренняя дисциплина, соблюдение правил конспирации и мер безопасности, аренда офисных помещений; использование сим-карт и банковских карт, а также интернет-сайтов, зарегистрированных на третьих лиц; вовлечение в преступную деятельность знакомых и родственников; ведение рукописных записей в тетрадях о поступивших доходах; формирование общей денежной кассы, средства из которой тратятся на аренду офисных помещений, приобретение мебели и оргтехники, приобретение средств связи, банковских карт и сим-карт, оплата услуг сотовой связи и интернет-провайдеров, оплата за создание интернет-сайтов и их продвижение, на выдачу заработной платы и др.

Понятно, что информация о таких преступных и связанных с ними действиях появляется далеко не в цифровой среде, а потому для ее поиска и получения наиболее эффективно использовать содействие граждан.

О.С. Давыдова

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИХ РОЗЫСКА

Одной из задач, которые Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» возложены на оперативные подразделения органов внутренних дел, является розыск без вести пропавших. Решение этой задачи неразрывно связано еще с одним направлением розыскной работы – установлением личности граждан по неопознанным трупам и лиц, которые не могут сообщить о себе сведения по возрасту или состоянию здоровья.

Субъектами розыска без вести пропавших лиц являются розыскные подразделения в структуре службы уголовного розыска. Однако они осуществляют розыск, как правило, по официально поступившим сообщениям, заявлениям и в рамках заведенных розыскных дел.

Однако значительная часть сообщений о лицах, без вести пропавших, поступает в органы внутренних дел по телефону и обрабатыва-

ется незамедлительно сотрудниками специально созданных подразделений – Бюро регистрации несчастных случаев (БРНС). Содержание их деятельности имеет свою специфику и отличается от поисковой и идентификационной деятельности, которая проводится в рамках розыскных дел. Осуществление поисковых и идентификационных мероприятий сотрудниками БРНС начинается незамедлительно после поступления сообщений по телефону:

- из больниц, куда доставлены неустановленные лица и требуется установить их личность;
- от граждан, которые не знают, в какое медицинское учреждение увезли больного по скорой помощи;
- из ГИБДД об установлении неизвестных пострадавших в ДТП;
- из дежурных частей, куда обратились граждане с заявлением о лице, без вести пропавшем;
- от граждан непосредственно в БРНС о лице, пропавшем без вести;
- об обнаружении неопознанного трупа.

Необходимо выделить некоторые проблемные вопросы поисковой и идентификационной деятельности, осуществляемой подразделениями БРНС при получении вышеуказанных сообщений.

Во-первых, это недостаточное методическое обеспечение указанной деятельности. Научкой разработаны хорошие оперативно-розыскные и криминалистические рекомендации о тактике опросов, допросов разных категорий лиц. Однако они не вполне пригодны для применения в деятельности БРНС при поступлении сообщений о без вести пропавшем человеке. Почему? Потому что опросы заявителей, общение с гражданами происходят только по телефону при отсутствии непосредственного контакта.

Во-вторых, это недостаточное информационное обеспечение розыскной и идентификационной деятельности БРНС. В ряде регионов отсутствуют базы данных несчастных случаев (неизвестных больных, неопознанных трупов, доставленных в ОВД, больницы, морги). Как предложение – необходима федеральная база учета несчастных случаев.

Еще одна проблема связана с соблюдением законодательства о защите персональных данных, врачебной тайне. Поскольку практические розыскные мероприятия осуществляются оперативно, с использованием только телефонной связи, возникают вопросы, требующие разрешения. Например, получение по телефону информации о доставленных в меди-

цинские учреждения, передача полученных персональных данных третьим лицам. Эти вопросы требуют более детального исследования.

В.А. Дворкин

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ И ЕЁ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ

Одной из важнейших задач при раскрытии и расследовании преступлений является установление конкретного лица, причастного к совершению преступления. На фото- и видеоизображениях, изъятых с камер видеонаблюдения, отражаются анатомические и функциональные особенности тела человека. Они позволяют установить (диагностировать) физические свойства человека, получив таким образом данные, необходимые для розыска устанавливаемого лица. В оперативно-следственной практике установление данных свойств представляет определенные сложности, связанные с низким качеством фотовидеоизображения, которые затрудняют или исключают возможность получения криминалистически значимой информации о проверяемом лице. В таких случаях определенную помощь в установлении лица может оказать трасологическая экспертиза фотовидеоизображений одежды и аксессуаров. Анализ указанных фотовидеоизображений с камер наблюдения показывает, что чаще всего проверяемые лица имеют рюкзаки и сумки, одеты в бейсболки, трикотажные шапки, куртки, джинсы, спортивные брюки и иную одежду.

Одежда это один из предметов первой необходимости для человека, она покрывает 85–90% тела.

Каждый вид одежды обладает своими конструктивными особенностями и комплексом признаков, который предусмотрен технологией ее изготовления. Большинство верхней одежды производят многослойными, верхний слой (основной материал), подкладка. Зимняя одежда дополнительно снабжена утепляющей прокладкой. Иногда производитель использует двустороннее оформление основных материалов. Это позволяет носить однослойную верхнюю одежду с лицевой и изнаночной стороны.

В зависимости от моды изделиям верхней одежды присущи разнообразные силуэты различной формы, отличающиеся конструкцией основных деталей и отделочных элементов. Верхняя одежда имеет жесткую или мягкую форму. Изделия верхней одежды по силуэтам можно разделить на прямые, полуприлегающие, прилегающие и трапециевидные, с центральной и смещенной бортовой застежкой. Для изготовления современной мужской и женской верхней одежды используется широкий ассортимент материалов, отличающихся различным сырьевым составом, способом производства, структурой и свойствами. В качестве материалов верха, или основных материалов (покрывных), применяют ткани, трикотажные и нетканые полотна, искусственную и натуральную кожу, замшу и мех, многослойные дублированные и стеганые материалы. Для женских изделий, применяется различная фурнитура, которая имеет не только функциональное, но и декоративное назначение: различных размеров и формы пуговицы, кнопки, пряжки, крючки и петли, отделочные элементы из металла, кожи, замши и пластмассы. Внешний вид одежды зависит от множества факторов, таких как качество внутренней прокладки, ее наличие или отсутствие, проклейка, толщина и качество швейных ниток.

Изучение конструктивных особенностей верхней одежды, отобразившихся различных по форме, размерам и строению признаков, сформировавшихся как в процессе производства, так и во время эксплуатации, даст возможность при производстве трасологической экспертизы выявить, проанализировать и описать многие признаки, которые в дальнейшем позволят провести сравнительное исследование при решении идентификационных задач.

Т.В. Демидова, Е.В. Токарева, С.В. Томчик

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯМ

В условиях глобальной цифровизации все чаще в качестве объектов трасологического исследования в экспертно-криминалистические подразделения территориальных органов МВД России поступают фотоизображения следов обуви, транспортных средств и орудия взлома.

Отдельные методики, действующие в настоящее время, допускают проведение исследований по фотоизображениям, однако отсутствуют конкретные рекомендации об исследовании и описании данного вида объектов. Вместе с тем нередко фотоизображения выполнены с нарушением правил фотофиксации, что в дальнейшем влияет на возможность использования их в качестве допустимых доказательств при раскрытии и расследовании преступлений.

Для решения указанной проблемы нами предложен алгоритм действий эксперта при производстве трасологических экспертиз по фотоизображениям:

1. В обязательном порядке должен быть запрошен исходный графический файл с изображением следа или файл его прямого копирования без какой-либо обработки. В целях недопущения внесения изменений в исходный графический файл с него делается копия, которая переносится на компьютер для дальнейшей работы с изображением следа.

Исследование должно начинаться с описания графического файла, при этом указываются его название, формат, размер в пикселях и байтах (данная информация содержится в данных EXIF (метаданных) файла), проверки представленного графического файла на отсутствие следов его обработки в каком-либо графическом редакторе, изучение технических параметров камеры в момент съемки.

2. Далее должна проводиться визуальная оценка качества изображения – оценка глубины резкости изображаемого пространства, определяться наличие/отсутствие перспективных и дисторсионных искажений, наличие хроматических абберрационных искажений, а также зон недоэкспозиции и переэкспозиции.

Если изображение удовлетворительного качества и величина перспективных и дисторсионных искажений не превышают 1,5%, исследование продолжается. В противном случае делается вывод о непригодности изображения для исследования.

Далее определяется, какой процент занимает изображение собственно следа от общей площади кадра: если 50% и более, делается вывод о возможности проведения исследования только в целях установления групповой принадлежности; если менее 50%, изображение непригодно для проведения исследования, требующего определения размеров изображенного объекта, так как корректно определить (рассчитать) размеры следа не представляется возможным. Для проведе-

ния идентификационного исследования необходимо, чтобы изображение собственно следа занимало не менее 70% от общей площади кадра. Затем описываются имеющийся на изображении след и его особенности.

3. В случае предоставления предполагаемого следообразующего объекта он описывается по общим правилам. Далее подбирается материал, подобный изображенному на фотографии следа, и на нем оставляются экспериментальные следы. Они должны быть сфотографированы с использованием фотокамеры той же модели и с той же оптической системой (объективом). Эти условия необходимо соблюдать в целях недопущения внесения в изображения экспериментальных следов дополнительных оптических искажений, обусловленных оптической системой фотокамеры.

При фотосъемке экспериментальных следов в обязательном порядке фотокамера должна быть настроена по тем же техническим параметрам, которые были установлены в ходе изучения данных EXIF (метаданных) файла с изображением исследуемого следа. Кроме того, при фотографировании экспериментальных следов необходимо максимально полно воспроизвести условия освещенности исследуемого следа. Необходимо учитывать, что если представлено изображение объемного следа, то изготавливаются объемные экспериментальные следы.

4. Изготавливаются одномасштабные фотографии исследуемого и экспериментальных следов. Для этого должны использоваться только специализированные фотопринтеры и бумага, предназначенная для печати фотоизображений (фотобумага). Затем проводится сравнительное исследование следов одним или несколькими методами: сопоставлением, совмещением и наложением. Процесс сравнения проводится по изображениям с помощью графических редакторов и (или) по распечатанным фотоснимкам. Все действия, проводимые с графическими изображениями, отражаются в заключении эксперта. По результатам проведенного исследования делаются соответствующие выводы.

Таким образом, предложенный нами алгоритм действия эксперта при производстве трасологических экспертиз по фотоизображениям позволит избежать ошибочных выводов экспертов и повысит эффективность производства трасологических экспертиз и исследований по отмеченным следам, зафиксированным на фотоизображениях, для

обеспечения эффективного использования доказательственной базы при раскрытии и расследовании преступлений.

Ю.В. Денисенко

К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Проявления экстремизма в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, относятся к числу основных источников угроз современной России¹. Президент Российской Федерации В.В. Путин на коллегии МВД России по итогам 2021 г. отметил, что «особое внимание следует уделять нейтрализации попыток экстремистов и разного рода радикалов использовать сеть «Интернет»². Согласно статистическим данным, в прошедшем году число преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет, не только превалирует в структуре зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (62,5%)³, но и продолжает стремительно расти (+39,7%; 661, АППГ – 473)⁴.

Как показывает практика, преступления экстремистской направленности с использованием сферы телекоммуникаций носят специфичный характер, так как способы их совершения настолько многогранны и отличаются изощренным характером. Это вызывает определенные трудности у оперативных сотрудников подразделений по про-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

² URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 18.02.2022).

³ Всего зарегистрировано преступлений экстремистской направленности – 1 057 (АППГ – 833, + 26,9%).

⁴ Здесь и далее используются статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России».

тивоедействию экстремизму при документировании и раскрытии данного вида преступлений. Субъективная особенность личности преступника характеризуется, как правило, наличием серьезных знаний в этой сфере, высокой квалификацией и даже изобретательностью. Соответственно, успешное преодоление возникающих проблем зависит от своевременной разработки и внедрения новых форм и методов оперативно-розыскной деятельности, а для того, чтобы противодействовать этому виду преступных проявлений, оперативные сотрудники должны в совершенстве владеть методикой раскрытия преступлений в сфере информационных технологий.

Развитие технологий и внедрение достижений научно-технического прогресса в механизм совершения современных преступлений, в том числе и экстремистской направленности, детерминирует необходимость повышения качества научно-методического и технико-криминалистического обеспечения их раскрытия. Исходя из этого, вектором развития методики раскрытия киберпреступлений экстремистской направленности является переработка и дополнение частных методик, построенных в большинстве своем без учета своеобразия электронных следов преступлений.

Кроме того, одним из условий повышения эффективности противодействия проявлениям экстремизма в сети Интернет является полнота и качество проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию таких преступлений, требующие определенной специализации сотрудников.

В этой связи первоочередной задачей в области информационной безопасности является обучение с большим техническим уклоном соответствующих кадров, что предусматривает необходимость существенных изменений как в структуре, так и в организации учебного процесса в ведомственных образовательных организациях, осуществляющих подготовку должностных лиц оперативных подразделений.

Л.В. Дмитриева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ЧЕЛОВЕКА В НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Основной целью судебной экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений является установление идентификации как выявления факта наличия либо отсутствия тождества, которое может служить доказательством по делу. При биометрической идентификации используется биометрический признак, так как физиологические особенности, заложенные в генетическом коде, постоянны и неизменны. Технические средства, используемые при совершении преступлений, регулярно совершенствуются, следовательно, методы, приемы и технические средства, применяемые для исследования доказательств в судебной экспертизе, тоже не должны стоять на месте. Современные автоматические биометрические системы позволяют получить подлинную количественную характеристику колебания признаков исследуемого объекта, определить степень и характер их различий.

Применительно к судебной экспертизе биометрические системы автоматической идентификации могли бы найти свое применение в следующих видах экспертиз.

В почерковедческой экспертизе использование метода идентификации по рукописному почерку будет заключаться в установлении характеристик, их оцифровывании и цифровой обработке. Динамическая верификация и обычное сравнение с образцом являются самыми распространенными методами обработки данных. Суть этого метода заключается в измерении скорости движения руки на различных участках, силу давления и длительность разных этапов подписи. Преимущество этого метода заключается в том, что подражание абсолютно исключается.

В рамках портретной экспертизы могла бы найти свое отражение как один из методов автоматическая идентификация по геометрии лица. Сущность идентификация по геометрии лица заключается в расстановке биометрическим алгоритмом антропометрических точек на лице, на основании которых будут проводиться вычисления. Антропометрические точки выбираются такие же, как и при производстве традиционной судебной портретной экспертизы, только количество их в десятки раз больше, что определяет наибольшую точность подсчета. Далее нейросеть, используя сумму характеристики лица, присуждает отдельному лицу свой вектор. При этом машина исключает факторы, влияющие на полноту и достоверность отображения внешности, такие как возрастные изменения, сопутствующие признаки. Далее полученный вектор сравнивается с имеющейся базой дан-

ных. Большим преимуществом в данном методе будет являться автоматическое изменение изображения, преобразование его к правильному ракурсу и, как итог, подведение к такому из критериев сравнительного материала, как «сопоставимость».

При этом необходимо отметить, что описанные выше методы использования автоматических биометрических систем могут служить только как вспомогательные, контроль за процессом и осуществляет эксперт. Он же делает окончательный вывод.

Внедрение автоматических биометрических методов автоматической идентификации значительно ускорит процесс производства судебных экспертиз и выведет их на новый уровень развития.

Л.В. Долгушина

ВЫДВИЖЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЧИНЫ ПОЖАРА

Процесс расследования и раскрытия преступлений – это сложный, многоэтапный и познавательный процесс. Как правило, поступающие исходные сведения о произошедшем к следователю чаще всего не обладают полнотой и надежностью. Однозначно этого недостаточно для обоснования и подтверждения вывода о наличии или отсутствии состава преступления или же виновности либо невиновности лица. Для того чтобы получить доказательства по расследуемому событию, требуется установить их происхождение, наличие или отсутствие фактов и событий, имеющих значение для дела. Таким общелогическим предположением, раскрывающим происхождение фактических данных, будет являться версия.

Основания для выдвижения и проверки версий о возникновении пожара в результате инсценируемого преступления путем поджога:

1. Присутствие показаний потерпевших или свидетелей события о совершении поджога на месте происшествия.

2. При осмотре места происшествия были обнаружены средства для поджога.

3. Проявление огня внезапно в нескольких местах, а также обнаружение после пожара нескольких очагов, никак не связанных между собой, что может свидетельствовать о поджоге.

4. Обнаружение на месте происшествия следов подготовительных действий, которые направлены на создание условий, способствующих и поддерживающих развитие пожара.

5. Создание условий, направленных на затруднение тушения пожара.

Это может быть порча пожарного инвентаря или же ограничение доступа к помещению с противопожарным инвентарем и т.д.

6. Наличие информации о предварительном увозе из места происшествия ценных бумаг или вещей, а также их содержание в безопасном месте от огня.

7. Наличие информации о поступлении угроз в адрес потерпевшего до возникновения пожара.

8. Наличие следов проникновения на объект, где возник пожар.

Это только часть из множества других оснований, которые могут послужить для выдвижения версий о инсценируемых преступлениях путем поджога.

Далее следует проверка данных версий, которая проводится параллельно с разработанным планом расследования, путем проведения различных следственных действий, направленных на раскрытие преступления.

Исходя из этого следует, что всегда должно исследоваться несколько версий о произошедшем, а анализ и фиксация негативных обстоятельств позволят на любой стадии процесса изучить выдвинутую версию и провести её оценку с точки зрения достоверности.

При осмотре места происшествия необходимо определить обстоятельства, которые позволяют установить природу возникновения пожара, а именно время и место возникновения очага пожара. Для подтверждения версии о поджоге при осмотре места происшествия необходимо собрать данные для производства пожарно-технической экспертизы.

Хочется отметить, что огромный вклад в выявление и разоблачение инсценировки вносит деятельность судебных экспертов. При проведении исследования и в результате получения экспертного заключения можно обнаружить негативные обстоятельства произошедшего преступления, что и будет указывать на инсценированное преступление.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Начиная с 2012 г., по данным Национальной электронной библиотеки, в ней не было размещено ни одной диссертации по теме оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия отдельных категорий преступлений. Число ученых, которые занимаются обозначенной проблемой, небольшое и включает признанных в своей сфере авторов¹. Можно предположить, что большая часть работ по оперативно-розыскной методике (особенно частным методикам) содержат сведения, составляющие государственную тайну, и поэтому их авторы защищаются в «закрытых» диссертационных советах (**первая проблематика**).

Однако проблема разработки частных оперативно-розыскных методик кроется не только в сложности и «закрытости» данных исследований. Если рассматривать вопросы оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия убийств, где огонь применяется как орудие (способ) сокрытия преступления, с наших позиций, в качестве первого структурного элемента следует включить вычленение исходных оперативно-розыскных ситуаций (ОРС) с последующей обязательной градацией на типичные и атипичные. Один из недостатков частных методик обусловлен подходом разработчиков, при котором они рассматривают только типичные ОРС, отказываясь от анализа вариантов исходных ОРС (**вторая проблематика**). Такой же позиции придерживаются и практические работники. По убийствам изучаемой

¹ Абрамов А.М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 395 с.; Давыдов С.И. Некоторые проблемные вопросы развития теории оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений // Российский следователь. 2008. № 8. С. 25–28; Луговик В.Ф., Васильченко Д.А., Чечетин А.Е. Методика раскрытия и расследования преступлений подразделениями уголовного розыска : учеб. пособие / под ред. В.Ф. Луговика. М. : Проспект, 2021. 216 с.

категории при градации ОРС обязательно следует учитывать: а) пол потерпевшего; б) наличие среди потерпевших детей; в) место совершения убийства (открытое/замкнутое/полузамкнутое пространство); г) расстояние от места жительства жертвы до места убийства и (или) сжигания; д) положение трупа относительно очага возгорания. Мы считаем это ключевым элементом при построении частных методик, так как получаемая оперативниками исходная оперативная информация, отвечающая на вопросы «кто?», «где?», «каково расстояние?» и т.п., имеет тесные корреляции с личностью предполагаемого преступника и учитывается при выдвижении иных версий.

Вычленение ОРС затруднительно как без статистического и семантического анализа эмпирической базы, так и без оперативно-розыскной характеристики преступления (ОРХП) (**третья проблематика**). Математическая статистика свидетельствует, что минимальный объем выборки, на основании которой можно формулировать значимые выводы, составляет 200–250 наблюдений. Для разработчиков ОРС и частных методик это означает изучение хотя бы 200–250 материалов уголовных дел. Для убийств изучаемой категории, как показало наше исследование, требуется изучение не только уголовных дел, но материалов доследственных проверок, заключений судебно-медицинских экспертиз и актов судебно-медицинского исследования обгоревших трупов (как по подтвержденным убийствам, так и по несчастным случаям), данные уголовной статистики.

Четвертая проблема – недостаточная практико-ориентированность создаваемых оперативно-розыскных методик, на что указывают ученые¹ и практические работники. По убийствам изучаемой категории она может разрешаться включением, помимо ОРС и исходной оперативно-розыскной информации, других обязательных структурных элементов. Например: корреляции между элементами ОРХП; вычленение на их основы информационных кластеров; результаты судебно-медицинских, пожарно-технических и иных экспертиз; оптимальная комбинация оперативно-розыскных мероприятий и тактики их проведения; разработка алгоритма оперативной работы.

¹ Варданян А.В., Кулешов Р.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. № 22; Ишигеев В.С. Отдельные вопросы современной методики расследования отдельных преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 18–21.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРИПТОВАЛЮТЫ

При расследовании преступлений, совершаемых с помощью криптовалюты, возникает немало вопросов, так как на сегодняшний день нет выработанного механизма и методики¹ в расследовании такого рода преступлений, что обуславливает актуальность этой темы.

Данная работа является попыткой раскрыть значимые в настоящее время аспекты, которые могли бы быть включены в методику расследования преступлений, совершенных при использовании криптовалюты.

Преступлений, которые можно совершить с помощью криптовалюты, множество, начиная от заказного убийства, где оплата за его исполнение осуществляется с помощью криптовалюты, финансирования террористической и экстремисткой деятельности, и заканчивая мошенничеством, где появление криптовалюты внесло изменения в преступные схемы совершения этого преступления. Однако в данной работе планируется ограничиться вопросами преступной легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, совершаемого с помощью криптовалюты.

Один из существенных вопросов, которые следовало бы рассмотреть для включения в методику расследования таких преступлений – это возможность оценить криптовалюту как вещественное доказательство, что позволит в отношении нее производить конфискацию и наложение ареста.

Тем временем в зарубежной практике уже встречаются примеры, где при расследовании таких преступлений осуществляется конфискация криптовалюты, а после – ее конвертация в официальную валю-

¹ Земцова С.И., Галушин П.В., Карлов А.Л. Криптовалюта как объект криминалистического исследования при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. юрид. ин-т Министерства внутренних дел РФ, 2021. С. 24.

ту государства, что позволяет обратить в доход государства определенный денежный эквивалент.

Данная практика может применяться и на территории Российской Федерации при условии подхода, который применяется в отношении безналичных денежных средств. В таком случае возможно будет допустить вариант изъятия криптовалюты при расследовании преступления на специально созданный для этих целей счет.

Указанный вариант допускается в отношении безналичных денежных средств на территории Российской Федерации, так как согласно позиции, указанной в постановлении Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П, ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ не препятствует передаче безналичных денежных средств, на которые в рамках производства по уголовному делу наложен арест в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, на хранение на депозитный счет территориального органа Федерального казначейства¹.

Также в практике встречаются ситуации, когда суды и следствие признают безналичные денежные средства вещественным доказательством и вместо наложения на них ареста для обеспечения сохранности применяют к ним хранение в порядке ст. 82 УПК РФ (например, апелляционные определения Ленинградского областного суда от 31 мая 2017 г. по делу № 33-2474/2017, Белгородского областного суда от 28 сентября 2016 г. по делу № 22-1525/2016, решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 2-6481).

Признание криптовалюты вещественным доказательством даст возможность заполнить имеющиеся пробелы в правоприменительной практике и послужить началом формирования методики расследования таких преступлений.

¹ По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»: постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П.

ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УИС ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ

В настоящее время розыскные подразделения уголовно-исполнительной системы (УИС), входящие в состав территориальных органов ФСИН России, выполняют одну из важных задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) – осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, а также уклоняющихся от уголовного наказания.

В настоящее время оперативными подразделениями УИС разыскиваются следующие категории лиц: подозреваемые, обвиняемые и осужденные, совершившие побег из учреждений УИС или при конвоировании; осужденные, уклоняющиеся от отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы; осужденные к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, условно осужденные, осужденные с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющиеся от контроля уголовно-исполнительных инспекций (УИИ); осужденные к принудительным работам, уклоняющиеся от получения предписания для направления в исправительный центр или не прибывшие к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, не возвратившиеся в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда, а также самовольно оставившие исправительный центр, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов; осужденные, уклоняющиеся от получения предписания для направления в колонию-поселение, которым судом предоставлено право самостоятельного следования к месту отбывания наказания, или не прибывшие к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок.

В законодательстве РФ не урегулирован вопрос задержания отдельных категорий осужденных оперативными подразделениями УИС, в том числе подразделениями розыска УИС. Согласно ст. 14 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения сво-

боды», сотрудники УИС вправе задерживать только осужденных, совершивших побег из мест лишения свободы. Задержание остальных вышеперечисленных категорий осужденных производится сотрудниками полиции, так как в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» установлено, что сотрудники ОВД обязаны оказывать содействие органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы по розыску и последующему задержанию рассматриваемых категорий лиц. Вместе с тем в практической деятельности имеются факты, когда сотрудники полиции не принимают меры по задержанию лиц, находящихся в розыске, которые числятся за оперативными подразделениями УИС, чтобы в последующем не заниматься подготовкой документов в суд о заключении разысканного лица под стражу, ограничиваясь лишь информированием инициатора розыска о местонахождении разыскиваемого лица¹.

ФСИН России является правоохранительным ведомством, но отсутствие функций по задержанию отдельных категорий лиц препятствует достижению целей уголовного наказания, затягивает процесс замены наказаний, не связанных с изоляцией от общества, на лишение свободы. На наш взгляд, данную проблему можно решить только путем внесения изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство, а именно наделив сотрудников оперативных подразделений УИС правом задержания всех категорий лиц, указанных выше.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что для устранения вышеуказанных проблем необходимо на законодательном уровне установить право сотрудников уголовно-исполнительной системы на задержание отдельных категорий осужденных.

Н.А. Зуйкова, С.А. Головки

НАЖИМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА

Конструктивное строение письменных знаков таково, что отдельные буквы и их элементы в почерках высокой и средней степеней выработанности чаще всего выполняются однообразными, приближен-

¹ Чайковский А.А. Правовое регулирование розыскной работы в уголовно-исполнительной системе // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 124.

ными к прописям движениями. Поэтому выявленные в процессе проведения почерковедческого исследования частные признаки почерка оказываются малоинформативными, т.е. бесполезными при решении экспертных задач. Это создает определенные трудности, особенно при исследовании кратких записей и подписей, содержащих ограниченное количество признаков. В случаях, когда выявленные частные признаки почерка не могут быть включены в индивидуальную совокупность совпадающих или различающихся признаков в силу своей незначительной идентификационной значимости, возможно изучение характеристик почерка, содержащихся в нажиме.

Научной основой исследования признаков нажима служит положение о том, что нажим – динамическая характеристика, индивидуализирующая письменно-двигательный навык. Характер изменения нажима при выполнении письменных знаков, элементов и их частей, особенно в почерках высокой и средней степеней выработанности, устойчиво и одинаково проявляется в рукописных записях, выполненных одним лицом, и различается в записях, выполненных другим лицом.

Поскольку признаки, характеризующие нажим, не всегда могут быть выявлены при визуальном исследовании, для получения более полной информации необходимо изучение рельефа штрихов с помощью различных технических приемов и методов (микроскопическое исследование, исследование в различных режимах освещения – в косопадающем, на просвет, фотографирование в поле токах высокой частоты, в отраженных инфракрасных лучах и т.д.). Информацию о распределении нажима в штрихах можно получить путем измерения ширины штрихов. При этом необходимо учитывать материал письма – качество бумаги, пишущий прибор (шариковая ручка, гелевая ручка, перо, карандаш и т.д.), вид подложки и др. Кроме того, степень выраженности нажима может зависеть от положения пишущего прибора относительно плоскости бумаги (документа), особенно при выполнении записей перьевой и шариковой ручками. Степень нажима тем больше, чем меньше угол между пишущим прибором и плоскостью документа. Положение пишущего прибора может быть перпендикулярное – наибольший нажим в основных частях сгибательных элементов, и наклонное – наибольший нажим будет при переходе от приводящих штрихов в горизонтальные.

Признаки, связанные с различным способом удержания пишущего прибора, их проявление в характере нажима почерка являются, как

правило, очень редко изменяемыми при маскировке почерка и в силу этого имеют идентификационное значение.

Изучение распределения нажима в почерковых объектах следует рассматривать как одну из возможностей получения дополнительной информации при исследовании кратких записей и подписей.

Традиционная методика исследования почерка, дополненная результатами изучения важнейшей динамической характеристики письма – нажима, существенно повысит надежность экспертных выводов.

И.В. Иванов

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЕГО УЧАСТИЕМ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Участие подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий дает возможность следователю тщательно изучить его личность. Благодаря наблюдению за спецификой вербального и невербального поведения этого лица, оценке стабильности ее проявления на протяжении ряда следственных действий, у следователя возникает определенное представление о личностных свойствах данного участника уголовного судопроизводства. На формирование у следователя целостного образа конкретного подозреваемого (обвиняемого) влияют ситуационные особенности, включающие условия, при которых становится очевидной установка участника следственного действия на сотрудничество либо, напротив, противодействие расследованию. При характеристике тактических положений изучения личности участника следственных действий невозможно обойти вниманием факторы возможного явного или скрытого противодействия расследованию, которые могут стать предпосылкой к возникновению конфликтных ситуаций между следователем и подозреваемым (обвиняемым).

Следуя ходу рассуждений О.Я. Баева¹ на затронутую тему, отметим, что присутствие в следственной ситуации отдельных элементов потенциальной или реальной конфликтности означает необходимость

¹ Баев О.Я. Основы криминалистики. М., 2003. С. 197.

применения соответствующих тактико-криминалистических средств воздействия на подозреваемого (обвиняемого), нейтрализующих его негативную установку. Н.Т. Ведерников, подчеркивая значимость тактических приемов для разрешения конфликтных ситуаций, отмечает, что в условиях утраты элемента конфликтности в отношениях между следователем и обвиняемым «необходимость в применении тактических приемов в значительной мере отпадает»¹. Строго говоря, переход после разрешения конфликта в бесконфликтную ситуацию не влечет полную утрату необходимости в применении тактических приемов, но обуславливает применение тех тактико-криминалистических средств, которые соответствуют изменившейся следственной ситуации. Следственные ситуации конфликтного и бесконфликтного типов задают формат изучения следователем личности подозреваемого (обвиняемого) в принципиально разных обстоятельствах. При этом далеко не всегда конфликтная ситуация, проявляющаяся в столкновении взглядов, стремлений и интересов следователя и иных участников процесса, оказывает исключительно негативное влияние на достижение назначения уголовного судопроизводства², а в тот или иной период криминалистической деятельности – на решение отдельных тактических задач. Влияние условий конфликтной ситуации на поведение участников следственного действия может иметь и позитивный эффект, исследование которого остается за пределами настоящей работы.

В ходе анкетирования следователей 32% респондентов указали на прямую зависимость между стремлением следователя в ходе следственного действия избежать конфликта с подозреваемым (обвиняемым) и успешным решением задачи наиболее полного изучения личности последнего. Иными словами, приблизительно треть следователей не считают возможным получить сведения о личности обвиняемого в конфликтной ситуации, даже если будет задействован весь потенциал, содержащийся в тактических приемах производства того или иного следственного действия. Еще 39% анкетированных следователей придержива-

¹ Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого (понятие, предмет и методика изучения). Томск, 1978. С. 74.

² См.: Шагимуратова З.А. Конфликтные ситуации и противодействие расследованию // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 215.

ются более умеренной позиции, рассматривая установку следователя на бесконфликтный характер следственного действия в качестве приоритетной (но не абсолютной) при решении задачи получения данных о подозреваемом (обвиняемом). Остальные 29% респондентов не усматривают строгой зависимости между наличием или отсутствием конфликта и возможностями следователя изучать личность подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия. Таким образом, практикой актуализируется проблема выявления таких тактических построений, которые позволяют успешно решить задачу изучения личности подозреваемого (обвиняемого) даже в условиях возникшего конфликта.

А.Н. Калюжный

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Криминалистическая характеристика преступлений выступает неотъемлемой составляющей методики расследования любых преступных посягательств. Исследование сущности и содержания криминалистической характеристики позволило нам прийти к выводам о ее месте и значении.

В первую очередь необходимо отметить, что криминалистическая характеристика служит информационной моделью для ретроспективного построения события преступления, разработки тактических приемов производства следственных и процессуальных действий, направленных на его раскрытие и расследование.

Во-вторых, криминалистическая характеристика выступает методологической основой для формирования частной методики расследования конкретных посягательств (их группы, вида).

В-третьих, по справедливому замечанию А.А. Бессонова, криминалистическая характеристика является средством, используя которое, субъекты расследования определяют совокупность направлений расследования, разрабатывают тактические особенности доказывания преступной деятельности¹, определяют приемы и способы собирания и получения доказательств¹.

¹ Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 70.

В-четвертых, криминалистическую характеристику необходимо использовать для уяснения криминалистической сущности преступления. Выступая средством познания рассматриваемой преступной деятельности, криминалистическая характеристика позволяет ориентировать субъектов расследования на установление предмета доказывания, выяснение отдельных уголовно-правовых элементов, имеющих значение для правильной квалификации преступления, планирование тактических средств решения задач уголовного судопроизводства.

В-пятых, криминалистическая характеристика позволяет оценить результаты расследования, обратив внимание на полноту и всесторонность проведенного расследования, выявив возможно упущенные факты, имеющие принципиальное значение для предварительного расследования и судебного разрешения дела, сделать вывод о достаточности доказательственной базы.

В-шестых, данные криминалистической характеристики позволяют сделать прогностические выводы, находящиеся за пределами предмета криминалистики: прогнозах распространения исследуемого негативного явления; мерах по противодействию ему; возможных законодательных инициативах по оптимизации правового регулирования в контурной сфере; разработке профилактических мер предупреждения преступных посягательств.

Между криминалистической характеристикой преступлений и методикой их расследования имеется жесткая взаимосвязь, поскольку именно информационная модель преступления (их видов, групп) предопределяет структуру криминалистической методики по их расследованию. Обобщив имеющиеся в науке криминалистике подходы к сущности и содержанию криминалистической характеристики преступлений, необходимо отметить, что построение современных методик расследования преступлений немыслимо без исследуемой категории. Ее основное предназначение – выступить предпосылкой для формирования криминалистических рекомендаций по раскрытию и расследованию конкретных посягательств (их группы, вида). Криминалистическая характеристика как информационная система обеспечивает формирование соответствующих методик расследования, детерминируя их содержание, структуру и выступая основой для аргументации типовых данных об элементах преступной деятельности, их взаимосвязях и взаимозависимостях.

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЕЛЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ

Нормы ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») позволяют использовать результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном судопроизводстве в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также для использования в доказывании по уголовным делам. Вместе с тем нормативные положения ФЗ «Об ОРД» не закрепляют дефиницию «результаты ОРД». Ее легальное определение содержится в пп. 36.1 ст. 5 УПК РФ, согласно которому под результатами ОРД понимаются сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Согласно ст. 1 ФЗ «Об ОРД», ОРД проводится посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Таким образом, по нашему мнению, термины «результаты ОРД» и «результаты ОРМ» тождественны.

Анализ нормативных положений ФЗ «Об ОРД», касающихся оформления результатов ОРМ, позволил выявить коллизии, прямо влияющие на их дальнейшее использование результатов ОРМ в доказывании в рамках уголовного судопроизводства.

Во-первых, нормы ФЗ «Об ОРД», закрепляя систему гарантий законности при проведении ОРМ, тем не менее, не содержат процедурных норм, регламентирующих порядок проведения каждого из ОРМ, названного в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», а также порядок оформления полученных результатов. Вместе с тем положения ч. 2 ст. 4 ФЗ «Об ОРД» позволяют органам, осуществляющим ОРД, издавать в пределах их полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРМ. Таким образом, при условии отсутствия

законодательного закрепления каждый орган, осуществляющий ОРД, фактически может самостоятельно определить как дефиниции, так и содержание самих ОРМ, а также порядок документального оформления их результатов, не согласовывая ведомственные нормативные акты с другими органами, осуществляющими ОРД (за исключением случаев, указанных в ч. 3 ст. 4 ФЗ «Об ОРД»). Такой подход ведет к многообразию как процедур проведения ОРМ, так и документов, составляемых в результате их проведения.

Во-вторых, абз. 2 п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» предписывает оперативным подразделениям при изъятии документов, предметов, материалов при проведении гласных ОРМ составлять протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Вместе с тем УПК РФ не содержит каких-либо предписаний в указанном ФЗ «Об ОРД» случае. Налицо коллизия норм, которая может прямо повлиять на дальнейшее использование полученных результатов ОРМ в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве.

В-третьих, результаты проводимых ОРМ могут быть использованы в доказывании только в том случае, если они соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам, регламентированным в УПК РФ, однако ОРМ проводятся в соответствии с положениями ФЗ «Об ОРД» и не учитывают требования УПК РФ.

Таким образом, мы можем констатировать, что назрела необходимость установления единого порядка проведения ОРМ и оформления их результатов для всех органов, осуществляющих ОРД. По нашему мнению, устранить имеющиеся проблемные вопросы поможет кодификация оперативно-розыскного законодательства.

А.В. Качан

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ НЕЗАВЕРШЁННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Рассматривая проблемы судебно-баллистической экспертизы, обращает внимание тот факт, что среди сотрудников экспертных криминалистических подразделений (ЭКП) в настоящее время не суще-

ствуется единого мнения в оценках некоторых исследуемых объектов. В частности, речь идёт об основных частях огнестрельного оружия, полный перечень которых представлен в п. 3 статьи 1 Федерального закона от 15.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»¹. Важно отметить, что в экспертной практике встречаются не только основные части заводского производства, но и основные части самодельного изготовления. Примечательно, что именно оценка таких объектов вызывает споры и дискуссии среди сотрудников ЭКП. Важно отметить, что эксперты ЭКП относят к основным частям только те самодельные объекты, которые при установлении на огнестрельное оружие обеспечивают возможность выстрела (рис. 1).

Рис. 1. Самодельный ствол к пистолету «ТТ»
(полностью завершённого изготовления)

Такое решение опирается на п. 7 раздела 3 (последовательность действий эксперта) «Методики решения экспертного вопроса об отнесении деталей и сборочных единиц ручного огнестрельного оружия к основным частям» 2019 г.² Указанное обстоятельство позволяет самодельно изготовленные объекты, даже несмотря на то, что они по конструктивным и размерным характеристикам полностью совпадают с заводскими основными частями оружия (за исключением недоработок, не позволяющих производить выстрелы), к категории основных частей не относить (рис. 2). Например, полностью совпадающий по размерным, конструктивным характеристикам и материалу изготовления самодельный ствол к пистолету «ТТ» ввиду неполного завер-

¹ Федеральный закон «Об оружии» от 15.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

² Методика решения экспертного вопроса об отнесении деталей и сборочных единиц ручного огнестрельного оружия к основным частям : метод. рекомендации / А.В. Кокин, А.С. Лихачёв, В.Н. Качан. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 20 с.

шения его изготовления (отсутствует серьга крепления к рамке оружия).

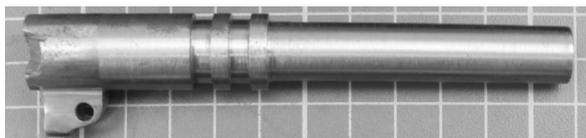

Рис.2. Самодельно изготовленный ствол к пистолету «ГТ»
(не полностью завершённого изготовления)

Анализ практики производства экспертиз и исследований ЭКП показывает, что эксперты в своих исследованиях такие объекты не только не относят к основным частям, но и не указывают, чем они в действительности являются. Важным является то, что в своём большинстве в силу размерных и конструктивных характеристик их нельзя использовать в иных целях, кроме как в качестве основных частей огнестрельного оружия (после незначительной их доработки). Помимо этого, они не предназначены для использования в хозяйственно-бытовых либо производственных целях, следовательно, в данном случае речь должна идти об объектах – основных частях огнестрельного оружия незавершённых изготовлением, для полного завершения которым необходимо пройти ещё одну или несколько стадий. Следует обратить внимание на то, что для расследований преступлений по ст. 223 УК РФ в некоторых случаях важен факт установления, в том числе и покушения на изготовление, основной части огнестрельного оружия.

Таким образом, в зависимости от степени готовности объекта для его применения по целевому назначению наиболее правильно было бы относить такие объекты к заготовкам основных частей огнестрельного оружия, которым для полного завершения необходимо пройти доработку. При этом общая конструкция, материал, форма, размеры объекта позволяют сделать вывод о том, что именно предполагал сделать изготовитель.

ОЦЕНКА СУДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Известно, что суд, соблюдая все процедуры при разбирательстве и оценивая как сформулированные выводы, так и весь ход проведённого исследования экспертизы холодного оружия, учитывает факт соблюдения законности при её выполнении. Это изложено в ст. 5, а правовая основа – в ст. 3 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ¹. Однако в настоящее время в силу сложившихся обстоятельств эксперт при исследовании клинковых объектов в некоторых случаях попадает в весьма трудное положение. В частности, речь идёт о проблеме отсутствия в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) справочного материала и сведений о проводимых работах по сертификации холодного оружия и предметов хозяйственно-бытового назначения. Напомним, что с введением в 1993 г. в действие ФЗ «Об оружии»² обязанность по сертификации холодного оружия была возложена на Экспертно-криминалистический центр МВД России (ЭКЦ МВД России), затем эта функция была передана автономным некоммерческим организациям.

Важно обратить внимание на тот факт, что ежегодно ЭКЦ МВД России по итогам проведённой работы выпускал сборник материалов, в которых была включена подробная информация об сертифицируемых объектах. В частности, в документе (информационный листок) был отражён номер протокола сертификационных криминалистических испытаний, название, общий вид ножа, а также его технические характеристики. Указанные данные при производстве экспертизы клинкового холодного оружия имели важнейшее значение и с успехом использовались на протяжении длительного периода времени ЭКП. Однако ситуация изменилась с момента передачи функции сертификации автономным некоммерческим организациям. Отметим, что на протяжении более десяти лет данные организации проводят работы по сертификации различных образцов гражданского и служебного хо-

¹ Федеральный закон Российской Федерации № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 31.05.2001. С. 14–15.

² Закон РФ № 4992-1 «Об оружии» от 20 мая 1993 г.

лодного оружия, а также предметов хозяйственно-бытового назначения, сходных с такими объектами, производимых как на территории Российской Федерации, так и за рубежом, ввозимых на территорию нашей страны. Отметим, что при передаче ЭКЦ МВД России данной функции автономным некоммерческим организациям рассматривался вопрос об обобщении, систематизации и передаче данных об их работе и формировании аналогичных сборников, ранее выпускавшихся ЭКЦ МВД России. Однако статья расходов на данную деятельность МВД РФ была не предусмотрена, а за свой счёт автономные некоммерческие организации работу по формированию и передаче данных о сертификации холодного и метательного оружия и сходных с ним предметов хозяйственно-бытового назначения, прошедших сертификационные испытания, отказались. В связи с этим при исследовании клинкового гражданского холодного оружия (заводского производства) эксперт лишён возможности на должном уровне осуществить сравнительное исследование объекта. Это, в свою очередь, может негативно влиять на оценку заключения судом, а в некоторых случаях и привести к нарушению части второй ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ, в которой сказано, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Решение данной проблемы видится в осуществлении целевого государственного финансирования автономных некоммерческих организаций для обобщения и представления в ЭКП сведений об сертифицированных ими объектах либо обратной передачи функций по сертификации от некоммерческих организаций к ЭКЦ МВД России.

А.М. Киселев

**РОЛЬ И МЕСТО ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ
УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ
ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ
ИЗОЛЯТОРАХ ИЛИ ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ
НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Особенностью реализации мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государ-

ственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ), в уголовно-исполнительной системе является сама суть функционирования учреждений и органов этой системы. В принципе эти особенности и предусмотрены в вышеназванном законе и выражаются в реализуемых мерах безопасности в данных учреждениях, что существенно отличается от реализуемых мер безопасности другими органами, имеющими на это право. Существенным обстоятельством, кроме того, на наш взгляд, выступает и сама организационно-штатная структура построения вышеназванных учреждений и органов, которая не предусматривает специализированного подразделения для реализации этой функции. Учитывая по сравнению с Министерством внутренних дел Российской Федерации достаточно незначительное количество лиц, отбывающих уголовное наказание или содержащихся под стражей, в отношении которых исполняются меры безопасности, связанные с обеспечением государственной защиты, нет никаких объективных предпосылок для создания отдельного подразделения для реализации этой функции. Данное обстоятельство и определяет необходимость применения нескольких структурных подразделений учреждений и органов при осуществлении мер безопасности в отношении вышеопределенной категории лиц.

Успех любого дела зависит от наличия необходимой информации, профессионализма исполнителей, достаточности ресурса и грамотного управления процессом. Органом получения и добывания информации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» является оперативное подразделение, и это обстоятельство определяет место оперативных аппаратов при реализации вышеобозначенных мер безопасности. А.Ю. Шумилов совершенно справедливо обозначает тезис, по сути, подтверждающий место этих подразделений в описанном процессе: «...добывание информации в условиях, как правило, информационной недостаточности»¹.

Подразделение, обладающее оперативной информацией по теме реализуемых мероприятий, соответственно, производит ее анализ, что

¹ Шумилов А.Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сысколога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2 (39). С. 7.

позволяет видеть цепочку возможных опасений, т.е. предвидеть или знать возможные действия (мероприятия) источника угрозы. Обозначенный фактор формирует понимание, что оперативное подразделение, обладая необходимой и обработанной информационной средой, может наиболее достоверно прогнозировать возможные варианты развития событий. Обладая данной возможностью, эти подразделения формируют необходимые предложения руководителю учреждения или территориального органа уголовно-исполнительной системы. Выработка решения, включающего все аспекты, является одной из важнейших составляющих успеха, и это координационное направление, определяющее порядок реализации мер безопасности в соответствии с законом № 119-ФЗ в уголовно-исполнительной системе в каждом конкретном случае, и является основной функцией оперативных подразделений в рассматриваемом процессе.

А.В. Климачков

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ СИНТЕТИЧЕСКИХ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Как показывает анализ, за последние годы невероятные масштабы незаконного оборота наркотиков значительных изменений не претерпели¹. Изучение статистических данных позволяет судить о том, что существенно изменились способы совершения наркопреступлений. Основной проблемой противодействия преступности на современном этапе является рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Имеющиеся в настоящее время исследования² свидетельствуют, что развитие информационных технологий и киберпреступности зна-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2021 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27566319/>.

² Гаврилин Ю.В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 122–129; Земцова С.И. Бесконтактный сбыт наркотических средств с использованием интернет-магазинов: актуальные вопросы // Наркоконтроль. 2019. № 3. С. 17–22; Князьков А.С. Уголовно-правовое зна-

чительно опережает методы, используемые сотрудниками правоохранительных органов в раскрытии и расследовании наркопреступлений, совершенных указанным способом.

Еще одной негативной тенденцией в сфере наркопреступности во многих субъектах Российской Федерации является изменение структуры наркорынка в сторону увеличения доли синтетических наркотиков. На наш взгляд, данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, низкой себестоимостью и высокой прибыльностью, а также неограниченными возможностями производства синтетических наркотиков. Очевидно, что вещества синтетического происхождения сегодня стали неотъемлемой частью наркорынка и занимают лидирующие позиции по популярности и нахождению в незаконном обороте.

Синтетические наркотики на наркорынок России попадают как контрабандой, так и из внутренних источников (изготовление в условиях подпольных лабораторий). Из разряда синтетических наркотиков в последнее время самое широкое распространение получили вещества синтетического происхождения ряда JWH, N-метилэфедрон, MDPV, карбомаилы и прочие карбоксамиды, или, проще говоря – синтетические заменители какого-либо натурального вещества, полностью воспроизводящие его наркотические свойства либо близкие к ним.

Чаще всего сбыт синтетических наркотиков осуществляется посредством распространения информации в так называемой теневой сети DarkNet через браузер «Тор», которая обеспечивает абсолютную анонимность пользователей в обход отслеживания серверов провайдеров. Мониторинг интернет-пространства демонстрирует значительное количество интернет-магазинов, для создания которых обширно используется платформа «Hydra». Данная площадка расположена в теневом сегменте браузера «Тор», позволяющего обойти блокировку электронных ресурсов.

Для оптимизации процесса борьбы с незаконным оборотом синтетических наркотических средств назрела необходимость поиска наиболее оптимальных, эффективных форм и методов выявления и раскрытия рассматриваемых преступных проявлений. Уяснение особенностей характеристики преступлений, связанных с незаконным

чение использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей как элемента способа незаконного сбыта наркотических средств // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 158–162 и др.

оборотом синтетических наркотических средств, полагаем, может оказаться полезным для решения задач по противодействию данным преступлениям.

Д.А. Книс

ЗНАЧИМЫЕ ПРИЗНАКИ КРИМИНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Успешное оперативно-розыскное выявление, предупреждение и раскрытие отдельных преступлений возможны лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на криминальной принадлежности личности, поскольку именно личность является носителем причин совершения преступлений. При этом она выступает основным и важнейшим звеном всего механизма криминального поведения как до совершения преступления, непосредственно в момент совершения преступного деяния, так и после его совершения. Те её особенности, которые порождают это криминальное поведение, должны быть непосредственным объектом превентивного воздействия со стороны работников оперативных подразделений органов внутренних дел.

В ходе выявления криминальных ситуаций и лиц, причастных к их возникновению и развитию, сотрудники оперативных подразделений сталкиваются с необходимостью анализа больших объёмов фрагментированных данных, характеризующих как различные явления, сопутствующие преступлению, так и лиц, имеющих к ним отношение, а также их поведение. Иными словами, имеют важное значение для оперативно-розыскного познания.

Поведение как явление, характеризующее личность и являющееся внешним выражением её активности, в том числе и криминальной, в рамках оперативно-розыскной науки может выступать в качестве непосредственного объекта комплексного изучения с точки зрения подготовки, совершения и сокрытия преступления; изучаться для установления его характерных, наиболее типичных признаков, пригодных для использования в целях оперативного выявления и раскрытия замаскированных и латентных преступлений, а также создания

частных методик их выявления и раскрытия и последующего их использования в практике предупреждения, пресечения преступлений оперативно-розыскными средствами и методами, в педагогическом процессе в ходе профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений.

Охарактеризовать и идентифицировать личность как криминальную или относящуюся к конкретной криминальной ситуации сотрудникам оперативных подразделений возможно посредством наблюдаемых ими признаков (характеристик), которые подвергаются не только анализу, объяснению, трактовке, толкованию, но и оперативно-розыскной интерпретации, документированию.

Данные признаки (характеристики), составляющие общую оперативно-розыскную характеристику преступления, представляется возможным разделить на три информационных блока: морфологические признаки (характеристики) – строение лица, телосложение и т.д.; функциональные признаки (характеристики) – речевое и невербальное поведение и др.; иные сопутствующие криминальные признаки (характеристики) – татуировки, шрамы, одежда и пр.

Наибольшее значение, на наш взгляд, в ходе оперативно-розыскного выявления криминальной принадлежности личности и её криминальной активности имеют функциональный блок признаков (характеристик): речевое поведение (различные речевые обороты и высказывания, жаргонизмы и специальная терминология); невербальное поведение (особенности отдельных движений и действий в целом, а также их совокупность); знаки, визуально характеризующие скрытую коммуникацию (к их числу опосредованно относятся граффити как результат и составная часть криминального поведения).

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы. Для решения задач ОРД оперативнику необходимо знать весь спектр значимых признаков всех объектов оперативного интереса, составляющих их оперативно-розыскную характеристику. Научная разработка в рамках оперативно-розыскной характеристики преступлений вопроса классификации признаковой характеристики криминального поведения позволит улучшить возможность сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел оперативно выявлять и воспринимать признаки объектов, на которые нацелен поиск.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В криминалистической науке устоявшимся является подход к формированию методических положений расследования преступлений и их групп. Он, как известно, состоит в рассмотрении положений, получивших название элементов частной криминалистической методики. Представляется, что за рамками методологических положений, необходимых для качественного формулирования выводов и рекомендаций, касающихся расследования тех или иных преступлений, остаются положения, связанные с методом расследования преступления, который не может быть сведен к совокупности элементов частной криминалистической методики либо к одному из них. В равной мере он не может быть сведен и к совокупности научных методов, используемых в ходе разработки частной криминалистической методики.

На наш взгляд, решение этого вопроса должно лежать в рамках методологии практической деятельности, о необходимости выделения которой, наряду с методологией науки, говорят отдельные авторы¹. При этом решить проблему определения метода расследования преступления как качественной характеристики своеобразия организации деятельности следователя по расследованию преступления определенного вида (группы преступлений) путем перечисления самых разных методов, от метода ситуационного моделирования² до метода криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступления³, более того – общего метода расследования⁴, идея которого получила обоснованную научную критику, на наш взгляд, нельзя.

¹ Яблоков Н.П., Колдин В.Я. Методология криминалистики // Криминалистика : учебник / под ред. Н.П. Яблокова. М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 82.

² Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Москва ; Калининград, 1997. С. 115–176.

³ Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

⁴ Чурилов С.Н. Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Юстицинформ, 2011. С. 20–44.

В настоящий момент лишь немногие авторы при анализе проблем методологии называют различающиеся направления криминалистической деятельности, позволяющие считать их собственно методами расследования преступлений, например методы экономического и технологического анализа, метод криминалистического анализа деятельности должностных лиц.

Вполне понятно, что содержанием любой частной криминалистической методики являются закономерности поисково-познавательной деятельности, получающей свое отражение в криминалистических целях следственного действия¹. Однако их анализ недостаточен для ответа на вопрос о методе расследования преступления того или иного вида. Это видно на примере предложенной В.Е. Корноуховым классификации методик расследования преступлений. Результатом её явилось называние классов методик: «Причинные отношения», «Пространственно-временные отношения». В классе методик расследования «Причинные отношения», по мнению названного автора, вначале изучаются последствия, затем – обстановка, предшествующая преступлению, а после этого – механизм преступления. В классе методик «Пространственно-временные отношения» вначале осуществляется поиск лица, совершившего преступление, проверка подозрения и т.д.² Однако нельзя не видеть, что реализация задачи поиска преступника уже в самом начале расследования предполагает необходимость изучения последствий преступления, предшествующей преступлению обстановки, а также механизма преступления; кроме того, нередко расследование преступлений, требующих установление причинно-следственных связей, получающих свое отражение в материальной обстановке, также сопровождается поиском неизвестных преступников.

¹ Князьков А.С. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 247. С. 100–105.

² Корноухов В.Е. Методики (рекомендации) по расследованию преступлений // Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М., 2000. С. 634–635.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По-прежнему актуальным с момента возникновения судебных экспертиз является использование их возможностей для получения криминалистически значимой информации.

Аспекты взаимодействия следователя с экспертно-криминалистическими подразделениями могут носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер. К процессуальным видам взаимодействия следователя и эксперта следует отнести:

1. Производство следственных действий: осмотр места происшествия, обыск, выемка, в ходе которых в соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист привлекается для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования вещественных доказательств.

2. Предварительное исследование, проводимое в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий должностным лицом экспертного учреждения, специалистом на основе специальных знаний в целях исследования материальных следов, предметов и документов с применением криминалистических средств и методов¹.

3. Производство судебной экспертизы как основная процессуальная форма взаимодействия следователя и эксперта, в ходе которой эксперт оформляет заключение эксперта – документально оформленные ход и результаты соответствующего исследования, в котором эксперт отвечает на поставленные перед ним вопросы, приведенные в постановлении о назначении экспертизы.

4. Выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, а именно: экспертная профилактическая деятельность, сущность которой заключается в возможности установления в ходе производства судебной экспертизы ряда фактических данных, которые не относятся к поставленным перед экспертом вопросам, но могут обуславливать обстоятельства, которые способствуют соверше-

¹ Коглина В.А. Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 93.

нию соответствующего вида преступлений (отсутствие маркировки на объектах и т.д.).

5. Ведение и использование информационных баз данных (натурные и цифровые коллекции) и криминалистических учетов, с помощью которых следователь оперативно может осуществлять поиск и идентификацию скрывшихся преступников по их следам, розыск орудий преступления, похищенных вещей и документов.

К непроцессуальному взаимодействию следователя и эксперта при назначении и производстве соответствующего вида судебной экспертизы относится: консультативно-справочная деятельность эксперта по организации и назначению, а также возможностям использования и оценки результатов исследований объектов в целях раскрытия и расследования преступлений. В рамках данного вида взаимодействия могут быть сформулированы следственные и экспертные версии, составлен план проведения соответствующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, главной целью которых является задержание преступника в максимально короткие сроки.

Таким образом, отметим, что взаимодействие следователя и эксперта является комплексной субъект-субъектной деятельностью, направленной на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, эффективность которых непосредственно зависит от выбранной формы, методов и средств взаимодействия следователя с экспертно-криминалистическими подразделениями.

Е.В. Кокорев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Одной из основных задач, стоящих перед правоохранительными органами нашего государства, является быстрое и полное раскрытие всех без исключения преступлений. Важное место в связи с этим занимает деятельность, направленная на выявление и раскрытие преступлений, производство по уголовному делу о которых приостанов-

лено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, или, как их еще называют, «преступления прошлых лет».

Проблема раскрытия преступлений названной категории не теряет своей актуальности. Данные официальной статистики МВД показывают, что за январь–декабрь 2021 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 2 004,4 тыс. преступлений, не раскрытыми из них остаются 933,3 тыс. Из этого количества практически каждое третье (33,2%) – тяжкое и особо тяжкое. Преступлений прошлых лет в январе–декабре 2021 г. раскрыто 47,5 тыс., 27,9% из них составляют тяжкие и особо тяжкие (всего – 13,2 тыс.)¹.

Причин как объективного, так и субъективного характера, по которым целый ряд преступлений продолжительное время остается не раскрытым, много.

Тем не менее, осуществляя планомерную, целенаправленную работу в данном направлении, правоохранительные органы обязаны решать поставленные перед ними задачи по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет. Это в полной мере касается органов и учреждений УИС, в особенности их оперативных аппаратов. Оперативные подразделения, имея в своём распоряжении необходимые силы и средства, а также возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», при качественной организации своей работы могут успешно решать вопросы по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет в исправительных учреждениях².

В последнее время численность лиц, содержащихся в учреждениях УИС, неуклонно снижается. Учитывая, что Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» одним из основных направлений деятельности называет гуманизацию уголовно-исполнительной политики государства, можно предположить, что количество осужденных к лишению свободы продолжит уменьшаться с каждым годом. В конечном итоге – это неиз-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения: 25.01.2022).

² Кокорев Е.В. Выявление и раскрытие преступлений прошлых лет как одно из основных направлений деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Российский следователь. 2021. № 3. С. 64.

бежно приведет к ухудшению криминогенного состава лиц, содержащихся в исправительных учреждениях УИС. Осужденные, обладающие обширным преступным опытом, ранее неоднократно судимые, способны оказывать серьезное противодействие оперативным подразделениям в их деятельности по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет, определению мест хранения похищенного, установлению возможных свидетелей произошедшего. В сложившихся условиях нагрузка на оперативные аппараты исправительных учреждений будет только возрастать.

В свою очередь, повышение уровня эффективности деятельности оперативных подразделений УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет позволит не только улучшить статистические показатели, но и будет способствовать реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности виновных лиц, восстановлению нарушенных прав и законных интересов потерпевших, увеличению уровня правопослушного поведения в обществе.

М.В. Кондратьев

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ СБЫТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Правовая основа противодействия незаконному сбыту наркотических средств является частью правовой основы противодействия незаконному обороту наркотиков в целом и представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих систему специфических правоотношений, связанных с применением и использованием данных норм в деятельности по борьбе с наркопреступностью.

В системе правового регулирования вопросов противодействия преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотиков, можно выделить два основных уровня: международный и внутригосударственный.

Международную правовую основу противодействия незаконному сбыту наркотиков составляют международные правовые нормы, определяющие порядок взаимодействия правоохранительных органов

государств по рассматриваемому направлению борьбы с преступностью, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. К таковым относятся: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.), Конвенции о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 г.), а также Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией и др.

На внутригосударственном уровне правовую основу противодействия наркопреступности можно разделить на законодательную и подзаконную.

В законодательную правовую основу входят Основной закон государства, федеральные законы и законы субъектов РФ, например Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».

Подзаконную правовую основу оперативно-розыскного противодействия незаконному сбыту наркотиков составляют указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные и межведомственные нормативно-правовые акты органов государственной власти РФ. Сюда входят: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», постановление Правительства РФ № 681 от 30 июня 1998 г. «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», постановление Правительства РФ № 1002 от 1 октября 2012 г. «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Правовая основа оперативно-розыскного противодействия незаконному сбыту наркотических средств является фундаментальной составляющей в деятельности правоохранительных органов по борьбе с наркопреступностью, поскольку только благодаря правильному толкованию и применению соответствующих правовых норм возможно достижение желаемого результата в рассматриваемом направлении оперативно-служебной деятельности.

А.А. Кузнецов

УЧАСТИЕ АДВОКАТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Общим подходом к соблюдению гарантий прав участников уголовного судопроизводства являются положения ч. 1 ст. 11 УПК РФ, обязывающие суд, прокурора, следователя, дознавателя разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, и, что особенно, важно, обеспечивать возможность осуществления таких прав. Актуальность данных положений усиливается на этапе предварительной проверки заявлений (сообщений) о преступлении, когда еще не принято решение о возбуждении уголовного дела. Понятно, что еще не существует статуса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, однако их интересы могут быть связаны с фактическим решением следователя по существу дела на данном этапе, а значит, и должны быть сотрудниками правоохранительных органов учтены. В части 1.1 ст. 144 УПК РФ законодатель обозначил возможность пользоваться услугами адвоката всем лицам, участвующим в проверке сообщений о преступлении. Фактически речь идет об участии адвоката по оказанию юридической помощи по согласованию. В то же время в соответствии с редакцией ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле, в том числе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Таким образом законодатель связывает деятельность адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении с осуществлением именно защиты

прав таких лиц. И тут обычно ставится вопрос, можно ли по имеющимся материалам решить, нарушаются ли права и интересы? Если ход проверки связан с установлением признаков преступления в действиях конкретного лица, то, несомненно, да. Следует согласиться, что с учетом общеизвестных позиций Конституционного Суда (27.06.2000 № 11-П) и Верховного Суда РФ (21 декабря 2010 г. № 28), органы, осуществляющие доследственную проверку сообщения о преступлении, обязаны обеспечить участие адвоката при проведении процессуальных действий с лицом, в отношении которого проверка осуществляется¹. Следует признать, что большинство судебных экспертиз проводятся в государственных экспертных учреждениях. Не только адвокат, но и сам следователь может не знать, кто из экспертов будет участвовать в ее производстве. Однако даже в таких случаях, а в своем большинстве при последующем ознакомлении с заключением эксперта, подозреваемые (обвиняемые) ходатайства заявляют редко. Назначение дополнительных и повторных экспертиз связано с участием адвоката (защитника). Заключение эксперта до возбуждения уголовного дела является решающим источником доказательства. Следователь также заинтересован в использовании специальных знаний. Поэтому у них (адвоката и следователя) на данном этапе единая задача – подтвердить или опровергнуть факты, имеющие значение по делу. Обеспечение присутствия адвоката на этапе предварительной проверки при назначении экспертизы следует считать тактической задачей следователя. Такие случаи обязательны, когда судебная экспертиза назначается в порядке ст. 196 УПК РФ. Практика свидетельствует о необходимости участия адвоката в случаях производства судебной экспертизы по материалам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, по делам о дорожно-транспортных преступлениях. Несомненно, к этому следует добавить судебные экспертизы, проводимые по экономическим преступлениям.

Повторные, дополнительные экспертизы, о проведении которых в таких случаях могут ходатайствовать адвокаты, потребуют значительного времени, и в отдельных случаях подобные действия адвоката могут быть расценены следователем как противодействие расследованию.

¹ Николок В.В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики: избранные статьи : в 2 ч. Ч. II. И. : Юрлитинформ, 2021. С. 130–132 и др.

В.Н. Кукарцев

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «СНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ С ТЕХНИЧЕСКИХ КАНАЛОВ СВЯЗИ» ПО ФАКТАМ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ «Об ОРД») в ст. 2 одной из задач такой деятельности закрепил розыск лиц, пропавших без вести.

Решение этой задачи зафиксировано в данном Законе совершенно обоснованно, поскольку такие лица довольно часто становятся жертвами преступных посягательств и по большинству фактов безвестного исчезновения рассматривается версия о криминальности его происхождения.

В современных условиях, когда почти каждый человек имеет в пользовании мобильный телефон, существенно расширяются возможности установления местонахождения лиц, пропавших без вести, посредством проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «снятие информации с технических каналов связи» (далее – СИТКС), которое позволяет установить телефонные контакты, предшествующие исчезновению, сузить район поиска пропавшего лица либо способствует установлению его точного местонахождения.

Вместе с тем лишь ч. 7 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» закрепляет норму о том, что в случае получения сообщения о без вести пропавшем лице на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем лице, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонент-

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ского устройства путем СИТКС с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. При получении сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем либо лице, признанном в установленном законом порядке недееспособным или ограниченно дееспособным, получение соответствующей информации осуществляется при наличии письменного согласия законного представителя такого без вести пропавшего лица. В течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение.

На наш взгляд, указанная норма является недоработанной ввиду того, что ФЗ «Об ОРД» не закрепил возможности получения судебного решения и дальнейшего проведения СИТКС по фактам безвестного исчезновения граждан, когда первоначальный срок, указанный в ч. 7 ст. 8 Закона, истек и отсутствуют признаки криминального происхождения безвестного исчезновения, поскольку рассматриваемый Закон в ч. 2 ст. 8 допустил проведение такого ОРМ только при наличии информации о признаках преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия.

Для устранения указанного пробела, по нашему мнению, следует внести соответствующие изменения в ст. 8 ФЗ «Об ОРД», дополнив ч. 2 текстом следующего содержания: «Допускается на основании судебного решения получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи».

Е.С. Мазур, А.Е. Тростина

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время отмечается рост количества ятрогенных преступлений и, как следствие, встает вопрос о быстром их выявлении и качественном расследовании.

Тенденция к возрастанию числа ятрогенных преступлений связана с развитием новых медицинских технологий и методов лечения, медицинской техники и тактики их применения, а также ростом числа оригинальных лекарственных препаратов и дженериков.

Ятрогенное преступление представляет собой комплексную динамическую систему, требующую всестороннего рассмотрения. Для понимания всей проблематики необходимо не только изучить терминологию, но и определить перечень элементов криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, а также исследовать организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений, учитывая специфику такого рода преступлений¹.

Практика показывает, что при расследовании ятрогенных преступлений наиболее распространенными и эффективными следственными действиями являются допрос, выемка, осмотр медицинских документов и судебно-медицинская экспертиза.

Особенностью допроса при расследовании ятрогенных преступлений с точки зрения его предмета выступает медицинская деятельность. Поскольку подозреваемый (обвиняемый) и большая часть свидетелей являются медицинскими работниками, условием качественного допроса каждого из них является минимум у следователя информации о лечебном процессе, в ходе которого имел место дефект оказания медицинской помощи. Поэтому допрос наиболее эффективен тогда, когда, во-первых, при подготовке к допросу следователь получает необходимые знания, во-вторых, когда к участию в нем приглашено лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями.

Выемка и осмотр документов также являются важными следственными действиями при расследовании ятрогенных преступлений. Выемку следует планировать на первоначальном этапе расследования для того, чтобы не допустить уничтожения и фальсификации медицинских документов, имеющих важное доказательственное значение²,

¹ Мазур Е.С. Проблемы расследования ятрогенных преступлений и пути их решения // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2018. С. 54.

² Кошелева И.С. Медицинская документация как объект исследования при расследовании уголовных дел в отношении медицинских работников // Российский следователь. 2010. № 4. С. 6.

причем это следственное действие должно носить безотлагательный характер.

Существенную информацию для установления способа совершения посягательства на жизнь или здоровье человека составляют результаты судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи.

Вопрос о назначении и проведении судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи должен решаться после получения от эксперта соответствующего разъяснения по вопросам, касающимся вида медицинской помощи по поводу заболевания, или письменного заключения, включающего суждения эксперта по вопросам характера и содержания медицинской или консультационной помощи.

Подводя итоги, следует подчеркнуть значимость вышеуказанных следственных действий, использование организационно-тактических особенностей производства которых способствует оптимизации процесса расследования ятрогенных преступлений.

А.А. Митрофанова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ И КОРРЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ

В настоящее время в языке криминалистической науки отмечается не только появление новых, но и возрождение существовавших ранее понятий. Одним из таких понятий является «криминалистическая деятельность». Как представляется, попытки осмысления сущности криминалистической деятельности тесно связаны с потребностью, прежде всего, в уточнении предмета криминалистики. Безусловно, самоопределение криминалистической науки, ее отграничение от смежных наук (уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертологии и пр.) немислимы без четкого понимания предмета науки и унификации категориального аппарата.

Как известно, предмет науки – это ее объект, презентированный субъекту посредством категориально-понятийного каркаса науки¹.

¹ Философия : учеб. пособие / под общ. ред. Б.А. Кислова, В.А. Туева, М.Л. Ткачевой. Иркутск : БГУЭП, 2009. С. 39.

Рядом ученых, поддерживающих концепцию двухобъектной криминалистики, в качестве одного из ее объектов называется именно «криминалистическая деятельность» (наряду с деятельностью криминальной)¹.

Изучение немногочисленных попыток определения данного понятия позволяет выделить два подхода, в соответствии с которыми криминалистическая деятельность может рассматриваться как:

1) вид профессиональной деятельности, направленной на выявление, раскрытие, расследование и предотвращение преступлений, которая осуществляется криминалистическими методами, средствами и приемами²; деятельность, направленная на решение криминалистических задач³;

2) в широком смысле – разработка, адаптация и применение на практике средств криминалистического обеспечения доказательственного процесса, в узком (практическом) смысле – непосредственное применение криминалистических средств в процессе доказывания⁴.

Несмотря на различия в формулировках, акцент в представленных определениях делается на криминалистических (технических, тактических, методических) средствах, позволяющих субъекту поисково-познавательной деятельности (следователю, дознавателю) оптимизировать процесс расследования преступления, познать и мысленно реконструировать событие преступления, собрать и исследовать доказательства. Как пишет Н.П. Яблоков, основным субъектом криминалистической деятельности является следователь (дознаватель), так как

¹ См.: Корма В.Д., Образцов В.А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2016. Гл. 2. С. 31; История криминалистики / отв. ред. Н.П. Яблоков // Криминалистика : учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. И.В. Александрова. Т. 1. М. : Юрайт, 2019. С. 12.

² Коновалов С.И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики. Ростов н/Д : ДЮИ, 2010. С. 102; Криминалистика : учебник / А.И. Александров [и др.]; под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанскова. М. : Юстиция, 2021. С. 23.

³ Криминалистика: информационные технологии доказывания : учеб. для вузов / под ред. В.Я. Колдина. М. : Зерцало-М, 2007. С. 35-36.

⁴ Жижина М.В. Доказывание в гражданском (арбитражном) судопроизводстве и криминалистическая деятельность // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1071.

он – организатор и исполнитель этой деятельности¹. Безусловно, все иные субъекты уголовно-процессуального исследования преступления (суд, государственный обвинитель, адвокат-защитник) в случае необходимости могут использовать криминалистические средства и рекомендации, но, как справедливо отмечает А.Ф. Лубин², вне зависимости от того, в какой деятельности – адвокатской, прокурорской, судейской – используются криминалистические средства, она не становится криминалистической.

Таким образом, термин «криминалистическая деятельность» является корректным. Определение данного понятия позволит разграничить его с такими категориями, как «уголовно-процессуальная деятельность», «расследование преступлений», и уточнить объектно-предметную область криминалистики.

В.С. Михайлов

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Из общего количества осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, обособленное положение занимают лица, причисляющие себя к так называемой криминальной «элите» и представляющие наибольшую опасность в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Ими являются наиболее авторитетные в преступном мире лица, как правило, осужденные, обладающие особыми личными качествами и способностями, ведущими своеобразный образ жизни, продиктованный криминальной тюремной субкультурой.

Возможностями по поиску, фиксации, анализу и использованию оперативно значимой информации в отношении организованных групп в разной степени обладают все структурные подразделения исправительного учреждения, используя для этого имеющиеся у них

¹ История криминалистики / отв. ред. Н.П. Яблоков // Криминалистика : учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. И.В. Александрова. Т. 1. М. : Юрайт, 2019. С. 13.

² См.: Лубин А.Ф. Криминалистика: особенности дидактики версионного мышления // Юридическая наука и практика. 2021. № 17 (3). С. 84–93.

профессиональные возможности. В системе комплексных мер борьбы с противоправной деятельностью групп осужденных и лидеров криминальной среды основная роль принадлежит оперативным аппаратам исправительных учреждений. Они же выступают и координатором при взаимодействии в данной сфере¹.

При этом такая работа должна в первую очередь носить разведывательно-поисковый характер. Так, например, оперативные аппараты осуществляют в основном оперативно-розыскные и процессуальные функции в отношении преступных группировок осужденных и их лидеров криминальной среды по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых организованными группами, преступными сообществами и отдельными коррумпированными лицами.

В связи с этим считаем необходимым усовершенствование мер, применяемых к лидерам преступной среды. Необходимо составление психологических портретов на потенциальных преступных лидеров, выполняемых компетентными сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. Такие портреты помогут выявить лидеров на ранней стадии, с поступления в следственные изоляторы и заканчивая их пребыванием в исправительных учреждениях.

При необходимости следует изолировать лидеров в единые помещения камерного типа. Одним из спорных вопросов в юридической науке является наблюдение за лидерами преступной среды после отбытия ими наказания. Полагаем, что данная мера будет весьма эффективной, позволит воспрепятствованию восстановлению им преступных связей, поддержанию общения с осужденными, находящимися в исправительных учреждениях, внешнего влияния на уголовно-исполнительную систему в целом².

Целесообразность осуществления действий по развенчанию криминального «авторитета» диктуется необходимостью борьбы с преступностью. Однако без четкого законодательного закрепления про-

¹ Степанова Д.Ю. К вопросу о противодействии группировкам отрицательной направленности, оказываемому оперативными аппаратами в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Томск, 2020. С. 193.

² Моисеев Н.Д. Взаимодействие структурных подразделений исправительного учреждения по противодействию группам криминальной направленности // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития. Рязань, 2021. С. 222.

цедуры развенчания криминального «авторитета» существует реальная опасность, что деятельность сотрудников пенитенциарных учреждений может привести к тяжким последствиям как в отношении осужденных, так и сотрудников.

В.В. Молоков

ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПРОТИВОПРАВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Жизнь общества, социальные и экономические отношения неизменно связаны с информационными потоками, которые в современном мире являются определяющими для формирования индивида, развития образования, науки и техники. Тенденции глобальной цифровой трансформации нацелены на сращивание виртуального мира и реальных процессов человеческой жизни. Примером тому является концепция создания метавселенной Марка Цукерберга¹. Базовой коммуникационной технологией по-прежнему является сеть Интернет. В этих условиях усиливаются угрозы доступности во всемирной паутине противоправного контента.

Основным регулятором распространения информации в сети Интернет является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Осознавая риски, связанные с обеспечением комплексной безопасности информационного пространства Рунета, в 2019 г. был принят Федеральный закон № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», комплекс технических мероприятий которого предписывает установку на магистральных каналах операторов связи технических средств противодействия угрозам (ТСПУ). Данное оборудование базируется на использовании технологии глубокого анализа трафика (DPI системы), что позволяет решать основные задачи в рамках «безопасного интернета»:

¹ Meta-вселенная Facebook: главное из интервью Марка Цукерберга The Verge // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa0591>.

– ограничение доступа абонентов к информационным ресурсам, запрещенным в Российской Федерации;

– блокирование трафика мессенджеров, а также иных коммуникационных приложений и интернет-сервисов, не соблюдающих требования законодательства нашей страны.

Следует отметить, что эффективность ТСПУ подтверждается недавними мероприятиями по замедлению работы Twitter и блокированию децентрализованной сети Тог, которая, как известно, предоставляет возможность для доступа к запрещенным сайтам и ресурсам Darknet.

Перспективы использования ТСПУ достаточно эффективны. Однако видится ряд проблем, с которыми может столкнуться вариант технического противодействия распространению противозаконной информации, некоторые из них:

– системы DPI достаточно дорогостоящие и сложны в конфигурировании, что не способствует их масштабному использованию на магистральных мелких провайдеров;

– техническое ограничение работы определенных сервисов вызовет ответную реакцию разработчиков, что приведет к борьбе с переменным успехом по аналогии с системой «хищник – жертва»;

– низкоуровневая фильтрация протоколов сети может способствовать нарастанию «снежного кома», что отразится на скорости и доступности интернета в целом.

Также следует упомянуть опыт регулирования пространства интернета Китая и его «Великий китайский файрвол», который внедрил цензуру, но не решил информационные проблемы полностью.

Таким образом, следует отметить положительную роль использования ТСПУ в деле противодействия информационным угрозам, но их возможности не безграничны, также следует надеяться на возможности их применения в задачах выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет.

Р.О. Морозов

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Ни для кого не секрет, что проблема лесных пожаров из года в год не теряет своей актуальности. Практически каждый пожароопасный

сезон горят тысячи гектар растительности, дым от этих пожаров застилает города на сотни километров от зоны горения, а в субъектах Федерации вводится режим чрезвычайной опасности регионального и межрегионального масштаба. Все это сопровождается колоссальным материальным ущербом для экономики страны, а также значительными экологическими последствиями.

Помимо этого, качество расследования данной категории преступлений находится на достаточно низком уровне. Так из официальных статистических данных МЧС России¹ установлено, что процент возбужденных уголовных дел по фактам уничтожения или повреждения лесных насаждений составляет менее 5% от общего числа пожаров и только в 5,3% уголовных дел виновники пожаров были установлены.

Выйти из сложившейся ситуации возможно лишь посредством качественного повышения уровня экспертного сопровождения расследования преступлений данной категории с целью координации деятельности должностных лиц при фиксации и сборе соответствующей информации на каждом этапе расследования.

При этом проведение следственных действий, как и применение специальных знаний, должно осуществляется, начиная со стадии тушения пожара.

Практика показывает, что от качественного и своевременного осмотра места происшествия во многом зависит результат расследования, и многие дела о пожарах прекращаются или приостанавливаются именно потому, что осмотр производился некачественно, вещественные доказательства не были обнаружены и изъяты.

В силу особенностей природных пожаров, осмотру места происшествия необходимо придавать определяющее значение – некачественно либо не своевременно произведенный осмотр места происшествия может стать невозможным доказательством в силу видоизменения обстановки, даже без влияния человеческого фактора². Кроме того, осмотр места происшествия должен проводиться с начала

¹ Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году». М. : МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2021. 264 с.

² Особенности производства осмотра места происшествия при проверке сообщений о лесных пожарах / С.В. Унжакова, В.С. Ишигеев, В.С. Крапивин, А.А. Шеков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 157–165. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10065

осуществления действий по тушению пожара с целью их фиксации. Отсутствие данной информации в деле не позволит должностным лицам оценить площадь пожара, пройденную огнем в результате направленного отжига¹ растительности, применяемого в ходе тушения, и, как следствие, дифференцировать ущерб, причинённый лесному фонду непосредственно пожаром и действиями по его тушению. Помимо всего прочего, для осмотра места происшествия необходимо привлечение должностных лиц, обладающих специальными знаниями в дендрохронологии с целью оценки повреждений лесных насаждений, а также датирования их формирования (исходя из того, что существуют случаи поражения лесных массивов несколькими лесными пожарами).

Подводя итог, необходимо констатировать, что применение специальных знаний в расследовании уничтожения или повреждения лесных насаждений неразрывно связано с качеством проводимых следственных действий, что напрямую определяет результат проводимой проверки и, как следствие, расследования уголовного дела.

И.А. Николаев

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Одним из основных направлений оперативно-розыскной деятельности (ОРД) на современном этапе, согласно ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), является возможность использования её результатов. Одними из таких направлений (в числе прочего) законодателем указаны подготовка и осуществление следственных и судебных действий, а также использование в доказывании по уголовным делам (ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) в соответствии с положениями Раздела III «Доказательства и доказывание» УПК РФ.

¹ Об утверждении Правил тушения лесных пожаров : приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) от 8 июля 2014 г. № 313 г. Москва.

Норма ФЗ «Об ОРД» о возможности использования её результатов при подготовке и проведении следственных и судебных действий по сути не ограничивается ничем, кроме требований соблюдения законности и правил внутренней конспирации (например, неразглашение личности лица, оказывающего конфиденциальное содействие органу, осуществляющему ОРД)¹.

Введение в уголовный процесс вещественных доказательств или иных документов (по формулировке пп. 4 и 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), полученных в результате осуществления ОРД, и которые планируется использовать при формировании (закреплении) доказательственной базы, возможно исключительно в рамках производства по уголовным делам. На это прямо указывает ФЗ «Об ОРД», декларируя в ст. 1 цели ОРД: защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства именно от преступных посягательств. Таким постулатом исключается реализация результатов ОРД в иных судопроизводствах (например, арбитражном или административном).

Непосредственно понятие уголовного судопроизводства раскрывается в п. 56 ст. 5 УПК РФ и рассматривается законодателем как досудебное и судебное производство по уголовному делу. При этом досудебное производство начинается с момента получения сообщения о преступлении и до направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Определение понятия судебного производства по уголовному делу в прямой трактовке в УПК РФ законодателем не предложено. Это несмотря на то, что в УПК РФ есть самостоятельная часть, посвященная судебному производству (ч. III УПК РФ) и раскрыта процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу – судебное заседание (п. 50 ст. 5 УПК РФ).

Понятие термина «результаты ОРД» сформулировано в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ и продублировано в межведомственной инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд – это сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», о при-

¹ Волошин Д.В. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и направления ее использования // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права : материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Уткина. Томск : ТГУ, 2003. С. 112.

знаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда¹. Отсюда следует, что результаты ОРД есть некие сведения, полученные оперативно-розыскным путем в рамках ОРД. Причем их материальная форма и непосредственная содержание законодательно не определены, что также может быть отнесено к проблемным вопросам реализации результатов ОРД в рамках уголовного судопроизводства.

В.К. Николаева

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (ОРД) играет важную роль в осуществлении правильной и объективной системы правосудия в России.

Оно обуславливается законодательством Российской Федерации, в том числе ведомственными и межведомственными нормативными правовыми актами, регулирующими вопросы осуществления ОРД. В данном контексте обеспечение прав и свобод человека и гражданина непосредственно связано с понятием «гарантирование» и подразумевает под собой некое создание положительных условий для их соблюдения, защиты и охраны. Однако ОРД в учреждениях и органах ФСИН России в большей степени направлена на обеспечение безопасности спецконтингента, а также самих субъектов ОРД. Условия ограничения прав и свобод человека и гражданина определены в ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельно-

¹ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

сти». Стоит отметить, что ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления ОРД возможно только в том случае, если это носит положительный для общества и государства эффект. При этом стоит обратить внимание на такое понятие, как «соразмерность», которая, согласно Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 55), является главным критерием при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), предполагающих ограничение прав и свобод человека. Это означает, что законность таких ограничений зависит от тяжести конкретного преступления.

ОРД в учреждениях и органах ФСИН России усложнена тем, что предполагает дополнительное ограничение прав и свобод человека с уже и так ограниченными правами и свободами. В данном случае гораздо яснее становится видение отсутствия корреляции между Конституцией Российской Федерации как Основного закона и другими нормативными правовыми актами. Обращаясь к количеству жалоб на деятельность сотрудников ФСИН России при проведении ОРМ, поданных как спецконтингентом, так и их родственниками, можно сделать вывод, что возникает очевидная проблема в толковании и понимании определенных положений некоторых нормативных правовых актов.

Решением данной проблемы станет повышение уровня правового сознания как субъектов, осуществляющих ОРД, так и спецконтингента. Понимание сущности ОРД и качественное знание ряда нормативных правовых актов, безусловно, улучшит взаимодействие граждан с органами власти, а также в большей степени обеспечит соблюдение прав и свобод обеих сторон.

Таким образом, автором были рассмотрены основные особенности соблюдения прав и свобод человека в ходе осуществления ОРД в уголовно-исполнительной системе России, а также выявлена проблематика в обеспечении некоторых прав и свобод в ходе ОРД.

А.А. Нуждин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Раскрытие и расследование преступлений выступает важнейшим направлением борьбы с пенитенциарной преступностью. Вместе с тем деятельность по предупреждению преступлений по праву считается

достаточно эффективным (и в известной степени – малозатратным) средством борьбы с пенитенциарной преступностью¹.

Дополнительные противоэпидемические мероприятия, направленные на профилактику новой коронавирусной инфекции (COVID-19), проводимые в учреждениях уголовно-исполнительной системы, выступили в качестве дополнительного фактора, провоцирующего преступное поведение осужденных и лиц, заключенных под стражу. Данные официальной ведомственной статистической отчетности фиксируют рост пенитенциарных преступлений против личности. Так, в 2019 г. зафиксировано 85 (или 7,3% от общей массы пенитенциарной преступности) насильственных преступлений; в 2020 г. – 68 (или 5,7%); в 2021 г. – 87 (или 6,8%) преступлений соответственно². В подобных условиях деятельность по предупреждению пенитенциарных преступлений против личности (в том числе с использованием криминалистических методов) становится первоочередной.

Задачами предупредительного характера, решаемыми в процессе расследования пенитенциарных преступлений против личности, являются: выявление в процессе расследования обстоятельств (причин и условий), способствовавших совершению пенитенциарных преступлений; недопущение (минимизации) наступления общественно опасных последствий; получение информации об иных (готовящихся или совершающихся) пенитенциарных преступлениях; деятельность по устранению ранее выявленных обстоятельств (причин и условий), способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Методико-криминалистическое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений должно проходить по следующим основным направлениям:

1) планирование расследования пенитенциарных преступлений. В план расследования необходимо включать деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений;

¹ Комаров И.М., Ян Е.И. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 184.

² Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2019–2021 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС».

2) выявление и изучение следственных ситуаций предупредительного характера. Определение объема криминалистически значимой информации предупредительного характера; выявление источников получения информации предупредительного характера; возможность и необходимость проведения мероприятий предупредительного характера и т.д.;

3) определение перечня производства следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, режимных мероприятий;

4) разработка мер по предотвращению готовящегося и пресечению совершающегося пенитенциарного преступления (в том числе против личности);

5) разработка мероприятий по устранению выявленных обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений;

6) использование в предупредительной деятельности материалов расследованных пенитенциарных преступлений против личности (преступления прошлых лет), позволяющих более тщательно спланировать и осуществить деятельность по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению рассматриваемой категории преступлений.

В.В. Овсянников

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦА, ПРИЧАСТНОГО К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПО ПРИЗНАКАМ ЕГО ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Деятельность следователя многоаспектна и имеет специфическое содержание. Она носит комплексный характер и представляет собой систему, включающую различные элементы. Одним из таких элементов является деятельность по установлению лица, причастного к совершению преступления, розыск подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, скрывшихся от органов предварительного следствия, исходя из сложившейся на определенный момент следственной ситуации.

Данный вид деятельности является определяющим для успешной реализации назначения отечественного уголовного судопроизводства

и служит основным показателем эффективности борьбы с преступностью. Однако уголовная статистика свидетельствует об обратном: в течение последних пяти лет, несмотря на снижение общего количества зарегистрированных преступлений, почти половина из них ежегодно остаются нераскрытыми.

Лицо, при условии совершения им преступления в условиях непосредственного контакта с потерпевшим, наличия свидетелей, в том числе очевидцев, а также иных источников информации о его внешнем облике, устанавливается посредством идентификации человека по признакам его внешнего облика. Процесс установления лица, причастного к совершению преступления, по признакам его внешнего облика может быть представлен как ряд последовательных действий, осуществляемых в процессуальной и непроцессуальной формах¹, в том числе путем использования возможностей органа дознания. При этом считаем важным обратить внимание на то, что поручения, направляемые органу дознания с целью установления местонахождения подозреваемого (обвиняемого), нередко носят формальный характер.

Отметим, что изменившиеся социально-экономические условия, возрастание уровня развития технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений представляют новые возможности для повышения эффективности деятельности следователя по установлению лица, причастного к совершению преступления, в числе которых значатся возможности оперирования данными о признаках внешнего облика устанавливаемых лиц.

Так, в рамках реализации Стратегии национальной безопасности РФ, Министерство внутренних дел России в настоящее время осуществляет создание Федеральной информационной системы биометрических учетов (ФИСБУ). Это позволит объединить ресурсы лабораторий ДНК-анализа, комплексов биометрической идентификации личности, фиксации передвижения транспортных средств и др., а также систем проверки по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учётам. Появляется возможность оперативного проведения идентификации живых лиц и неопознанных трупов по-

¹ Милюков С.Ю. Современные возможности использования свойств человека при установлении личности в раскрытии и расследовании преступлений. М., 2011. С. 150.

средством использования данных, имеющихся в базах биометрической информации (внешний облик человека, радужная оболочка глаза, поиск по изображению татуировок и их фрагментам и т.д.). Кроме того, рассматривается возможность включения в число функций (ФИСБУ) распознавание подозреваемого (обвиняемого) по походке.

Формирование банка биометрических данных иностранных граждан и граждан России позволит повысить эффективность деятельности следователя по установлению лица, причастного к совершению преступления, по признакам его внешнего облика, достижению в целом назначения уголовного судопроизводства.

О.М. Овчинников

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕЙСТВИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС

Правовая регламентация содействия несовершеннолетних оперативным подразделениям в настоящее время является достаточно востребованным предметом для научных дискуссий. По своей сущности оперативно-розыскная деятельность (ОРД) предполагает постоянный контакт должностного лица оперативного подразделения с представителями криминальной среды.

Чтобы полностью располагать скрываемой преступниками информацией, оперативный сотрудник систематически привлекает к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) других лиц на добровольной основе, которые также начинают (или продолжают) контактировать с преступниками. В условиях воспитательной колонии оперативному сотруднику оказывают содействие лица несовершеннолетнего возраста, которых он вынужден просить установить или проверить какую-либо информацию, имеющую значение для решения задач ОРД.

Следовательно, выполняя просьбу оперативного сотрудника, несовершеннолетним осужденным приходится устанавливать и поддерживать контакты с осужденными отрицательной направленности, которые, в свою очередь, неизбежно будут оказывать на подрастающих

конфидентов негативное воздействие (оказывать влияние на их систему ценностей, насаждая криминальные традиции в сочетании с оправданием необходимости и обязательности противодействия сотрудникам администрации и т.д.), что, по смыслу Федерального закона № 124-ФЗ «О гарантиях ребенка в Российской Федерации»¹ (далее ФЗ «О гарантиях ребенка»), является недопустимым. Опираясь на изложенное, можно прийти к умозаключению, что использовать помощь несовершеннолетних в воспитательных колониях можно только при условии, если лицо добровольно предоставило какую-то информацию либо участвовало (или будет участвовать) в проведении ОРМ без контакта с отрицательно ориентированными осужденными. Просить несовершеннолетнего конфидента узнать какие-либо сведения, если это связано с общением с осужденными, которые могут на него негативно повлиять, оперативный сотрудник, по сути, не может.

Казалось бы, несовершеннолетний осужденный, отбывая наказание, находясь в одном отряде с другими осужденными, вынужден общаться с окружающими, в том числе и с отрицательно ориентированными лицами, вне зависимости от просьбы оперативного сотрудника – таковы условия учреждения. Однако здесь принципиальным становится то, что оперативный сотрудник, как представитель государственного органа, не должен ориентировать (заинтересовывать) несовершеннолетнего на поддержание или активизацию общения с лицами, которые могут на него негативно повлиять. По смыслу ФЗ «О гарантиях ребенка», его нужно от этого ограждать.

Таким образом, ОРД, будучи направленной на борьбу с преступностью, закономерно является потенциально опасным видом правоохранительной деятельности и может в отдельных случаях негативно влиять на лиц, не достигших совершеннолетия. Данное умозаключение не является принципиальной позицией автора, оно лишь следствие размышлений, к которым мы пришли в ходе смыслового анализа положений приведенных выше нормативных правовых и иных актов.

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВРЕЖДЕНИЙ, ФОРМИРУЮЩИХСЯ ПРИ УДАРАХ ТВЕРДЫМИ ТУПЫМИ ОБЪЕКТАМИ

В числе причин насильственной смерти черепно-мозговая травма занимает одно из ведущих мест. По данным исследователей, в год в мире черепно-мозговую травму получают 69 млн человек¹. Ежегодно погибают от черепно-мозговой травмы 1,5 млн человек, а 2,4 млн человек становятся инвалидами². Нередко условиями образования травмы являются удары твердыми тупыми объектами. Достаточно часто в этой ситуации потерпевший получает травму головы, которая может привести к летальному исходу. В этом случае у сотрудников следственных подразделений возникает закономерный вопрос, касающийся условий формирования повреждений.

Целью исследования явилось выявление особенностей повреждений, формирующихся при ударах твердыми тупыми объектами.

Для достижения поставленной цели были изучены архивные материалы Краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Алтайское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2013–2018 гг.

По результатам исследования нами зафиксировано 102 случая ударов твердыми тупыми объектами.

При ударах твердыми тупыми объектами повреждения чаще всего встречались в области лица и волосистой части головы. Из повреждений наиболее часто формировались кровоподтеки – 47% наблюдений, а также ушибленные раны – 31% случаев. Повреждения костей черепа представлены линейными переломами, зафиксированными в 51% случаев, оскольчато-фрагментарными переломами – в 20% случаев и вдавленными – в 17% наблюдений. Эпицентры воздействия локализовались в теменной и теменно-затылочной областях. Повреждения ве-

¹ Сабиров Д.М., Росстальная А.Л., Махмудов М.А. Эпидемиологические особенности черепно-мозговой травмы // Вестник экстренной медицины. 2019. С. 61–66.

² Лихтерман Л.Б. Черепно-мозговая травма: диагностика и лечение. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. С. 15.

щества головного мозга представлены кровоизлияниями под его оболочки, очагами ушибов и разрушений, которые чаще располагались на теменной и височной долях.

Кроме этого, повреждения кожного покрова в виде ссадин, кровоподтеков выявлены и на других частях тела: передней и задней поверхностях туловища, передней и боковых поверхностях плеч, задней и боковой поверхностей предплечий, на передней, наружной и задней поверхностях нижних конечностей. Важно отметить, что во всех наблюдениях зафиксированы множественные переломы ребер по различным анатомическим линиям; в 44% наблюдений встретились переломы костей лицевого скелета.

Таким образом, учитывая локализацию повреждений, их особенности, при проведении судебно-медицинской экспертизы, а также в некоторых случаях при осмотре трупа на месте его обнаружения можно высказаться об условиях травмы, что в дальнейшем будет оказывать влияние на построение следственных версий.

Д.И. Пакалина

ОТТИСКИ ФАКСИМИЛЕ КАК ОБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Современный документооборот предполагает наличие большого количества документов на бумажных носителях, одним из реквизитов которых является подпись. В целях рационального осуществления документооборота для нанесения реквизита-подписи в настоящее время широкое использование получают факсимиле. В большинстве случаев термин «факсимиле» означает печатную форму, оттиском которой является изображение чьей-либо подписи.

Проверка легитимности использования факсимиле не является задачей эксперта, объектом наших исследований будут являться непосредственно факсимиле или его оттиски в документе. Возможны два различных случая предоставления оттисков факсимиле для проведения экспертных исследований:

1. Следователю (дознавателю) неизвестно, что в документе находится оттиск факсимиле, и данный объект предоставляется для проведения почерковедческой экспертизы.

2. Следователю (дознавателю) известно, что в документе имеется оттиск факсимиле, и данный объект предоставляется для проведения технико-криминалистической экспертизы документов.

В случае назначения почерковедческой экспертизы эксперт в соответствии с типовой методикой «Идентификационное исследование подписи» прежде всего должен установить факт нерукописного выполнения «подписи»¹, что исключает дальнейшее почерковедческое исследование.

Отдельная методика исследования факсимиле и их оттисков отсутствует, поэтому в случае назначения технико-криминалистической экспертизы документов эксперт использует типовую методику исследования удостоверительных печатных форм и их оттисков², в соответствии с которой на первоначальном этапе необходимо исключить факт имитации оттиска, например, использованием цветной струйной печати или электрофотографии. Далее на стадии отдельного исследования эксперт переходит к установлению способа изготовления печатной формы (факсимиле) по оттиску и после этого – к сравнительному исследованию оттисков в нескольких документах по общим и частным признакам. При обнаружении различий в общих признаках уже на этом этапе делается вывод об отсутствии тождества. Специфика общих признаков заключается в том, что в них отображаются общие признаки почерка: транскрипция подписи, форма и размер движений отдельных элементов, разгон почерка и т.д. При совпадении общих признаков эксперт переходит к сравнительному исследованию по частным признакам производственного и эксплуатационного характера. Проявление частных признаков производственного характера зависит от способа изготовления факсимиле. Эксплуатационные частные признаки проявляются независимо от способа изготовления печатной формы и связаны, в основном, с различными загрязнениями. После проведения сравнительного исследования эксперт оценивает совпадающие и различающиеся признаки с позиций качественного и количественного критериев и на основании оценки формирует вывод.

Подводя итог, можно сказать, что выбор экспертом методики исследования оттисков факсимиле зависит от того, объектом какой экспертизы они будут являться.

¹ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю.М. Дильдина. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 303.

² Там же. С. 232.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОДЖОГОМ ЛЕСНЫХ И ИНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В настоящее время системы видео-конференц-связи используются по всему миру для решения множества важных задач в образовании, здравоохранении, экономике, политике, судопроизводстве и многих других отраслях.

В научных кругах продолжительное время обсуждается вопрос о включении в уголовно-процессуальный кодекс изменений и дополнений в ряд статей в сфере использования систем видео-конференц-связи государственными органами, осуществляющими предварительное расследование.

30 декабря 2021 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ст. 189¹ особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Безусловно, системы видео-конференц-связи также необходимо применять и в расследовании преступлений, связанных с уничтожением или повреждением лесных насаждений и иных насаждений путем поджога на практике для эффективного расследования и раскрытия преступлений.

Так, например, использование систем видео-конференц-связи будет являться эффективным инструментом в случаях, когда место расположения органов предварительного расследования и место фактического нахождения участников предварительного расследования (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, специалиста, эксперта и иных лиц) находится на значительном расстоянии друг от друга. Особенно актуальна возможность использования видео-конференц-связи во время пандемии COVID-19, когда вводятся временные ограничения граждан на перемещение и участники расследуемого преступления не могут явиться на следственные мероприятия в места предварительного расследования.

Основные преимущества использования систем видео-конференц-связи при проведении следственных действий:

1. Сокращение сроков предварительного расследования и существенная экономия финансовых затрат¹.

2. Дополнительная возможность проведения анализа видеозаписи проведенного следственного действия. Тщательное изучение видеозаписи произведенного следственного действия может положительно повлиять на формирование дальнейшей тактики проведения последующих следственных действий². Также необходимо брать во внимание «психическое состояние допрашиваемого, которое следует подвергать коррекции и при этом учитывать как вербальную, так и паравербальную информацию»³.

3. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса. В целях предупреждения противодействия при проведении следственных действий предлагается по аналогии проведения допроса, в соответствии с п. 4 ст. 189 УПК РФ, в помещении производства следственного действия, где будут находиться участники (допрашиваемое лицо, следователь, дознаватель – исполнитель поручения, специалист по технической поддержке связи), дополнительно установить видеокамеру на штативе для фиксации всего процесса, где будут запечатлены участники следственного действия, а также всевозможные технические сбои и неполадки. Материалы обеих видеозаписей будут храниться при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываться.

Данный перечень не исчерпывает всех положительных преимуществ. Использование систем видео-конференц-связи становится неотъемлемой частью служебной деятельности в связи, с чем требует

¹ Новиков С.А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: затратный день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2–6.

² Родивилина В.А., Шаевич А.А. Потенциальная возможность использования систем видео-конференц-связи на предварительном расследовании // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Международ. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 08 декабря 2017 года / отв. ред. С.И. Сулова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 118–122.

³ Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 360 с.

определенных умений и навыков работы, а также тщательной подготовки к проведению следственных действий.

В.В. Пономарев

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАЗЛИЧИЙ И ИХ ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ В ДАКТИЛОСКОПИИ

С момента возникновения и становления дактилоскопии основной ее целью было решение идентификационных задач. Она была и остается одним из надежных средств идентификации человека по отображениям папиллярных узоров ногтевых фаланг пальцев рук. В процессе проведения дактилоскопических идентификационных исследований по следам папиллярных узоров основное внимание экспертов направлено на выявление, анализ и оценку совпадающих признаков папиллярного узора. Если будет установлено, что данная совокупность признаков индивидуальна, то экспертом констатируется факт наличия тождества. При этом при отсутствии индивидуальной совокупности признаков следы признаются не пригодными для идентификации и в дальнейшем не могут быть использованы в качестве вещественных доказательств по конкретному уголовному делу.

Следует иметь в виду, что в процессе экспертного исследования любая совокупность выявленных в следе признаков может быть подвергнута сравнительному исследованию с папиллярными узорами проверяемых лиц на основании выявленных в ходе сопоставления совпадающих и различающихся признаков. При этом различия могут также эффективно использоваться экспертами для установления лица, которое могло оставить следы на месте происшествия. Информационная значимость различий и их основная функция заключается в выделении из группы проверяемых лиц предельно узкой группы лиц или конкретного лица, а которые могли быть причастны к совершению расследуемого преступления.

В первую очередь имеются в виду следы, о пригодности которых для идентификации можно судить только на уровне исследования микропризнаков, характеризующих сами макродетали. Обычно указанные следы отображаются фрагментарно и содержат ограниченное количество деталей папиллярного узора.

Сам факт установления аналогичного сочетания ограниченного числа деталей в нескольких папиллярных узорах одного и того же или разных лиц еще не означает, что они тождественны. Многоуровневый и тщательный анализ признаков таких папиллярных узоров позволяет выявить в них совокупности различающихся микропризнаков, свидетельствующих об отсутствии тождества данных фрагментов папиллярного узора.

В дактилоскопической экспертизе обнаружение и правильная оценка различий между исследуемыми папиллярными узорами в следах рук и папиллярных узорах отпечатков пальцев проверяемых лиц, которые по своей природе являются качественно однородными объектами, позволяют их разграничить внутри определенной группы. В процессе такого разграничения возможна индивидуализация лица, оставившего след на месте происшествия.

Результативность дифференциации заключается в том, что она на основании анализа и сопоставления различающихся признаков позволяет из искомого множества выделить наиболее вероятный искомый объект и более целенаправленно проводить комплекс оперативно-розыскных и следственных мероприятий, направленных на поиск других доказательств причастности установленного лица к совершению расследуемого преступления.

С.П. Сенчихин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСПИРАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОРМ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВOK»

Статья 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ наделяет органы, осуществляющие ОРД, полномочиями по проведению 15 оперативно-розыскных мероприятий. Одно из таких мероприятий – «Наведение справок», которое является одним из самых часто применяемых в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений.

Сущность ОРМ «Наведением справок» заключается в «получении информации, имеющей значение для решения задач ОРД, путем направления запроса соответствующему юридическому или физиче-

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

скому лицу и получения ответа на него, а равно ее получении путем непосредственного ознакомления оперативника (агента и др.) с содержанием материального носителя информации (документа и т.п.)»¹. Несмотря на кажущуюся простоту, на практике возникает ряд вопросов к механизму реализации данного мероприятия.

Необходимо оговориться, что основным сущностным содержанием оперативно-розыскной деятельности является получение информации, преимущественно негласным способом. Так, В.К. Зникин отмечает, что оперативно-розыскная деятельность является специфической тайной деятельностью, известной с древнейших времен². Данная специфика обуславливается необходимостью сохранения в тайне тактики и методов деятельности органов, осуществляющих ОРД.

В целях обеспечения тайного характера данной деятельности Федеральным законом от 30.12.2020 № 515-ФЗ³ усилены меры по обеспечению конфиденциальности сведений об осуществлении ОРД. В частности, в ст. 12.1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» установлен запрет на разглашение гражданами и юридическими лицами сведений, содержащихся в направляемых им запросах органов, осуществляющих ОРД.

Проведенным анализом, а также выборочным опросом 20 сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов Кемеровской области-Кузбасса установлено, что реализация данных положений вызывает ряд вопросов. Так, опрошенные сотрудники не знакомы со внесенными изменениями в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», им не ясен механизм привлечения лиц к ответственности за разглашение данной информации, что вызывает сложности для реализации вышеупомянутой новеллы. Действи-

¹ Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскной словарь : справочник. М. : Российская таможенная академия, 2018. 216 с.

² Зникин В.К. Классификация оперативно-розыскной деятельности и ее особенности // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2002. С. 63–67.

³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 515-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть 1). Ст. 54.

тельно, как нами отмечалось ранее, неопределенность применения мер ответственности при реализации полномочий органов, осуществляющих ОРД, является «питательной почвой для попыток деструктивно настроенных лиц воспрепятствовать законной деятельности оперативных сотрудников»¹.

Таким образом, можно говорить о необходимости дополнительного изучения аспектов ответственности за разглашение сведений об оперативно-розыскной деятельности в целях эффективного обеспечения конспирации в работе органов, уполномоченных на ведение ОРД.

А.С. Синельников

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

Стремительное развитие общественных отношений, научно-технического прогресса, событий на международной арене приводит к неизбежным изменениям и историческим последствиям во многих сферах. В таких условиях происходит и трансформация преступности, прежде всего организованной. В качестве примеров обратим внимание на следующее.

1. Криминализируются все новые и новые деяния террористического характера, что порой приведет к конкуренции уголовно-правовых норм (например, ст. 205.2 и 280 УК РФ).

№ п/п	Статья УК РФ	Введена Федеральным законом	
		от	№ ФЗ
1	205, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360, 361	13.06.1996	1
2	205.1	25.07.2002	18
3	205.2	27.07.2006	31
4	205.3–205.5	02.11.2013	115
5	205.6, 361	06.07.2016	153

¹ Сенчихин С.П., Зникин В.К. Некоторые вопросы правового регулирования проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Оперативник (сыщик). 2018. № 1 (54). С. 51–55.

2. Увеличивается количество организаций, деятельность которых признается на территории России экстремистской и террористической¹.

Некоторые факторы, отрицательно влияющие на результативное выполнение задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в борьбе с терроризмом и противодействии его идеологии в уголовно-исполнительной системе (УИС), заключаются в сущности приведенных примеров, и они не единственные. В то же время они достаточно легко позволяют оценить насколько «быстро» от науки и практики ОРД в УИС требуется разрабатывать новые организационные основы и совершенствовать имеющиеся методики осуществления ОРД по противодействию терроризму в УИС. Отсутствие или неэффективность имеющихся методик осуществления ОРД в УИС, в части выполнения задач ОРД по преступлениям, относящихся к изложенным выше формам террористической деятельности, снижает результативность деятельности оперативных подразделений ФСИН России.

С целью результативного выполнения задач ОРД² в УИС в рассматриваемом в настоящей статье аспекте необходимо:

– активизировать научно-исследовательскую деятельность по проблемам борьбы с терроризмом и распространения его идеологии в УИС;

– активнее внедрять элементы тактики при проведении ОРМ в практику с участием иностранных субъектов, уполномоченных на осуществление ОРД.

¹ Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 28.02.2022); Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 28.02.2022).

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / К.К. Горяинов, С.С. Елифанов, А.Н. Журавлев и др. М.: Проспект, 2021. С. 5–8.

В национальном законодательстве, регулирующем вопросы противодействия терроризму в Российской Федерации, необходимо изложить систему знаний, показывающую сущность идеологии терроризма. Например, по нашему мнению, под идеологией организации, деятельность которой признана террористической на территории России, следует понимать совокупность основной преследуемой цели такой организации и основных методов, используемых ее сторонниками, для ее достижения.

А.С. Скоревич

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ТАКТИКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Одним из аспектов коммуникативных следственных действий является процесс обмена информацией в процессе вербального взаимодействия. Построение речевого высказывания происходит посредством действия психолингвистического механизма, основанного на нейрофизиологии и правилах усвоенного разговорного языка.

Деятельность по порождению высказывания инициирует мотив. «За мыслью всегда стоит мотив, то, ради чего мы говорим»¹. Мотив одного из участников общения не всегда очевиден для другого. Однако знания о формах и средствах выражения коммуникативного намерения делают возможным выдвижение обоснованного предположения о целях, преследуемых собеседником.

Участник взаимодействия, побуждаемый потребностью выразить мысли посредством слов, формирует концепт, содержащий замысел будущей речи. «Под «мыслью» или «замыслом» будем понимать общую схему того содержания, которое должно воплотиться в высказывании»². После этого формулируется предложение, во внутренней речи определяются ключевые синтагмы. «Синтагма – языковая цепочка или словосочетание, представляющее собой цельную синтакси-

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис, 2001. С. 74.

² Лурия А.Р. Речь и мышление. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1975. С. 62.

ческую интонационно-смысловую единицу»¹. Синтагмы используются для содержательного анализа произносимой устной речи. Структурный анализ речи осуществляется на основе пропозиции. «Состав пропозиции образуют: термы, которые обозначают предметы и объекты, характеризующие предметно-семантическую ситуацию; предикаты, которые обозначают свойства объектов и отношения между объектами»². Состав пропозиции обеспечивает формализацию структуры произносимого сообщения.

Для обеспечения возможности передачи информации происходит перекодировка внутренней речи во внешнюю. Семантическое содержание облекается в словесную форму, части предложения согласовываются между собой, разворачиваются грамматические конструкции. Задействуется физиологический аппарат для реализации речемоторной программы по произнесению фразы. Данный этап производится автоматизировано вследствие того, что «звуки и начертания слов, будучи вначале для отдельного человека нейтральными раздражителями, становятся условными речевыми раздражителями»³. В случае приложения допрашиваемым усилий к сознательной регуляции процесса построения речевого высказывания происходит деавтоматизация навыка устной речи, которая выражается в изменении типовых параметров речи⁴.

На основе знаний о механизме построения речевого высказывания возможна разработка вероятностных моделей построения допрашиваемым ответной реплики определенной конфигурации в зависимости от структуры постановки вопроса и состояния коммуникативных характеристик допрашиваемого, обусловленных нейрофизиологическими процессами и личностными свойствами. Модель будет положена в основу алгоритма тактических приёмов оптимизации производства допроса в целях получения достоверной и полной информации о произошедшем событии преступления.

¹ Влавацкая М.В. Синтагматика в психолингвистике (парадигматический аспект) // LINGUA MOBILIS. 2012. № 1 (34). С. 24–25.

² Маланов С.В. Психолингвистика: психологическая теория речевых действий : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психолого-социального ун-та, 2020. С. 78.

³ Александрова Ю.В. Основы общей психологии. Новосибирск, 1999. С. 117.

⁴ Мазур Е.С., Алексеева Т.А. Криминалистическое значение индивидуальных признаков устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 200.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ПОИСКОВО- ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Мышление представляет собой процесс обработки человеком информации, позволяющий установить существенные свойства объектов, а также связи между ними, что приводит к появлению представлений об объективной реальности. Следователь, рассматривая сообщение о преступлении, а затем осуществляя расследование противоправного деяния, проникает в его сущность, открывая закономерные связи между определенными обстоятельствами произошедшего.

Поисково-познавательная деятельность следователя обусловлена, как правило, отсутствием достаточных сведений для принятия обоснованных процессуальных решений, что, по сути, указывает на наличие проблемной ситуации, разрешение которой возможно путем познания. Стремление к устранению противоречия между знанием и незнанием направлено на определение источников информации, ее отыскание, обнаружение, фиксацию, анализ и процессуальное закрепление, определение признаков противоправного деяния, совершивших его лиц, а также установление иных значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств. Учитывая сказанное, основным содержанием деятельности следователя является осуществление доказывания, методологической основой которого является философское учение о познаваемости мира (теория познания).

Результаты проведенного исследования позволили определить следующие закономерности поисково-познавательной деятельности следователя: преступное деяние обладает информационной характеристикой, состоящей в том, что любое событие отражается в идеальных и (или) материальных следах; способы закрепления следовой картины преступной деятельности ограничены и определены уголовно-процессуальным законом; ограниченность во времени (процессуальные сроки); динамичность, сопровождающаяся установлением сведений в виде промежуточных фактов, вычленение из них обстоятельств, подлежащих доказыванию; предмет доказывания и виды до-

казательств ограничены и определены уголовно-процессуальным законом; обеспеченность уголовно-процессуальным принуждением (задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения); обусловленность особенностями доказывания с учетом местной (региональной) правоприменительной практики.

Рассматривая мышление как непрерывное взаимодействие следователя с последствиями преступного события, разрешение проблемной ситуации может быть основано на анализе через синтез, имеющее своим результатом новое обобщение. Выстраивание мыслительной деятельности следователем в рамках данных закономерностей может выглядеть следующим образом. Реагируя на сообщение о преступлении, правоприменитель имеет дело с так называемой следовой картиной, анализ которой позволяет выделить только те следы, которые относятся к исследуемому противоправному событию, прогнозируемо имеющие доказательственное значение. Результаты анализа синтезируются. Общей закономерностью механизма такого мышления является выделение новых свойств в объекте познания (анализ), осуществляемого через его соотнесение (синтез) с другими объектами. В процессе мышления объект познания постоянно включается в новые связи и в силу этого выступает в новых качествах, позволяющих рассмотреть его каждый раз с другой стороны.

Анализ и синтез, взаимопереходя друг в друга, обеспечивают непрерывное движение мысли к более глубокому познанию сущности изучаемого преступного события, восполняя отсутствие информации для принятия обоснованных процессуальных решений. Процесс познания начинается с первичного синтеза – восприятия следовой картины. Далее на основе анализа осуществляется вторичный синтез. Получаются новые знания об этом целом, а это познанное целое вновь выступает как база для дальнейшего анализа.

О.А. Соколова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В соответствии с ч. 2. ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями, что позво-

ляет не только реализовать принцип состязательности, главным образом в уголовном судопроизводстве, но и активизировать формирование института негосударственной судебной экспертизы. Однако некоторые проблемы правового, организационного, методического характера не способствуют успешному функционированию данного института.

Так, исходя из содержательной части ст. 11 Федерального закона РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019), к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях или частные эксперты.

Если государственными судебно-экспертными учреждениями (ГСЭУ) являются специализированные учреждения (подразделения) федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, то к негосударственным судебно-экспертным учреждениям относятся некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами, положения которых законодательством в данной сфере не регламентируются.

Отметим, что потребность в функционировании как негосударственных экспертных учреждений, так и частных экспертов возникает, во-первых, в случаях, когда некоторые роды и виды судебных экспертиз не производятся в ГСЭУ РФ. Во-вторых, высокий уровень загрузки экспертов государственных учреждений не позволяет своевременно определения экспертизы. В-третьих, субъекты, имеющие право назначать судебную экспертизу, предпочитают поручать ее конкретному специалисту в данной области знания, работающего в негосударственном судебно-экспертном учреждении или частному эксперту. И, в-четвертых, прибегнуть к услугам последних бывает необходимо в случае сомнения в беспристрастности и объективности как сотрудников конкретного ГСЭУ, так и государственных судебных экспертов в целом.

С учетом многообразия действующих ГСЭУ и, соответственно, главенствующего ведомственного подхода к судебно-экспертной дея-

тельности, сотрудники этих учреждений допускаются к производству экспертиз только после прохождения ведомственной аттестации и получения соответствующего свидетельства на право самостоятельного производства конкретного рода или вида судебной экспертизы. Что касается негосударственных судебных экспертов, то таких требований для них не предусмотрено.

Следующая группа проблем данного института представлена вопросами методического обеспечения производства судебных экспертиз. Если для сотрудников ГСЭУ типовые методики исследования вещественных доказательств разрабатываются ведущими экспертными центрами соответствующих ведомств, то какие методики должны указывать в своих заключениях эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях, т.е. частные эксперты? Отметим, что данное требование содержится в ст. 25 указанного ранее Федерального закона № 73-ФЗ.

Таким образом, обозначенные некоторые проблемы правового, организационного и методического характера, имеющие место в институте негосударственной судебной экспертизы, заслуживают дальнейшего изучения и разработки неотложных мер, направленных на повышение эффективности его функционирования.

Т.А. Солодова

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ДОКУМЕНТЫ ЛИЦ С ИЗМЕНЁННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ

Современные возможности эстетической медицины позволяют оказывать целенаправленное воздействие на внешность пациента, в результате которого достигается существенное изменение признаков элементов внешности, видоизменение либо устранение особых примет, в числе которых шрамы, родинки, бородавки, татуировки¹. Причинами изменения внешности человека могут также послужить и

¹ Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. К вопросу об отождествлении лиц, удаливших татуировки // Актуальные вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов внутренних дел Российской Федерации : сб. тез. и ст. междунар. практ. конф. 2019. С. 76–78.

травмы, заболевания, а также осложнения после медицинских вмешательств, вызванные как неправильными действиями специалиста, так и реакцией организма пациента. Все эти изменения во внешности неизбежно вызывают определённые проблемы в тех случаях, когда необходима криминалистическая идентификация лица, проводимая в форме опознания либо в форме судебно-портретной экспертизы. При этом наблюдаемые различия могут привести следователя к отказу от производства опознания, а эксперта – к выводу о невозможности решения поставленного вопроса, поскольку они могут быть обусловлены как трансформацией внешности в результате медико-косметологических изменений, так и их принадлежностью различным лицам.

Обозначенная проблема усугубляется тем фактом, что, с одной стороны, в соответствии с положениями ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинскому персоналу запрещено разглашать «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, и иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении»¹, с другой стороны, в Положении о паспорте гражданина Российской Федерации² отсутствует такое основание для замены паспорта, как изменение внешности.

Таким образом, решение задачи по установлению личности подозреваемых, обвиняемых, людей, не могущих сообщить о себе личностной информации, и неопознанных трупов может быть существенно затруднено в результате имеющегося пробела в законодательстве Российской Федерации.

Представляется, что дополнение перечня условий предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя, указанного в ст. 13. п. 4 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», фактом обращения гражданина за медицинской помощью с целью изменения признаков элементов

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.01.2021).

² Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.01.2021).

внешности, а также перечня оснований для замены паспорта, изложенного в ст. 12 Положения о паспорте, обязанностью гражданина менять паспорт в случае изменения внешности, позволит органам предварительного расследования получить доступ к информации об изменениях во внешности отождествляемых лиц, что, безусловно, окажет положительное влияние на результат криминалистической идентификации лиц с изменённой внешностью.

Д.Ю. Степанова

О ПОНЯТИИ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В качестве юридической дефиниции термин «взаимодействие» встречается в ряде нормативных правовых актов. С осени 2017 г. действует «Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой», использующее рассматриваемый термин в официальном названии документа. Однако, раскрывая принципы и направления взаимодействия, указанное соглашение не раскрывает содержание самого понятия.

Не раскрывает его и Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: более того, он даже не оперирует таким понятием.

Некоторые ученые фактически отождествляют понятия «взаимодействие» и «координация», например С.О. Шохин¹.

Другие авторы, напротив, предлагают определения взаимодействия применительно к темам собственных исследований, например А.Ю. Ильин², Н.Л. Рябенская³ и др.

¹ Шохин С.О. Взаимодействие таможенных и правоохранительных органов при расследовании и раскрытии налоговых преступлений // *Налоги*. 2018. № 4. С. 24–27.

² Ильин А.Ю. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел при выявлении налоговых преступлений // *Налоги*. 2017. № 3. С. 17–21.

³ Рябенская Н.Л. Роль взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений, совершенных мигрантами // *Российский юридический журнал*. 2021 № 2. С. 126–131.

В любом случае в отечественной юридической литературе, посвященной проблематике оперативно-розыскной деятельности, понятие взаимодействия не разработано. Нормативно-правового закрепления указанное понятие не имеет. Этот факт полностью относится и к вопросу взаимодействия в оперативно-розыскной деятельности.

Такая проблема заставила автора обратиться к формулированию авторского определения «взаимодействие в оперативно-розыскной деятельности». Используя смежные, наиболее родственные (тождественные), близкие к определяемому понятию, мы провели анализ определений «взаимодействие», предложенные другими авторами. Это позволило выявить общие ключевые признаки, характеризующие взаимодействие. Прежде всего, они проявляются в виде организованной согласованной деятельности, осуществляемой в пределах полномочий и позволяющей с использованием доступного инструментария (силы, способы, формы, средства и прочее) найти оптимальные варианты ее осуществления, с условием соблюдения государственной и иной, охраняемой законом, тайны.

Однако при разработке собственного авторского определения «взаимодействие в оперативно-розыскной деятельности» невозможно его использование без уточнения формулировки, уточнения классификационных и дополнительных признаков. К ним можно отнести:

- должностной уровень, задействованный субъектами (административный ресурс) при взаимодействии;
- временная продолжительность (постоянное взаимодействие, кратковременное – для решения конкретных задач и т.д.);
- степень открытости взаимодействия (гласное или конфиденциальное);
- этапы взаимодействия (например, первичный ознакомительный).

Исходя из указанного набора параметрических критериев и основываясь на изученных научных источниках, мы сформулировали авторское определение «взаимодействие в оперативно-розыскной деятельности», заключающейся в административно-управленческой и оперативно-розыскной деятельности, основанной на нормативных правовых актах, в пределах собственных полномочий, с выбором (применением) наиболее оптимального инструментария, определяющего степень открытости, субъектов и время взаимодействия, позволяющей эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности и достигать её цели на современном этапе.

П.А. Ткаченко

СТРУКТУРА ДОКУМЕНТАЦИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА СУДЕБНО- ЭКСПЕРТНОЙ ЛАБОРАТОРИИ В РАМКАХ АККРЕДИТАЦИИ НА СООТВЕТСТВИЕ ТРЕБОВАНИЯМ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СТАНДАРТА ГОСТ Р ISO/IEC 17025-2019

Одной из основных форм повышения качества судебно-экспертной деятельности является стандартизация (деятельность по разработке (ведению), утверждению, изменению (актуализации), отмене, опубликованию и применению документов по стандартизации и иная деятельность, направленная на достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации)¹.

ГОСТ Р ISO/IEC 17025-2019 в разделе 5.5.с определяет, что лаборатория обязана документировать свои процедуры в объеме, необходимом для обеспечения стабильного осуществления своей деятельности и достоверности результатов².

Документация лаборатории – это элемент системы менеджмента качества, за счет которого осуществляется коммуникация как внутри лаборатории, так и за ее пределами.

ГОСТ Р 52960-2008 «Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025» предусматривает, что судебно-экспертная лаборатория должна иметь документированные процедуры, обеспечивающие ведение согласованных записей, относящихся к каждой судебной экспертизе по конкретному уголовному делу³.

Чтобы обеспечить доступность, достоверность, своевременность и надежность результатов работы, документация лаборатории должна быть под жестким контролем.

¹ Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.

² ГОСТ Р ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». URL: <http://standartgost.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

³ ГОСТ Р 52960-2008 «Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025». URL: <http://standartgost.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

Для обеспечения целостности системы менеджмента качества лаборатории документация должна быть строго структурирована, что позволит оперативно реагировать как на внутренние изменения так, и внешние.

Структура документации системы менеджмента качества лаборатории устанавливает статус документов и область их применения.

Вне зависимости от направления деятельности лаборатории документация системы менеджмента качества подразделяется на три уровня иерархии:

1. Стратегический – определяет, что необходимо делать в текущий момент и в перспективе, и распространяется на всю лабораторию.

2. Тактический – устанавливает, как делать конкретную работу, и распространяется на отдельные процессы или системы.

3. Оперативный – подтверждает факт выполнения работы, распространяется на отдельные операции процессов или действия.

К документации 1-го уровня относятся: руководство по качеству, положение о судебно-экспертной лаборатории, область аккредитации; ко 2-му – инструкции и процедуры системы менеджмента качества; к 3-му уровню – разработанные формы документации, бланки, журналы системы менеджмента качества, а также архивная документация. Если документация судебно-экспертной лаборатории структурирована по уровням, то это позволяет четко распределить полномочия по действиям с документами и установить степень ответственности за неисполнение либо недолжное исполнение действий. Также четкое распределение документации по уровням позволяет эффективно функционировать процедуре управления документацией системы менеджмента качества, которая включает в себя: выявление потребности в документации; анализ потребности; разработку, кодирование, согласование, утверждение распространение и использование, пересмотр, дополнение и внесение изменений в документы; изъятие документов, внесение в архив и утилизацию документации.

Н.А. Трушакова

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Специальные почерковедческие знания в правоохранительной деятельности могут использоваться в двух формах: процессуальной и

непроцессуальной. Главенствующим критерием при выборе формы использования таких знаний является четкое представление о ее сущности, которая, в свою очередь, определяется конкретными целями и задачами.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации¹ определяет наиболее полный перечень видов процессуального использования специальных знаний сведущих лиц (в том числе специальных почерковедческих): производство судебной экспертизы (гл. 27); допрос эксперта (ст. 80, 205, 282); участие специалиста в процессуальных (следственных, судебных) действиях (ст. 58, 168, 270); заключение и показания специалиста (ст. 74, 80).

Общая и главная задача эксперта-почерковеда при производстве судебно-почерковедческой экспертизы состоит в исследовании представленных в его распоряжение рукописей (текстов, кратких записей, подписей) в целях установления фактов (фактических обстоятельств), имеющих значение для дела, и даче письменного документа (заключения), предусмотренного процессуальным законодательством. В целях разъяснения или уточнения отдельных положений исследования, уточнения экспертных выводов и т.п., после получения экспертного заключения возможно проведение допроса эксперта.

При участии специалиста-почерковеда в процессуальных (следственных) действиях (особенно на ранних стадиях расследования) первостепенной задачей является получение как можно большей информации о субъекте преступления, его психологических и физиологических особенностях (национальность, регион проживания, регион приобретения письменных навыков, пол, возраст, уровень образования и др.), которые позволяют судить о причастности лица к совершению преступления². Функция специалиста в судебном разбирательстве заключается в оценке вещественных доказательств, т.е. определении их пригодности к процессу доказывания, достоверности (с точки зрения подлинности их происхождения), а также достаточности для разрешения дела. Привлечение специалиста-почерковеда при

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступившими в силу с 15.01.2011) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52.

²Бобовкин М.В., Ручкин В.А. Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 304.

назначении судебно-почерковедческой экспертизы осуществляется в целях определения круга и правильной постановки вопросов перед экспертом, а также для отбора объектов (рукописей) и сравнительных материалов, подлежащих направлению на экспертизу.

С внесением изменений в Уголовно-процессуальный закон РФ, новым видом использования специальных знаний сведущих лиц (в том числе специальных почерковедческих) в процессуальной форме стала справочно-консультационная деятельность специалиста: заключение специалиста (п. 3 ст. 80) и показания специалиста (п. 4 ст. 80).

Полагаем, в условиях действия современных норм, определяющих состязательный характер судопроизводства, использование специальных почерковедческих знаний на всех стадиях расследования и раскрытия преступлений имеет немаловажное значение, способное положительно влиять на принятие субъектами правоприменения правильных решений, что, в свою очередь, сказывается на эффективности правоохранительной деятельности в целом.

И.Н. Усков

О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Как показывает изучение правоприменительной практики и криминалистической литературы, получение доказательственной информации в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел посредством производства различных видов экспертиз остается весьма актуальным. Невзирая на то, что правовое регулирование порядка назначения и производства вышеназванного следственного действия осуществляется нормами УПК РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ (далее – ФЗ «О ГСД»), вступившими в действие в 2001 г., до сих пор существуют отдельные противоречия в этом сегменте правовой регламентации.

Так, например, в ч. 2 ст. 199 УПК РФ в действующей редакции записано: «Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретно-

му эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 настоящего Кодекса»¹. Наряду с этим ст. 14 ФЗ «О ГСД» (с изменениями и дополнениями) определяет: «Руководитель обязан: по получении постановления или определения о назначении судебной экспертизы поручить ее производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы; разъяснить эксперту или комиссии экспертов их обязанности и права; по поручению органа или лица, назначивших судебную экспертизу, предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, взять у него соответствующую подпись и направить ее вместе с заключением эксперта в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу...»².

Сравнительный анализ указанных норм показывает наличие прямого противоречия двух федеральных законов, регулирующих в данных частях единое правоотношение. Норма УПК РФ указывает на то, что нет необходимости каждый раз разъяснять эксперту государственного учреждения его права и обязанности, а также предупреждать об ответственности. И это, по нашему мнению, абсолютно обосновано, поскольку в рассматриваемых учреждениях право производства экспертиз предоставляется сотрудникам получившим либо первоначальное образование по специальности «Судебная экспертиза», либо дополнительное профессиональное образование по данному направлению подготовки и сдавшим квалификационный экзамен.

В рамках указанной подготовки обязательным является изучение определенных законодательством прав и обязанностей эксперта, а также норм уголовного права, предусматривающих ответственность

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405616/ (дата обращения: 18.01.2022).

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (действующая редакция). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=389171&demo=1> (дата обращения: 18.01.2022).

соответствующего субъекта. Таким образом, нецелесообразно при поручении каждой экспертизы тратить время на то, чтобы «зачитывать права, обязанности и ответственность».

Практика же идет по другому пути. При выполнении каждого экспертного исследования эксперт сам, ссылаясь на ст. 14 ФЗ «О ГСД», составляет текст подписки и подписывает его, таким образом совершая абсолютно формальный «ритуал» и затрачивая на него рабочее время. Кроме того, наличие текста подписки на одном листе с текстом заключения дает формальные поводы стороне защиты говорить о том, что не соблюдается процессуальный порядок производства экспертизы. Полагаем, что данные противоречия должны быть устранены в процессе принятия закона «О судебно-экспертной деятельности» в России, положения которого в данной части должны соответствовать содержанию ч. 2 ст. 199 УПК РФ.

И.С. Фоминых

К ВОПРОСУ О ДИДАКТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ НАГЛЯДНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Дидактические принципы, которые могут быть положены в основу как криминалистических рекомендаций, так и учебного процесса при изучении криминалистики, весьма многообразны. В данной статье остановимся только на одном из них – принципе наглядности.

Возможности использования зрительных образов в процессе изучения криминалистики широко используются, пожалуй, с самого её рождения. Это использование, за редким исключением, охватывает весь спектр классических визуальных форм представления информации – как пиктографических графических моделей (фотография, рисунок, чертёж, схема, собственно пиктограмма), так и идеографических моделей (формула, таблица, диаграмма, текст). Практически не используются по вполне объективным причинам номограммы¹. Развитие информационных технологий привело к стремительному распространению в учебном процессе такой относительно новой визуальной

¹ Графическое представление функции от нескольких переменных, позволяющее с помощью простых геометрических операций (например, прикладывания линейки) исследовать функциональные зависимости без вычислений.

формы, как инфографика. Эта графическая модель основана на изображениях, сочетающихся с классическими формами, перечисленными выше. Использование инфографики, особенно её так называемого научно-исследовательского направления¹, представляется весьма эффективным с точки зрения криминалистической дидактики. В определённом смысле метод «системы опорных сигналов» отечественного педагога В.Ф. Шаталова, имеющий большие перспективы использования в криминалистике, очень схож с данным направлением². Существует достаточное количество научных исследований, посвящённых основам зрительного восприятия, влиянию на него яркости, цвета и других характеристик изображения³ – они вполне могут быть использованы в криминалистической дидактике.

К глубокому сожалению приходится констатировать, что в настоящее время использование визуальных форм характерно в основном для сопровождения учебного материала и криминалистических рекомендаций исключительно в области криминалистической техники. Учебный материал и рекомендации по тактике производства отдельных следственных действий и методике расследования преступлений в большинстве своём преимущественно представлены в текстовом формате с редкими включениями схем. Одно из редких исключений из этого правила – весьма успешная попытка графического представления криминалистических рекомендаций в кратком справочнике по осмотру места происшествия под редакцией В.Ф. Статкуса⁴.

Наглядность, в первую очередь, направлена на удобство восприятия сложного материала, к такому, без всяких сомнений, относятся криминалистические рекомендации по тактике производства отдельных следственных действий и методике расследования преступлений. Речь идёт о восприятии рекомендации именно как целостной системы, поскольку для осознания её внутренних взаимосвязей порой требуется неоднократное прочтение, что влечёт за собой временные из-

¹ Данное направление берёт своё начало в вековых традициях оформления научных работ и основывается на трудах Эдварда Тафти.

² Шаталов В.Ф. Педагогическая проза. Архангельск : Сев.-Запад. кн. изд-во, 1990. 383 с.

³ См. например: Грегори Р.Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М. : Прогресс, 1970.

⁴ Следы на месте происшествия : справ. следователя / [подгот. А.А. Алексеев и др.] ; под ред. В.Ф. Статкуса. М. : ВНКЦ, 1991.

держки, а порой и неоднозначные выводы, отличные от авторского замысла. Тот факт, что «образы обладают большей, чем слова, ассоциативной силой»¹, заставляет задуматься о более широком их использовании. Авторская графическая модель, сопровождающая криминалистическую рекомендацию, в итоге будет способствовать большей её эффективности.

Н.А. Хакимов

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТАНОВКИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Как известно, в основе места происшествия лежит пространственно-временная структура, где исследование обстановки места происшествия осуществляется через анализ движения (изменения) её элементов. При этом выявляются различия между относительно устойчивым состоянием объектов и относительно устойчивым состоянием объектов изменившихся, а также раскрываются те стадии, через которые эти объекты прошли в процессе изменения.

Событие преступления как материальный процесс, в котором наглядно проявляется динамика действий преступника в пространственно-временной структуре места происшествия, отражается в различных формах и на разных уровнях. Элементы структуры взаимодействуют друг с другом только определенными сторонами, свойствами. Она также имеет сложную систему горизонтальных и вертикальных структур. Горизонтальная структура отражает специфическую взаимосвязь элементов системы, вертикальная – связь элементов с источником своего существования (вещественным, энергетическим, информационным). Обстановка места происшествия также представляет собой целостный, структурно организованный в пространстве и времени материальный объект, имеющий систему сосуществующих объектов, которые обладают присущими им размерами, расстояниями между ними и другими характеристиками элементов.

На наш взгляд, обстановка места происшествия структурно состоит из нескольких взаимосвязанных элементов:

¹ Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М. : Тривола, 1994. С. 274.

- пространственное положение места происшествия во взаимосвязи с граничащими его объектами;
- следы, которые возникли в связи с преступным событием;
- следы, которые возникли естественным путем, вне связи с преступным событием;
- та часть обстановки, которая не подверглась изменениям.

В связи с этим необходимо выделить следующие задачи осмотра места происшествия:

- получить представление об общем виде места происшествия: его расположении, границах и пространственной протяженности, назначении помещения или участка местности;
- установить, какие объекты находятся на месте происшествия и что они собой представляют, выдвинуть предположения о причинах появления или отсутствия на месте происшествия тех или иных объектов;
- зафиксировать положение объектов на месте происшествия и их взаиморасположение, т.е. установить их пространственные отношения друг с другом и выявить отклонения от обычного для данной ситуации характера этих пространственных отношений;
- установить временные связи и отношения объектов.

В связи с этим надо отметить, что пространственное положение места происшествия в зависимости от вида преступления несет значительную информационную нагрузку о произошедшем событии. В тактическом плане данный компонент изучается в процессе обзорной стадии. Основная цель ее состоит в выявлении пространственной структурной связи не только внутри системы, но и вне ее. Естественно, что усилия следователя при этом будут направлены, в первую очередь, на обнаружение следов; во вторую – на выявление их взаимосвязи с другими объектами, следами. При этом последовательно шаг за шагом устанавливаются по возможности все элементы структуры места происшествия в пределах границы, а если возникнет необходимость, то и за его пределами.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ЭКСПЕРТНОЙ СИТУАЦИИ

Понятие «экспертная ситуация» прочно вошло в научный оборот, однако многие ученые, например Ф.Г. Аминев, Е.Б. Мельников, В.А. Снетков, А.Р. Сысенко, ассоциируют его исключительно с производством судебной экспертизы, что на наш взгляд, не совсем верно.

Несмотря на то, что в соответствии с Федеральным законом от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ судебная экспертиза рассматривается как процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом, невозможно представить это действие без процесса подготовки, назначения, а также оценки заинтересованными субъектами заключения эксперта.

От эффективности организации и осуществления подготовительного этапа во многом зависит круг непосредственно решаемых экспертом задач, формулировка вопросов перед экспертом, выбор экспертного учреждения и т.д. Так, невозможность изъятия образцов для сравнительного исследования исключает постановку перед экспертом вопросов о том, не оставлены ли следы кем-либо из проверяемых лиц. Некачественное изъятие образцов, неправильная формулировка либо обозначение неполного или, наоборот, завышенного объема задач, ошибочный выбор экспертного учреждения ведут к возникновению проблемных вопросов, которые влияют не только на процессуальную чистоту следственного действия, но и на результаты экспертизы.

Правомочия соответствующих лиц ставить перед экспертом вопросы, присутствовать при производстве экспертизы и т.п. также, по нашему мнению, связаны с возникновением, а в ряде случаев – и с развитием, благоприятным либо неблагоприятным, экспертной ситуации. Решения о возможности реализации данных правомочий должны приниматься до направления материалов вместе с постановлением (определением) в экспертное учреждение.

Ситуации, связанные непосредственно с оценкой заключения эксперта, нашли прямое отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, например ситуации, когда возникают основания для назначения и производства дополнительной либо повторной экспертиз.

На первый взгляд возникает ощущение того, что оценка заключения эксперта – это прерогатива следователя или иного инициатора исследования. С одной стороны, это так, но с другой – эксперт, оформивший заключение по результатам проведенного им исследования, обязан быть первым, кто должен оценивать, причем критически, свое заключение на предмет наличия любых ошибок, начиная с опечаток и заканчивая ошибками методического характера. Таким же образом к оценке должны подходить и иные должностные лица, прежде всего руководитель экспертного учреждения, а также инициатор исследования. Практика свидетельствует о том, что нередко заключения экспертов подвергаются так называемой независимой оценке со стороны приглашенных специалистов, и на данном этапе тоже возникает значительное число проблемных вопросов, негативно влияющих на весь пройденный процесс расследования и т.д.

Рассматриваемый вопрос имеет значение при определении этапа, на котором возможно, в частности, использовать преимущества искусственного интеллекта, который находит все больше и больше применения в различных областях деятельности. Дискуссии по этому поводу идут довольно-таки жаркие.

Искусственный интеллект позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Поэтому возможности искусственного интеллекта позволяют, на наш взгляд, решать самые разнообразные задачи при подготовке, назначении судебной экспертизы, а также непосредственно при самом экспертном исследовании, делая экспертные ситуации более благоприятными.

Таким образом, несмотря на простоту заявленного вопроса, на самом деле он носит, как нам представляется, не совсем однозначный характер.

А.А. Чайковский

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ РОЗЫСКНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УИС ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПРОС»

Как показывает практика, розыскными подразделениями территориальных органов ФСИН России (далее – розыскные подразделения)

в ходе розыска осужденных, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) или уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, наиболее часто используется оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) «Опрос».

Отметим, что ОРМ «Опрос» проводится оперативным сотрудником розыскного подразделения УИС путем беседы с лицами, которые располагают или могут располагать сведениями о месте нахождения разыскиваемых осужденных, их связях.

Сотрудником розыскного подразделения УИС опрос может проводиться в процессе непосредственной беседы с лицом, а также в ходе опосредованного общения с ним, осуществляемого при помощи различных программных приложений, установленных на технических средствах (мобильных телефонах, персональных компьютерах): социальных сетей, электронной почты, SMS-сообщений, Skype, Viber, WhatsApp и др. Необходимость в проведении опроса указанным способом возникает в связи с соблюдением дистанции из-за распространения COVID-19, а также в том, что опрашиваемые лица могут находиться на большом расстоянии от инициатора проведения ОРМ¹.

С целью фиксации информации, получаемой в ходе опроса, оперативному сотруднику целесообразно использовать техническое средство диктофон или приложение «диктофон» на мобильном телефоне. Последующее прослушивание сохраненных записей позволит оперативному сотруднику установить подробности проведенного опроса, которые он мог забыть или упустить (например, имена людей или их клички, особые приметы, номера автомобилей, домов, квартир и т.п.).

При проведении данного ОРМ опрашиваются:

- сотрудники учреждений УИС, уголовно-исполнительных инспекций, располагающие информацией о разыскиваемых осужденных;
- осужденные, находящиеся в доверительных отношениях с разыскиваемыми лицами или входящие в их окружение;
- близкие родственники лица, с которыми разыскиваемый осужденный поддерживал контакт;
- возможные свидетели, в том числе очевидцы, которые могли видеть разыскиваемое лицо, соседи по месту регистрации (фактического проживания).

¹ Прудникова И.В. Вопросы проведения дистанционного опроса // Евразийский союз ученых. 2020. № 10-8(79). С. 45.

Оперативными сотрудниками розыскных подразделений УИС в процессе розыска осужденных могут применяться такие виды опроса, как гласный, негласный, с зашифровкой цели, с применением полиграфа.

В ходе гласного опроса факт его проведения, а также личность субъекта, в отношении которого проводится опрос, не скрывается от посторонних лиц и содержание беседы не маскируется (например, опрос сотрудников учреждения УИС, которые были очевидцами совершения побега).

При негласном опросе сохраняется втайне от посторонних лиц сам факт проведения беседы и ее содержание (например, когда опрашиваются лица, оказывающие конфиденциальную помощь оперативным подразделениям).

Суть опроса с зашифровкой цели заключается в использовании различных приемов, вводящих опрашиваемого в заблуждение относительно истинных интересов и целей опрашивающего (например, опрос соседей по месту жительства разыскиваемого лица).

Таким образом, оперативным сотрудникам розыскных подразделений УИС в зависимости от цели проведения опроса, личности опрашиваемого лица необходимо использовать различные виды его проведения.

Н.А. Шаталкина

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Увеличение числа мошеннических проявлений в отдельных регионах¹ актуализирует проблему исследования наиболее сложных вопросов методики расследования этих преступлений, в том числе совер-

¹ Сведения о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ, совершенных с использованием служебного положения // Информация предоставлена ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Регистрационный номер 10/7712 от 08.12.2021.

шенных с использованием служебного положения. Одна из них связана с допросом потерпевших от мошенничества, учитывая, что в случае преступного посягательства на имущество юридического лица его представительство осуществляет, согласно ч. 9 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ, руководитель соответствующей организации или его заместитель либо иное уполномоченное руководителем лицо. Допрос представителя потерпевшего при расследовании мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, проходит в бесконфликтной ситуации, если указанный субъект не является лицом, осведомленным об обстоятельствах события преступления¹. В ходе допроса таких лиц не возникает сложностей, проявляющихся в неумышленной даче ими недостоверных показаний и требующих соответствующего тактического воздействия следователя с целью восстановления в памяти допрашиваемого обстоятельств преступления и преодоления его добросовестного заблуждения. Причиной этому является то, что показания такого представителя потерпевшего основываются на служебной документации и в целом касаются организационно-правовых вопросов функционирования соответствующей организации и служебных обязанностей лица, совершившего мошеннические действия.

Между тем в ряде случаев данное следственное действие может производиться и в ситуации конфликта, связанной с дачей представителем потерпевшего заведомо ложных показаний относительно обстоятельств, представляющих интерес для целей расследования. Для ее разрешения следователю необходимо решить тактическую задачу выявления мотивов дачи ложных показаний и выполнить её путем применения соответствующих тактических приемов, чаще всего называемых в криминалистической литературе², в том числе облеченных в тактическую комбинацию. Умышленное искажение определенных сведений в ходе допроса представителя юридического лица чаще всего направлено на сокрытие фактов совершения руководством или иными сотрудниками соответствующей организации противоправных деяний, не связанных с расследуемым мошенничеством, например

¹ Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховой компании : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015. С. 128.

² Бембеева Г.В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 88.

неуплата налогов и иные финансовые махинации. Преодоление установки на дачу ложных показаний в рассматриваемой следственной ситуации будет для следователя непростой тактической задачей, поскольку допрашиваемое лицо либо само замешано в нарушении закона, либо боится потерять работу (службу) в связи с разглашением такой информации. В данной ситуации особое внимание следует уделить тактическому приему внушения, основанному на разъяснении допрашиваемому реальности привлечения к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний¹. Кроме того, необходимо использовать тактические приемы, направленные на изобличение лжи и убеждение лица, представляющего интересы потерпевшего, в бессмысленности занятой им позиции, такие, например, как предъявление доказательств, уточнение и детализация показаний, логический анализ противоречий, постановка контрольных и уточняющих вопросов, повторность допроса².

Е.А. Шкоронат

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Интенсивное развитие технического прогресса, повсеместное внедрение копировально-множительной техники, широкое использование разнообразных гаджетов в повседневной жизнедеятельности требуют соответствующих корректив в экспертной отрасли. Во многих видах экспертиз на смену традиционным объектам пришли электронные, представленные в цифровом виде. Сложившаяся ситуация отразилась на производстве судебной почерковедческой экспертизы. Почерковедческая экспертиза, являясь одной из наиболее востребованных экспертиз при формировании доказательственной базы в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, нуждается в

¹ Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 584.

² Карнаухова О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 157–169.

разработке теоретического и методического обеспечения с учетом новых видов объектов.

В настоящее время на почерковедческое исследование поступают копии документов, содержащие изображение почерковых объектов, а также объекты, выполненные на различных интерактивных поверхностях (стилусом на планшете, смартфоне и т.п.). Анализ судебной практики свидетельствует о том, что по таким видам объектов назначаются и проводятся почерковедческие экспертизы, которые приобретают статус доказательств. Однако их исследование проводится с применением идентификационных и диагностических методик, разработанных для традиционных видов почерковых объектов.

В этой связи ученые и эксперты-почерковеды направили свои усилия на разработку методических рекомендаций и совершенствование основ судебного почерковедения. В последнее время издан ряд методических материалов, направленных на решение указанных вопросов.

Так, сотрудниками Экспертно-криминалистического центра МВД России подготовлено информационное письмо «Особенности назначения почерковедческих экспертиз по копиям документов, содержащим изображения почерковых объектов»¹. Такая экспертиза требует комплексного подхода: помимо знания об особенностях реализации письменно-двигательного навыка, необходимо умение определять технические условия получения изображения. Исходя из этого, авторы придерживаются позиции о возможности исследования изображений почерковых объектов, но с определенными ограничениями при формулировании выводов.

Вывод эксперта, сформулированный в условной форме по данному виду объектов, обусловлен невозможностью исключить факт применения технических приемов и средств при выполнении оригинала исследуемого объекта. Однако возможности использования данной формы выводов в качестве допустимого доказательства у некоторых ученых вызывают вопросы. Высказываются мнения о том, что условная форма выводов равнозначна выводу НПВ (ответить на вопрос по существу не представляется возможным). В настоящее время обсуждение этого вопроса в экспертном сообществе вызывает активные

¹ Особенности назначения почерковедческих экспертиз по копиям документов, содержащих изображения почерковых объектов. Информационное письмо. М. : ЭКЦ МВД России, 2021.

дискуссии, отстаиваются различные точки зрения, высказываются разные мнения о возможности формулирования вывода в другой форме.

Таким образом, можно резюмировать, что сегодня в области судебной почерковедческой экспертизы достигнуты определенные успехи, однако активное внедрение цифровых технологий в современную действительность определяет ряд серьезных задач, которые требуют скорейшего решения.

А.А. Шмидт

ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, является одной из задач оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, необходимость установления местонахождения лица, уклоняющегося от уголовного преследования, вполне обоснована, поскольку уклонение подозреваемого, обвиняемого или подсудимого исключает реализацию такого принципа уголовного права, как неотвратимость наказания (ответственности).

Неотвратимость уголовной ответственности следует отнести к наиболее действенным способам предупреждения преступлений. Эта позиция была удачно сформулирована в XVIII в. итальянским просветителем Ч. Беккариа: «Одно из самых действительных средств, сдерживающих преступление, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности... Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность»².

Изучение материалов показало, что более 90% разыскиваемых подозреваемых и обвиняемых объявлялись в розыск с избранной мерой

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308–309.

пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении либо мера пресечения не избиралась вообще (в случае объявления в розыск лица, скрывшегося от органов дознания). Избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, создает предпосылки к тому, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности, предпринимают меры по уклонению от нее. По данным ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, с учетом остатка прошлых лет за 6 месяцев 2021 г. по постановлениям следователей ОВД разыскивалось 135 лиц (прирост составил +9,7%). В 2021 г. 10 скрывшихся лиц, местонахождение которых было установлено в 2020–2021 гг., объявлены в розыск повторно, в том числе два лица объявлялись в розыск трижды.

Если ситуация по линии розыска лиц, скрывшихся от органов следствия, в основном стабильная, то по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, такого отметить нельзя. Только за первое полугодие 2021 г. рост количества объявленных в розыск органами дознания составил 41,8% (с 55 до 78), с учетом остатка прошлых лет их число увеличилось на 36,9% (с 73 до 100). Повторно в розыск в текущем году было объявлено 22 человека.

Причинами сложившейся ситуации является то, что дознаватель не всегда имеет возможность избрать меру пресечения в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а также возбудить перед судом ходатайство об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, в случае его отсутствия. Во-первых, в соответствии с ч. 5 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ избрание данной меры пресечения возможно только в отношении обвиняемого. Во-вторых, данный процессуальный статус лицо приобретает только после составления обвинительного акта, который выносится по окончании дознания. Окончить дознание в данной ситуации не представляется возможным ввиду неизвестности местонахождения лица, подлежащего привлечению к ответственности. Таким образом, по лицам, объявленным в розыск органом дознания, рассмотрение вопроса об изменении меры пресечения в отсутствие обвиняемого не представляется возможным.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экологические общественные отношения сегодня распространяются повсеместно. Не стали в этом смысле каким-то исключением и сферы лингвистики. Как в отношении воздуха, воды, так и в отношении лингвистики, сейчас можно с уверенностью говорить о предельно допустимых значениях загрязнений. Соответственно, востребованной становится лингвоэкология¹. В силу этого, открывается значительное пространство для активного использования потенциала лингвоэкологии в процессе судебно-экспертной деятельности.

Широкое многообразие проявлений языковых конструкций, используемых в жизни носителями живого русского языка, включает в себя, зачастую, и обценную лексику. Многочисленные, причем довольно причудливые ее проявления, порой, можно встретить не только в печатных изданиях прошлых лет, но и в современной российской художественной литературе. Например, в весьма известном постмодернистском романе В.Г. Сорокина «Голубое сало»². Это издание сегодня свободно доступно в фондах и Российской государственной библиотеки, и в библиотеках провинциальных университетов, например, в Зональной научной библиотеке им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета.

Интерес способно вызвать информационное письмо руководства одной из региональных прокуратур с информацией о недопустимости

¹ Шошин С.В. Научная модель лингвоэкологии: современное состояние теории и перспективы развития: аспекты формирования национального российского сегмента и международного сотрудничества // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов : сб. науч. ст. / под ред. Н.Т. Разгельдеева [и др.]. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 248–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45831758> (дата обращения: 27.02.2022).

² Сорокин В. Голубое сало: роман. М. : Ad Marginem, 1999. 512 с.

использования в процессуальных документах ненормативной лексики.¹ Содержание текста заключения судебного эксперта, порой, дословно, оказывается отражено в структуре обвинительного акта (обвинительного заключения), а затем и приговора суда (иного судебного акта), фактически, требование о запрете использования обценных лексических конструкций распространяется, тем самым, и на заключения судебных экспертов. Подобная ситуация, в частности, предполагает потребность в ее осознании. Мы сегодня лишь ограничимся постановкой соответствующей научной проблемы.

Статья 3 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»², по сути, является бланкетной. В тексте указанного закона не сказано о прямом запрете обценной лексики. Здесь возникает весьма актуальный вопрос о возможности применения актов нормативно-правового характера (например, как процитированный нами выше), не являющихся официально опубликованными. И, соответственно, не доступными иным сторонам, участвующим в уголовном процессе, чем обвинение. Часть 3 ст. 15 Конституции РФ дает однозначно отрицательный ответ на вопрос о применении неопубликованных нормативных правовых актов. Иной вопрос, обоснованно ли отнесение процитированного нами документа к числу нормативно-правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина?

¹ Информационное письмо «О недопустимости использования в процессуальных документах ненормативной лексики» № 12-4-2022 от 01.02.2022 г. (Официально не опубликовано). URL: https://drive.google.com/file/d/10pZPNwGI4xeaPM_ajmSuOO1N7rFnqf8L/view?usp=sharing (дата обращения: 27.02.2022); URL: <https://drive.google.com/file/d/1rtfiOrYcXDNbK9OR-5dhUCw-w6Crhptf/view?usp=sharing> (дата обращения: 27.02.2022).

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Система Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12123142/paragraph/29:0> (дата обращения: 27.02.2022).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. За прошедшие десятилетия криминалистическая характеристика преступления стала признанной научно-познавательной, методологически значимой теорией, предназначенной быть отправной при разработке рекомендаций по расследованию противоправных деяний. Всякий раз требуется, чтобы мы честно, обстоятельно изучали и всесторонне анализировали следственную практику, а полученные эмпирические данные были объективны, отражали действительность, показывали взаимообусловленные связи. Это обусловлено тем, что типичные свойства могут быть выявлены только в том случае, когда количество выбранных для анализа единиц изучения достаточно велико и подпадает под действие закона больших чисел. Лишь при этом условии зафиксированные в наблюдаемых единицах свойства и закономерности могут считаться распространенными во всем классе изучаемых явлений. У отдельно взятого преступления может не быть определенного приема подготовки, но он обязательно появится, когда все подобные преступления берутся в массе. Специалисты называют их аддитивными – соответствующими целому явлению (объекту) (определенному массиву преступлений). То, что характеризует статистическую совокупность, отсутствует у отдельного противоправного деяния. Массовость при характеристике преступлений означает, что ее аддитивные свойства проявляются лишь тогда, когда изучением охватывается достаточно большое число случаев, независимо от того, идет ли речь о всех видах преступлений или об их выборочной совокупности. Если закон больших чисел не действует вследствие ограничения числа охваченных изучением единиц, то нет и не может быть речи о преступлениях, отличающихся от простой суммы входящих в них преступных деяний. Значение имеет и иррегулярность совершения преступлений независимо друг от друга. Исходя из этого, в расчет не следует брать эпизоды конкретного преступления. Каждый преступный акт должен браться в расчет как случайный по отношению к другому противоправному деянию, независимый от предыдущего.

И, конечно, делая определенный вывод, следует ориентироваться на устойчивость, повторяемость, проявление закономерностей.

2. В тех случаях, когда исследователь использовал эмпирические и теоретические законы, вскрывающие отношения, существующие между двумя составляющими криминалистическую характеристику данными, где одни порождают другие, устанавливались более глубокие функциональные отношения – корреляции. Их знание позволяет категорически утверждать или обоснованно предполагать существование и характер одного из них при наличии другого, «проливающего» свет на механизм противоправного деяния, поведение субъекта. Заметим, что речь идет о взаимообусловленных связях, а не о простом, количественном переборе данных с помощью постижения механизма взаимодействия.

3. При таком подходе криминалистическая характеристика приобретает свойства информационной модели, представляющей описание свойств и существенных признаков преступления, отобразившихся в реальной действительности. В основе ее разработки будут результаты изучения и обобщения эмпирического материала – архивных уголовных дел, законченных уголовно-процессуальным производством. Только в таком случае можно говорить о том, что она методологически и практически значима. Чтобы выполнять эту роль, криминалистическая характеристика должна включать имеющие закономерную связь блоки информации, которые образуют целостную систему и позволяют в процессе ее сопоставления с реальным (расследуемым) событием выявлять в нем не только общие, но и индивидуальные особенности.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Иван Александрович – старший оперуполномоченный по особо важным делам главного оперативного управления ФСИН России, соискатель ФКУ НИИ ФСИН России.

Абрамова Любовь Леонидовна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, полковник полиции.

Агабекян Алла Липаритовна – ассистент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Агарков Алексей Вячеславович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Акчурин Александр Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Александров Андрей Станиславович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

Аминев Фарит Гизарович – профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России, академик РАЕН, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор.

Андрienко Юрий Александрович – заместитель начальника отдела следственной части главного следственного управления Главного управления МВД России по Алтайскому краю, майор юстиции.

Антонов Антон Геннадьевич – профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Антонова Елена Юрьевна – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор.

Артунян Анна Аветиковна – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

- Ахмедшин Рамиль Линарович** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Балаганская Анастасия Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского ИПКР ФСИН России, капитан внутренней службы.
- Баранов Александр Михайлович** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Барбашина Эвелина Владимировна** – заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, доктор философских наук, профессор.
- Батраков Алексей Владимирович** – старший преподаватель кафедры публичного права Сибирского государственного университета путей сообщения.
- Бизина Маргарита Юрьевна** – аспирант факультета исторических и политических наук, Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Бобовкин Станислав Михайлович** – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Юрий Леонидович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Бондаренко Антон Алексеевич** – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.
- Борисова Екатерина Игоревна** – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета.
- Ботвин Илья Викторович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Боярская Александра Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук.
- Бухарина Надежда Порфирьевна** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета.

- Быкова Елена Георгиевна** – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Васеловская Александра Викторовна** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Васильев Игорь Валерьевич** – доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент.
- Вдовцев Павел Викторович** – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.
- Ведренцева Светлана Васильевна** – аспирант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Вельтмандер Алексей Тимурович** – председатель Зырянского районного суда Томской области, кандидат юридических наук.
- Витовская Евгения Сергеевна** – преподаватель кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России.
- Воронин Олег Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Воронин Сергей Эдуардович** – профессор Хабаровского пограничного института ФСБ России, доктор юридических наук, профессор.
- Гаас Нина Николаевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.
- Гаврилов Денис Иванович** – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Кузбасского института ФСИН России.
- Галкин Денис Викторович** – заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Галушин Павел Викторович** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

- Гасанов Исмаил Тавакгилович** – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, адвокат Адвокатской палаты Пермского края.
- Герцен Полина Олеговна** – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Глазунов Борис Борисович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Головастик Геннадий Юрьевич** – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Головко Сергей Александрович** – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Горелкин Алексей Геннадьевич** – доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Новосибирского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент.
- Горшкова Вера Сергеевна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Гостькова Динара Жолаушобаевна** – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), кандидат юридических наук.
- Давыдов Сергей Иванович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Давыдова Ольга Сергеевна** – инспектор-дежурный бюро регистрации несчастных случаев Главного управления МВД России по Алтайскому краю.
- Дворкин Владимир Альбертович** – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Демидова Татьяна Владимировна** – заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

- Денисенко Юрий Владимирович** – начальник отдела Главного управления по противодействию экстремизму МВД России.
- Дерিশев Юрий Владимирович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Диденко Ольга Александровна** – заместитель начальника кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.
- Дизер Ольга Александровна** – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, капитан полиции.
- Дмитриева Людмила Валентиновна** – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, майор полиции.
- Долгушина Любовь Викторовна** – заведующая кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат химических наук, доцент.
- Долматов Александр Олегович** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Драпезо Роман Григорьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.
- Дроздов Игорь Сергеевич** – заместитель прокурора Шегарского района Томской области, кандидат юридических наук.
- Дудина Надежда Афанасьевна** – доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Дудко Нина Алексеевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Ерахмилевич Владислав Валерьевич** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета.
- Ермакова Ольга Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

- Ефименко Александр Александрович** – доцент кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, капитан внутренней службы.
- Жамиева Роза Муслимовна** – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, профессор юридического факультета Карагандинского государственного университета имени Е.А. Букетова, кандидат юридических наук, доцент.
- Житков Алексей Анатольевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Заборовская Юлия Михайловна** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России.
- Зайцева Елена Александровна** – профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
- Закусило Александр Михайлович** – аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета.
- Земсков Игорь Николаевич** – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН.
- Зуйкова Надежда Александровна** – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Илюхин Сергей Евгеньевич** – старший преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России.
- Исаков Владислав Сергеевич** – аспирант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Ишигеев Владимир Степанович** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный профессор БГУ.

- Казачек Елена Юрьевна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.
- Калугин Алексей Геннадьевич** – кандидат юридических наук, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России.
- Калюжный Александр Николаевич** – сотрудник Академии ФСО России, кандидат юридических наук, доцент.
- Капустин Кирилл Вячеславович** – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
- Каракулов Тимофей Геннадьевич** – председатель Чаинского районного суда Томской области.
- Каркошко Юрий Сергеевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.
- Карлов Андрей Леонидович** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России.
- Карпышева Юлия Олеговна** – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Качан Антон Валентинович** – эксперт 2-го отдела ЭКЦ УВД по ЮАО Главного управления МВД России по г. Москве.
- Качан Валентин Николаевич** – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Килина Ирина Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук.
- Киселев Александр Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского ИПКР ФСИН России.
- Киселев Михаил Валентинович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент,
- Климачков Александр Вячеславович** – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.

- Климова Яна Александровна** – доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Книс Дмитрий Александрович** – начальник кабинета специальных дисциплин, адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Ковалев Николай Сергеевич** – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Кузбасского института ФСИН.
- Коглин Аким Вячеславович** – преподаватель кафедры огневой подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, старший лейтенант полиции.
- Коглина Виктория Александровна** – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, старший лейтенант полиции.
- Кокорев Евгений Викторович** – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.
- Кондратьев Максим Валерьевич** – адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, заместитель начальника Управления уголовного розыска Главного управления МВД России по Кемеровской области.
- Коновалова Екатерина Евгеньевна** – аспирантка кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Константинова Виктория Александровна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Корнеев Сергей Александрович** – преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Коробкова Елена Евгеньевна** – старший преподаватель Омской академии МВД России.
- Костенко Дмитрий Сергеевич** – аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета.

- Крутовский Игорь Викторович** – старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Кузбасского института ФСИН России, майор внутренней службы.
- Кузнецов Александр Александрович** – профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Кузнецов Глеб Степанович** – следователь по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу.
- Кузнецов Михаил Юрьевич** – адвокат Коллегии адвокатов г. Новокузнецка Кемеровской области № 42/48.
- Кукарцев Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Куклин Денис Сергеевич** – соискатель кафедры уголовного права юридического института Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Куликов Егор Алексеевич** – и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Куряхова Татьяна Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Кутаков Николай Николаевич** – докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Лелик Наталия Борисовна** – начальник кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Леонтьев Сергей Евгеньевич** – преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, майор внутренней службы.
- Лифанова Лилия Геннадьевна** – профессор кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического ин-

ститута Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Лукьянова Алина Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.

Мазур Екатерина Сергеевна – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор.

Макеев Николай Николаевич – заведующий кафедрой судебной, административной и прокурорской деятельности Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Малетина Мария Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.

Масалитина Ирина Владимировна – исполняющий обязанности председателя Заводского районного суда г. Кемерово, кандидат юридических наук, доцент.

Машинникова Наталья Олеговна – ассистент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

Мезинов Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мерлаков Данил Сергеевич – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Метлин Дмитрий Геннадьевич – преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета Академии права и управления ФСИН.

Минеев Максим Александрович – адвокат, АБ «Колосов и партнеры», аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Сибирского федерального университета.

Миронова Екатерина Юрьевна – аспирант Института юстиции Байкальского государственного университета.

Митрофанова Алёна Андреевна – доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

- Михайлов Вячеслав Сергеевич** – старший преподаватель кафедры режима и охраны в УИС Самарского юридического института ФСИН России.
- Михеева Светлана Валентиновна** – доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Михеенков Егор Геннадьевич** – доцент кафедры экономики, политологии, социологии и права ФГБОУ ВО Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России, кандидат исторических наук, доцент.
- Молоков Вячеслав Витальевич** – начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Молунова Наталья Игоревна** – адъюнкт кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России.
- Морозов Руслан Олегович** – заместитель начальника отдела нормативно-технического УНД и ПР Главного управления МЧС России по Иркутской области, аспирант Байкальского государственного университета.
- Наумов Александр Андреевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета.
- Непомнящих Лариса Александровна** – аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Иркутской области.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Николаев Игорь Александрович** – соискатель НИИ ФСИН России.
- Николаева Валентина Константиновна** – соискатель НИИ ФСИН России.
- Никкульченкова Елена Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Нуждин Андрей Александрович** – докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Обернихина Олеся Валерьевна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России.

- Обухов Игорь Анатольевич** – старший преподаватель отделения организации учебно-методической работы Учебного центра (филиала) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа, кандидат юридических наук.
- Овсянников Валерий Валерьевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Овсянников Юрий Васильевич** – доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Овчинников Олег Михайлович** – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент.
- Ольховик Николай Владимирович** – заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Остробородов Владислав Владимирович** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.
- Павленко Андрей Анатольевич** – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС Томского ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Пакалина Дина Ивановна** – старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Пантелеев Виктор Александрович** – доцент кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
- Пашутина Олеся Сергеевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук.
- Петухов Евгений Николаевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Писаревская Елена Анатольевна** – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

- Писаревский Илья Игоревич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Плаксина Татьяна Алексеевна** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.
- Полянская Мария Александровна** – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.
- Пономарев Виктор Васильевич** – доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.
- Постоялко Анастасия Алексеевна** – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета.
- Потехин Дмитрий Сергеевич** – преподаватель кафедры организации режима и надзора Владимирского юридического института ФСИН России.
- Пропостин Андрей Александрович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Пустовойт Елизавета Сергеевна** – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России.
- Ревина Ирина Валерьевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Репецкая Анна Леонидовна** – заведующая отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского госуниверситета, доктор юридических наук, профессор.
- Рожкова Анжелика Сергеевна** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.
- Самарин Вадим Игоревич** – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Сафарова Лейла Балоглан кызы** – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета.

- Семеновский Андрей Игоревич** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета.
- Семенюк Руслан Александрович** – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Сенченко Сергей Константинович** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, адвокат Коллегии адвокатов Енисейской Сибири.
- Сенчихин Степан Павлович** – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета.
- Синельников Алексей Сергеевич** – преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, майор внутренней службы.
- Скаков Айдаркан Байдекович** – профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Казахстана имени Ш. Кабылбаева, доктор юридических наук, профессор.
- Скоревич Алёна Сергеевна** – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Соколов Андрей Борисович** – заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Соколова Ольга Александровна** – профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции.
- Солодова Татьяна Анатольевна** – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.
- Сорокин Михаил Владимирович** – начальник кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Сорокина Ольга Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета.

- Стародубцева Мария Александровна** – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета.
- Степанова Дарья Юрьевна** – преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского ИПКР ФСИН России.
- Степашин Виталий Михайлович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, доцент.
- Ступина Светлана Александровна** – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
- Сухарев Сергей Николаевич** – доцент кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Татьянин Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Татьянина Лариса Геннадьевна** – заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Тензина Елена Фанавиевна** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
- Титаренко Андрей Павлович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Тихонов Виктор Васильевич** – начальник кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Ткач Александр Сергеевич** – аспирант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

- Ткаченко Павел Анатольевич** – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Токарева Елена Валерьевна** – заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.
- Томилин Сергей Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятия юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Томчик Сергей Владимирович** – главный эксперт экспертно-криминалистического центра МВД России.
- Трифонова Кристина Алексеевна** – доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Тростина Александра Евгеньевна** – магистрант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Трушакова Наталия Алексеевна** – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Уваров Олег Николаевич** – профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Урусов Александр Алексеевич** – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Усеев Ренат Зинурович** – доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Усков Игорь Николаевич** – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.
- Уткин Александр Александрович** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского ИПКР ФСИН России.

- Уткин Владимир Александрович** – заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Федоров Александр Федорович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Филиппова Ольга Валерьевна** – заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.
- Филиппев Роман Анатольевич** – старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Кузбасского института ФСИН России.
- Фоминых Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Хакимов Наиль Абдулхаевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета.
- Хмыз Алексей Иванович** – начальник кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции.
- Храмов Александр Александрович** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского институт ФСИН России.
- Хуснутдинов Рашид Марсович** – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
- Чайковский Алексей Александрович** – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Чеботарева Ирина Николаевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Чекулаев Дмитрий Петрович** – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

- Черненко Тамара Геннадьевна** – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Чубраков Сергей Валериевич** – доцент кафедры уголовного-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Чумаков Этвальд Вячеславович** – преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского ИПКР ФСИН России, майор внутренней службы.
- Шаганова Ольга Михайловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шайкова Марина Витальевна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета.
- Шаталкина Наталья Андреевна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Шевченко Константин Владимирович** – старший преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Шепель Наталья Вячеславовна** – доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
- Шерстяных Александра Сергеевна** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Шеслер Александр Викторович** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Шеслер Виктор Александрович** – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шеслер Софья Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.
- Шкоропат Елена Антоновна** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминологии Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент.

- Шмарев Артём Иванович** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса.
- Шмидт Александр Альбертович** – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шошин Сергей Владимирович** – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент, магистр юриспруденции.
- Шумарин Дмитрий Васильевич** – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, Ивановский филиал.
- Шурухнов Николай Григорьевич** – ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.
- Щетнев Леонид Евгеньевич** – начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятия юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы.
- Яковлев Андрей Алексеевич** – старший преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
- Якубова Сельхе Махачевна** – доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Ясельская Вероника Владимировна** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Яшков Сергей Александрович** – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Антонов А.Г. Возможно ли освобождение от уголовной ответственности по общим основаниям лица, совершившего тяжкое преступление, при изменении категории преступления на менее тяжкую?	3
Антонова Е.Ю. Обеспечение безопасности дорожного движения уголовно-правовыми мерами	5
Борисова Е.И. Вопросы идентификации лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)	7
Ботвин И.В. Реформирование УК РФ: необходимость или тренд?	9
Быкова Е.Г. Некоторые проблемы правовой оценки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности	11
Васеловская А.В. Уголовная ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях	13
Вельтмандер А.Т. Наличие малолетних детей у виновного как обстоятельство, смягчающее наказание: проблемы теории и практики правоприменения	14
Витовская Е.С. Некоторые вопросы, возникающие при применении условного осуждения за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	16
Гостькова Д.Ж. Хулиганство: правоприменительная практика при изменении буквы закона	18
Дизер О.А. Провокации преступления в борьбе с преступностью несовместима с задачами, возложенными на правоохранительные органы ..	20
Долматов А.О. Обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания, подлежащие учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетнему	22
Ерахмилевич В.В. Проблемы квалификации ст. 117 УК РФ	24
Ермакова О.В. Недостатки бланкетного способа описания признаков конкретного состава преступления	25
Житков А.А. К проблеме квалификации деяний, связанных с оскорблением сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершаемых в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества	27

Исаков В.С. Место принудительных работ в системе уголовных наказаний	29
Ковалев Н.С. Система принципов уголовного права России: доктринальный подход	31
Корнеев С.А. Необходимость уголовно-правовой регламентации конфискации имущества	32
Кузнецов Г.С. К вопросу о совершенствовании практики применения ст. 238 УК РФ	34
Куликов Е.А. Часть 6 ст. 15 УК РФ как один из элементов системосохраняющего механизма уголовного права и инструментов преодоления дефектов уголовного закона	36
Кугаков Н.Н. Угроза заражения ВИЧ-инфекцией, совершенная осужденным в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей: вопросы квалификации	38
Лозинский И.В. К проблеме дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	39
Малетина М.А. Использование информационно-телекоммуникационных технологий как способ совершения преступлений против личности	41
Наумов А.А. Некоторые вопросы квалификации нарушения правил безопасности при ведении работ	43
Никитина И.А. Совершенствование правовой регламентации преступлений в сфере экономической деятельности	45
Ольховик Н.В. Уголовно-правовая характеристика осужденных, которым суд заменил лишение свободы на принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ	47
Плаксина Т.А. Наказание за преступления против половой неприкосновенности малолетних	48
Постоялко А.А. К вопросу о доведении до самоубийства в местах лишения свободы	50
Пропостин А.А. Проблемы квалификации услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ)	52
Стародубцева М.А. Некоторые аспекты международно-правового регулирования кибертерроризма	53

Степашин В.М. Освобождение от уголовной ответственности в исключительных обстоятельствах	55
Ступина С.А. К вопросу об уголовной ответственности за незаконное распространение информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего	57
Сухарев С.Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности осужденных, совершивших деяния, предусмотренные ст. 319 УК РФ	58
Черненко Т.Г. Некоторые вопросы исчисления сроков погашения судимости	60
Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Некоторые вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя	62
Шаганова О.М. Совершение преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица как обстоятельство, отягчающее наказание	64
Шеслер А.В. Уголовно-правовое значение общественной опасности лиц, совершивших преступления	65
Шеслер В.А. Вопросы квалификации хищений из вещей, находившихся при потерпевшем, сопряженных с похищением паспорта	68
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Теоретические подходы к определению объекта преступления	70
Щетнев Л.Е., Шумарин Д.В. К вопросу освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	73
Яшков С.А. К вопросу о квалификации невыплаты заработной платы: отдельный аспект	75

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Агабекян А.Л. Роль семьи при исполнении (отбывании) наказаний, не связанных с изоляцией от общества	77
Александров А.С. Участие общественных формирований в уголовно-исполнительных правоотношениях	79
Балаганская А.Е. Профилактика профессионального выгорания личности сотрудника УИС	81
Бизина М.Ю. О пользе криминальных аналитиков в системе профилактики правонарушений	82
Дроздов И.С. Проблемы взаимодействия УИИ и ОВД в профилактике рецидива среди освобожденных условно-досрочно	84

Ефименко А.А. Использование в пенитенциарных учреждениях системы контроля и управления доступом по биометрическим параметрам	86
Ефименко А.А., Шевченко К.В. Проблемы обеспечения режимных требований на прилегающих территориях учреждений ФСИН России	88
Заборовская Ю.М. Проблемы дифференциации исполнения наказания в отношении лиц пожилого возраста, отбывающих лишение свободы	89
Илюхин С.Е. Оперативная обстановка в исправительном учреждении	91
Ишигеев В.С. К вопросу о предупреждении преступлений и правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы	92
Каракулов Т.Г. Обстоятельства, учитываемые при назначении наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	94
Киселев М.В. Пробационная служба: варианты ее развития	95
Крутовский И.В. Актуальные социально-психологические аспекты деятельности УИС	97
Куклин Д.С. Некоторые аспекты предупреждения мошенничества в сфере трудовых отношений	98
Лелик Н.Б. Совершенствование правового положения женщин, содержащихся в учреждениях УИС	99
Леонтьев С.Е. О некоторых проблемах профессиональной подготовки сотрудников УИС	101
Метлин Д.Г. Поддержание социально полезных связей осужденных, отбывающих лишение свободы, посредством цифровизации уголовно-исполнительной системы	103
Михеева С.В. Некоторые проблемы надзора за осужденными, стоящими на профилактическом учете в исправительных колониях	104
Михеенков Е.Г. Кадровая политика ГУМЗ НКВД РСФСР в эпоху новой экономической политики: историко-правовой аспект	106
Никульченкова Е.В. Социально-психологические аспекты несовершеннолетней преступности	107
Обернихина О.В. Порядок исполнения и отбывания условного осуждения: проблемы и перспективы развития	109
Павленко А.А. Механизм предупреждения пыток и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными к лишению свободы	111

Пантелеев В.А. Особенности конвоирования осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в условиях пандемии COVID-19	113
Писаревская Е.А. Роль общественности в предупреждении преступности	114
Пустовойт Е.С. Международные организации как субъект профилактики преступности	116
Репецкая А.Л. Российский криминальный рынок услуг в условиях пандемии	118
Сафарова Л.Б. Проблемы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	120
Семенюк Р.А. Анализ статистических данных о лицах, совершивших преступления в состоянии опьянения, в регионах Сибирского федерального округа	121
Скаков А.Б. О развитии уголовно-исполнительного законодательства, совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы и социальной защищенности персонала исправительных учреждений и служб	123
Сорокин М.В., Сорокина О.Е. Проблемы обеспечения безопасности в судебно-психиатрических экспертных медицинских организациях силами ФСИН России	125
Стародубцева М.А. Некоторые аспекты понимания кибертерроризма как формы социальной инженерии	127
Тепляшин П.В. Перспективы реализации Концепции развития уголовно исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. в свете политики «враждебной пенологии» («enemy penology»)	128
Титаренко А.П. Особенности воспитательной работы с осужденными за совершение преступлений террористической направленности	130
Ткач А.С. Влияние сроков на уголовно-исполнительные правоотношения	132
Томилин С.М. К вопросу об ограничении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений осужденных и лиц содержащихся под стражей в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы	134
Томилин С.М. Правовые ограничения блокировки средств сотовой связи в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы	136

Уваров О.Н. Об организации службы пробации в России	139
Урусов А.А. Совершенствование мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы	140
Усеев Р.З. Субъекты и группы уголовно-исполнительных правоприменительных действий в исправительных учреждениях	142
Уткин А.А. Учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации как государственные органы	144
Уткин В.А. Рациональность пенитенциарной ответственности	145
Федоров А.Ф. Криминологическая характеристика повторной преступности несовершеннолетних в Алтайском крае	148
Филиппова О.В. Характеристика личности современного преступника-рецидивиста	149
Филипьев Р.А. Применение технических средств контроля и надзора в деятельности УИС	151
Храмов А.А. К проблеме понимания институтов уголовно-исполнительного права	152
Чубраков С.В. Реализации права в уголовно-исполнительной сфере: общая системная характеристика (модельный вариант)	153
Чумаков Э.В. О подготовке осужденных к освобождению из пенитенциарных учреждений	156
Шайкова М.В. Стратегии преодоления и профилактики школьного буллинга	157
Шерстяных А.С. Противодействие распространению противоправного контента в сети Интернет	159
Яковлев А.А. Уголовно-исполнительные средства профилактики распространения социально значимых заболеваний	161

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Абрамова Л.Л. Категория «данные» как элемент фактических оснований для начала предварительного расследования	163
Андрюченко Ю.А. К вопросу о совершенствовании научно-технического обеспечения предварительного расследования	167

Арутюнян А.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы как ответ на вызовы современности	169
Баранов А.М. Судебной реформе 30 лет! Время для новой?	170
Бондаренко А.А. Дополнение обвинения как способ формирования сложносоставного уголовного дела	173
Боярская А.В. Проблема переходных конструкций в упрощенных производствах	175
Бухарина Н.П. К вопросу об ошибках в уголовном судопроизводстве по российскому законодательству дореформенного периода	176
Воронин О.В. О современном содержании правозащитной деятельности прокуратуры	179
Гаас Н.Н. Значение места производства предварительного расследования в системе уголовного досудебного производства	183
Гаврилов Д.И. К вопросу о процессуальном статусе сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН РОССИИ	185
Галкин Д.В. Роль гражданского волонтерского (добровольческого) движения в осуществлении правоохранительной функции государства	186
Гасанов И.Т. Дискуссионные вопросы ограничения права обжалования судебных актов по уголовным делам в кассационном порядке	188
Герцен П.О. Процессуальные особенности доказывания при проверке промежуточных решений в суде апелляционной инстанции	190
Деришев Ю.В. В продолжение дискуссии о соотношении процессуального и непроцессуального в современном отечественном уголовном судопроизводстве	192
Дудина Н.А. Электронное уголовное дело как элемент цифровизации уголовного процесса	193
Дудко Н.А., Жамиева Р.М. Ходатайство обвиняемого о суде присяжных по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан	196
Зайцева Е.А., Тихонов В.В. Видеоконференц-связь в уголовном досудебном производстве сквозь призму Федерального закона от 30.12.2021 № 501-ФЗ	198
Казачек Е.Ю. Вопросы реализации конституционного права хранить молчание и не свидетельствовать против себя и своих близких родственников в российском уголовно-процессуальном законодательстве	199

Калугин А.Г. Электронно-цифровая информация как самостоятельный вид доказательств в уголовном процессе	201
Каркошко Ю.С., Вдовцев П.В. О проблеме получения сведений, составляющих врачебную тайну	206
Карлов А.Л. Содействие расследованию, содействие расследованию, сотрудничество сторон в уголовном процессе России: вопросы соотношения	208
Карпышева Ю.О. К вопросу о надзорном сопровождении исполнения законов как элементе предмета надзора	210
Килина И.В. Прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа – итоги пятилетия	212
Климова Я.А. Перспективы применения медиативных процедур в уголовном процессе	214
Коновалова Е.Е. Влияние института видеоконференц-связи на решение вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела	216
Константинова В.А. Судебные решения переходных конструкций в упрощенных производствах	218
Коробкова Е.Е. Функциональное содержание уголовного судопроизводства как элемент его типологической характеристики	221
Костенко Д.С. Сравнение обязанностей и запретов лиц, подвергающихся воздействию уголовного механизма	223
Кузнецов М.Ю. Негативное влияние ограниченных и ограничиваемых возможностей защитника на реализацию принципов уголовного судопроизводства	224
Куряхова Т.В. Регулирующая роль решения суда о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ в отношении последующей деятельности прокурора и органов расследования	226
Лифанова Л.Г. Проблемы реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании	228
Лукьянова А.А. О пределах реализации права на свободу и личную неприкосновенность в уголовно-процессуальных правоотношениях	230
Макеев Н.Н. Необходимость совершенствования лесного законодательства (по материалам прокурорского надзора)	232
Машинникова Н.О. Дискуссионные вопросы интуитивного мышления в уголовном судопроизводстве	234

Мезинов Д.А. О полномочиях прокурора на завершающем этапе досудебного производства при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением	236
Мерлаков Д.С. Субъекты, которым поручено производство предварительного расследования	238
Минеев М.А. Предоставление адвокатом доказательств в уголовном процессе для осуществления защиты обвиняемого	240
Миронова Е.Ю. Применение искусственного интеллекта в уголовном процессе (нравственный аспект)	241
Молунова Н.И. Проблемные аспекты применения физического принуждения при производстве следственных действий	243
Непомнящих Л.А. Порядок кассационного обжалования промежуточных решений в условиях реформированного уголовного судопроизводства	245
Овсянников Ю.В. К вопросу об общих условиях предварительного расследования по УПК Российской Федерации и начала досудебного расследования по УПК Республики Казахстан	247
Петухов Е.Н. Средства-действия должностных лиц и органов государства в механизме обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей	249
Писаревский И.И. Проблема исполнения приговора в отношении гражданина-банкрота	251
Потехин Д.С. Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы в советский период	253
Рожкова А.С. Особенности применения административной преюдиции по преступлению, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ	255
Самарин В.И. Присутствие представителей иностранного государства при оказании международной правовой помощи по уголовным делам	257
Семеновский А.И. Термин «правда» в российском и зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве	261
Сенченко С.К. Позиция и линия защиты по уголовному делу	262
Татьянин Д.В. Дискуссионные вопросы производства следственных действий в жилище	264
Татьянина Л.Г. Последствия постановления оправдательного приговора при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве	266

Тензина Е.Ф. Правовая природа наложения ареста на имущество в уголовном процессе России	269
Трифорова К.А. Правовое положение близких родственников и иных заинтересованных лиц умершего подозреваемого или обвиняемого	271
Хуснутдинов Р.М. Залог ценных бумаг как мера пресечения: проблемы и перспективы применения	272
Чеботарева И.Н., Пашутина О.С., Ревина И.В. К вопросу о гарантиях соблюдения законности при отказе участника уголовного процесса от своего права	274
Чекулаев Д.П. О «прокурорских сроках» для отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя	276
Шепель Н.В. Законность задержания подозреваемого как одно из направлений прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина	278
Шмарев А.И. О дискреционных полномочиях прокурора при проверке законности и обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого	280
Щетнев Л.Е. Вопросы прокурорского надзора за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий	282
Якубова С.М. Дистанционные следственные действия в уголовном процессе России	284
Ясельская В.В. О недопустимости отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого	286

КРИМИНАЛИСТИКА

Абрамов И.А. К вопросу о «двурушничестве» при оказании негласного содействия граждан оперативным аппаратам исправительных учреждений	288
Агарков А.В. Оперативно-розыскное мероприятие «исследование предметов и документов» в выявлении и пресечении деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	290
Акчурин А.В. Система криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений	291
Аминев Ф.Г. О своевременности совершенствования правового регулирования судебно-экспертной деятельности	293

Ахмедшин Р.Л. Перспективы развития криминалистики	295
Барбашина Э.В. Логика и герменевтика в криминалистике	297
Батраков А.В. Элементы методики распознавания ложных отношений причинности в ходе расследования	299
Бобовкин С.М., Диденко О.А. О многообразии объектов судебно-почерковедческого исследования на современном этапе	301
Бойко Ю.Л. О возможности применения нетрадиционных тактических приемов допроса при расследовании преступлений	304
Васильев И.В., Горелкин А.Г. Предмет и пределы интерпретационной деятельности следователя	306
Ведренцева С.В. Обстановка совершения убийства общеопасным способом и её криминалистическое значение	308
Воронин С.Э. Тактическая операция расследования преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов	310
Галушин П.В. Выявление цепочек знакомств в социальных сетях для решения отдельных задач оперативно-розыскной деятельности	312
Глазунов Б.Б. Методология Ганса Гросса	314
Головастик Г.Ю. Особенности исследования реквизитов документов, выполненных струйным способом с применением пигментных чернил	316
Горшкова В.С. К вопросу оформления иллюстративного материала результатов исследования предметов и документов	318
Давыдов С.И. Об использовании содействия граждан в раскрытии киберпреступлений как элементе частных оперативно-розыскных методик	319
Давыдова О.С. Проблемы идентификации без вести пропавших лиц на первоначальном этапе их розыска	321
Дворкин В.А. Современные технологии изготовления верхней одежды и её идентификационные признаки	323
Демидова Т.В., Токарева Е.В., Томчик С.В. Отдельные аспекты производства трасологических экспертиз по фотоизображениям	324
Денисенко Ю.В. К вопросу о методическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	327

Дмитриева Л.В. Использование биометрических параметров человека в некоторых видах судебных экспертиз	328
Долгушина Л.В. Выдвижение криминалистических версий при установлении причины пожара	330
Драпезо Р.Г. Проблемы построения оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия убийств, где огонь используется как орудие (способ) сокрытия преступления	332
Закусило А.М. Актуальные аспекты методики расследования преступлений, совершенных при использовании криптовалюты	334
Земсков И.Н. Проблемы задержания розыскными подразделениями УИС отдельных категорий осужденных	336
Зуйкова Н.А., Головкин С.А. Нажим как характеристика письма	337
Иванов И.В. Об изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий с его участием в условиях конфликтной ситуации	339
Каложный А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений: место и значение в методике расследования	341
Капустин К.В. Оформление результатов оперативно-розыскной деятельности: пробелы, влияющие на их дальнейшее использование в доказывании	343
Качан А.В. Экспертная оценка некоторых основных частей ручного огнестрельного оружия незавершенного изготовления	344
Качан В.Н. Оценка судом заключения эксперта по исследованию холодного оружия	347
Киселев А.М. Роль и место оперативных аппаратов учреждений уголовно-исполнительной системы при осуществлении государственной защиты в отношении лиц, содержащихся в следственных изоляторах или отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы	348
Климачков А.В. Проблемы противодействия незаконному обороту синтетических наркотических средств	350
Книс Д.А. Значимые признаки криминально ориентированного поведения личности как основа современной оперативно-розыскной характеристики ..	352
Князьков А.С. К вопросу о методах расследования преступлений	354
Коглина В.А., Коглин А.В. Актуальные вопросы взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы	356

Кокорев Е.В. Деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет	357
Кондратьев М.В. Правовая основа оперативно-розыскного противодействия незаконному сбыту наркотических средств в современных условиях	359
Кузнецов А.А. Участие адвоката при назначении судебных экспертиз на этапе предварительной проверки сообщений о преступлении	361
Кукарцев В.Н. О законодательном закреплении возможности проведения оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» по фактам безвестного исчезновения граждан	363
Мазур Е.С., Тростина А.Е. Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений	364
Митрофанова А.А. Криминалистическая деятельность: к вопросу о сущности явления и корректности понятия	366
Михайлов В.С. Отдельные аспекты осуществления оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе	368
Молоков В.В. Вопросы технического противодействия распространению противоправной информации в сети Интернет	370
Морозов Р.О. Роль специальных знаний в расследовании уничтожения или повреждения лесных насаждений	371
Николаев И.А. Вопросы реализации результатов ОРД в уголовном судопроизводстве	373
Николаева В.К. Особенности обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России	375
Нуждин А.А. Криминалистические методы предупреждения пенитенциарных преступлений против личности	376
Овсянников В.В. К вопросу о деятельности следователя по установлению лица, причастного к совершению преступления, по признакам его внешнего облика	378
Овчинников О.М. Проблемные вопросы содействия несовершеннолетних осужденных оперативным подразделениям учреждений и органов УИС	380

Остробородов В.В., Обухов И.А. Медико-криминалистическая характеристика повреждений, формирующихся при ударах твердыми тупыми объектами	382
Пакалина Д.И. Оттиски факсимиле как объекты криминалистических экспертиз	383
Полянская М.А. Использование систем видео-конференц-связи при проведении следственных действий в расследовании преступлений, связанных с поджогом лесных и иных насаждений	385
Пономарев В.В. Информационная значимость различий и их основная функция в дактилоскопии	387
Сенчихин С.П. Некоторые вопросы обеспечения конспирации при проведении ОРМ «Наведение справок»	388
Синельников А.С. Некоторые факторы, влияющие на выполнение задач оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе по противодействию терроризму	390
Скоревич А.С. Психолингвистический механизм построения речевого высказывания в тактике коммуникативных следственных действий	392
Соколов А.Б. Криминалистическое мышление в контексте закономерностей поисково-познавательной деятельности следователя	394
Соколова О.А. Некоторые проблемы института негосударственной судебной экспертизы	395
Солодова Т.А. О внесении изменений в документы лиц с изменённой внешностью	397
Степанова Д.Ю. О понятии «взаимодействие» в оперативно-розыскной деятельности	399
Ткаченко П.А. Структура документации системы менеджмента качества судебно-экспертной лаборатории в рамках аккредитации на соответствие требованиям межгосударственного стандарта ГОСТ Р ISO/IEC 17025-2019	401
ТрушакOVA Н.А. Основные задачи процессуального использования специальных почерковедческих знаний	402
Усков И.Н. О проблеме правового регулирования предупреждения эксперта об ответственности в уголовном судопроизводстве	404
Фоминых И.С. К вопросу о дидактическом принципе наглядности в криминалистике	406

Хакимов Н.А. Проблемы исследования обстановки места происшествия ...	408
Хмыз А.И. К вопросу о возникновении и развитии экспертной ситуации ...	410
Чайковский А.А. Особенности проведения розыскными подразделениями УИС оперативно-розыскного мероприятия «Опрос»	411
Шаталкина Н.А. Некоторые тактические особенности производства допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества, совершенного с использованием служебного положения	413
Шкоропат Е.А. Современные объекты почерковедческой экспертизы	415
Шмидт А.А. Проблемы розыска лиц, скрывшихся от органов дознания и следствия	417
Шошин С.В. Перспективы использования лингвоэкологических познаний в судебно-экспертной деятельности	419
Шурухнов Н.Г. Методологические основы формирования криминалистических характеристик преступлений	421
Наши авторы	423

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 92

Сборник статей

Редактор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 23.11.2022 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 5,7. Усл. печ. л. 5,3. Тираж 500 экз. Заказ № 5251.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907572-44-7

9 785907 572447 >